А. С.
ХОМЯКОВ

БИБЛИОТЕКА
ПОЭТА

А. С. ХОМЯКОВ

Советский
писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Редакционная коллегия

В. Н. Орлов (главный редактор)
И. В. Абашидзе, Н. П. Бажан, В. Г. Базанов,
Б. И. Бурсов, Б. Ф. Егоров, В. М. Жирмунский,
К. Ш. Кулиев, Э. Б. Межелайтис, В. О. Перцов,
А. А. Прокофьев, А. А. Сурков, А. Т. Твардовский,
Н. С. Тихонов, М. Т. Турсун-Заде,
И. Г. Ямпольский (зам. главного редактора)

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

А. С. ХОМЯКОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ И ДРАМЫ

*Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Б. Ф. Егорова*

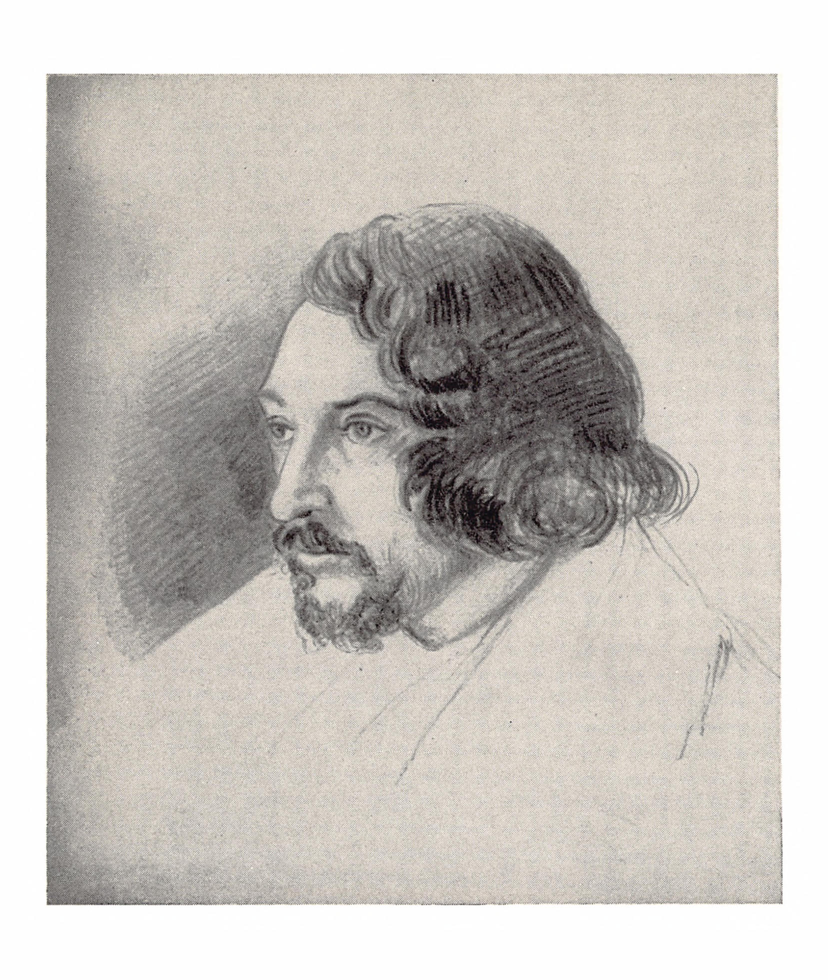
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1969

Р 1
Х 76

В литературном наследии А. С. Хомякова (1804—1860), одного из видных представителей русского славянофильства, значительное место занимают стихотворные произведения.

В сборник вошли, кроме лирических стихотворений, трагедии А. С. Хомякова «Ермак» и «Димитрий Самозванец», а также впервые публикуемая юношеская поэма «Вадим».

7-4-1
341-69



ПОЭЗИЯ А. С. ХОМЯКОВА

Трудно найти сферу, где не приложил бы свои знания А. С. Хомяков. Социолог, теолог и публицист, основатель славянофильской идеологии; философ, создавший оригинальную систему; историк мировой цивилизации, автор многотомных «Заметок о всемирной истории»; экономист, разрабатывавший планы уничтожения крепостничества; практик-помещик, усовершенствовавший сельскохозяйственное производство, винокурение и сахароварение; изобретатель новой паровой машины, получивший патент в Англии; изобретатель дальнобойного ружья; врач-гомеопат и врач, использующий средства народной медицины для успешной борьбы с холерой; хороший художник, портретист и иконописец; полиглот-лингвист; наконец — то, что для нас особенно важно, — известный в свое время поэт и драматург.

Здесь перечислены занятия, которым Хомяков предавался в течение длительных периодов, и даже в течение всей жизни. А если бы к ним добавить временные увлечения: успешные поиски в Тульской губернии полезных ископаемых, проекты улучшения благосостояния жителей Алеутских островов, создание хитроумных артиллерийских снарядов в период Крымской войны и т. д., то можно исписать не одну страницу. Но в памяти потомства Хомяков остался как вождь славянофильства. Поэзию его наши современники знают плохо. Остальные его деяния почти забыты.

Действительно, Хомяков остался в истории русской культуры прежде всего как славянофильский идеолог, а большинство других его занятий носило на себе печать барского дилетантизма. Некоторый оттенок подобного дилетантства заметен и в ранних стихотворениях Хомякова, но в целом значение его поэзии неизмеримо выше хозяйственных, естественно-научных и технических трудов: наследие

поэта отразило этапы развития незаурядной человеческой личности на фоне общего развития русской жизни и литературы, оказав в то же время влияние и на жизнь и на литературу (молодой Хомяков принадлежал к группе поэтов-«любомудров», а впоследствии явился родоначальником славянофильского стихотворчества). Именно этим ценно наследие Хомякова для историков и любителей поэзии.

1

Алексей Степанович Хомяков родился 1(13) мая 1804 года в Москве, в родовитой дворянской семье. Его отец, страстный игрок, проиграл в карты миллион, после чего мать будущего поэта, женщина властная и гордая, отстранила мужа от управления хозяйством и, благодаря своей энергии и уму, восстановила относительное материальное благополучие. Именно мать явилась ранним воспитателем сына, именно она привила ему на всю жизнь глубокую религиозность и чрезвычайно строгие, почти аскетические, нравственные правила.

Во время наполеоновского нашествия сгорел московский дом Хомяковых; семья жила некоторое время в деревне, в начале 1815 года переехала в Петербург. Преподавателем русской словесности у юного Хомякова и его брата Федора был известный писатель А. А. Жандр, друг Грибоедова, внушавший, очевидно, своим ученикам общественные и литературные идеи круга Грибоедова — Катенина (патриотизм, самобытность искусства, народность, следование национальным традициям в идеологии и в быту).

В 1817 году семья возвратилась в Москву. Братья Хомяковы брали частные уроки у профессоров университета, что позволило впоследствии Алексею сдать экзамены за математическое отделение и получить степень кандидата наук.[1] Молодые Хомяковы подружились в Москве с братьями Веневитиновыми, Дмитрием и Алексеем, из которых первый стал одним из видных литераторов двадцатых годов. Алексей Хомяков и Дмитрий Веневитинов соревновались в стихотворстве, в переводах из Вергилия и Горация. В 1819 году пятнадцатилетний Хомяков переводит «Германию» Тацита. Отрывок из перевода был опубликован в «Трудах Общества любителей российской словесности при Московском университете» (ч. XIX, 1821). Это первое произведение Хомякова, появившееся в печати.

---

[1] См.: В. Лясковский, Алексей Степанович Хомяков, М., 1897, с. 10.

Вступительная заметка к публикации насыщена идеями тираноборчества, патриотизма, гражданской доблести.

В 1821 году вспыхнуло восстание греческого народа против турецкого ига. Бывший гувернер братьев Хомяковых Арбе, продолжавший посещать их дом, оказался связанным с повстанцами. Семнадцатилетний Алексей, вдохновленный пропагандой учителя, достал с его помощью фальшивый паспорт, накопил немного денег, купил большой нож — и однажды вечером покинул отчий кров, чтобы тайком пробраться в Грецию. В доме была поднята тревога, устроена погоня, и беглец был пойман не слишком далеко от Москвы. Вероятно, эти события оказали глубокое воздействие на сознание юноши: на всю жизнь он останется проповедником освобождения греков и южных славян от иноземного рабства, — но одновременно будет решительным противником личной «партизанщины», не связанной с общенародным движением.

В это время, даже, возможно, несколько раньше начала греческого восстания, Хомяков задумывает большую поэму «Вадим», из которой до нас дошли две с половиной части, «песни» (вероятно, это все, что было создано автором). Освободительно-патриотическая война 1812 года и преддекабристские вольнолюбивые настроения вызвали интерес прогрессивных писателей начала двадцатых годов к теме новгородской вольницы, особенно к образу легендарного Вадима, который после известной трагедии Я. Б. Княжнина «Вадим» (1793) стал символом борца с тиранией. А. С. Пушкин в южной ссылке с осени 1821 года начинает работу над поэмой и трагедией о Вадиме. К. Ф. Рылеев пишет думу «Вадим». Тема Новгорода звучит в стихотворениях В. Ф. Раевского, К. Ф. Рылеева, В. К. Кюхельбекера.

Среди этих вариаций популярной темы поэма Хомякова стоит особняком. В поэме в соответствии с духом времени переплелись романтический культ сильной личности (итоги исторических событий, исход битв зависят от мужества и силы вождей) и вольнолюбивые мотивы, особенно идея освобождения родины от иноземных захватчиков. Однако появляется еще — несколько необычно для начала двадцатых годов — и мотив социального неравенства: незнатный отец Вадима Ратибор полюбил княжескую дочь Ильгерду и был за это с позором изгнан из Новгорода (впрочем, этот мотив механически включен в текст; не найдя развития, он лишь завязывал сюжет, объяснял причину отсутствия в Новгороде Ратибора и Вадима к моменту варяжского нашествия).

Самыми же необычными в поэме были антивоенные настроения автора в сочетании с пафосом борьбы, с эстетизацией битвы. Точнее

сказать, эта тема появляется после описания кровавой битвы (вопреки летописному указанию об убийстве Вадима Рюриком, в поэме Хомякова побеждают славянские дружины, и лишь случай спасает Рюрика от смертельного удара Вадима; возможно, что в продолжении поэмы Вадим все-таки пришел бы к трагической развязке). И вот Вадим, победитель варягов, неожиданно проникается мрачными чувствами:

Ему явилися все ужасы сраженья,
Опустошение полей,
Покрытых мертвыми телами,
И сонмы бледных матерей,
Рыдающих над падшими сынами.
Везде он слышал вопль и стон,
Везде он видел смерть, бегущей крови реки,
Везде печаль... С тех пор навеки
Источник счастия в Вадиме отравлён.

Думается, что этот мотив мог возникнуть несколько позже самих описаний битвы: он появляется в песни третьей, которая могла быть создана годом-двумя позднее первых песней поэмы.

За это время мировоззрение Хомякова не могло не измениться. Вероятно, на него сильно подействовала неудача с побегом к греческим повстанцам. Еще большее впечатление произвели на него неудачи самого восстания, многомесячная кровавая резня, о чем он писал в «Послании к Веневитиновым» (1821):

Одно мой внемлет слух, одно в моих очах —
Лишь стоны, смерть и кровь, ужасный вид сраженья,
И гибель эллинов средь праведного мщенья.

Так перекликаются темы стихотворения и поэмы: поэзия битвы, радость победы обнаруживают свою оборотную сторону и окрашиваются в трагические тона. В жизнь и творчество Хомякова вошла двойственность, нарушающая цельность души. Почувствовав эту двойственность, автор будет нарочито декларировать ее в обнаженном виде, в духе романтической эстетизации антиномий человеческой натуры:

Заря! Тебе подобны мы, —
Смешенье пламени и хлада,
Смешение небес и ада,
Слияние лучей и тьмы.

(«Заря», 1825)

Я буду жизнью жить двойной...

(«К В. К<иреевскому>», 1827)

А в дальнейшем он попытается снять противоречия гармонией славянофильского идеала. Во всех сферах мышления и чувства Хомякову удастся сконструировать иллюзорные принципы гармонической цельности (жизнь будет жестоко ломать эти конструкции, но автор тем упорнее станет держаться за них). Как будто невозможно включить в эту идеальную гармонию военные конфликты. Однако ни разу Хомяков не осудит войну как способ разрешения жизненных противоречий; она всегда останется для него *злом*, но необходимым, божественно и государственно освященным. Гармония мыслилась лишь *внутри* России, окруженной главным образом враждебными (не православными) народами; в идеале Хомяков мечтал о превращении всей планеты в православный мир, но этот процесс предполагался длительным, связанным с гигантскими военными катаклизмами. Поэтому, при всем отвращении Хомякова к войне, она в принципе не будет им этически и эстетически осуждена, и возникнет единственный паллиатив — милосердие к падшим. Он станет и жизненным принципом («Я был в атаке, но хотя два раза замахнулся, но не решился рубить бегущих, чему теперь очень рад» [1]), и идейно-поэтическим:

А если вас много, убьете ли вы
Того, кто охвачен цепями,
Кто, стоптанный в прахе, молящей главы
Не смеет поднять перед вами?
...Убьете ль? о стыд и позор!

Эти строки взяты из стихотворения, озаглавленного «Ritterspruch — Richterspruch» (1839?); буквально заглавие переводится как «Приговор рыцаря — приговор судьи», смысл же в него вложен обратный: истинный судебный приговор должен быть *рыцарским.* Культ рыцарства, рыцарской этики своеобразно соединится с другими чертами хомяковской идеологии. Сила и мужественность всегда будут для Хомякова положительными ценностями, но обязательно в сочетании с благородством и милосердием.

«Вадим» — поэма лирическая, в ней почти нет действия, даже описание битвы лишено динамики, растянуто на несколько сотен

[1] Из письма к матери от 15 июня 1829 года с русско-турецкого фронта; А. С. Хомяков, Полн. собр. соч., т. VIII, М., 1900, с. 5. Все ссылки на это издание в дальнейшем даются сокращенно, с указанием тома и страницы в тексте.

строк, рассыпано на лирические отрывки, которые можно было свободно изымать из контекста и публиковать в виде отдельных стихотворений (что автор и делал). П. А. Вяземский упрекал в 1822 году Пушкина за отсутствие драматизма, действия в «Кавказском пленнике». Еще с большим основанием такой упрек можно было бы отнести к Хомякову, если бы считать, что идеал поэмы, проповедуемый Вяземским, являлся единственно возможным в ту пору. Однако и русская жизнь начала 1820-х годов еще не была настолько конфликтной, чтобы стимулировать произведения с динамическим сюжетом (они появятся перед 1825 годом в творчестве декабристов и особенно распространятся после поражения восстания как романтическая реакция на застывшую, омертвевшую жизнь), и Хомяков оказался неспособным к созданию такого сюжета. Даже в драмах он будет скорее лириком, чем драматургом. Тем более что в дальнейшем углубится религиозность Хомякова и личная активность его героя станет вытесняться божественным провидением, вера в которое, правда, не превратит героя его лирики в пассивного созерцателя, но сильно свяжет его личную волю, ограничит свободу выбора.

В 1822 году отец отвез Алексея в Астраханский кирасирский полк; так началась его не воображаемая, а реальная военная жизнь. Весной следующего года Хомяков переводится в лейб-гвардии Конный полк и около двух лет живет в Петербурге. Здесь он завязывает литературные знакомства, главным образом в декабристских кругах. Первые стихотворения молодого поэта увидели свет в альманахах Рылеева и Бестужева «Полярная звезда».

С Рылеевым и его окружением Хомякова объединяло серьезное отношение к жизни, презрение к светской суете, пафос свободы и человеческого достоинства. Чрезвычайно трудно найти разницу между его позицией и идеалом поэтов-декабристов в таком, например, программном стихотворении, как «Желание покоя». И в отрицании «вихря забав», «где не живут, но тратят жизнь и младость», и в прославлении любви к «высокому», прославлении вольного орлиного полета — можно увидеть идеи и темы, характерные для передовой преддекабрьской поэзии. В печатном варианте «Полярной звезды» стихотворение заканчивалось именно образом орла, столь значительным для всего дальнейшего развития Хомякова-поэта:

Орлу ль полет свой позабыть?
Отдайте вновь ему широкие пустыни,
Его скалы, его дремучий лес.
Он жаждет брани и свободы,
Он жаждет бури, непогоды
И беспредельности небес!

Можно лишь косвенно говорить об отличии стихотворений Хомякова середины 1820-х годов от поэтического наследия декабристов, то есть отметить отсутствие в этих стихотворениях типично декабристских мотивов гражданственности, тираноборчества, вообще отсутствие радикальных общественно-политических идей. Но это отсутствие очень характерно, особенно учитывая то, что в «Вадиме» соответствующих мотивов немало.

Поразительно, что знакомство с декабристами не только не привело к усилению в творчестве Хомякова этих мотивов, но наоборот — способствовало их исчезновению. После «Вадима», в преддекабрьскую пору, мы не найдем в стихах Хомякова ни одного намека на темы активного протеста, волновавшие Рылеева, Кюхельбекера, В. Раевского. Очевидно, это связано с полным неприятием радикальной декабристской идеологии, тактики, социального идеала. В многочасовых спорах с Рылеевым, А. Одоевским Хомяков пытался убедить будущих декабристов в том, что в случае победы они заменят монархию деспотизмом военной верхушки, что русский народ чужд заговорщикам и т. п.[1] Естественно, разногласия отталкивали Хомя-

[1] См. в воспоминаниях дочери: «Алексей Степанович во время службы своей в Петербурге был знаком с гвардейской молодежью, из которой вышли почти все декабристы, и он сам говорил, что, вероятно, попал бы под следствие, если бы не был случайно в эту зиму в Париже, где занимался живописью. В собраниях у Рылеева он бывал очень часто и горячо опровергал политические мнения его и А. И. Одоевского, настаивая, что всякий военный бунт сам по себе безнравственен». — Отдел письменных источников Государственного исторического музея в Москве (ГИМ). Ср. также воспоминания неустановленного сослуживца Хомякова: «Рылеев являлся в этом обществе оракулом. Его проповеди слушались с жадностью и доверием. Тема была одна — необходимость конституции и переворота посредством войска. События в Испании, подвиги Риего составляли предмет разговоров. Посреди этих людей нередко являлся молодой офицер, необыкновенно живого ума. Он никак не хотел согласиться с мнениями, господствовавшими в этом обществе, и постоянно твердил, что из всех революций самая беззаконная есть революция военная. Однажды, поздним осенним вечером, по этому предмету у него был жаркий спор с Рылеевым. Смысл слов молодого офицера был таков: «Вы хотите военной революции. Но что такое войско? Это собрание людей, которых народ вооружил на свой счет и которым он поручил защищать себя. Какая же тут будет правда, если эти люди, в противность своему назначению, станут распоряжаться народом по произволу и сделаются выше его?» Рассерженный Рылеев убежал с вечера домой. Кн. Одоевскому этот противник революции надоедал, уверяя его, что он вовсе не либерал и только хочет заменить единодержавие тиранством вооруженного меньшинства. Человек этот — А. С. Хомяков». — Там же.

кова от круга Рылеева, отдаляли его и от поэтических идей декабристов, от их эстетической программы. К тому же в середине 1825 года Хомяков покидает Петербург почти на два года, отпросившись в бессрочный отпуск за границу. Некоторое время он путешествует по Европе, но большую часть времени живет в Париже.

Аскетически воспитанный Хомяков остался холоден к Парижу, хотя и усердно изучал его музеи, библиотеки, театры. Здесь он узнал о восстании 14 декабря, осудил восставших — и, может быть, именно на грани 1825 и 1826 годов, в связи с раздумьями о судьбах родины, народа, активных личностей, начал писать трагедию «Ермак». Эта пьеса не содержит прямых ассоциаций с событиями 14 декабря, но косвенно она глубоко с ними связана, так же как еще более тесно связана с современностью драма Пушкина «Борис Годунов». Интересно, что и создавались обе пьесы почти одновременно, и были прочитаны московской литературной публике в два смежных вечера в доме Веневитиновых (12 и 13 октября 1826 года); москвичи выслушали Пушкина-гостя, а затем, по настоянию Пушкина, как бы от имени хозяев представили ему своего драматурга с недавно законченной трагедией.

Но драмы Пушкина и Хомякова оказались удивительно несхожими, и не только из-за несоизмеримости талантов: если Пушкин развивал, вслед за Фонвизиным и Грибоедовым, реалистическую традицию в истории русского театра, то Хомяков сконцентрировал в своем «Ермаке» романтическую стихию двадцатых годов; «Ермак» стоит на пороге романтической драмы следующего десятилетия (драмы Кукольника, Полевого), в какой-то степени открывая ей путь.

Романтический характер пьесы вызывал у современников прямые ассоциации с Шиллером. Погодин записал в своем дневнике 3—4 июля 1826 года, после прочтения «Ермака»: «Хомяков напитан духом Шиллера».[1] Пушкин по поводу следующей драмы Хомякова, «Димитрий Самозванец», выражал надежду, что герой «его не будет уже студент»[2] (очевидно, в свое время у Пушкина был разговор с москвичами о сходстве Ермака с Карлом Моором).

Белинский позднее неоднократно указывал, что «Ермак — живая карикатура Карла Моора», а Ольга — «пародия на Амалию».[3]

---

[1] Н. П. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 2, СПб., 1904, с. 30—31, 410.

[2] А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в 10 томах, т. 10, М.—Л., 1949, с. 390. Письмо к Н. М. Языкову от 18 ноября 1831 года.

[3] В. Г. Белинский, Полн. собр. соч., т. 8, М., 1955, с. 463; т. 5, М., 1954, с. 497.

Действительно, в трагедии Хомякова легко усмотреть прямые заимствования из шиллеровских «Разбойников»: в обеих драмах герои (Карл Моор, Ермак) вынуждены скитаться вдали от дома, став главарями «шаек» бродяг-грабителей; они страдают душевно, жаждут вернуться к отцу (граф фон Моор, Тимофей) и невесте (Амалия, Ольга), почти не надеясь на их прощение; в обеих пьесах отец героя и невеста живут совместно и совместно горюют по любимце; в развязке драм отец и невеста попадают в стан к герою, где происходят трогательные сцены прощения и примирения. Понятно, эти и ряд других соответствий бросались в глаза современникам. Еще большее сходство обнаруживается в романтическом методе, при котором герои оказываются связанными с авторским идеалом, становятся «рупором» авторских идей и почти совсем лишены тех объективных черт человеческих характеров, которые могли существовать в соответствующих времени и месту условиях жизни. При этом марионеточная нереальность героев Хомякова усугубляется тем, что, если у Шиллера события происходят в современной ему Германии (точнее — Богемии) и главные персонажи пьесы близки автору по уровню культуры, то у Хомякова герои, принадлежащие к простонародью XVI века, действуют и говорят как дворянские интеллигенты 1820-х годов. Да и Шаман сибирский изъясняется в трагедии на уровне европейского дипломата.

Имеются, однако, и существенные различия между «Разбойниками» и «Ермаком». Карл Моор, лишь пройдя через голгофу душевных потрясений, расстается с разбойничьим миром и отдается в руки правосудия. Ермак по ходу пьесы с самого начала уже повернул на «праведный» путь, одновременно и более рыцарский, и более масштабный: он стремится в борьбе с врагами России искупить свою вину перед родиной и ближними и просить прощения не в грязи порока, а на вершине славы, величия. Пьеса насыщена резкими оценками кровавых деяний Ивана Грозного и его опричников. Казалось бы, честный и благородный Ермак не должен примириться с таким унижением его любимой родины, с казнями и ссылками невинных людей, но он примиряется: пафос отчизны в сочетании с уверенностью в законности самодержавия оказался в пьесе выше свободолюбия и требований справедливости. Пушкин ответил на восстание декабристов изображением трагического разлада между «мнением народным» и намерениями правителей, Хомяков — утверждением гармонии национального единства, хотя бы и при царе-деспоте (правда, драматург при этом не скрывает обреченности судьбы благородного человека в условиях деспотизма).

Так же как и в поэме «Вадим», действие в «Ермаке» крайне

замедленно; значительно больше, чем интрига, автора увлекают лирические излияния героев, отсюда — обилие монологов.[1] Наряду с лирической стихией на заторможенность действия оказывала влияние общая система взглядов Хомякова, его вера в предначертанность жизненного пути. Эту веру он передал персонажам трагедии, прежде всего — Ермаку, который, будучи романтическим героем, однако, почти лишен в пьесе инициативы. Он всецело доверился судьбе: даже идея искупления вины и сибирский поход внушены ему свыше («Меня влекла невидимая сила»); Ермак оказывается не ведущим, а ведомым. Но так как Ермак, по замыслу автора, — сильная личность, то в трудную годину выбора он считает себя независимым от воли рока. Поэтому в моменты наивысшего напряжения действия (когда Шаман предлагает ему венец Сибири и когда Ермак, окруженный врагами, стоит над Иртышом) герой произносит такие фразы: «Сказать судьбе: я от тебя свободен»; «И не подвластен ветреной судьбе». Но автор-то знает, какая судьба уготована Ермаку: словно в классической античной трагедии, герой, преступив закон, должен понести наказание, поплатиться жизнью — таков смысл «Ермака». По существу трактовка исторических деяний человека в трагедиях Хомякова далека не только от пушкинского историзма с его утверждением объективных закономерностей значительных событий, независимых от субъективистского произвола, но и от представлений античных драматургов, для которых весьма существенное значение приобретали отказ от личных, субъективных пристрастий и следование «воле богов», то есть некиим незыблемым, непреходящим этическим постулатам. А судьба у Хомякова оказывалась слишком «ветреной», слишком подвластной интересам и желаниям автора, хотя он и стремился связать ее с античным роком. Но фактически она соотносилась не с античным божественным роком и не с христианским «провидением», а с языческими, «дьявольскими» силами, с которыми можно было обращаться значительно более произвольно. Любопытно, что прорицателями у молодого Хомякова выступают, как правило, совсем не служители христианского бога, а наоборот: колдуны, жрецы, шаманы, то есть лица, связанные скорее с «преисподней», с «черными» силами, чем с «небом».

Наверное, Хомяков чувствовал двойственную неопределенность «судьбы» в своем творчестве; религиозная «дисциплинированность»

---

[1] Ср. замечание А. С. Пушкина: «Идеализированный «Ермак», лирическое произведение пылкого юношеского вдохновения, не есть произведение драматическое. В нем все чуждо нашим нравам и духу, все, даже самая очаровательная прелесть поэзии». — А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в 10 томах, т. 7, М.—Л., 1949, с. 216.

заставляла его думать о божественном провидении; но, будучи романтиком, он, подобно своему герою Ермаку, жаждал вырваться из круга необходимости, пытался победить судьбу, а не покориться ей (ему был очень близок романтический пафос свободы, характерный для русской лирики конца двадцатых годов и особенно интенсивно зазвучавший в следующем десятилетии). Идейный смысл «Подражания древним» (1830) заключается в преодолении «дерзкой Фортуны», а в несколько более раннем стихотворении, «Степи», Хомяков утверждает такую «святую долю» человека:

Труды, здоровие, покой,
Беспечный мир, восторг живой,
Степей кочующая воля.

Только этим понятиям противостоит здесь не судьба, а «бессмысленный закон» современного цивилизованного общества (в данном контексте и судьба, и закон синонимичны, так как являются своего рода внешней, «объективной» уздой человеческих поступков). Несомненно, антитеза «закон — воля» восходит к пушкинским «Цыганам» («Его преследует закон»).[1] Характерно, что незадолго до появления стихотворения «Степи» был опубликован стихотворный цикл С. П. Шевырева о цыганах, также восходящий к пушкинской поэме: «Цыганская пляска», «Цыганка», «Цыганская песня» («Московский вестник», 1828, № 10); в это же время Шевырев предполагал написать либретто оригинальной (то есть не по Пушкину) оперы «Цыганы».[2] В свою очередь не в стихотворении ли «Степи» заключен прообраз знаменитых пушкинских строк «На свете счастья нет, но есть покой и воля» и не эти ли строки вспомнил Л. Н. Толстой,[3] вкладывая в уста Феди Протасова не менее знаменитую фразу: «Это степь, это десятый век, это не свобода, а воля»?

---

[1] Ср.: Ю. М. Лотман, З. Г. Минц, «Человек природы» в русской литературе XIX века и «цыганская тема» у Блока. — «Блоковский сборник», Тарту, 1964, с. 103.

[2] См.: С. П. Шевырев. Стихотворения («Б-ка поэта», Б. с.), Л., 1939, с. 220.

[3] Интересно, что, согласно записи Д. П. Маковицкого (1908), Толстой ценил и знал Хомякова: «Он был очень приятный человек. Я очень уважал его деятельность и его славянофильские взгляды и как поэта». — Л. Н. Толстой, Полн. собр. соч., т. 47, М., 1937, с. 328.

Хомяков всю жизнь будет желать именно не свободы, а воли (причем не только воли-независимости, но и воли-действия). Однако у Хомякова нет толстовского отрицания свободы как дискредитировавшего себя политического понятия. Свобода, в его понимании,— необходимое условие, «простор» для творческой деятельности человека, а воля связана с самыми значительными и глубинными свойствами человеческой натуры и чрезвычайно важна в этическом аспекте, для осуществления моральной ответственности личности, ибо лишь при свободном волеизъявлении, то есть при возможности *выбора* жизненного пути, выбора поступков, слов и так далее, осуществляется моральная ответственность человека («выбор и свобода», как говорил Д. В. Веневитинов).

Реальная русская жизнь николаевской эпохи не давала, однако, простора ни воле-независимости, ни воле-действию. Поэтому двойственность судьбы и путей к освобождению от ее власти определяет не только концепцию «Ермака», но и всю деятельность Хомякова — человека и поэта. В славянофильский период он попытается преодолеть эту антиномию подчинением личной воли по-славянофильски сконструированному (то есть утопическому) общему делу, в том числе — и утопической судьбе, «необходимости».

А пока, на грани двадцатых и тридцатых годов, Хомяков стремится освободиться от гнета обстоятельств *личными* средствами, разумеется — поэтическими. Хомяков был тесно связан дружескими узами с вождем «любомудров» Д. В. Веневитиновым, хорошо знал других «любомудров» — С. П. Шевырева, В. П. Титова, В. Ф. Одоевского. «Общество любомудрия», организованное московской литературной молодежью в 1823 году, формально было ликвидировано самими его членами после разгрома декабрьского восстания, но фактически интенсивная творческая деятельность «любомудров» началась именно после 1825 года: в последекабрьское время создавались наиболее ценные программные статьи Веневитинова и большинство стихотворений обоих самых видных поэтов кружка — Веневитинова и Шевырева. Оживлению творчества «любомудров» способствовали временное сближение их с А. С. Пушкиным, часто посещавшим Москву во второй половине двадцатых годов, и издание «своего» журнала «Московский вестник» (1827—1830). Хомяков оказался третьим значительным поэтом, одобрявшим главные принципы «любомудрия». Основные идеи кружка были связаны с увлечением немецким романтизмом, прежде всего — шеллингианской философией (представление о природе как о комплексе глубинных тайн и богатств, которые могут быть по-настоящему раскрыты лишь божьими избранниками, возвышенными поэтическими душами, способными слиться

с природой, проникнуть в ее тайны; истинные поэты должны быть глубокими мыслителями, философами).[1]

Но каждый поэт-«любомудр», благодаря ярко выраженной индивидуальности, шел своей дорогой. Веневитинов наиболее последовательно воплотил в своих стихотворениях именно романтический образ поэта-избранника, что накладывало на его характер печать эгоцентризма и одиночества; темы слияния человека с природой и дружбы, братства людей интересовали Веневитинова значительно меньше. Наоборот, в поэзии Шевырева главное место занимают вариации на тему «природа и человек», размывающие индивидуалистическое «я» (тема человека и природы была господствующей и у молодого Тютчева, близкого по духу к «любомудрам», но она почти всегда звучала у него напряженно-трагически); а в изображении поэта у Шевырева проявляется прежде всего стремление *отдать* себя и свое творчество другим людям; исподволь возникала, а после отъезда в Италию (1829) стала ведущей у Шевырева тема России, родины (эта часть поэтического наследия Шевырева является в истории «любомудрия» как бы связующим звеном между «Вадимом», «Ермаком» и более поздними славянофильскими стихотворениями Хомякова). Сближает Веневитинова и Шевырева постоянно декларируемая страстность, поэтическая безудержность (у Шевырева она даже еще более утрирована, чем у Веневитинова; его стихотворения часто содержат кровавые коллизии). Стилистически «любомудры» были связаны со старой, додекабрьской традицией европейского и русского романтизма (это хорошо показано в книге Л. Я. Гинзбург); Шевырев лишь с конца двадцатых годов, когда этап «любомудрия» уже был завершен, начал свои новаторские опыты в области ритмики, лексики, стиля.

Пушкин сочувственно и покровительственно отнесся к «любомудрам», ценя в их творчестве пафос серьезной мысли, высокое представление о роли поэта и поэзии, зарождающийся интерес к национальному и народному,[2] но философски-романтический характер их творчества остался ему, «поэту жизни действительной», совершенно чужд. В письме к А. А. Дельвигу от 2 марта 1827 года Пушкин

---

[1] О поэзии «любомудров» см.: Л. Гинзбург, О лирике, М.—Л., 1964 (глава «Поэзия мысли»); Е. Маймин, Поэты-любомудры и философское направление в русской лирике 20—30-х гг. 19-го века. — «Annali dell' Istituto universitario orientale», Sezione Slava, Napoli, t. IX, 1966, с. 79—115.

[2] О сближении позиций Пушкина и «любомудров» см.: Е. А. Маймин, Еще о Пушкине и «Московском вестнике». — «Пушкинский сборник», Псков, 1968, с. 165—190.

так отозвался о кружке: «Ты пеняешь меня за «Московский вестник» — и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а черт свое. Я говорю: господа, охота вам из пустого в порожнее переливать — все это хорошо для немцев, пресыщенных уже положительными знаниями, но мы. . .»[1]

Хомяков коснулся, пожалуй, всех тем, разрабатывавшихся в кругу «любомудров»: его интересовали и связь человека с природой («Молодость», «Желание»), и образ возвышенного поэта («Поэт», «Отзыв одной даме», «Вдохновение», «Сон»), и тема дружбы («Элегия на смерть В. К.», «К В. К.», «На Новый год»); во всех этих стихотворениях он был близок Веневитинову и Шевыреву. Но философская напряженность, страстность «любомудров» и Ф. И. Тютчева осталась в общем чужда уравновешенному Хомякову (лишь в изображении воинских «страстей» Хомяков еще мог соперничать с соратниками по перу), а в теме поэта, чрезвычайно популярной не только у «любомудров», но и во всей тогдашней лирике, он разрабатывал главным образом один аспект: возвышение поэта над мирской суетой. Здесь можно увидеть сходство и отличие не только у Хомякова и других «любомудров», но и у Хомякова и Пушкина как представителей полярно противоположных художественных методов. Герой стихотворения Пушкина «Поэт» («Пока не требует поэта. . .», 1827) постоянно пребывает в обыденности, в «свете», в мирских заботах, и лишь в минуты поэтического вдохновения замыкается в себе. Лирический герой стихотворения Хомякова «Отзыв одной даме», наоборот, живет «вдали от шума света», погруженный в божественные «восторги», и лишь утомляясь нисходит в быт. Поэт ищет гармонию и счастье *над* бытом, над миром, оказываясь в божественной сфере, оказываясь вдохновленным на творчество («Поэт», «Сон») и испытывая трагический разлад лишь тогда, когда готов творить, но «луч божественного света» его не посетил («Два часа»). При этом Хомяков мыслит возвышение над суетным бытом не только идеальное, но и, так сказать, материальное, пространственное — отсюда постоянный образ орла, парящего высоко над землей:

. . .с выси небосклона
Отрадно видеть край земной

---

[1] А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., в 10 томах, т. 10, М.—Л., 1949, с. 226.

И робких чад земного лона
Далеко, низко под собой.

(«Жаворонок, орел и поэт»)

Возвышение над миром и твердая уверенность в божественной природе вдохновения придавали поэтической речи Хомякова торжественность, а также глубокую архаичность стиля, вообще характерную для всех «любомудров». Торжественность и архаичность, при несколько других эстетических основах, сохраняется у поэта и в славянофильский период.

2

На грани двадцатых и тридцатых годов Хомяков снова обращается к истории России. У Шевырева обострение интереса к национальной теме было явно связано с отъездом в Италию, с пребыванием за границей; у Хомякова, очевидно, — с участием в русско-турецкой войне 1828—1829 годов и с раздумьями о польском восстании 1831 года. Именно к этому году относится начало работы Хомякова над второй трагедией — «Димитрий Самозванец» (закончена в 1832 году), явившейся своеобразным продолжением «Ермака» (по проблематике, а не по сюжету).

Автор, конечно, учел опыт и «Бориса Годунова». «Димитрий Самозванец» не только хронологически продолжает пушкинскую трагедию, но и создан под ее влиянием. Г. А. Гуковский показал прямые заимствования,[1] из которых особенно примечательно воспоминание хомяковского Димитрия о встрече с Мариной:

Мне памятны садов зеленый сумрак,
Аллея лип и плещущий фонтан, —

то есть фактически воспоминание о том, что происходило на страницах пушкинской трагедии («В аллее лип я завтра у фонтана...»). Примеры Г. А. Гуковского можно было бы значительно увеличить, так много реминисценций из «Бориса Годунова» в хомяковской драме. Но заимствование выражений и мелких сюжетных мотивов еще не является творческим актом. Важнее другое: то, что Хомяков стремился следовать методологическим открытиям Пушкина. Он явно учитывал то новаторство Пушкина-драматурга, которое мы теперь

---

[1] Г. А. Гуковский, Пушкин и проблемы реалистического стиля, М., 1957, с. 68—69.

зовем историзмом (являющимся одной из важнейших основ реализма): создание персонажей, их характеров, их поступков и речей как принадлежащих именно данной эпохе, данному сословию, данному лицу (впрочем, сословное и личное в *слоге* у Пушкина еще только намечалось); такие принципы оказались несовместными с романтической однозначностью героев. Учителем Хомякова, вероятно, стал не только Пушкин, но и учитель Пушкина Шекспир: сама пушкинская трагедия не могла не вызывать ассоциаций с пьесами английского классика, да и в частных беседах с московскими литераторами после прочтения «Бориса Годунова» и «Ермака» Пушкин, наверное, прямо касался творчества Шекспира (размышлениями о Шекспире проникнуты статьи и заметки Пушкина тех лет). К тому же, по воспоминаниям М. П. Погодина, Хомяков и сам так хорошо знал наследие английского драматурга, что мог «легко прочесть вам сотню стихов из любой трагедии Шекспира»; [1] образ Шута в «Димитрии Самозванце» создан явно под влиянием шекспировских персонажей.

Достаточно сопоставить «Димитрия Самозванца» с «Ермаком», чтобы увидеть, как далеко ушел автор от своих «студентов» а ля Шиллер. Хомяков стремился раскрыть всю сложность характеров главных героев «Димитрия Самозванца», обусловленную эпохой, изображенной в драме. Василий Шуйский — искренний патриот, стойкий боец, даже под пытками не выдавший сообщников, но — тщеславный и хитрый, обманом завоевавший себе престол. Петр Басманов идейно и лично, по-человечески, предан Самозванцу, хотя и догадывается об истинном происхождении властителя; он идейно же ненавидит польских завоевателей, стремится оторвать от них Димитрия. Образы поляков лишены «злодейской», «бусурманской» прямолинейности: князь Вишневецкий заступается за Василия Шуйского как аристократ, «потомок Корибута», требующий почтения к «Рюрикову внуку». Совсем не однозначна колеблющаяся в своих словах и поступках царица Марфа, в развитии показан характер Шута.

Изменчивым изображен и Самозванец (правда, это не столько эволюция, сколько непостоянство характера): он у Хомякова в вечных метаниях от одной крайности к другой. Интересно сравнить его с героем «Бориса Годунова». Несомненно, пушкинский Гришка самый романтический герой в драме. Г. А. Гуковский убедительно и справедливо доказал противопоставленность реалистически изображенных

[1] «Москвитянин», 1846, № 5, с. 186.

русской и польской культур в «Борисе Годунове»,[1] но все-таки «зачисление» Самозванца в «поляки» выглядит натяжкой: объективно Марина Мнишек у Пушкина действительно оказывается близкой к реалистическому типу, а Гришка Отрепьев все-таки воплотил в себе безудержные вневременные и вненациональные страсти (любовь и честолюбие). В чем, однако, Г. А. Гуковский прав — это в утверждении структурной противопоставленности характера Самозванца типам русских героев: в самом деле, контраст оттеняет ярче и образы русских деятелей, которые обладают реалистическими чертами соответствующего места и времени, и самого Отрепьева; но не менее выразительно противопоставление Григория Марине как характеров романтического и реалистического.

Хомяков еще более романтизировал Димитрия, наделил его безмерной страстностью: и любовь его совсем уж слепа, и честолюбие граничит с преступным легкомыслием. В таком преувеличении страстей проявилась своеобразная «компенсация» относительной уравновешенности героя в хомяковской лирике: в «Димитрии Самозванце» Хомяков стоит значительно ближе к романтической традиции с ее культом гиперболизированных чувств.

А Марина Мнишек не противостоит у Хомякова Димитрию, но романтизирована так же глубоко: она тоже оказывается вневременным воплощением любви и честолюбия, — ее любовь, в противоположность чувству пушкинской героини, искренняя и преувеличенно пылкая, и прельстил ее Самозванец «романтическими» же достоинствами: «В нем быстрый ум, отвага, жажда славы, и страстная, горячая душа». Лишь начиная с четвертого действия трагедии Марина у Хомякова отдаленно будет походить на пушкинскую, приняв участие в придворных интригах (и то скорее под давлением патера Квицкого, чем по собственной воле).

С другой стороны, «русский стан» у Хомякова тоже представлен романтическим героем, рыцарем без страха и упрека, — молодым князем Скопиным-Шуйским; близок к такому «идеалу» и Прокофий Ляпунов (патриотически настроенный Хомяков не мог допустить, чтобы в русской истории не оказалось истинно «рыцарских» персонажей!). Это сразу же лишает драму пушкинской противопоставленности двух культур, двух национальных стихий, отраженных в психологии главных характеров. С точки зрения Хомякова, России оказывается враждебной не личность Самозванца в целом (любопытно, что Ляпунов восторгается врагом, почти дословно повторяя хвалы Марины: «Как пылок был в сраженьях, как полон дум, и пламени,

---

[1] Г. А. Гуковский, ук. соч., с. 38—52.

и сил!»), а лишь его «иезуитские» методы обмана и насилия, его поблажки полякам и обещание распространить в стране «латинскую», то есть католическую, веру. Даже Марина подчеркивает, имея в виду народное мнение: «Ты хуже всех тиранов — ты еретик». Таков же смысл французского эпиграфа.

Хомяков, несомненно, под влиянием Пушкина отказался в новой драме от предначертанной свыше судьбы, главенствующей в «Ермаке»; сами герои творят историю. Но если у Пушкина обманщика-царя губит прежде всего его жестокое тиранство, то у Хомякова — отказ от религии народа.

При этом важно подчеркнуть, что для Хомякова ничуть не меньше, чем для Пушкина, имеет значение народное мнение. П. И. Бартенев отметил: «Народ видел в Годунове зло прикрепления к земле, а Самозванец казался избавителем от этого зла. Этот народный взгляд, насколько он в то время мог определиться помощью исторических выводов, старался усвоить себе Хомяков в своей трагедии».[1] Это сказано несколько преувеличенно, но Хомяков действительно считал, что формальный предлог, без народного одобрения и выбора, на основании которого Борис стал царем (отсутствие наследника у умершего царя Феодора), не вызывал сочувствия народа (см. т. I, с. 55). При этом, по Хомякову, народ и пассивен, и легковерен (насмешки толпы перед казнью дворянина Тургенева и купца Конева в конце второго действия), но все-таки истинный глас народа звучит в реплике Старика: «Смерть праведных пред господом красна!» *Религиозная* этика — то верховное мерило, которым руководствуются лучшие люди из народа и которому интуитивно подчиняются легкомысленные рядовые представители толпы. Народ осудил Годунова, осудит и Лжедмитрия, разумеется при соответствующих воздействиях извне, со стороны праведников и религиозно настроенных бояр. Подобные взгляды разделяют Хомякова и Пушкина, далекого от морали православного праведничества.

Обилие в пьесе романтических героев, активных личностей, уповающих не на судьбу, а на свою силу и волю; острота интриг и конфликтов существенно отличает «Димитрия Самозванца» и от «Ермака». Пушкин, развертывая в узких пределах драмы сложный, запутанный сюжет, прежде всего разрушил классические единства места и времени, разбил произведение на сцены, быстро сменяющие друг друга. Хомяков тоже отказался от драматических единств, но не

---

[1] ⟨П. И. Бартенев⟩, О трагедии А. С. Хомякова «Димитрий Самозванец». — «Русский архив», 1886, № 2, Приложение, с. 173.

упразднил традиционного деления пьесы на действия и явления, а на стыке явлений весьма редко менял место и время (во втором и четвертом действиях — однажды, в третьем и пятом — дважды; все первое действие протекает в Кремлевском дворце).

Зато Хомяков очень свободно варьирует стих и ритм. Интересно, что еще в «Ермаке», независимо и одновременно с Пушкиным, Хомяков отказался от классического александрийского стиха (шестистопный ямб, парная рифмовка), господствовавшего в русской драме вплоть до середины двадцатых годов, и применил нерифмующийся (белый) пятистопный ямб. Впервые в русскую драматургию ввели этот размер П. А. Катенин («Пир Иоанна Безземельного», 1820) и В. К. Кюхельбекер (трагедия «Аргивяне», 1824), опиравшиеся, очевидно, на немецкую традицию.[1] И Пушкин, и Хомяков последовали этому примеру: и «Борис Годунов», и «Ермак» оказались очень близки по ритмической форме — белый стих, пятистопный ямб. Пушкин пошел еще дальше, смело вводя в ритмический текст прозаические реплики и даже целые сцены. И Хомяков разнообразил иногда ритм включением рифмующихся строк, а также строк четырехстопных. Здесь у него тоже оказался учитель — бывший его наставник А. А. Жандр, переведший с французского трагедию «Венцеслав» (первый отрывок ее был опубликован в альманахе «Русская Талия на 1825 год», вышедшем в конце 1824 года, то есть еще до отъезда Хомякова за границу). Взявши за основу белый пятистопный ямб, Жандр, однако, очень свободно с ним обращался, перемежая его шестистопными и даже четырех- и двухстопными строками, обычно сочетая эти вольности с рифмовкой. Фактически «Венцеслав» в таких отклонениях оказался по ритму близким к «Горю от ума»: автор как бы сочетал новаторство Кюхельбекера и Грибоедова.

Хомяков в «Ермаке» значительно более осторожен: рифмующиеся или укороченные (на одну всего стопу) строки у него единичны. Зато в «Димитрии Самозванце» ритм значительно более изменчив, его разнообразие в какой-то мере компенсирует традиционно замедленную смену картин. Хомяков здесь и прозу включает (явное подражание Пушкину), и полиритмия у него встречается почти на

---

[1] В немецкой драматургии конца XVIII — начала XIX века пятистопный ямб был уже обычным явлением. Подавляющее большинство драм Шиллера написано этим размером. В. А. Жуковский перевел пятистопным же ямбом шиллеровскую «Орлеанскую деву» (1819—1821). Еще более ранний опыт — перевод А. Х. Востоковым отрывка (два первых явления) из трагедии Гете «Ифигения в Тавриде» (1811).

каждой странице, не говоря уже о рифмовке, еще более частой. Причем, как правило, рифмующиеся строки появляются часто, но следуют подряд недолго: две, четыре, шесть, восемь строк. Такое смешение белых стихов с рифмующимися создает своеобразную психологическую настроенность читающего или слушающего: после белых стихов созвучие оказывается неожиданным, резко подчеркивая смысл данных строк (чаще всего рифмуются торжественно-пафосные или лирические монологи); переход же снова к белому стиху еще не сразу разрушает возникшую было в сознании звуковую связь слов и строк, как бы продолжается инерция рифмовки, продолжается ожидание рифмы, и лишь некоторое время спустя внимание ослабевает, сознание привыкает к белому стиху, с тем чтобы вскоре опять возбудиться новой рифмовкой.[1] Перебивы ритма и чередование рифм с белыми стихами весьма удачно связываются с изображением зыбкой, изменчивой, калейдоскопической жизни.

И все-таки, несмотря на относительно динамическую интригу, несмотря на живой язык и ритм, драма Хомякова была скоро забыта: слишком проигрывала она в сравнении с «Борисом Годуновым». Сказалась также и чрезвычайная растянутость трагедии (она в два раза длиннее «Бориса Годунова»!), обилие больших монологов. Пушкин, очевидно, имел в виду прежде всего недостатки «Самозванца», когда записал в своем дневнике 2 апреля 1834 года: «Кукольник пишет «Ляпунова». Хомяков тоже. Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии. Барон Розен имеет более таланта».[2]

Сам Хомяков, вероятно, понял это: из третьей драмы, о Прокофии Ляпунове, он написал всего несколько страниц, бросил и больше никогда не возвращался к драматургии.

Героями хомяковских пьес были романтические «рыцари», мужественные личности с обостренным чувством чести, достоинства, гордости. Любопытно, что с начала тридцатых годов эти черты «рыцарской» этики все заметнее становятся и в лирике Хомякова. Поэт-пророк, ждавший божественного озарения, теперь наделяется свойствами гордого рыцаря, который, уповая лишь на свои собственные силы, никогда в своей молитве «об жизни к богу не взывал».

---

[1] Согласно исследованиям психологов, необходимо повторить какое-либо явление 3—4 раза подряд, чтобы сознание воспринимающего индивидуума уже настроилось на ожидание дальнейшего воспроизводства того же явления; см. кн.: А. Моль, Теория информации и эстетическое восприятие, М., 1966, с. 124.

[2] А. С. Пушкин, Полн. собр. соч. в 10 томах, т. 8, М.—Л., 1949, с. 41.

В этом отношении эволюция лирического героя аналогична изменениям в характере Димитрия Самозванца по сравнению с Ермаком. В мировоззрении и творчестве Хомякова сложно соединились официальный демагогический культ «рыцарской чести», пропагандируемый Николаем I, и возросшее личное достоинство в сознании честных представителей русской интеллигенции, остро ощущавших все большее подавление чести и свободы человека. Поэтому Хомяков мог, не лукавя, не в цензурных целях, а искренно веруя в благородство императора, ссылаться на «рыцарское» заявление Николая I о поляках — и в то же время журить правительство за неблагородную жестокость в борьбе с поверженным противником («Rittersprach — Richterspruch»). Но все-таки главным для Хомякова становится личная независимость, гордая замкнутость. Герой его стихотворений, человек с обостренным чувством гордости и чести, условно говоря — с «рыцарской» этикой, не обнажит перед людьми тяжелое горе, а закроет его «броней», спрячет в себе («Горе»).

Совершенно необычна поэтому любовная лирика Хомякова. Здесь минимальны описания достоинств избранницы, минимальны описания чувств, главное же — постоянная настороженность героя, подспудное ощущение, что *она* не поймет, не откликнется («Иностранка», «К А. О. Р⟨оссет⟩», «Элегия»). Достаточно малейшего повода, чтобы поэт взорвался, его уязвленная гордость не может вынести даже намека на отказ, он сам рвет чуть наметившиеся путы и снова взмывает орлом «в небеса» («Благодарю тебя! Когда любовью нежной...»). Можно говорить о полном слиянии поэта со своим лирическим героем. Когда из-за внешнего физического недостатка (Хомяков был немного сутуловат) его в гвардии не «наряжали» на торжественные парады, он — поняв это — тотчас вышел в отставку.[1] Когда Хомяков видел холодность любимой женщины — он порывал с нею. Любопытно, что, познав ответное чувство, будучи очень счастлив в семейной жизни (Хомяков женился в 1836 году на Екатерине Михайловне Языковой, сестре поэта,) — в единственном стихотворении, посвященном гармонической любви («Лампада поздняя горела...»), поэт как бы расковывается, обнажает свои чувства; впрочем, в заключении вновь приглушенно возникают мотивы чести и достоинства; стихотворение заканчивается двустишием:

И снова новый луч проглянет
На лавры гордого чела!

---

[1] Н. А. Муханов, Воспоминание об А. С. Хомякове. — «Русский архив», 1887, № 2, с. 244.

У многих поэтов двадцатых — тридцатых годов, благодаря определенному направлению их творчества, создалась как бы легендарная маска: при упоминании Дениса Давыдова сразу встает образ поэта-гусара; Николая Языкова — образ разгульного бурша. Если бы ограничиться стихотворениями Хомякова первой половины тридцатых годов, то его можно было бы представить во образе гордого рыцаря, заковавшего в латы свои чувства. Здесь почти исчезают интимные интонации, встречавшиеся в ранних элегиях, оттенки переживаний, страданий; здесь полностью отсутствуют шутка и парадокс, до которых всегда был так охоч вне поэзии Хомяков. Остается обдуманная речь, отмеряющая для чужого глаза лишь «отфильтрованную» и скудную дозу душевного мира. Стихотворения становятся рационалистическими, идеологически заданными.

И все-таки живое человеческое чувство прорывалось в лирику. Таково стихотворение «Лампада поздняя горела...». Однажды прорвались любовные муки — в стихотворении «К ***» («Когда гляжу, как чисто и зеркально...»); оно уникально, не похоже на остальные произведения Хомякова того времени. В стихотворении «Элегия» поэт раскрывает перед читателем то, что обычно закрыто «броней»: ночную тоску одиночества, жажду любви; впрочем, вторая половина стихотворения уже типично «забронированная»: «Готовая к борьбе и крепкая, как сталь, Душа бежит любви». Самое интересное в лирике Хомякова — это, пожалуй, подобные прорывы истинного, не скованного чувства.

А если рассмотреть поэтическое творчество Хомякова в хронологической последовательности от двадцатых к середине тридцатых годов, то будет заметно усиление *тоски,* и постепенно мотив *одиночества* из положительного становится негативным, нежеланным. Любопытно в этом отношении проследить эволюцию понятия «степь»: в стихотворении «Степи» идеалом объявляется одинокий охотник в вольной степи; в «Просьбе» уже все перевертывается — герой умоляет дать ему волю, то есть отправить его в действующую армию, к людям, к обществу, освободив его от скитаний по «земной степи»; примерно то же в записи в альбом С. Н. Карамзиной, где «степь раскаленная пустыни» — отрицательный образ. Интересно, что в дальнейшем, когда снимется проблема одиночества, то и понятие «степь» нейтрализуется и будет употребляться лишь в прямом географическом смысле, без всякого этического оттенка.

Исподволь подготовлялись большие перемены в сознании Хомякова, подготовлялось будущее славянофильство. Зародыш этих идей можно найти в патриотических стихотворениях о турецкой войне, но особенно — в интимно-сокровенных («Две песни» и «Иностранка»).

Затем появилась идея будущей общественной гармонии, ярко изложенная в «Разговоре». Если бы только стихотворение Баратынского «Последний поэт» (1835) появилось чуть-чуть раньше, то можно было бы прямо утверждать, что «Разговор» полемично направлен против основной мысли этого стихотворения (пессимистического предвидения будущего торжества «железного века», отстраняющего поэта как «бесполезного»).

3

Сдвиг в мировоззрении Хомякова произошел в середине тридцатых годов. Совместно с И. В. Киреевским он явился основателем славянофильского учения. В этот период заметно изменились их образ жизни, взгляды, характер, творчество. Нельзя сказать, что это был кардинальный душевный переворот. Многое из черт будущего славянофила уже было заложено в сознании юного Хомякова: глубокий патриотизм, глубокая религиозность, почтение к традициям. Но это были лишь плоды воспитания и черты характера, весьма далекие от *системы воззрений*, охватывающей разные стороны человеческой жизни и деятельности. Основы этой системы были созданы Хомяковым и Киреевским во второй половине тридцатых годов. В 1839 году Хомяков написал свою первую программную статью «О старом и новом». А славянофилы младшего поколения, примкнувшие к основателям в сороковых годах, — Ю. Ф. Самарин, К. С. Аксаков, И. С. Аксаков — лишь следовали общим принципам, выработанным Хомяковым и Киреевским, развивая некоторые частные проблемы (да и вожди славянофильства до самой смерти развивали и уточняли различные аспекты учения). К концу тридцатых годов большинство мыслящих людей России, убедившись в деспотическом, антинародном характере николаевского режима, стало искать, хотя бы теоретически, выхода. Образовались, как известно, две группы, вобравшие в себя лучшие интеллектуальные и художественные силы того времени: западники и славянофилы. Западники (Белинский, Герцен, Грановский и другие — в данном случае мы не касаемся различий между ними) желали преобразований по образцу передовых европейских стран: требовали уничтожения крепостного права, уничтожения самодержавия, просвещения для всех сословий, свободы личности, свободы слова и т. д. И так как в прошлом России западники видели прежде всего деспотизм и бесправие человека, а в настоящем отмечали медленное, но неуклонное движение к «европеизации», то им хотелось поторопить историю, ускорить общественное

развитие. «Золотой век не назади, а впереди нас» — так сформулировал Салтыков-Щедрин основной лозунг «западнического» социализма.[1] Славянофилы сближались с западниками по многим пунктам: они также требовали уничтожения крепостного права, желали всеобщего просвещения, освобождения человека и искусства от пут бюрократического государственного аппарата, однако славянофилы решительно расходились с западниками в отношении к монархическому строю и к европейским политическим формам, что окрашивало совсем в другие тона и их понимание просвещения, свободы, эстетики. Славянофилы с опаской и подозрительностью смотрели на европейский путь. Безгранично любя родину, на чужбине они пристрастно отмечали многие пороки и изъяны. Это дало им возможность проницательно охарактеризовать реальные недостатки западной цивилизации: обуржуазивание жизни, обездушивание человека, превращение цельного общества в сумму эгоистических, жестоких меркантильных личностей и т. д. Средства спасения родины от такой участи славянофилы искали в сохранении патриархальных основ, уходящих корнями в быт и нравы допетровской Руси. Нельзя сказать, что защитники старины не видели там отвратительных черт самоуправства, невежества, косности (см. стихотворение Хомякова «Не говорите: то былое...»). Но в поисках нормы они подчеркивали прежде всего идеализированные положительные начала в жизни Киевской и Московской Руси и тем самым создали в своем воображении утопический строй, где господствовало единство всего народа, от царя и до крестьянина (крестьянин мог якобы, благодаря своим личным достоинствам, подняться на самые верхние ступени общества), где гармонически сочетались интересы всех и каждого, интересы бояр и интересы холопов, где все было основано на христианской вере и идеальной этике, на началах любви, добра, братства, равенства. Возникло противопоставление *реальной* Западной Европы, где недостатки выдвигались на первый план, и *идеальной* России. В Европе — завоевание власти насилием «на крови», отсюда разделение на враждебные нации и сословия; стремление к личной пользе, напряженность и конфликтность жизни; подчинение церкви государству; рационализм, разобщенность, анализ; всеразлагающий рассудок; сила материальная; следование формальностям и закону. В России — добровольное объединение и добровольное призвание правителей, отсутствие сословной вражды; общественное, общинное, со-

---

[1] М. Е. Салтыков-Щедрин, Полн. собр. соч., т. 7, М.—Л., 1935, с. 471.

вестливое, как главные черты характера; свободная, независимая церковь; соединяющий разум, цельность, единство; сила духовная; следование истине и обычаям отцов. Однако явная неудовлетворенность *существующим* общественным строем в России (и реальным самодержавием, и наступающими буржуазными отношениями), искренняя любовь к народу и боль из-за его бесправного положения (ср. стихотворение Хомякова «России») заставляли и славянофилов желать перемен, но «золотой век» был для них не впереди, а позади. Как ни оговаривались они, что, дескать, вовсе не идеальной была Древняя Русь, но все-таки основу для воплощения своего идеала они видели именно в Древней Руси, поэтому славянофилы хотели не ломки устоев, а удержания, укрепления и расширения патриархально-феодальных основ, которые объективно, разумеется, слишком мало походили на идеальные конструкции в сознании их творцов, поэтому не только не расшатывали бы самодержавно-крепостнический режим, а наоборот — сохраняли бы его. Однако искреннее недовольство существующим, желание перемен принципиально отличало славянофилов не только от рептильной булгаринской среды, но и от лакейства рангом выше — от представителей «официальной народности», М. П. Погодина и С. П. Шевырева (ставшего к сороковым годам ретроградом). Недаром николаевское правительство так подозрительно к ним относилось: оно желало бы беспрекословного идейного подчинения и пусть беспринципного, но рабского повторения высших предначертаний, а принципиальность, хотя бы и консервативная, всегда могла обернуться расхождением, несогласием. Потому III Отделение и московский генерал-губернатор, постоянно надзиравшие за славянофилами, вполне могли считать их бунтовщиками и революционерами;[1] исполнительные чинуши строчили доносы то на отдельных вождей, то на всю группу в целом; славянофилов сажали в Петропавловскую крепость (Ю. Ф. Самарина и И. С. Аксакова), им запрещали выезд за границу, запрещали носить русскую одежду и... бороду.

Славянофилы не могли и мечтать о своем собственном журнале. Даже когда они в 1845 году попытались, по договоренности с издателем М. П. Погодиным, получить в свои руки «Москвитянин», пра-

---

[1] Хомяков передавал анекдотический разговор генерал-губернатора графа А. А. Закревского с одним приближенным: «— Что, брат, видишь: из московских славян никого не нашли в этом заговоре (петрашевцев — *Б. Е.*). Что это значит, по-твоему? — Не знаю, ваше сиятельство. — *Значит*, все тут; да хитры, не поймаешь следа» (т. VIII, с. 199).

вительство не утвердило И. В. Киреевского в качестве редактора. Да и с самим Погодиным возникали непрерывные трения и разногласия.

Оставался единственный выход: по образцу пушкинских времен издавать альманахи и сборники, к тому же славянофилы ревниво наблюдали за громадным успехом альманахов Н. А. Некрасова «Физиология Петербурга» (1845) и «Петербургский сборник» (1846), явившихся своеобразным манифестом «натуральной школы» и критической программы В. Г. Белинского. Славянофилы тогда и выпустили в свет «Московский литературный и ученый сборник на 1846 год» и — таковой же — на 1847 год. Сборники, как и вся славянофильская деятельность, успеха не имели, но все-таки славянофилы продолжали думать о более регулярном выпуске своих трудов. В 1852 году они снова издали «Московский сборник» и предполагали довести выпуск до четырех книг сборника ежегодно. Однако уже первый том вызвал недовольство правительственных кругов за похвалы Гоголю и отсутствие должного уважения к Петру I. А представленная в цензуру вторая книга вызвала настоящую бурю: цензоры в идеализации общины усмотрели пропаганду фурьеризма, издание было запрещено, основные участники сборника, в том числе и Хомяков, были отданы под надзор полиции. Славянофилы отныне должны были все свои произведения представлять в Главное управление цензуры, в Петербург, что было равносильно запрещению печататься. Вскоре стал серьезно обсуждаться вопрос о высылке славянофилов из Москвы (см. Примечания, с. 570). Не менее строго и раньше, и в период «мрачного семилетия» относилась к сочинениям славянофилов церковная цензура; их труды на религиозные темы, особенно труды Хомякова, были признаны вредными и опасными; Хомяков вынужден был публиковать свои религиозные брошюры за рубежом, а в России они впервые были напечатаны лишь через 20 лет после смерти автора.

Нужна была именно фанатическая идейная убежденность славянофилов, чтобы при таком отношении к ним со стороны правительства и церковного начальства не ожесточиться, не восстать, а с трагическим смирением продолжать доказывать, что Россия — единственная страна, которую ждет великое будущее, и что православная церковь — выше и чище католической и протестантской.

Следует учесть при этом, что своеобразный мессианизм, уверенность в том, что именно русский народ призван указывать всем другим народам путь к идеалу, приводили славянофилов не к националистическому высокомерию, а наоборот, к чрезвычайной требова-

тельности к себе и к своей стране. Избранничество налагало великую ответственность. Общество на высокой ступени общественного развития, имевшее какие-то изъяны, по Хомякову, оказывалось хуже, отвратительнее примитивного, но гармонически цельного; поэтому он сформулировал «закон, по которому высшее начало, искаженное, становится ниже низшего, выражающегося в целости и стройной последовательности» (т. VIII, с. 317). Тем большие строгость и пуризм отличали жизнь и деятельность славянофилов, чем больше они верили в величие России: им так хотелось видеть это величие в незапятнанной чистоте!

В пылу полемики между западниками и славянофилами в сороковых годах было предъявлено обоюдно много несправедливых упреков, так как тогда бросались в глаза прежде всего противоречия, антагонистические черты. Десятилетие спустя революционные демократы могли уже более трезво и объективно оценить сущность славянофильства. Н. Г. Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы» дал ему такую характеристику: «Мы никогда не разделяли и не чувствуем ни малейшего влечения разделять мнения славянофилов, но по всей справедливости должны сказать, что если понятия их и надобно признать ошибочными, то нельзя не сочувствовать им как людям, проникнутым сочувствием к просвещению. Отчасти в увлечении жаром полемики, еще более потому, что смешивали истинных славянофилов с людьми, которые пустоту и кичливость своих мнений прикрывают напыщенными родомонтадами на отрывочные и непонятные мысли, заимствованные напрокат у славянофилов (очевидно, намек на Погодина и Шевырева. — *Б. Е.*), эту школу обвиняли во вражде к науке, в обскурантизме, в стремлении возвратить Россию «ко дням Кошихина» и т. д. Упреки эти... несправедливы, — по крайней мере, относительно таких людей, как гг. Аксаковы, Кошелев, Киреевские, Хомяков, решительно несправедливы. Горячая ревность к основному началу всякого блага, просвещению, одушевляет их. Нет нужды лично знать их, чтобы быть твердо убеждену, что они принадлежат к числу образованнейших, благороднейших и даровитейших людей в русском обществе».[1] А. И. Герцен в шестидесятых годах часто ставил Хомякова в один ряд с Белинским и Грановским, как замечательных представителей московской интеллигенции николаевской эпохи:[2] в перспективе истории различия могли стираться. Н. П. Огарев, издавая

---

[1] Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 3, М., 1947, с. 78.

[2] «Колокол», 1862, 1 июня, с. 1118; 1863, 1 апреля, с. 1320.

в 1861 году сборник «Русская потаенная литература XIX столетия», включил в него, наряду с произведениями Пушкина, Полежаева, Лермонтова, декабристов, и стихотворения Хомякова и К. Аксакова. Правда, Герцен (как и Чернышевский) помнил всегда и об отличии своего круга от славянофильского: «У нас была *одна* любовь, но не *одинакая*. У них и у нас запало с ранних лет... чувство безграничной, обхватывающей все существование любви к русскому народу... И мы, как Янус или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как *сердце билось одно»*. [1]

Эстетическая система славянофилов строго подчинялась их общим концепциям. Разумеется, отвергалось «чистое искусство»; Хомяков любил противопоставлять *свободу* художества *несвободе* художника: настоящий художник, сын своего века, всегда будет выражать *определенные* идеи, тем он и не свободен; но если он высказывает эти идеи *естественно* и искренне, то он создает свободное искусство (т. III, с. 372, 419). Художественное творчество, по мнению славянофилов, должно было или отражать те свойства действительности, особенно — народной жизни, которые служили бы доказательством истинности теоретических доктрин (патриархальность, гармоничность сельской общины; религиозность и смиренность натуры), или, наоборот, резко отрицательно характеризовать все, что не соответствует идеалу. Отсюда налет дидактизма, нравоучительности, пророчества в искусстве славянофилов — и усиленная *императивность* тона и стиля. Эти особенности естественно вытекали из нормативного характера славянофильской эстетики: художник соотносил со своим идеалом все явления действительности и искусства, прославлял приближающееся и приближающее к идеалу, клеймил все мешающее и все далекое от идеала. При этом *личное*, подчиняясь общему, уходило на задний план, ибо нормативное трудно уживается с индивидуальным. Таким образом, славянофильская эстетика во многом соприкасалась с нормативной эстетикой классицизма, хотя и нельзя было после Жуковского, Пушкина, Лермонтова, Гоголя возродить классицизм; достижения литературы первых десятилетий XIX века нельзя было игнорировать, они расшатывали нормативную эстетику, они влияли на творчество славянофилов.

Славянофилов сближали с демократическим крылом западничества сороковых годов и нормативный характер эстетики (пафос нормы, идеала; строгая, бескомпромиссная оценка современного искусства с точки зрения идеала), и ее этический уклон (художественные проблемы рассматривались под этическим углом зрения),

---

[1] «Колокол», 1861, 15 января, с. 753.

но их идеалы, их этика существенно отличались друг от друга; западники видели главное условие прогрессивного развития общества прежде всего в ломке феодальных устоев, на первый план выдвигались идеи автономии, свободы личности; мировоззрение народа следовало поднимать до уровня сознания передовых деятелей, а социальный строй России сблизить с общественным устройством передовых стран; славянофилы же надеялись на улучшение жизни в рамках феодальной монархии, на первом плане у них были самобытные русские государство и община; личность должна была растворить свои интересы в интересах родины, в интересах народа, каковы бы они ни были (народное поэтому противопоставлялось не общечеловеческому, а личному): «мы должны... слиться с жизнью русской земли, не пренебрегая даже мелочами обычая» (т. I, с. 99).

Так как в подавляющем большинстве произведений русской литературы сороковых — пятидесятых годов реалистически отражалось объективное развитие жизни, характеризовавшейся все большим расшатыванием феодальных устоев, то эти произведения становились знаменем западничества. А славянофилам оставалось признавать значительными весьма избранный, ограниченный круг художественных созданий: прозу С. Т. Аксакова, некоторые рассказы из «Записок охотника» Тургенева, повести Кохановской (Н. С. Соханской), поэзию Хомякова, К. С. Аксакова, И. С. Аксакова, некоторые стихотворения А. К. Толстого и Ф. И. Тютчева. Как и в других сферах славянофильской деятельности, здесь происходило насильственное сужение богатства и разнообразия художественной литературы.

Если говорить об индивидуальных отличиях во взглядах славянофилов, то особенностью Хомякова можно назвать более земной, более практический склад характера и мировоззрения. Иван Киреевский был погружен в идеальный и идеалистический мир, он ничего не ждал хорошего от конкретной действительности; это накладывало на его жизнь трагический отпечаток и заставляло ждать божественного чуда. Хомяков же, наоборот, резко протестовал против практического бездействия, против веры в чудеса; он тщательно изучал эмпирическую жизнь, ища в ней опоры для своих теорий; он, первый из славянофилов, деятельно боролся за освобождение крестьян от барщины, а потом и вообще от крепостной зависимости. А. А. Блок справедливо подчеркивал земную, конкретную любовь к родине у Хомякова, поставив его в этом отношении в один ряд с Лермонтовым, Тютчевым, Некрасовым.[1] И даже самая идеалистическая сфера — ре-

[1] А. Блок, Собр. соч. в 8 томах, т. 5, М.—Л., 1962, с. 321.

лигия — принимала у него удивительно земной характер. В религии Хомякова больше всего интересовали практические проблемы христианской этики, как он их понимал и чувствовал: любовь, добро, благоволение. Вера в сочетании с этими понятиями должна была, по Хомякову, способствовать прежде всего созданию гармонической жизни на земле. Показательно, что жизнь в идеале мыслилась Хомяковым не только гармонической, но и *радостной.* Еще в одном из ранних стихотворений, «Поэт», Хомяков, изображая первозданную прелесть вселенной, отмечал веселье как главный атрибут жизни: «Все звезды жизнью веселились» и лишь «Земля катилася немая, Небес веселых сирота». При этом Хомяков решительно отвергал насмешливость; он был похож на художника А. А. Иванова, не признававшего жанровой карикатуры, но очень любившего радость, хорошую шутку, смех. В статье об Англии Хомяков писал: «Только крепкая и серьезная природа может сочувствовать истинной веселости. В салоне от роду никому никогда весело не бывало. Человек со смыслом поймет, что в Шекспире во сто раз более веселости, чем в Мольере; и тот, для кого из романов Диккенса и особенно из его сцен домашней жизни светит теплое солнышко сердечной радости, не поверит обвинению Англии в скуке» (т. I, с. 119). Ценны воспоминания М. А. Хомяковой (дочери) об отце: «Вообще он любил жизнь и все богом созданное, и всякую человеческую радость. Мне вспоминается один из многих его богословских разговоров с ярой кальвинисткой m-me Croisat об чуде в Кане Галилейской. Он спросил у нее, почему Христос превратил воду в вино и умножил его количество, а не другого чего-нибудь, употребляемого в пищу? Потому что он этим хотел благословить всякую чистую человеческую радость и веселье» (ГИМ).[1] Пожалуй, точнее хомяковскую веселость следовало бы отождествить именно с *радостью*, но он любил веселость и как остроумие, необычность, изменчивость, уничтожающую автоматизм, банальность размеренной жизни, даже жизни религиозной. Хомяков с женой посылали первого апреля письмо Киреевским, якобы от Чаадаева, где последний намеревался вернуться от католицизма к православию (т. VIII, с. 93). Даже над набожностью любимой матери он мог подшутить; у той были два камня от некоей святой скалы, которые полагалось класть в кружку для питья, один камень днем, другой — на ночь; и вот, когда подавали матери воду, сын серьезно замечал, что снова

---

[1] Интересно с этим сравнить воспоминание М. А. Хомяковой о своей матери Екатерине Михайловне: «Сколько я помню мою мать, у нее кроме красоты было что-то кроткое, простое, ясное и детское в выражении лица, она была веселого характера, но без всякой насмешливости». — Там же.

перепутали камни: вместо дневного положен ночной, чем вызывал переполох... (ГИМ).

Шутка и веселье, конечно, были глубоко *личным* творчеством, они ни в коем случае не допускались в серьезные стихотворения славянофильского периода: последний раз слово, производное от «веселья» («весело»), встречается у Хомякова в стихотворении 1840 года («Небо ясно, тихо море. . .»).[1]

Чисто личная особенность, столь существенная для Хомякова-человека, оказалась практически вне лирики, как того и требовала славянофильская нормативная эстетика. Важно ведь не только то, что входит из души поэта в лирический круг, но и то, что *не входит,* не допускается.

Но все-таки «веселый» характер Хомякова нашел косвенное отражение в его творчестве: он глубинно связан с *оптимистичностью* мироощущения, и даже трудно сказать, какова здесь причинно-следственная зависимость, взаимосвязь же несомненна. Сохранилось интересное письмо Хомякова к А. Н. Попову, где он, сопротивляясь трагическому пессимизму И. В. Киреевского, декларирует: «У нас постоянно должно быть более надежд, чем сомнений, и следовательно некоторый запас веселости» (т. VIII, с. 194). Сам Хомяков всегда был полон надежд. Оптимистичность взгляда, вера в будущее своеобразно окрасили его поэзию.

В раннем творчестве, отражая обычные элегические настроения, поэт-романтик обращен в прошлое, тоскует о безвозвратно ушедшем («Элегия на смерть В. К⟨иреевского⟩», «К В. К⟨иреевскому⟩», «Сонет», «Зима»). Будущее, связанное лишь с личной судьбой, неясной и зыбкой, естественно, покрывается туманным флером; отсюда при обращении к будущему (такое обращение чрезвычайно редко) часто возникает, как у пушкинского Ленского, изменчивое «быть может. . .» («Ударил час, прощайте, други! . .», «На сон грядущий»). Впрочем, иногда уже в этот ранний период в лирике Хомякова звучит *уверенность* в избранном пути, уверенность не в изменчивости, а в однозначной предначертанности будущей судьбы («Сон», «Разговор», «Думы»). Но в полную меру эта уверенность проявилась в славянофильском творчестве, начиная со стихотворений «Ключ», «Остров», «Орел». Здесь речь идет уже не о личной судьбе поэта, а о путях России и мира, которые, считал Хомяков, ему в общих чертах известны. Мысль о точно предсказанном будущем, естественно, способствовала усилению пророческого тона, призывов к скорейшему

---

[1] Зато ученик Хомякова К. С. Аксаков в 1852 году написал гимн радости и веселью — стихотворение «Веселью».

достижению будущего, тем самым усиливалась и императивность, повелительная интонация.

Если считать, что идейному императиву противостоит нечеткость жизненной позиции, робость и осторожность в изъявлении пожеланий на будущее, то в грамматических конструкциях этой антиномичной паре понятий будут соответствовать повелительное и сослагательное наклонения. Интересно, что в поэзии Хомякова двадцатых годов повелительное наклонение почти не встречается, зато тогда было вполне возможно сослагательное наклонение в глаголах-сказуемых: «Хотел бы я...» («Желание»), «Ах! я хотел бы...» («Степи»). Но уже с конца десятилетия и тем более в тридцатых годах создаются стихотворения, построенные почти целиком на повелительном наклонении («Клинок», «Просьба», «Думы», «Вдохновение»). А в славянофильский период, вплоть до середины пятидесятых годов, почти все программные стихотворения Хомякова — императивны: «Орел», «Гордись! — тебе льстецы сказали...», «Не говорите: „То былое...“», «Вставайте! Оковы распались...», «России», «Раскаявшейся России». Например, в стихотворении «России» (см. ниже) на 24 глагола приходится 10 слов в повелительном наклонении и две императивных формы с частицей «да».

Друзья-единомышленники воспринимали эти стихотворения как программные, вместе с программными же публицистическими статьями Хомякова. Когда славянофилам удалось в 1856 году добиться разрешения на издание собственного журнала «Русская беседа», то почти каждый его номер стал открываться новыми стихотворениями вождя.[1] Творчество других поэтов-славянофилов, прежде всего братьев Константина и Ивана Аксаковых, играло значительно меньшую роль в развитии «партийной» журналистики и литературы: Константин, подобно Хомякову, стремился к созданию программной поэзии, но в своих стихотворениях он лишь развивал общие идеи Хомякова применительно к темам дня; его лирика была посвящена поэтому конкретным социальным проблемам, была, так сказать, более злободневна и публицистична (тема освобождения народа, освобождения печатного слова от цензуры, сатира на космополитическое барство и т. д.); к тому же в количественном отношении стихотворения К. Аксакова занимают на страницах «Русской беседы» ничтожное место — их всего три на двадцать номеров журнала. Иван же Аксаков работал в те годы над народной эпопеей «Бродяга», а в малом

---

[1] Впрочем, новыми они были для читателей; большинство из этих стихотворений создано Хомяковым в сороковых и в начале пятидесятых годов.

жанре по-прежнему варьировал темы душевной неустроенности, покаяния, резиньяции; однако в отдельных стихотворениях («На Дунай! туда, где новой славы...», «На 1858 год») он явно следовал программным идеям старших славянофилов, поэтому и композиционно, и стилистически строил эти произведения по образцу стихотворений Хомякова.

Программность хомяковских стихотворений существенно изменила образ Поэта. В ранних его опытах Поэт был как бы «частным лицом», нисколько не мечтавшим взять на себя ответственность за судьбы нации и человечества; он лишь стремился подняться к богу, получить божественное вдохновение для лирического творчества; теперь же, в славянофильский период, автор становится настолько уверенным в себе, в своем пророческом призвании, что он уже не нуждается в «благословении», он становится всеведущим и всеответственным, он декларирует политические формулы, пророчествует о будущем, карает врагов и поощряет друзей.

РОССИИ

Тебя призвал на брань святую,
Тебя господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил.

Вставай, страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовет
Чрез волны гневного Дуная,
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.

Но помни: быть орудьем бога
Земным созданьям тяжело.
Своих рабов он судит строго,
А на тебя, увы! как много
Грехов ужасных налегло!

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой!

С душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной
Елеем плача исцели!

И встань потом, верна призванью,
И бросься в пыл кровавых сеч!
Борись за братьев крепкой бранью,
Держи стяг божий крепкой дланью,
Рази мечом — то божий меч!

Это стихотворение — одно из самых типичнейших славянофильских произведений Хомякова, мы еще не раз к нему будем возвращаться. Императивность, пророчество и исторический оптимизм сочетаются здесь с чрезвычайно требовательным отношением к родной стране, с обнажением язв и пороков, опутавших Россию (последним поэзия Хомякова резко отличается от односторонне апологетических стихотворений Н. М. Языкова). Многие писатели — П. А. Вяземский, Ф. Ф. Вигель, графиня Е. П. Ростопчина — приходили в ярость от такого «самомнения» и самоволия: кто, дескать, дал право частному человеку повелительно изрекать абсолютные истины да еще «очернять» свою родину (см. Примечания, с. 570)?

Но Хомяков говорит не только как пророк, некоторые его стихотворения перелагают как бы «глас божий» («Суд божий», «По прочтении псалма»), поэт как бы выступает непосредственно от имени бога. Стихотворения славянофильского периода невольно приобретают библейскую четкость, торжественность. Они и буквально наполняются библейскими образами и ассоциациями, и косвенно связаны с поэтикой Библии (частое употребление повторов, особенно анафор, единоначатий: в стихотворении «Не говорите: „То былое. . .“» из 52 строк 25 начинаются с предлога «за», в том числе в середине стихотворения следует 17 таких строк подряд!). В стихотворении «России» 4 строфы (из общего числа 7) также содержат анафоры: «Тебя-Тебя-Тебе», «И-И-И» и т. д.

Любил Хомяков повторять и однокоренные слова, усиливая, подчеркивая тем самым их смысл: «В судах черна неправдой черной», «Даруй им дар святой свободы», «Что даст он дар — венец дарам — Дар братолюбья к братьям-людям». Весьма обильно употребляются и синонимы, тоже усиливающие общий смысл фразы (ср. в стихотворении «России»: «Слепых, безумных, диких сил», «Безбожной лести, лжи тлетворной» и т. д.). Можно говорить и о связи подобных стихотворений с жанром притчи. [1]

Любопытно также, что повторения и синонимы приводят как бы к удвоению некоторых строк, и обычная строфа из четырех строк превращается в пятистишье. Вначале у Хомякова такие «растяжения» были исключительными, единичными, как бы нарушающими общий строфический рисунок стихотворения, и располагались они обычно в завершающей строфе («Старость», «В альбом С. Н. Карамзиной»), в славянофильский же период многие стихотворения программного характера полностью написаны пятистишьями («И. В. Киреевскому», «Суд божий», «России», «Счастлива мысль, которой не светила. . .»). Возможно, здесь сказалось влияние И. Аксакова, довольно часто употреблявшего пятистишья, начиная со стихотворений середины сороковых годов («Романс», «Послание», «Среди удобных и ленивых. . .», «Нет, с непреклонною судьбою. . .»).

В отличие от зыбких и туманных романтических картин природы, обрисованных сложно и метафорически, пейзаж в «библейских» стихах Хомякова внешне очень конкретен:

Помнишь, по стезе нагорной
Шли мы летом: солнце жгло,
А полнеба тучей черной
С полуден заволокло.
По стезе песок горючий
Ноги путников сжигал,
А из тучи вихрь летучий
Капли крупные срывал. . .

Однако с этим пейзажем не связан никакой *единственный* и действительный случай из переживаний самого поэта. Пейзаж реален внешне, реален условно и, как и всякий библейский пейзаж, нужен для передачи определенной сентенции.

---

[1] См. об этом в статье: Е. А. Маймин, А. С. Хомяков как поэт. — «Пушкинский сборник», Псков, 1968, с. 96.

Правда, от библейских текстов стихотворение как будто резко отличается наличием какого-то близкого собеседника («Помнишь...»), но этот персонаж — чистая фикция, он совсем не нужен для дальнейшей монологической декларации и тоже становится поэтической условностью. Такой же условностью являлся собеседник в раннем творчестве Тютчева: «Ты скажешь: ветреная Геба...» (любопытно, однако, что у позднего Тютчева, особенно в «денисьевском» цикле стихотворений, фиктивный собеседник исчезнет, заменившись чрезвычайно важным образом *ее*, избранницы). Впрочем, и у Тютчева, и у Хомякова введение условного собеседника как-то оживляет повествование, придает ему некоторую интимность, вызывает у читателя чувство «сопричастности» к рассказываемому.

Что еще сближает стиль Хомякова с библейским — это простота и искренность, качества, связанные и с общей тенденцией в развитии передовой русской литературы послепушкинской поры, но Хомяковым воспринимавшиеся прежде всего как характерные черты наивного искусства народов прошлого: древних греков, иудеев, а также русского народного творчества. Интересно письмо Хомякова к П. М. Бестужевой (1852), где говорится о «Завещании» Ефрема Сирина: произведение хорошо «своею поэтическою простотою и теплотою чувства, не затемненного риторическими хитростями, как в других святых отцах греческих... Вот, например, и у наших духовных, какое бы ни было их достоинство и красноречие, а все как-то отрыгает семинариею. И заметьте странность. Во всей нашей словесности нет ни одного поэта-семинариста. Есть даже крестьяне, как, например, Кольцов, и ни одного поповича. Отчего это? Оттого, что семинарское воспитание, т. е. многолетнее питание риторическою кашею, непременно убивает поэзию. То же самое было и с святыми отцами прежнего времени; исключением служат Ефрем и Дамаскин: оба воспитанные не в школах, а самоучкою» (ГИМ).

Ценя и в современной литературе эти черты, Хомяков в своей лирике всячески стремился к «перевозданной» простоте слога (сам он называл еще свой слог «скупым, как папаша Гранде» — т. VIII, с. 395).

Но, с другой стороны, повелительные интонации, пророческий тон большинства стихотворений не мешали использованию словесной архаики («тук степей», «глагол творца», «в горнем мире», «моя десная», «не смыкая вежд»), а иногда даже и эпитетов и метафор («Мысли бурные кипят», «и лени мертвой и позорной», «с душой коленопреклоненной», «и раны совести растленной Елеем плача

исцели»). Если и говорить в данном случае о библейской традиции, то следует вспомнить прежде всего «Книги пророков»; но, пожалуй, у Хомякова имеются и более близкие предшественники — поэты-декабристы с их гражданскими инвективами, Лермонтов со «Смертью поэта».

Возможно, некоторое влияние оказали на Хомякова и славянофильские стихотворения Н. М. Языкова 1844—1846 годов («К ненашим», «Константину Аксакову», «К Чаадаеву», «А. С. Хомякову», «Сампсон»), хотя не исключено и обратное влияние (Хомякова на Языкова). Хомякову недостает только силы гнева, страсти, ярости его предшественников, стихотворения у него более уравновешенные, и лишь в исключительных случаях поэт поднимается до инвективы («Не говорите: «То былое. . .», «России»). Все-таки более близка Хомякову «гармоническая» традиция Жуковского и Пушкина. Именно Жуковского и Пушкина, так как в стихотворениях Хомякова славянофильского периода простота и «прозрачность» слога позднего Пушкина неожиданно смешивается с зыбкими метафорами Жуковского.

Стихотворение «Вечерняя песнь» начинается так:

Солнце сокрылось, дымятся долины,
Медленно сходят к ночлегу стада,
Чуть шевелятся лесные вершины,
  Чуть шевелится вода.
Ветер приносит прохладу ночную. . .

А далее вдруг следует метафорическое: «Тихою славой горят небеса» (ср. в «Невыразимом» Жуковского: «. . .сей пламень облаков, По небу тихому летящих»). Любопытно, что у Хомякова и в других стихотворениях встречаются подобные вариации на тему «тишины»: «Цепь любовной тишины», «Года цветущей тишины»; здесь важный для Хомякова термин «тишина», понимаемый как уравновешенность, покой, мир, наделяется метафорическими эпитетами, сопоставленными с определяемым словом по принципу поэтики Жуковского: возникает многоплановость и туманная зыбкость понятия. Впрочем, подобные примеры единичны, они свидетельствуют, что романтическая поэтика, усвоенная молодым поэтом в двадцатых годах, сохранила следы и в его творчестве зрелых, «славянофильских» лет, но лишь следы, так как однозначности, четкости славянофильской концепции мира была чужда неясная многоликость образа.

Своеобразна и лексика хомяковских стихотворений. Если подсчитать количество определенных слов или групп однокоренных слов в языке какого-либо писателя и расположить эти группы в порядке убывания, то этот список даст возможность судить о наиболее излюбленных понятиях автора (впрочем, в поэтическом контексте могут быть весьма значительными и очень редкие слова, то есть наиболее редко встречающиеся). Важные результаты могут быть получены при сравнении таких словарей разных поэтов, при условии, конечно, что значение сходных слов в контексте творчества того или другого автора будет *приблизительно* одно и то же. Словарь однокоренных слов в поэзии Ф. И. Тютчева дает такую убывающую последовательность семи наиболее часто употребляющихся групп: *жизнь, небо, душа, любовь, свет, сон, бог.*[1] У Пушкина: *день, любовь, душа, ночь, взор, пора, конь.*[2] У Хомякова же: *небо, бог, сердце, душа, мир* (общество), *сила, песня.*[3] Интересно, что список Хомякова ближе к тютчевскому: три общих слова — *небо, душа, бог*, в то время как с пушкинским списком у него общим является всего одно слово *душа*; интересно также, что *бог* у Пушкина отсутствует, а у Тютчева занимает седьмое место, у Хомякова же — второе. Удивительно точно список соответствует самым дорогим понятиям хомяковского мировоззрения вообще, а не только лирики. На основании тщательного исследования словаря Хомякова можно сделать интересные выводы о структуре лирики, об идейно-художественной эволюции поэта по отдельным периодам, о семантическом своеобразии отдельных групп слов и т. д. Ограничимся здесь лишь самым существенным.

Нельзя не отметить, например, коренное изменение понятий «гордость» и «смирение». В двадцатых и тридцатых годах «гордый» — частый и хвалебный эпитет поэта. Слова же «смирный», «смиренный» единичны; по смыслу они или стилистически нейтральны, входя в поэтический штамп («смиренная обитель»), или резко отрицательны, употреблены с презрительно-уничижительным оттенком: «смиренный раб» («Желание покоя»). В славянофильской лирике, наоборот, «смирение» становится очень часто встречающимся словом, имеющим самый положительный смысл, а «гордость» при-

---

[1] Словарь составлен О. А. Мухиной (рукопись).

[2] См.: Р. М. Фрумкина, Статистические методы изучения лексики, М., 1964, с. 105. Здесь представлен словарь имен существительных; однако привлечение однокоренных слов других частей речи вряд ли существенно изменит картину.

[3] Словарь составлен Т. А. Николаевой (рукопись).

обретает отрицательное значение, связывается с «неправедным» путем («Гордись! — тебе льстецы сказали...», «гордыня» у Наполеона и т. д.). Эпитет «гордый» применяется теперь не к Поэту, а к политическим и национальным врагам (маджары и турки в «Сербской песне»), к «черни людской» («Подвиг есть и в сраженьи...»).

Выше рассматривалась веселость как специфическое качество Хомякова-человека, нашедшее сложное отражение в его творчестве. И другое личное свойство Хомякова, характерное также и для его теоретических работ, оказалось опосредованно отраженным в его поэзии — это полемичность, жажда борьбы мнений, парадоксальность выводов. Все мемуаристы, начиная с ближайших друзей и кончая Герценом, признавали за Хомяковым блестящий талант спорщика. Здесь тоже, вероятно, немалую роль играло унылое однообразие николаевской эпохи, когда словесные прения оказывались чуть ли не единственным способом несколько оживить салонные вечера, занимавшие столь большое место в жизни Москвы 1820—1850-х годов (об этом прямо говорил потом Герцен в «Былом и думах»: «Хомяков, может быть, беспрерывной суетой споров и хлопотливо-праздной полемикой заглушал... чувство пустоты»[1]). Важно подчеркнуть, что в споре всегда есть возможность выбора, вариантов, есть относительная свобода такого выбора, *личное творчество*. В воспоминаниях М. А. Хомяковой содержится интересное наблюдение: «А. С. любил всякое состязание (соревнование) словесное, умственное или физическое; он любил и диалектику, споры и с друзьями, и с знакомыми, и с раскольниками на святой (в Кремле), любил и охоту с борзыми, как природное состязание, любил скачки и верховую езду, игру на биллиарде, в шахматы и с деревенскими соседями в карты в длинные осенние вечера, и фехтование, и стрельбу в цель» (ГИМ).

К тому же словесные споры углубляли представление о мире, в них возрождалась диалектика, сопоставлялись и противопоставлялись явления, внешне далекие друг от друга. Уже после смерти Хомякова Герцен вспомнил одну его грустную остроту, относящуюся к сороковым годам. Николай I велел награждать крестьян, которые выдавали властям своих детей, скрывавшихся от рекрутского набора. Герцен спросил Хомякова: «Какую же медаль им дадут... — не ту ли, что дают крестьянам с надписью: „За спасение погибавших“». — «Непременно, — заметил Хомяков, — только уж с надпи-

[1] А. И. Герцен, Собр. соч. в 30 томах, т. 9, М., 1956, с. 158.

сью „*За гибель спасавшихся*“».[1] Вот такое умение парадоксально перевернуть понятие, обнажить глубинный, внутренний смысл явления нашло косвенное отражение в поздней поэтике Хомякова — в его явном пристрастии к «зеркальным» (или почти «зеркальным») парам слов, в сочетании дающим совсем новое, иногда парадоксальное освещение смысловым связям:

К жизни духа, к духу жизни.[2]

(*«Киев»*)

Дай мысли жизнь, дай жизни мир!

(*«Раскаявшейся России»*)

Однако Хомяков-славянофил, стремящийся к однозначности формулировок, очень осторожно вводил подобные пары: диалектика всегда склонна к расшатыванию прочности понятий, к показу их многоплановости, а это противоречило основам славянофильской поэтики, как бы ни был лично Хомяков пристрастен к парадоксам и диалектике.

4

Как уже говорилось, для Хомякова-поэта характерны обобщения, оперирование крупномасштабными образами. В его творчестве почти начисто отсутствует подробность, детализация, изображение вблизи. Кажется, единственный раз поэт готов был дать «крупным планом» портрет героини в стихотворении «Лампада поздняя горела...». Но начав с описания женского лица, расположенного на грани света и тени, автор затем переходит к образам Солнца, Земли, к обобщенному изображению чувств героя. Любопытно, что Хомяков-художник, оставивший много рисунков на отдельных листах и на полях рукописей, тоже тяготел к условно-обобщенным фигурам, без детализации и индивидуализации.

Пророческий, а иногда и «божественный» характер поэтических деклараций и их крупномасштабность логично связаны с особым пространственным положением поэта: он почти всегда находится высоко *над* землей, изображает ее «с птичьего полета». Выше уже

---

[1] А. И. Герцен, Собр. соч., т. 15, М., 1958, с. 129.

[2] «Дух жизни» — любимое выражение Хомякова (ср. еще «Гордись! — тебе льстецы сказали...», «Видение»).

говорилось о теме орла в раннем творчестве Хомякова. Но уже тогда, на грани 1820-х и 1830-х годов, появляется и другой орел — «гербовый» — символ России («Прощание с Адрианополем», «Ода»); эта тема затем развивается в стихотворениях славянофильского периода («Орел», «Суд божий»).

Однако не исчезает и образ орла как символ поэтического полета; причем, как и раньше, он не только символ, но еще определяет в пространстве почти реально мыслимое положение автора (или лирического героя). Стихотворение «Милькееву» начинается с приветствия сибирскому поэту, а затем идет описание Оби, Иртыша, Лены, Алтая, степей и тайги так, как будто бы автор может обозреть их сразу, как будто он находится даже не на уровне орлиного лета, а где-то высоко-высоко, во многих и многих километрах над поверхностью земли. В стихотворении «Беззвездная полночь дышала прохладой. . .» Хомяков прямо пишет о полете даже «выше» орла, когда повествователь смог единым взглядом охватить нынешнюю Чехословакию, да еще и северную часть Югославии. До самых последних стихотворений этот символ орла и особое пространственное положение поэта в разных вариантах будут повторяться Хомяковым (ср., например, «Подвиг есть и в сраженьи. . .»).

Уверенность в правильном и точном понимании исторических судеб страны, Европы, крупномасштабность мышления и обобщенность идей создавали в сознании Хомякова четкую картину мира, картину предельно схематизированную, *структуризованную*, говоря современным термином. Хомяков мыслил именно структурно: все явления жизни он стремился уложить в стройную систему,[1] где элементы сопоставлялись и противопоставлялись друг другу по главным признакам. Так была создана им структура религиозных систем внутри христианства в виде «треугольника»: *православие — католичество — протестантство*, аналогичные системы он конструировал в области социологии, философии и т. д. Представление о структурности мира, то есть о четкой взаимосвязанности всех элементов этой сложной системы, проникало и в поэтическое творчество, определяя построение самих поэтических произведений.

Ранние стихотворения Хомякова выглядели относительно аморфно, являясь цепочкой не строго соединенных между собою фраз. «Послание к Веневитиновым» можно было без ущерба для содержания сократить на две трети, а можно было бы и увеличить

---

[1] О стройности поэзии Хомякова см.: Е. А. Маймин. А. С. Хомяков как поэт. — «Пушкинский сборник», Псков, 1968, с. 80.

в несколько раз, «нацепив» еще несколько образов и обращений; можно было бы и поменять местами между собою отдельные части. Но уже «Желание покоя» построено на контрастных переменах чувства, и автору уже нельзя было остановиться, кончить на любом переходе без ущерба для общей идеи; в первопечатном варианте была исключена «спокойная» концовка, и стихотворение приобрело совсем другой, противоположный смысл. Понятия стали определяться четче, у каждого появились границы и антиподы, в строках замелькали «пары» антиномических крайностей:

Смешенье пламени и хлада,
Смешение небес и ада,
Слияние лучей и тьмы...

(«Заря»)

Возникли стихотворения, которые можно было понять лишь в совокупности («Молодость» и «Старость»), во взаимосвязи. Метафорическая размытость заменилась четким соотношением и разделением двух планов; многие стихотворения Хомякова стали строиться подобно двучленным, двучастным народным лирическим песням: реальные чувства героя — сравнение их с явлениями природы или историческими событиями (или наоборот: вначале сравнение,[1] потом «реальность»). Так построены «Изола Белла», «Отзыв одной даме», «Вдохновение», «Из Саади».

Вряд ли здесь можно усматривать фольклорное влияние: скорее всего имело место художественно-композиционное воплощение характерной для «любомудров» шеллингианской мысли о противоречивом тождестве явлений человеческой жизни и мира природы. Подобная двучленная композиция лирического стихотворения весьма типична для Тютчева, для Шевырева, частично — и для Веневитинова.

В ранних стихотворениях Хомякова вроде «Зари» и «Желания покоя» диалектическая двойственность понятий создавала все-таки какую-то зыбкость, релятивность авторской позиции: четко отграничивались небеса от ада, но люди оказывались «смешанными», «двуликими», им были присущи свойства и лучей, и тьмы. В двучленных стихотворениях со сравнением намечалось уже более однозначное решение, но реальные описания и сравнения оказывались тесно

---

[1] Здесь и ниже под сравнением подразумевается лишь вторая часть сравнения — то, с чем сравнивается основная часть.

соединенными, жизнь смешивалась со сном, грезами. В славянофильский период только в самом начале еще создавалась такая традиционная двучленность («Ключ»), и то она в конце стихотворения снята объединением обеих частей: рисуется картина прекрасного будущего, при котором сливаются оба члена сравнения. Впоследствии у Хомякова возникает новая двучленность, самая четкая и однозначная; граница пролегает уже не между реальностью и поэтическим сравнением, а между *истинным* и *ложным* путем, точнее, путем праведным и неправедным. Так построены основные стихотворения последнего периода: «Остров», «Гордись! — тебе льстецы сказали...», «Навуходоносор», «Мы род избранный — говорили...», «России», «Труженик», «Широка, необозрима...». Интересно, что если в таком стихотворении появляется сравнение, то оно оказывается отражением двучленности основной части, то есть стихотворение как бы делится уже на четыре элемента: истинный и ложный варианты жизненного поведения в сравнении и таковые же в основной части. По такому принципу построено стихотворение «Давид». Разумеется, геометрическая четкость структуры является тоже следствием уверенности Хомякова в том, что он точно знает, каков путь праведный, а какой ошибочный; полутени, нюансы здесь пропадают, остается разделение мира на две половины. С этим связана еще одна особенность хомяковской лирики — ее логизированность, схематизм, обдуманность. «Без притворного смирения я знаю про себя, — писал Хомяков А. Н. Попову в 1850 году, — что мои стихи, когда хороши, держатся мыслью, т. е. прозатор везде проглядывает и следовательно должен наконец задушить стихотворца». А себе он противопоставлял Тютчева: «Он же наскозь поэт (durch und durch). У него не может иссякнуть источник поэтический. В нем, как в Пушкине, как в Языкове, натура античная в отношении к художеству» (т. VIII, с. 200).

5

То, что говорилось выше, относится в целом ко всему второму периоду жизни Хомякова, периоду славянофильства. Но внутри этого периода важно отметить рубеж, несколько иначе расставивший общие акценты в поэзии Хомякова. Намечаться этот рубеж стал в начале пятидесятых годов: в январе 1852 года умерла горячо любимая Хомяковым жена; событие это потрясло его необычайно; в том же году Хомякову пришлось пережить вместе с другими славянофилами тяжелые дни, когда их пребывание в Москве могло

в любой момент завершиться высылкой; дело, правда, окончилось относительно «благополучно»: запрещением печататься без ведома Главного управления цензуры, но все эти гонения славянофилы пережили очень болезненно; в 1855 году Хомяков был морально убит серией поражений России в Крымской войне, приведших к сдаче Севастополя. Такие потрясения не проходят даром; чрезвычайно трудно было сохранить при этом прежнюю оптимистическую уверенность, прежний славянофильский идеал гармонического общества. Тем поразительнее, что целостность мировоззрения и веры Хомякова не была разрушена даже такими событиями.

Хомяков смертельно боялся расшатывания сложившихся социальных устоев, сложившихся форм быта, предполагая при таком распаде и будущую гибель всего дорогого в жизни, и гибель искусства: «все дробится на такие мелкие части, общество так рассыпается и пустеет, что никакое вдохновение невозможно, кроме комического» (т. VIII, с. 397). Искусство, отображающее положительные ценности жизни, по Хомякову, может существовать лишь в гармонических условиях цельного бытия и цельного идеала: «Искусство требует внутреннего мира и внутренней полноты» (т. I, с. 171); «Для того, чтобы человеку была доступна святыня искусства, надобно, чтобы он был одушевлен чувством любви верующей и не знающей сомнения... Любовь, дробящая душу, есть не любовь, а разврат» (т. III, с. 95). Хомяков делал нечеловеческие усилия, чтобы остаться «цельным».

Но все-таки душевные потрясения как на личной, так и на социально-политической почве оставили свой след; прежнюю «гармонию» во всей первоначальной полноте сохранить было невозможно.

К тому же именно после 1855 года Хомяков наиболее активно участвует в общественной жизни страны (после смерти Николая I, при либеральном начале царствования Александра II, со славянофилов был снят полицейский надзор и разрешено печататься): интенсивно борется в своей Тульской губернии за справедливое (для крестьян) проведение земельной реформы; является одним из руководителей впервые организованного славянофильского журнала «Русская беседа» (1856—1860); восстанавливает в Москве запущенное, забытое «Общество любителей российской словесности», где с 1859 года избирается председателем; долго и безуспешно добивается права бесцензурного издания «Трудов» Общества. Относительная независимость прежней жизни богатого помещика сменилась погружением в гущу мирской суеты и непрерывными столкно-

вениями с бюрократами, ретроградами, злобными недоброжелателями. Особенно остро почувствовал Хомяков «непробиваемость» бюрократической стены во время длительных хлопот по изданию «Русской беседы» и «Трудов» «Общества любителей российской словесности». Немыслимо было при всем этом сохранять душевное равновесие.

В стихотворениях Хомякова последних лет слишком часто появляется напряженность ситуаций, конфликтность, отнюдь не разрешаемая, так сказать, «истинным», славянофильским путем. Хомяков, как и раньше, верит в праведность и единственную возможность проповедуемого им пути, но этот путь окрашивается в трагические тона, так как он оказывается связанным с жертвами и страданиями. Оптимистический и «радостный» пафос хомяковского творчества был органически чужд страданию; идеолог славянофильства шел в этом отношении даже вразрез с официальным христианским культом мученичества. В особом примечании к статье Э. Дмитриева-Мамонова «О византийской живописи», где утверждался этот культ, Хомяков оспаривал правомерность применения термина «страдание» для определения сущности искусства: «Характеристика нового искусства, по преимуществу христианского, не есть *страдание*, но *нравственный пафос*, которого страдание не может ни помрачить, ни победить» (т. III, с. 376). Страдание противостоит гармонии и цельности, подчеркивал Хомяков в письме к И. С. Аксакову (т. VIII, с. 358).

Это так. Но если до начала пятидесятых годов славянофильская поэзия Хомякова, как правило, обходила страдания, то в последнем десятилетии нет почти стихотворения, где эта тема не сопутствовала бы основному конфликту. Сам «истинный» путь оказывается не простым, трудным, тяжелым. Даже чтобы выйти на него, требуются громадные усилия и нравственные потрясения:

С душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной
Елеем плача исцели!

(«России»)

Особенно тревожным становится предчувствие новых мировых катаклизмов (тема, которая перейдет потом к Вл. Соловьеву и А. Блоку):

Гул растет, как в спящем море
Перед бурей роковой;
Вскоре, вскоре в бранном споре
Закипит весь мир земной.
Чтоб страданьями — свободы
Покупалась благодать...

(«Помнишь, по стезе нагорной...»)

Но где сдвиг акцентов особенно заметен — это в теме ночи. В отличие от тютчевской философской трагедийности ночи, у Хомякова эта тема, начиная с юного шеллингианства, всегда тяготела к гармоническому истолкованию, к сопряжению с человеческим настроением покоя, умиротворенности, отрешенности от суеты:

Когда-нибудь в часы полночи,
Когда всё стихнет на земле...

(«Элегия на смерть В. К<иреевского>») [1]

Однако почти все интимно-обнаженные стихотворения «гордого» периода, те стихотворения, где поэт не может скрыть своих мук, своих потрясений, — тоже *ночные*: «Два часа», «На сон грядущий», «Элегия». Получается, что у Хомякова создаются как бы две «ночи», разительно не похожие одна на другую: ночь мира, покоя, гармонии — и ночь, как время, когда невозможно больше молчать, когда дневная закованность, умение сдерживаться оставляют лирического героя и сменяются тревогой, тоской, безответной любовью. Первая «ночь» более распространенна, но зато вторая куда интереснее, значительнее — здесь проявляются черты, не менее характерные для творчества поэта.

Оказывается, подобные две «ночи» существуют и в славянофильский период. Гармоническая ночь и здесь занимает главное место: «Видение», «Nachtstück», «Вечерняя песнь», «Звезды». Это значительные стихотворения, действующие на читателя своей чистотой, воистину «детским чувством», стихотворения, разительно контрастные трудному и сложному времени, когда они создавались.

---

[1] Таковы же и «ночные» стихотворения молодого Шевырева: «Стансы» (1828), «Ночь» (1828), «Ночь» (1829).

Но появляется и другая ночь, ночь тревоги и муки, причем появляется именно в пятидесятых годах: «Жаль мне вас, людей бессонных! . .», «Ночь», «Как часто во мне пробуждалась. . .». Такая двойственность удивительно точно соответствовала реальной жизни Хомякова. Сохранились ценные воспоминания о нем Ю. Ф. Самарина: «Раз я жил у него в Ивановском. К нему съехалось несколько человек гостей, так что все комнаты были заняты и он перенес мою постель к себе. После ужина, после долгих разговоров, оживленных его неистощимою веселостью, мы улеглись, погасили свечи, и я заснул. Далеко за полночь я проснулся от какого-то говора в комнате. Утренняя заря едва-едва освещала ее. Не шевелясь и не подавая голоса, я начал всматриваться и вслушиваться. Он стоял на коленях перед походной своей иконой, руки были сложены крестом на подушке стула, голова покоилась на руках. До слуха моего доходили сдержанные рыдания. Это продолжалось до утра. Разумеется, я притворился спящим. На другой день он вышел к нам веселый, бодрый, с обычным добродушным своим смехом. От человека, всюду его сопровождавшего, я слышал, что это повторялось почти каждую ночь. . .».[1]

Самарин описывает здесь страдания Хомякова после смерти жены. Но, судя по стихотворениям, дисгармонические «прорывы» чувства были вообще нередки. По природным данным, по воспитанию, по выработанному им самим мироощущению Хомяков удивительно точно соответствовал идеалам славянофильства: человек большого душевного благородства, прекрасный семьянин, рачительный хозяин, хороший организатор хозяйства, — он в утопическом мире славянофильской гармонии (если бы только когда-нибудь эта утопия могла осуществиться) был бы на своем месте. Но место и время земного существования Хомякова слишком далеко отстояли от его идеала. Жизнь непрерывно, с юных лет, разрушала грезы поэта. Он возводил новые волшебные замки, они снова рушились. Еще раз нужно подчеркнуть, что, несмотря ни на какие потрясения, Хомяков не отказался, не отступился от своих идеалов. Поэтому «дневной» Хомяков, веселый, энергичный, «цельный», — естественное и искреннее сочетание природных даров с созданной разумом нормой. А «ночные» мученья — это те трещины в душе и в идеале, которые непрерывно появлялись и непрерывно же, с невиданными усилиями, «замазывались», уничтожались. В «дневном» Хомякове и в его славянофильских поэтических декларациях гармонического

[1] «Татевский сборник», СПб., 1899, с. 133.

характера заключалась общетипическая сущность группы, сближающая Хомякова, скажем, с К. Аксаковым, хотя, как говорилось выше, и у поэтов-славянофилов были некоторые индивидуальные особенности; так, К. Аксаков, в отличие от Хомякова, сохранил до последних дней удивительно «детское», «цельное» мироощущение, без нотки трагедийности, в сочетании с крайним фанатизмом; особое место занимает в славянофильском искусстве интимная лирика И. С. Аксакова, заметно отличающаяся содержанием от поэзии Хомякова и Константина Аксакова: в ней много рефлексии, тоски, самовоспитания, недовольства жизнью — тех черт, которые сближают Ивана Аксакова скорее с Огаревым, чем с собратьями по славянофильству. В «ночных» стихотворениях Хомякова, раскрывающих диссонансы души, тоже наиболее ярко проявились именно личные свойства автора как поэта и человека, начиная с самого факта существования таких стихотворений и кончая их формой.

Дело в том, что Хомяков — один из новаторов в области поэтического ритма, рифмовки, строфики. Выше уже говорилось о следовании Хомякова за новаторами стиха в драмах «Ермак» и «Димитрий Самозванец». В лирических стихотворениях можно найти прямое продолжение тех же приемов, например нарочитое введение в рифмующийся ряд строк одной «белой», «холостой», которая ярко выделяется, подчеркивается на фоне остальных. Таково стихотворение «К детям», где в каждой строфе самой значительной по смыслу строкой оказывается пятая; она не рифмуется с другими и укорочена на одну стопу. Еще интереснее построено стихотворение «Не сила народов тебя подняла...»: в строфах-шестистишиях рифмуются между собою лишь центральные строки — 3, 4, 5, а окраинные — 1, 2, 6 — без рифмы: непрерывные перебивы белого стиха рифмованными создают те самые взаимосвязанность и напряженное ожидание, о которых говорилось в связи с трагедией «Димитрий Самозванец».

Очень важны и перебивы ритма. Разностопность встречается у Хомякова если и не в каждом лирическом произведении, то во всяком случае достаточно часто, десятки стихотворений написаны таким образом. Еще более интересны частые нарушения системы в целом, особенно — пропуск полагающихся по правилам силлаботоники слогов. Так, в стихотворении «7 ноября» во всех строках, кратных трем (строках наиболее идейно значимых, завершающих половину строфы или всю строфу), отсутствует первый безударный слог второй стопы (стихотворение написано амфибрахием, следова-

тельно этот слог должен бы быть четвертым слева). Еще сильнее нарушен ритм во втором стихотворении из цикла «Nachtstück»: дважды в каждой строфе дактилические четырехстопные строки перемежаются двухстопным амфибрахием, плюс к этому четырежды (в первых двух строках двух первых строф) ритм перебивается пропуском слога.

Такой постоянный пропуск безударных слогов, нарушающий метр, расшатывал силлабо-тоническую систему и фактически превращал стихотворение в дольник, размер, который получит массовое распространение лишь в XX веке (дольник — стихотворение, созданное на основе классических силлабо-тонических трехсложных стоп, но со значительными нарушениями правил, прежде всего — с изъятием отдельных безударных слогов из ритмической сетки). Во времена Хомякова изрядно распространенный в германской лирике (например, в поэзии Г. Гейне), в русской стихотворческой практике дольник был исключением. Можно назвать лишь единичные случаи «дольнических» нарушений классического ритма у Лермонтова, Тютчева, Некрасова, Фета.[1] Без преувеличения можно сказать, что Хомяков — самый активный «правонарушитель» в русской поэзии второй трети XIX века, во многих и многих своих стихотворениях пользующийся необычными, новыми для тогдашней лирики средствами «дестандартизации» стиха. Вряд ли автор думал тем самым расшатывать «гармонию»: содержание большинства стихотворений с «нарушенным» метром как раз свидетельствует о желании склеить, связать, гармонизировать разваливающийся на глазах мир или по крайней мере противопоставить этому миру целостный идеал. Но, может быть, помимо воли автора ритмические диссонансы оказывались своеобразным фоном, создающим тревожные, дисгармонические толчки, способствующие восприятию «ночных» страданий поэта (или, точнее, его лирического героя), заставлявшие и «дневные» идеи воспринимать далеко не в той безоблачной тональности, как того хотелось бы автору.

---

[1] Не более часты были нарушения ритма в двусложных стопах (так называемый «хромой ямб» — или хориямб, ямб в сочетании с хореем); единственным заметным исключением было нарочитое новаторство Шевырева-поэта в начале тридцатых годов; но опыты Шевырева были встречены насмешками современников и не нашли тогда последователей.

6

В конце николаевской эпохи оказались подорванными фундаментальные основы славянофильства — надежда на возрождение патриархального строя. Реформа 1861 года окончательно убила теорию. Между тем вожди славянофильства один за другим уходили из жизни именно в этом промежутке, то есть в 1855—1861 годах. В 1856 году умерли оба брата Киреевские, Иван и Петр. 23 сентября 1860 года скоропостижно скончался от холеры Хомяков. Вслед за ним угас Константин Аксаков. Общественная жизнь шестидесятых — семидесятых годов вряд ли давала бы питательные соки старшим славянофилам. Позднее славянофильство представляет собой вырождение и раздробление системы, превратившись или в политический панславизм (И. Аксаков, Ю. Самарин), или в мрачный религиозный фанатизм (К. Леонтьев, Н. Данилевский); «почвенники» шестидесятых годов (Ф. Достоевский, А. Григорьев, Н. Страхов) пытались найти синтез славянофильства и западничества. Влияние Хомякова на последующие поколения славянофилов несомненно, но последователи из цельной системы взглядов выделили, утрировали, извратили отдельные части.

Что касается Хомякова-поэта, то его непосредственное воздействие на русскую литературу можно усмотреть главным образом в пределах его жизни: вначале — взаимосвязи и взаимовлияние в кругу «любомудров», затем — воздействие на молодую поросль славянофильских деятелей, прежде всего на творчество братьев Аксаковых, Константина и Ивана. Существует некоторая связь между лирикой Хомякова и творчеством Вл. Соловьева. А двадцатый век настолько далеко ушел от идей, волновавших Хомякова, что ныне следует говорить лишь о культурно-историческом значении его наследия.

Самым значительным было влияние поэзии Хомякова на литературу западных и южных славян. Его стихотворения о славянском братстве, о возрождении и освобождении славянских народов стали чрезвычайно популярны в Чехии, Словакии, у народов Югославии, в Болгарии еще в сороковых — пятидесятых годах прошлого века. Под влиянием идей стихотворения «Орел» Людевит Штур основал в 1845 году в Братиславе журнал «Орол татрански». В 1846 году в Лейпциге болгарский писатель Иванчо Богоев также стал издавать журнал «Славянский орел». Классики болгарской литературы Иван Вазов и Любен Каравелов лично свидетельствовали о воздействии на них идей Хомякова, цитировали в своих воспоминаниях отрывки из его стихотворений. Пропагандистами поэзии Хомякова

в Чехословакии были замечательные деятели чешского Возрождения В. Ганка и Ф. Челяковский. Исследователи творчества Святоплука Чеха отмечают влияние на его творчество поэзии и драматургии Хомякова. Русский поэт оказал воздействие и на творчество словацких писателей Людевита Штура, Андрея Сладковича, Михаила Годжу. Влияние Хомякова на литературу западных и южных славян нуждается еще в более широком и детальном исследовании.[1]

Немаловажна общественная роль славянофильского движения, поднявшего проблемы национальной самобытности, традиционализма, общинного строя; ратовавшего за политическое, экономическое и духовное раскрепощение славянских народов. Герцен в некрологе К. Аксакову так говорил о роли старших славянофилов: «Киреевские, Хомяков и Аксаков — *сделали свое дело*; долго ли, коротко ли они жили, но, закрывая глаза, они могли сказать себе с полным сознанием, что они сделали то, что хотели сделать, и если они не могли остановить фельдъегерской тройки, посланной Петром и в которой сидит Бирон и колотит ямщика, чтоб тот скакал по нивам и давил людей, — то они остановили увлеченное общественное мнение и заставили призадуматься всех серьезных людей». «С них, — подчеркивает Герцен, — начинается *перелом русской мысли*».[2]

В последнем Герцен неточен: перелом начался все-таки с западников; Чаадаев, Белинский, сам Герцен стали первыми пробуждать общественную мысль последекабристского периода. Но славянофилы тоже внесли немалый вклад в это пробуждение в глухую николаевскую пору.

Поэтическое творчество Хомякова, как вождя группы, сыграло здесь большую роль. И еще больше, чем для России, поэзия Хомякова имела значение для национального возрождения западных и южных славян. Здесь можно прямо говорить о выдающейся роли вообще всего творчества Хомякова. Но дело не только в этом.

В условиях сложного и дисгармонического общества, в котором жил Хомяков (причем общества, имевшего тенденцию чем дальше, тем все больше становиться сложным и дисгармоничным), создание относительно целостной утопической теории и подчинение всей своей жизни этой теории было одним из немногих способов сохранения душевной возвышенности, гармоничности, добродетели. Стремясь

---

[1] Большой фактический материал по данной теме собран в статье: Вл. Францев, А. С. Хомяков, поэт-славянофил. Мотивы его творчества и отражение их в славянских литературах. — В кн.: А. С. Хомяков, Стихотворения, Прага, 1934, с. IX—LXXIV.

[2] А. И. Герцен, Собр. соч., т. 15, М., 1958, с. 9.

к этой гармонии в своем быту, взглядах, творчестве, Хомяков, разумеется, значительно ограничивал себя, обеднял свою натуру, выпрямлял ее. Но, с другой стороны, утопия возвышала его душу, облагораживала личность, избавляла ее от мертвящей чиновничьей казенщины, светской суеты, от сиюминутной «злободневности» групповых пристрастий и перебранок, хотя Хомяков никогда до конца не мог устраниться ни от светской суеты, ни от «групповой» несправедливости по отношению к инакомыслящим.

В поэзии Хомякова отразилась и эта разноплановость, и борьба поэта и гражданина за цельность и возвышенность, и конфликтные противоречия человеческой личности, и трагическая невозможность отстраниться от реальной «мелочности» жизни.

Б. Ф. Егоров

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. ПОСЛАНИЕ К ВЕНЕВИТИНОВЫМ

Итак, настал сей день победы, славы, мщенья;
Итак, свершилися мечты воображенья,
Предчувствия души, сны юности златой;
Желанья пылкие исполнены судьбой!
От северных морей, покрытых вечно льдами,
До средиземных волн, возлюбленных богами,
Тех мест, где небеса, лазурь морских зыбей,
Скалы, леса, поля — всё мило для очей, —
Во всех уже страна́х давно цвели народы,
Законов под щитом, под сению свободы.
Лишь Греция одна стонала под ярмом.
Столетья протекли: объяты тяжким сном,
В ней слава, мужество, геройский дух молчали,
И, мнилося, они навеки чужды стали
Своей стране родной, стране великих дел, —
Стране, где некогда свободы гимн гремел
В долинах, на холмах, в ущельях гор глубоких
И с кровью в жилах тек источник чувств высоких.

Пришлец с Алтайских гор, сын дебрей и степей,
Обременил ее бесславием цепей.
Тиранства алчного ненасытимый гений
Разрушил чудеса минувших поколений,
И злато, и труды голодной нищеты,

И сила юности, и прелесть красоты —
Всё было до́бычей владык иноплеменных, —
Но небо тронулось мольбами угнетенных,
И Греция, свой сон сотрясши вековой,
Возникла, как гигант, могущею главой.

О други! как мой дух пылает бранной славой,
Я сердцем и душой среди войны кровавой,
Свирепых варваров непримиримый враг,
Я мыслью с греками, сражаюсь в их рядах ..
Так! всё великое в Элладу призывает!
Эллада! О друзья, сей звук напоминает
Душе, забывшейся средь суетных страстей,
О добродетели, о славе древних дней,
О всем, что с детских лет наш пылкий дух пленяло
И жар высоких чувств в груди воспламеняло.
Там, там любимец муз, слепец всезрящий, пел,
Там бурный Демосфен, как сам Зевес, гремел;
И Леонида тень, расторгши плен могилы,
Еще средь вас живет, священны Фермопилы!
Где жили сильные, досель их видим след:
В Элладе каждый холм есть памятник побед.
О прежних подвигах в ней тихий лес вздыхает,
И перелетный ветр всечасно повторяет
Героев и певцов бессмертны имена:
В ней славой прежних лет природа вся полна;
Восторг еще живет среди уединенья,
И каждый ручеек — источник вдохновенья.

Так, я пойду, друзья, пойду в кровавый бой
За счастие страны, по сердцу мне родной,
И, новый Леонид Эллады возрожденной,
Я буду жить в веках и памяти вселенной,
Я гряну как Перун! — Прелестный, сладкий сон!
Но никогда, увы, не совершится он!
И вы велите мне, как в светлы дни забавы,
Воспеть свирепу брань, деянья громкой славы, —
Вотще: одной мечтой душа моя полна.
Сошлись на землю ночь и мрак ⟨и⟩ тишина,
И сон, несчастных друг, глаза мои смыкает;

Заря ли ранняя к заботам пробуждает,
Иль полдень пламенный горит на небесах, —
Одно мой внемлет слух, одно в моих очах:
Лишь стоны, смерть и кровь, ужасный вид сраженья
И гибель эллинов средь праведного мщенья.

Нет, нет, лишь тот певец, кто музам в дар несет
Беспечный пылкий дух, свободный от забот.
О дщери юные суровой Мнемозины!
Дубравы мирные и мирные долины,
Спокойствие полей, ручья пустынный глас
И сердце без страстей — одни пленяют вас.

И мне ли петь, друзья, с душою угнетенной.
Но ты с младенчества от Феба вдохновенный,
Ты верный жрец его, весны певец младой,
Стремись к бессмертию; пой, юный Томсон, пой!
Пой, Дмитрий! твой венец — зеленый лавр с оливой;
Любимец сельских муз и друг мечты игривой,
С душой безоблачной, беспечен как дитя,
Дни юности златой проходишь ты шутя;
Воспой же времена, круговращенье года,
Тебя зовет Парнас, тебя внушит природа!
Но друга твоего оставил прежний жар,
Исчез, как легкий сон, высоких песней дар;
И ах! навек унес могущий грусти гений
И чашу радостей, и чашу вдохновений.
О, если б глас царя призвал нас в грозный бой!
О, если б он велел, чтоб русский меч стальной,
Спаситель слабых царств, надежда, страх вселенной,
Отмстил за горести Эллады угнетенной!
Тогда бы грудью став средь доблестных бойцов,
За греков мщенье, честь и веру праотцов,
Я ожил бы еще расцветшею душою
И, снова подружась с каменою благою,
На лире сладостной, в объятиях друзей
Я пел бы старину и битвы древних дней.

1821

2. НОВГРАД

Средь опустенья и развалин,
Над быстрой волховской струей,
Лежит он мрачен и печален,
К земле приникнув головой.
Обнажены власы седые;
Совлечены с могущих плеч
Доспехи грозные, стальные,
И сокрушен булатный меч;
Широкий щит, разбитый в брани,
Вдали лежит среди полей,
И на бросавшей молньи длани
Гремит бесславие цепей.
Тебя ли зрю, любимец славы?
Веков минувших мощный сын,
Племен властитель величавый,
России древний исполин?
Ах, не таков в минувши годы
Являлся ты своим врагам!
Тогда покорные народы
Носили дань к твоим стопам;
Тогда величествен и страшен
Ты средь толпы сынов стоял
И твой венец из мшистых башен
Чело свободное венчал.

Начало 1820-х годов

3. ПОСЛАНИЕ К ДРУГУ

О друг мой, ты пойдешь на край земли со мною,
К пределам Азии, где бурные моря
Всечасно бьют о брег шумящею волною,
Где часто в небесах полнощная заря
Дрожащий блеск свой простирает,
Где вихря глас не умолкает,
Где вечный снег в полях лежит
И бедный самоед с пернатыми стрелами
За ланью робкою, за дикими волками
С веселой песнию летит.

Со мной ты преплывешь и бездны океана,
Пойдешь в страну исчезнувших чудес,
Где спит в безмолвии Ливи́и степь песчана
И пламенный самум — дыхание небес;
Где змей в пустыне обитает,
Где слышен гидры свист в полях;
Лев дебри ревом оглашает
И тигр скрывается в кустах.
Но сердцу твоему не нужно испытанье,
Не нужно нам на край земли лететь, —
У друга твоего одно, одно желанье:
В отечестве спокойно умереть.
Под кровлею моей драгого нет убора,
Здесь роскошь не блестит,
Ничто не привлекает взора
И к неге не манит.
Нет у меня столбов, из яшмы иссеченных,
Нет у меня парчи златой,
Нет редких янтарей, нет камней драгоценных.
На что они? Не им сопутствует покой.
Египт не шлет сюда кораллов,
Китай фарфора не дарит,
Британец не несет ко мне златых бокалов,
Токай в кристалле не кипит.
Но здесь сады, поросшие травою,
Но здесь река, кристальный светлый пруд,
И ручейки извивистой стезею
С холмов, журча, по камушкам падут;
Вкруг дома липовые рощи,
Куда не проницал палящий солнца свет,
Где всякий час хор птиц поет,
И соловей во время нощи
Лиет повсюду светлый глас,
Доколе не придет веселый утра час.
Когда пылает полдень знойный
И свод небесный раскален,
Тогда вкусим мы сон спокойный,
Где ильм и ель, широколистый клен
И древний дуб, сплетаяся ветвями,
Склонят свою главу и зашумят над нами.
Приди сюда, вернейший из друзей,
Под кров уединенный;

Приди сюда, приди скорей!
Мы дружбе здесь воздвигнем храм священный
И музам в честь алтарь простой.
Они нас в грусти утешали;
Их песни тяжкого Сатурна окрыляли;
Мы будем им служить признательной душой.
Ты не страшись забот; поверь, благие боги
Наш мирный кров от них освободят;
Они летят в богатые чертоги,
Но нас, мой друг, не посетят.
Жилище их — где яхонты сияют,
И в злате и в парчах
Где жадные льстецы толпами поспешают
Пред божеством своим склонить главу во прах.
Но бледный их кумир, терзаемый тоскою,
Средь блеска роскоши добыча злых забот,
Теперь смеется пред толпою;
Толпа рассеялась — счастливец слезы льет.
А мы — друзья уединенья —
Спокойно будем жить,
И каждый миг нам будет наслажденья
И радости живейшие дарить.
Как быстро с гор стремятся воды,
Так быстро полетят для нас крылаты годы;
И мы, счастливые, забыты от других,
Как два ручья в муравчатой долине,
Мы будем течь к морям, к кончине,
Без шума, без валов седых.

1822

4. БЕССМЕРТИЕ ВОЖДЯ

Как быстро облака несутся в высотах,
И воды с гор бегут в сребристых ручейках,
И вешний ветерок летает над цветами!
Но ах! быстрее облаков,
И струй, и вешних ветерков
Мелькают дни за днями.
Когда средь тишины промчится легкий челн
По лону светлому ильменских синих волн,

За ним среди зыбей, на миг один блеснувших,
Вновь исчезает беглый след;
Так гибнут в темной бездне лет
Следы времен минувших.
Счастлив, кто век провел златой
И с тихой дружбою, и резвою мечтой.
Счастлив, кто, избранный богами и судьбою,
Не знавши старости туманных хладных дней,
Сошел в безмолвный дом теней,
Простившись с радостью и жизнью молодою.
Он видел мир, как в сладком сне,
Цветною радугой сквозь занавес тумана;
На темной сердца глубине
Он не читал притворства и обмана;
И упованья юных лет
Пред ним во мгле не исчезали;
Счастливца в жизни не встречали
Ни длань судьбы, ни бремя лютых бед,
Ни чувство тяжкое, ужаснее печали, —
Души увядшей пустота;
Нет! радость дни его цветами усыпала,
Надежда сладкая пред юношей летала,
И, дочь благих небес, лелеяла мечта.
Но счастливей стократ, кто с бодрою душою
За родину летел в кровавый бой
И лучезарною браздою
Рассек времен туман густой.
Он лег главой, непобежденный,
В объятьях гроба отдохнуть,
Не так, как старец утомленный,
Свершивший многотрудный путь,
Но так, как царь светил, спокойный, величавый,
Нисшедший в рдяные моря;
Он лег — и вслед за ним вспылала вечной славы
Неугасимая заря.
И имя витязя, гремя в веках далеких,
Как грозный глас трубы на вторящих горах,
Пробудит в гражданах весь пламень чувств высоких
И ужас в дерзких пришлецах.

⟨1823⟩

5. ЖЕЛАНИЕ ПОКОЯ

Налей, налей в бокал кипящее вино!
Как тихий ток воды забвенья,
Моей души жестокие мученья
На время утолит оно!
Пойдем туда, где дышит радость,
Где бурный вихрь забав шумит,
Где глас души, где глас страстей молчит,
Где не живут, но тратят жизнь и младость.
Среди веселых игр, за радостным столом,
На миг упившись счастьем ложным,
Я приучусь к мечтам ничтожным,
С судьбою примирюсь вином.
Я сердца усмирю роптанье,
А думам не велю летать;
На тихое небес сиянье
Я не велю глазам своим взирать.
Сей синий свод, усеянный звездами,
И тихая безмолвной ночи тень,
И в утренних вратах рождающийся день,
И царь светил, горящий над водами, —
Они изменники! Они, прельщая взор,
Пробудят вновь все сны воображенья;
И сердце робкое, просящее забвенья,
Прочтет в них пламенный укор.
Оставь меня, покоя враг угрюмый,
К высокому, к прекрасному любовь!
Ты слишком долго тщетной думой
Младую волновала кровь.
Оставь меня! Волшебными словами
Ты сладкий яд во грудь мою влила,
И вслед за светлыми мечтами
Меня от мира увлекла.
Довольный светом и судьбою,
Я мог бы жизненной стезей
Влачиться к цели роковой
С непробужденною душою.
Я мог бы радости с толпою разделять;
Я мог бы рвать земные розы,
Я мог бы лить земные слезы
И счастью в жизни доверять.

Но ты пришла: с улыбкою презренья
На смертных род взирала ты,
На их желанья, наслажденья,
На их бессильные труды.
Ты мне с восторгом, друг коварный,
Являла новый мир вдали
И путь высокий, лучезарный
Над смутным сумраком земли.
Там всё прекрасное, чем сердце восхищалось,
Там всё высокое, чем дух питался мой,
В венцах бессмертия являлось
И вслед манило за собой.
И ты звала: ты сладко напевала
О незабвенной старине,
Венцы и славу обещала,
Бессмертье обещала мне.
И я поверил: обаянный
Волшебным звуком слов твоих,
Я презрел Вакха дар румяный
И чашу радостей земных.
Но что ж? Скажи: за все отрады,
Которых я навек лишен,
За жизнь спокойную, души беспечный сон,
Какие ты дала награды? —
Мечты неясные, внушенные тоской,
Твои слова, обеты и обманы,
И жажду счастия, и тягостные раны
В груди, растерзанной судьбой.
Прости... Но нет! Мой дух пылает
Живым, негаснущим огнем,
И никогда чело не просияет
Веселья мирного лучом.
Нет, нет! Я не могу цепей слепой богини,
Смиренный раб, с улыбкою влачить.
Орлу ль полет свой позабыть?
Отдайте вновь ему широкие пустыни,
Его скалы, его дремучий лес.
Он жаждет брани и свободы,
Он жаждет бурь и непогоды,
И беспредельности небес!
Увы! Напрасные желанья!

Возьмите ж от меня бесплодный сердца жар,
Мои мечты, надежды, вспоминанья,
И к славе страсть, и песнопенья дар,
И чувств возвышенных стремленья,
Возьмите всё! Но дайте лишь покой,
Беспечность прежних снов забвенья
И тишину души, утраченную мной.

⟨1825⟩

6. ЭПИГРАММА

Он в разных видах мной замечен,
Противоречий много в нем:
Он скрытен сердцем, но умом
Уж как зато чистосердечен!

⟨1825⟩

7. ЗАРЯ

Тебя меж нощию и днем
Поставил бог, как вечную границу,
Тебя облек он пурпурным огнем,
Тебе он дал в сопутницы денницу.
Когда на небе голубом
Ты светишь, тихо догорая, —
Я мыслю, на тебя взирая:
Заря! Тебе подобны мы —
Смешенье пламени и хлада,
Смешение небес и ада,
Слияние лучей и тьмы.

1825

8. В АЛЬБОМ СЕСТРЕ

Не грустью, нет, но нежной думой
Твои наполнены глаза,
И не печали след угрюмой,
На них — жемчужная слеза.

Когда с душою умиленной
Ты к небу взор возводишь свой,
Не за себя мольбы смиренной
Ты тихо шепчешь звук святой;
Но светлыми полна мечтами,
Паришь ты мыслью над звездами,
Огнем пылаешь неземным
И на печали, на желанья
Глядишь как юный серафим,
Бессмертный, полный состраданья,
Но чуждый бедствиям земным.

⟨1826⟩

9. ИЗОЛА БЕЛЛА

Красавец остров! предо мною
Восходишь гордо ты в водах,
Поставлен смертного рукою
На диких мраморных скалах,
Роскошным садом осененный,
Облитый влагой голубой,
И мнится, изумруд зеленый
Обхвачен чистой бирюзой.
Меня манит твой брег счастливый;
Он сладких дум, он неги полн.
Спеши, спеши, пловец ленивый!
Лети в зыбях, мой легкий челн!
Там, меж ветвей полусокрыты,
Лимоны золотом горят;
Как дев полуденных ланиты,
Блистает пурпурный гранат;
Там свежих роз благоуханье;
Там гордый лавр пленяет взор
И листьев мирта трепетанье,
Как двух влюбленных разговор.
Прелестный край! всё дышит югом —
И тень садов, и лоно вод;
И Альпов цепь могущим кругом
Его от хлада стережет,
И ярко в небе блещут льдины,
И выше сизых облаков

Восходят горы-исполины
Под шлемом девственных снегов.
Не так ли в повестях Востока
Ирана юная краса
Сокрыта за морем, далеко,
Где чисто светят небеса,
Где сон ее лелеют пери
И духи вод ей песнь поют;
Но мрачный Див стоит у двери,
Храня таинственный приют.

1826 (?)

10. МОЛОДОСТЬ

Небо, дай мне длани
Мощного титана!
Я схвачу природу
В пламенных объятьях;
Я прижму природу
К трепетному сердцу,
И она желанью
Сердца отзовется
Юною любовью.
В ней всё дышит страстью,
Всё кипит и блещет,
И ничто не дремлет
Хладною дремотой.

На земле пылают
Грозные волканы;
С шумом льются реки
К безднам океана,
И в лазурном море
Волны резво плещут
Бурною игрою.
И земля и море
Светлыми мечтами,
Радостью, надеждой,
Славой и красою
Смертного дарят.
Звезды в синей тверди

Мчатся за звездами,
И в потоках света
Льется по эфиру
Тайный страсти голос,
Тайное призванье.
И века проходят,
И века родятся, —
Вечное боренье,
Пламенная жизнь.

Небо, дай мне длани
Мощного титана:
Я хочу природу,
Как любовник страстный,
Радостно обнять.

⟨1827⟩

11. СТАРОСТЬ

Скорей, скорей сомкнитесь, очи:
Зачем вы смотрите на свет?
Часы проходят, дни и ночи,
И годы за годами вслед,
А в мире всё, что было прежде,
Желанье жадно, жизнь бедна,
И верят смертные надежде,
И смертным вечно лжет она.
Я видел вещие скрижали,
Заветы древности седой,
И что ж? исполнен был печали
Времен минувших глас святой.
С тех пор, как мир из колыбели
Воспрянул в юной красоте
И звезды стройно полетели
В небесной, синей высоте, —
Как в бурном море за волною
Шумя к брегам бежит волна,
Так неисчетны над землею
Промчались смертных племена;
Восстали, ринулись державы,
Народы сгибли без следов,

И горькая насмешка славы
Одна осталась от веков.
Страстей неистовых волненье,
И горе, властелин земли,
И счастья светлое виденье,
Всегда манящее вдали, —
Для взоров старца всё открылось.
Постыла жизнь его глазам,
Душа в обманах утомилась,
Она изверилась мечтам
И ждет в томленьи упованья:
Придет ли час, когда желанья
В ее замолкнут глубине
И океан существованья
Заснет в безбрежной тишине?

⟨1827⟩

12. ЖЕЛАНИЕ

Хотел бы я разлиться в мире,
Хотел бы с солнцем в небе течь,
Звездою в сумрачном эфире
Ночной светильник свой зажечь.
Хотел бы зыбию стеклянной
Играть в бездонной глубине
Или лучом зари румяной
Скользить по плещущей волне.
Хотел бы с тучами скитаться,
Туманом виться вкруг холмов
Иль буйным ветром разыграться
В седых изгибах облаков;
Жить ласточкой под небесами,
К цветам ласкаться мотыльком
Или над дикими скалами
Носиться дерзостным орлом.
Как сладко было бы в природе
То жизнь и радость разливать,
То в громах, вихрях, непогоде
Пространство неба обтекать!

⟨1827⟩

13. ПОЭТ

Все звезды в новый путь стремились,
Рассеяв вековую мглу,
Все звезды жизнью веселились
И пели божию хвалу.
Одна, печально измеряя
Никем не знанные лета,
Земля катилася немая,
Небес веселых сирота.
Она без песен путь свершала,
Без песен в путь текла опять,
И на устах ее лежала
Молчанья строгого печать.
Кто даст ей голос? — Луч небесный
На перси смертного упал,
И смертного покров телесный
Жильца бессмертного приял.
Он к небу взор возвел спокойный,
И богу гимн в душе возник;
И дал земле он голос стройный,
Творенью мертвому язык.

⟨1827⟩

14. ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ В. К⟨ИРЕЕВСКОГО⟩

Я знаю, в гроб его сокрыли
И землю сыпали над ним, —
Но встанет он из хладной пыли,
Он явится глазам моим.
Когда-нибудь в часы полночи,
Когда всё стихнет на земле
И, как недремлющие очи,
Зажгутся звезды в синей мгле, —
Он молча предо мною станет,
Неслышим, будто легкий сон,
И томно на меня он взглянет,
И томно улыбнется он.
Но не простреет он длани хладной. . .
Стеснится горем грудь моя,

И то заплачу я отрадно,
То горько улыбнуся я.
Что ж медлишь, друг? Я жду тебя.
Не думай, чтобы я страшился
Увидеть свет твоих очей!
Пусть скажут, что ты в гроб сокрылся, —
Ты всё живешь в груди моей.
Другой меня с улыбкой встретит,
И темен мне ее привет;
Но взор твой всё мне дружбой светит,
Он светит счастьем прежних лет.

⟨*1827*⟩

15. К В. К⟨ИРЕЕВСКОМУ⟩

Ты молод был, когда прощанья
Ударил неизбежный час,
И звуки грозного призванья
Тебя похитили у нас.
В тебе кипели жизни волны,
В тебе пылал огонь страстей,
И ты сошел, надежды полный,
В жилище дедовских костей.
Счастлив! там персть твоя сокрыта
От стрел мучительных забот,
И от судеб тебе защита
Могилы каменный оплот.
Но горе мне! я здесь скитаюсь;
Я раб судьбины, раб страстей,
В бессильи гордом пресмыкаюсь
Под грузом тягостным скорбей.
И старость грустная настанет,
Она потушит жар ланит,
Морщины по челу протянет,
Мой черный волос убелит.
Она холодною рукою
Исторгнет из груди моей
Мечты, любимые тобою,
Порывы юношеских дней,
Восторги, радости, желанья,
Отымет всё. . . Нет, страх пустой!

Я воскрешу твои мечтанья,
Надежды, сердца жар святой
Волшебной силой вспоминанья;
Я буду жизнью жить двойной,
И, юностью твоею молод,
Продливши краткую весну,
Я старости угрюмый холод
От сердца бодро отжену;
Не презрю я мечты мгновенной,
Восторгов чистого огня,
И сон, тобою разделенный,
Священным будет для меня.

⟨1827⟩

16. ВДОХНОВЕНИЕ

Тот, кто не плакал, не дерзни
Своей рукой неосвященной
Струны коснуться вдохновенной:
Поэтов званья не скверни!
Лишь сердце, в коем стрелы рока
Прорыли тяжкие следы,
Святит, как вещий дух пророка,
Свои невольные труды.
И рана в нем не исцелеет,
И вечно будет литься кровь;
Но песни дух над нею веет
И дум возвышенных любовь.
Так средь Аравии песчаной
Над степью дерево растет:
Когда его глубокой раной
Рука пришельца просечет, —
Тогда, как слезы в день страданья,
По дико врезанным браздам
Течет роса благоуханья,
Небес любимый фимиам.

⟨1828⟩

17. ОТЗЫВ ОДНОЙ ДАМЕ

Когда Сивиллы слух смятенной
Глаголы фебовы внимал
И перед девой исступленной
Призрак грядущего мелькал, —
Чело сияло вдохновеньем,
Глаза сверкали, глас гремел,
И в прахе с трепетным волненьем
Пред ней народ благоговел.
Но утихал восторг мгновенный,
Смолкала жрица — и бледна
Перед толпою изумленной
На землю падала она.
Кто, видя впалые ланиты
И взор без блеска и лучей,
Узнал бы тайну силы скрытой
В пророчице грядущих дней?
И ты не призывай поэта!
В волшебный круг свой не мани!
Когда вдали от шума света
Душа восторгами согрета,
Тогда живет он. — В эти дни
Вмещает всё существованье;
Но вскоре, слаб и утомлен,
И вихрем света увлечен,
Забыв высокие созданья,
То ловит темные мечтанья,
То, как дитя сквозь смутный сон,
Смеется и лепечет он.

⟨1828⟩

18. СТЕПИ

Ах! я хотел бы быть в степях
Один с ружьем неотразимым,
С гнедым конем неутомимым
И с серым псом при стременах.
Куда ни взглянешь, нет селенья,
Молчат безбрежные поля,

И так, как в первый день творенья,
Цветет свободная земля.
Там не просек ее межами
Людей бессмысленный закон;
Людей безумными трудами
Там божий мир не искажен;
Но смертных ждет святая доля:
Труды, здоровие, покой,
Беспечный мир, восторг живой,
Степей кочующая воля.
Ах! для чего ж я не в степях
Один с ружьем неотразимым,
С гнедым конем неутомимым
И с серым псом при стременах?

⟨1828⟩

19. ВАДИМ

(Отрывок из неконченной поэмы)

Но кто ж сей юный победитель,
Варягов бич, славян спаситель?
Не князь, не вождь, — но вслед за ним
Толпы послушные летают!
Не старец он, — но пред бойцом младым
Вожди и старцы умолкают.
Его был счастливый удел:
Владеть покорными сердцами;
В душе возвышенной горел
Огонь, возжженный небесами;
Ему от ранних детских дней
Дажбог внушил дар чувств высоких,
И мудрости, и дум глубоких,
И сладкий дар златых речей.
Его и силой, и красою
Блестящий света царь одел,
И на младом челе могущею рукою
Черты владычества Перун запечатлел.
Как в сонме звезд денница золотая,
Стоял ли он в кругу богатырей,
Их всех главою превышая,

Прекрасен был и тихий свет очей
И стана стройность молодая;
Прекрасен средь седых вождей,
Когда он силой слов могущих
Готовил гибель для врагов,
Победу новградских полков
И славу подвигов грядущих.
Когда ж он к битвам выступал
И на врагов остановлял
Свои сверкающие очи,
Кто взор бы встретить сей возмог?
Не столь ужасен брани бог,
Когда мрачнее черной ночи
Несется в вихрях он меж небом и землей,
Одетый ужасом, сопутствуем враждой!

Начало 1820-х годов, 1828

20. НА НОВЫЙ 1828 ГОД

Пробил полночи час туманной,
Сын времени свершил свой ход,
И вот в приют мой, гость незваный,
Спустился тихо Новый год.
Слетая в мир, он ждал привета,
И света плеском встречен был,
Но что же? стройный глас поэта
Его досель не освятил.
И он с улыбкою лукавой
«Чего ты просишь? — мне сказал, —
Я подружу тебя со славой,
Дам кучи злата». — Я молчал.
«Я утолю твои печали, —
Шепнул он с ласковым лицом, —
И сердца грустные скрижали
Забвенья смою я ручьем.
Ты вспомнишь прежние утраты,
Как помнят сон с восходом дня,
И вновь, надеждами богатый,
Полюбишь жизнь!» — Оставь меня,
Ты слышишь: там рукоплесканья,
Веселье, шумные пиры;

Поди там сыпать обещанья,
Там расточай свои дары.
Давно ль, когда твой брат коварный
Мне те же речи говорил,
Я жертвой песни благодарной
Его приход благословил?
И что ж? — питомец вдохновенья,
Мой друг, мой брат был взят землей,
И чистый гений песнопенья
Любимый храм покинул свой.
Но многих горесть утолится,
Ты многим счастье можешь дать;
Но что в груди певца таится,
Того не в силах ты отнять.
Не как другие, дни проводит
Душа, любимица мечты:
В ней, как в воде, резец проходит,
Как в камне, вечны в ней черты.

Январь 1828

21. ПРОСЬБА

О, сжальтесь надо мной! о, дайте волю мне!
Из края дальнего волшебный зов несется,
И кровь моя кипит, и сердце бурно рвется
В тот дальний край, к войне, к войне.
Вы видите, стремятся ополченья,
И взоры их блестят надеждою побед.
Туда, туда, в кровавые сраженья,
Я полечу за ними вслед.
Противна мне дремота неги праздной
И мирных дней безжизненный покой,
Как путь в степях однообразный,
Как гроб холодный и немой.
Противны мне безумное веселье,
Неупоенных душ притворное похмелье,
И скука вечная, и вечный переход
Младенческих забав и нищенских забот.
О, сжальтесь надо мной! отдайте меч блестящий,
Отдайте бодрого и легкого коня!

В тот край, куда летит мечты порыв горящий,
Как вихрь, как мысль, он унесет меня...
На миг один судьбины злой оковы
Рукой я смелою расторг, —
И сердцу памятны сражений блеск суровый
И торжества воинственный восторг...
В час утренней зари, румяной и росистой,
Услышать пушки глас, зовущий нас к боям,
Глядеть, как солнца луч златистый,
Играя, блещет по штыкам;
Как вождь седой, отваги юной полный,
На сретенье врагам ведет покорный строй,
И движутся полки, как бурь осенних волны, —
И чувствовать тогда, что верен меч стальной,
Что длань сильна, что вихрем конь несется
Под свистом пуль, средь дыма и огня,
Что сердце гордое в груди спокойно бьется,
Что этот дольний мир не дорог для меня;
Что я могу с улыбкою презренья
На жизнь, на смерть и на судьбу взирать!
О, эти сладкие мгновенья!
Отдайте мне, отдайте их опять!
Я не хочу в степи земной скитаться
Без воли и надежд, безвременный старик;
Как робкая жена, пред роком не привык
Главой послушной преклоняться,
Внимать, как каждый день, и скучен и смешон,
Всё те же сказки напевает
И тихо душу погружает
В какой-то слабоумный сон.
Я не рожден быть утлою ладьею,
Забытой в пристани, не знающей морей,
И праздной истлевать кормою,
Добычей гнили и червей.
Но я хочу летать над бурными волнами
Могущим кораблем с дружиной боевой,
Под солнцем тропика, меж северными льдами
Бороться с бездною и с дикою грозой,
Челом возвышенным встречать удар судьбины,
Бродить по области и смерти и чудес,
И жадно пить восторг, и из седой пучины
Крылом поэзии взноситься до небес.

Вот счастливый удел, давно желанный мною.
Отдайте ж мне коня, булат отдайте мой!
В тот дальний край я полечу стрелою
И ринуся в кровавый бой.

Апрель 1828 или начало 1831 (?)

22—24. *ПРИ ПРОЩАНЬЯХ*

ТРИ ИМПРОВИЗИРОВАННЫЕ ПИЕСЫ

1

В стаканы чок!
И в губы чмок!
На долгий срок,
Друзья, прощайте!
Лечу к боям,
К другим краям,
Вослед орлам:
Чок — выпивайте!
Быть может, нас
В последний раз
Веселый час
Собрал за чашей.
Что ж? плакать? — нет!
В честь прежних лет,
Святых бесед
И дружбы нашей
В стаканы чок!
И в губы чмок!
И виват младость!
Она была
Не весела,
Но всем дала
Подчас нам радость,
Так в честь же ей
Стакан налей,
И виват младость!

2

ТРИ СТАКАНА ШАМПАНСКОГО

Кипит шампанское в стакане,
Кипит и блещет жемчугом;
Мечты виются над моим челом,
Как чайки белые в тумане.
Налейте мне еще стакан!
Тогда рассеется туман,
И яркими чертами света
Увидит светлый взор поэта
Другого мира чудеса;
Увидит новые творенья,
Другие земли, небеса,
Мечты восторженной виденья!
Как мир тот сердцу говорит!
Там никогда надежды цвет не вянет,
Там дружба дружбы не обманет,
Любовь любви не изменит.
Там вечная весна, там вечно песнь звучит,
Но здесь наш век есть век чугунный,
На миг нам бог дает и юность и весну.
Чтоб позабыть про мир подлунный,
Прибегнемте, товарищи, к вину.
Еще стакан! — и я засну
Под говор горних лир и арфы тихострунной.

8

Ударил час, прощайте, други!
Мне предстоит далекий путь.
С кем мне теперь делить мои досуги?
При ком свободно мне вздохнуть?
Пусть весел светлый край Дуная
И веселы кровавые бои;
Но верьте мне, там образ рая,
Где с вами я, друзья мои!
Надолго я расстанусь с вами;
Но под рущукскими стенами,
На поле битвы роковой,
Под ставкою, под знаменами,
В мечтах вы будете со мной.

Быть может, не венец лавровый,
Кровавый мне готовится венец,
Но над тобою, рок суровый,
И там, как здесь, возносится певец, —
И там, как здесь, в последнее мгновенье
Спокойно улыбнуся я.
Мне явятся веселые виденья,
Мне явятся далекие друзья.
А вы!.. забудете ль поэта?
В роскошной, южной стороне,
В столице шумной, в вихре света,
Друзья! вздохнете ль обо мне?

Конец апреля 1828

25. ЭКСПРОМТ. К Н. А. М⟨УХАНОВ⟩У

Зачем печальный и угрюмый
Мой друг молчание хранит?
Какой смущен мятежной думой,
Куда мечтами он летит?
Летит ли он в тот край далекий,
Где светел синий небосклон,
Где воды льет Дунай глубокий,
Трубою бранной оглашен?
Туда, где русские палатки
Покрыли скат крутых холмов
И жажда битв и близкой схватки
Тревожит смелу грудь бойцов?
И ты томим желаньем брани,
И ты алкаешь бурных сеч,
К мечу падут невольно длани,
В ножнах трепещет верный меч.
Но нет! Судьбы тебя сковали,
Мечу назначен долгий сон,
И тяжким облаком печали
Недаром взор твой омрачен.
Ты проклинаешь рок суровый,
Столицы дремлющей покой
И рвешь железные оковы
Увы! бессильною рукой.

1 мая 1828

26. СОН

Я видел сон, что будто я певец,
И что певец — пречудное явленье,
И что в певце на всё свое творенье
Всевышний положил венец.

Я видел сон, что будто я певец,
И под перстом моим дышали струны,
И звуки их гремели, как перуны,
Стрелой вонзалися во глубину сердец.

И как в степи глухой живые воды,
Так песнь моя ласкала жадный слух;
В ней слышен был и тайный глас природы,
И смертного горе́ парящий дух.

Но час настал. Меня во гроб сокрыли,
Мои уста могильный хлад сковал;
Но из могильной тьмы, из хладной пыли,
Гремела песнь и сладкий глас звучал.

Века прошли, и племена другие
Покрыли край, где прах певца лежал;
Но не замолкли струны золотые,
И сладкий глас по-прежнему звучал.

Я видел сон, что будто я певец,
И что певец пречудное явленье,
И что в певце на всё свое творенье
Всевышний положил венец.

3 июля 1828
Базарджик

27. ПРОЩАНИЕ С АДРИАНОПОЛЕМ

Эдырне! прощай! уже более мне
Не зреть Забалканского края!
Ни синих небес в их ночной тишине,
Ни роскоши древней Сарая!

Ни тени густой полуденных садов,
Ни вас, кипарисы, любимцы гробов!

Эдырне! на стройных мечетях твоих
      Орел возвышался двуглавый;
Он вновь улетает, но вечно на них
      Останутся отблески славы!
И турок в мечтах будет зреть пред собой
Тень крыльев Орла над померкшей Луной!

7 октября 1829
Адрианополь

28. ИЗ СААДИ. НА КУСОК ЯНТАРЯ

Червь ядовитый скрывался в земле,
Черные думы таились во мгле.
Червь, изгибаяся, землю сквернил;
Грех ненавистный мне душу тягчил.
Червь ядовитый облит янтарем,
Весело взоры почиют на нем.
К небу подъемлю я очи с мольбой,
Грех обливаю горячей слезой.
В сердце взгляну я: там божья печать,
Грех мой покрыла творца благодать.

⟨1830⟩

29. ПРИЗНАНИЕ

«Доселъ безвестна мне любовь
И пылкой страсти огнь мятежной;
От милых взоров, ласки нежной
Моя не волновалась кровь». —
Так сердца тайну в прежни годы
Я стройно в звуки облекал
И песню гордую свободы
Цевнице юной поверял;
Надеждами, мечтами славы
И дружбой верною богат,

Я презирал любви отравы
И не просил ее наград.
С тех пор душа познала муки,
Надежд утрату, смерть друзей
И грустно вторит песни звуки,
Сложенной в юности моей.
Я под ресницею стыдливой
Встречал очей огонь живой,
И длинных кудрей шелк игривый,
И трепет груди молодой,
Уста с приветною улыбкой,
Румянец бархатных ланит,
И стройный стан, как пальма, гибкой,
И поступь легкую харит.
Бывало, в жилах кровь взыграет,
И, страха, радости полна,
С усильем тяжким грудь вздыхает,
И сердце шепчет: вот она.
Но светлый миг очарованья
Прошел как сон, пропал и след.
Ей дики все мои мечтанья,
И не понятен ей поэт.
Когда ж? .. И сердцу станет больно,
И к арфе я прибегну вновь,
И прошепчу, вздохнув невольно:
«Досель безвестна мне любовь».

⟨1830⟩

30. СОНЕТ

В тени садов и стен Ески-Сарая,
При блеске ламп и шуме вод живых,
Сидел султан, роскошно отдыхая
Среди толпы красавиц молодых.

Он в думах был, — главою помавая,
Шумел чинар, и ветер, свеж и тих,
Меж алых роз вздыхал, благоухая,
И рог луны был в сонме звезд ночных.

«Чтоб кисть писца на камнях начертала,
Что всё пройдет»! — воскликнул падишах.
Я зрел Сарай и надпись на стенах,

И вся душа невольно тосковала,
И снова грусть былое воскрешала,
И мысль моя носилась в прежних днях.

⟨1830⟩

31. КЛИНОК

Не презирай клинка стального
В обделке древности простой
И пыль забвенья векового
Сотри заботливой рукой.
Мечи с красивою оправой,
В златых покояся ножнах,
Блистали тщетною забавой
На пышных роскоши пирах;
А он в порывах бурь военных
По латам весело стучал
И на главах иноплеменных
Об Руси память зарубал.
Но тяжкий меч, в ножнах забытый
Рукой слабеющих племен,
Давно лежит полусокрытый
Под едкой ржавчиной времен
И ждет, чтоб грянул голос брани,
Булата звонкого призыв,
Чтоб вновь воскрес в могущей длани
Его губительный порыв;
И там, где меч с златой оправой
Как хрупкий сломится хрусталь,
Глубоко врежет след кровавый
Его синеющая сталь.

Так не бросай клинка стального
В обделке древности простой
И пыль забвенья векового
Сотри заботливой рукой.

⟨1830⟩

32. ПОДРАЖАНИЕ ДРЕВНИМ

«Много в Олимпе богов сильней златовласого Феба;
Что ж ты, других позабыв, жертву приносишь ему?»
— «Много сильных богов восседает на горнем Олимпе,
Всё же подвластны они воле Фортуны слепой;
Феб златовласый один от дерзкой Фортуны свободен,
Жертвы ему одному гордый приносит певец».

⟨1830⟩

33. ⟨В АЛЬБОМ Н. А. БАРТЕНЕВОЙ⟩

Прощай, прелестный край, где токи вод целебных,
Ключи кипучие и вечные снега,
И скалы дикие среди долин волшебных,
И хищников стопой измятые луга;
Ты дал мне много наслаждений,
Ты радость возвратил и силу юных лет;
И много новых впечатлений
В часы безмолвных размышлений
Припомнит счастливый поэт.

Пришлец святой Москвы, он не забудет встречи
С пришельцами из дальних Крымских стран,
Радушный их привет, и дружеские речи,
И песнь волшебную про дивный талисман.

Лето или осень 1830 (?)

34. ЗИМА

Поля покрылися пушистыми снегами,
И солнце, скрытое туманными зыбями,
Как будто крадется невидимой стезей
От утра позднего до ранней тьмы ночной.
Прощайте, осени разгульные забавы!

Прощай, призывный рог в безмолвии дубравы,
И легкий скок коня по долам и горам,
И звучная гоньба по утренним зарям!
Когда пройдет зима? когда увидим снова
Веселый цвет лугов и поля озимнова,
Леса, согретые дыханием весны,
И синеву небес над зеркалом волны?
Вотще, исполненный невольного томленья,
Чтоб разогнать тоску и скуку заточенья,
Гляжу в замерзшее и тусклое окно:
Вокруг всё холодно, и мертво, и темно!
Вдали шумит метель, и на земле печальной
Раскинут белый снег как саван погребальный;
Вокруг всё холодно, но что ж? В груди моей
Теплее кровь бежит, и взор души светлей.
Мечта проснулася, и чудные виденья
Рисует предо мной игра воображенья.
Мне помнятся края, где, путник молодой,
Я с мирным посохом и пылкою душой
Бродил среди картин и прелестей природы;
Скалы Швейцарии, убежище свободы,
И роскошь Франции, и ты, страна чудес
И пламенных искусств, и радужных небес,
Страна Италии, где луг, и лес, и волны,
И диких гор верхи восторгов сладких полны!
Мне битвы помнятся, гусаров шумный стан,
Блестящей сабли взмах, погибель мусульман,
Марицы светлый ток, Эдырне горделивый
И стройный минарет в пустыне молчаливой.
Но чаще помню я, забывши внешний мир,
На лоне юности мой беззаботный пир,
Надежды смелые, веселые мечтанья,
Давно увядшие цветы существованья;
И брата, и певца, любимца чистых муз,
И смертью раннею разорванный союз;
И с памятью утрат и прежних наслаждений
Бегут потоки слез, стихов и вдохновений.

Конец 1830

35. ОДА

Внимайте голос истребленья!
За громом гром, за криком крик!
То звуки дальнего сраженья,
К ним слух воинственный привык.
Вот ружей звонкие раскаты,
Вот пешей рати мерный шаг,
Вот натиск конницы крылатой,
Вот пушек рев на высотах,
И крик торжеств, мне крик знакомый,
И смерти стон, мне плач родной...
О замолчите, битвы громы!
Остановись, кровавый бой!

Потомства пламенным проклятьям
Да будет предан тот, чей глас
Против славян славянским братьям
Мечи вручил в преступный час!
Да будут прокляты сраженья,
Одноплеменников раздор
И перешедший в поколенья
Вражды бессмысленной позор;
Да будут прокляты преданья,
Веков исчезнувших обман,
И повесть мщенья и страданья,
Вина неисцелимых ран!

И взор поэта вдохновенный
Уж видит новый век чудес...
Он видит: гордо над вселенной,
До свода синего небес,
Орлы славянские взлетают
Широким дерзостным крылом,
Но мощную главу склоняют
Пред старшим Северным орлом.
Их тверд союз, горят перуны,
Закон их властен над землей,
И будущих баянов струны
Поют согласье и покой!..

Конец 1830

36. ДВА ЧА́СА

Есть час блаженства для поэта,
Когда мгновенною мечтой
Душа внезапно в нем согрета
Как будто огненной струей.
Сверкают слезы вдохновенья,
Чудесной силы грудь полна,
И льются стройно песнопенья,
Как сладкозвучная волна.
Но есть поэту час страданья,
Когда восстанет в тьме ночной
Вся роскошь дивная созданья
Перед задумчивой душой;
Когда в груди его сберется
Мир целый образов и снов,
И новый мир сей к жизни рвется,
Стремится к звукам, просит слов.
Но звуков нет в устах поэта,
Молчит окованный язык,
И луч божественного света
В его виденья не проник.
Вотще он стонет исступленный;
Ему не внемлет Феб скупой,
И гибнет мир новорожденный
В груди бессильной и немой.

⟨*1831*⟩

37. ДВЕ ПЕСНИ

Прелестна песнь полуденной страны!
Она огнем живительным согрета,
Как яркий день безоблачного лета;
Она сладка, как томный свет луны,
Трепещущий на зеркале лагуны;
Всё в ней к любви и неге нас манит,
Но не звучат отзывно сердца струны,
И мысль моя в груди безмолвной спит.

Другая песнь! то песнь родного края,
Протяжная, унылая, простая,

Тоски и слез и горестей полна.
Как много дум взбудила вдруг она
Про нашу степь, про звонкие метели,
Про радости и скорби юных дней,
Про тихие напевы колыбели,
Про отчий дом и кровных и друзей.

⟨1831⟩

38. ГОРЕ

Не там, где вечными слезами
Туманится печальный взор,
Где часто вторится устами
Судьбе неправедный укор;
Где слышны жалобные звуки,
Бессилья праздного плоды, —
Не там, не там душевной муки
Найдешь ты тяжкие следы.
Иди туда, где взор бесслезный
Исполнен молчаливых дум;
Где гордо власть судьбины грозной
Встречает непреклонный ум;
Где по челу, как будто сталью,
Заботы врезана черта,
Но над смертельною печалью
Хохочут дерзкие уста.
Тут вечно горе, тут глубоко
Страданье в сердце залегло;
И под десницей тяжкой рока
Всё сердце кровью изошло.

⟨1831⟩

39. НА СОН ГРЯДУЩИЙ

Давно уж за полночь, я лягу отдохнуть.
Пора мне мирным сном сомкнуть
Глаза, усталые от бденья,
И от житейского волненья
На время успокоить грудь.

Ложуся спать... Какою негой чудной
Всё дышит здесь!.. Как сладко думать мне,
Что кончен день, заботливый и трудный,
Что я могу в беспечной тишине
Лелеять до утра веселые виденья,
И вольною мечтой свой новый мир творить,
И средь роскошного творенья
Другою, дивной жизнью жить.
Пусть завтра вновь привычные волненья!..
Пусть завтра вновь!.. Да кто ж порукой в том,
Что встанет для меня денница золотая?
Кто скажет мне, что, засыпая,
Не засыпаю вечным сном?
Быть может, что Восток туманный
Зажжется в утренней заре,
А на немом моем одре
Найдут лишь труп мой бездыханный.
Подумать страшно. Сон лукав!
Что, если жизненные силы
Коварной цепию связав,
Он передаст их в плен могилы?
Что, если чувство бытия,
И страсти бурное волненье,
И мыслей гордое паренье
В единый миг утрачу я?

Я в море был, в кровавой битве,
На крае пропастей и скал
И никогда в своей молитве
Об жизни к богу не взывал.
Но в тихий час успокоенья
Удар нежданный получить,
На ложе темного забвенья
Украденным из мира быть...
Противно мне... Творец вселенной!
Услышь мольбы полнощный глас!
Когда, тобой определенный,
Настанет мой последний час,
Пошли мне в сердце предвещанье!
Тогда покорною главой,
Без малодушного роптанья,
Склонюсь пред волею святой.

В мою смиренную обитель
Да придет ангел-разрушитель
Как гость, издавна жданный мной!
Мой взор измерит великана,
Боязнью грудь не задрожит,
И дух из дольнего тумана
Полетом смелым воспарит.

⟨*1831*⟩

40. РАЗГОВОР

Он

К чему поешь ты? Человек
Страдает язвою холодной,
И эгоизм, как червь голодный,
Съедает наш печальный век.
Угасло пламя вдохновенья,
Увял поэзии венец
Пред хладным утром размышленья,
Пред строгой сухостью сердец.

Ответ

Нет, нет! Два знака примиренья
Издревле миру дал творец:
Прощения симво́л заветный
Один на тверди голубой
Блестит дугою семицветной
Над успокоенной землей;
Другой гремит во всей вселенной,
Для всех племен, для всех веков:
То звуки лиры вдохновенной
И глас восторженный певцов.

Он

Мечта, мечта! Для звучных песен
Где чувства, страсти, где предмет?
Круг истин скучен нам и тесен,
А для обманов веры нет.
Науки верные расчеты;
Глупцами движимый народ;
Властолюбивцев темный ход;

Купцов смышленые заботы;
На них любуйся, их воспой!
И побежит твой стих обильный
Струею мелкой и бессильной,
Как люди в век наш роковой.

Ответ

К чему хулой ожесточенной
Поэта душу возмущать?
Взойдет, я верю, для вселенной
Другого века благодать.
И песнь гремит, блестит, играет,
Предчувствий радостных полна;
И звонкий стих в себе вмещает
Времен грядущих семена.

⟨1831⟩

41. ДУМЫ

Там были шум и разговоры,
И блеск ума, и смех живой;
И юных дев сияли взоры
Светлей, чем звезды в тьме ночной;
И сладки речи слух ласкали,
И был приветен блеск очей, —
Но думы бурные роптали
Во глубине души моей.
«Проснись! проснись! Мы призываем
Тебя от снов, от грез пустых.
Проснись! Мы гаснем, увядаем,
Любимцы лучших дней твоих.
Проснися! радость изменяет;
И жизнь кратка, и хладен свет,
И ненадолго утешает
Его обманчивый привет.
А мы бессмертными венцами
Могли б главу твою венчать,
Могли бы яркими цветами
Меж лавров Руси расцветать.
Мы крыльями тебя обнимем

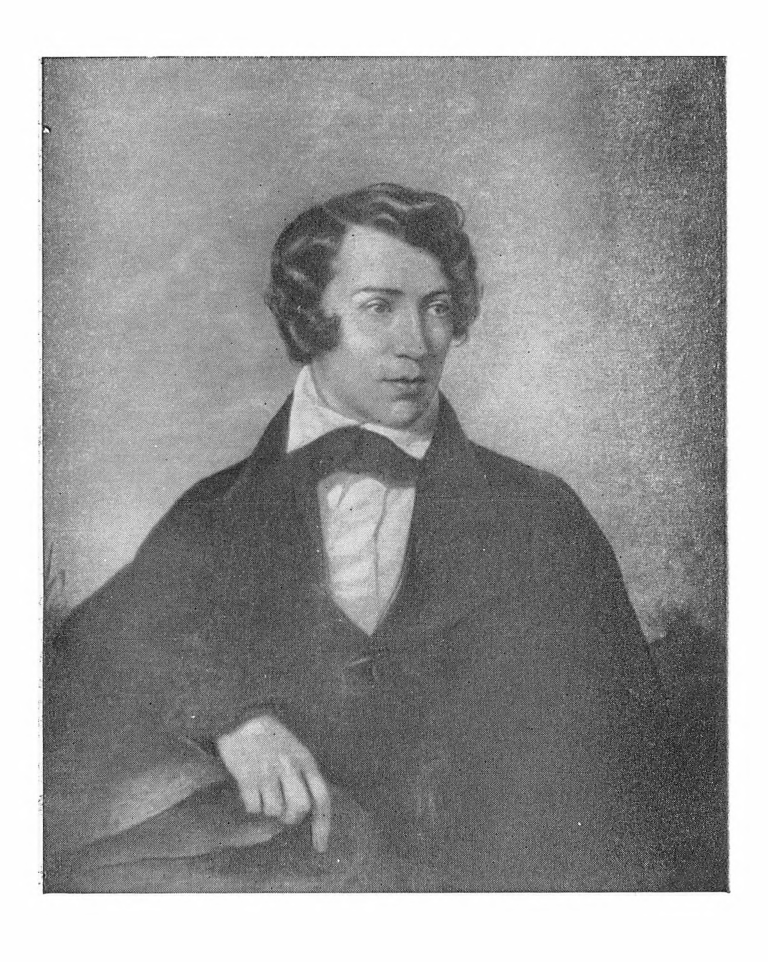
И в край Поэзии святой
Твой дух восторженный поднимем
Мечтами, песнью и мольбой.
Проснись! проснись! Мы призываем
Тебя от снов, от грез пустых.
Проснись! Мы гаснем, увядаем,
Любимцы лучших дней твоих».

Молчите, пламенные думы!
Засните вновь на краткий срок!
Твердит напрасный мне упрек
Ваш голос строгий и угрюмый.
Меня не свяжет свет холодный;
Настанет вдохновенный час:
И к жизни звучной и свободной,
Могучий, вызову я вас.

⟨1831⟩

42. ВДОХНОВЕНИЕ

Лови минуту вдохновенья,
Восторгов чашу жадно пей
И сном ленивого забвенья
Не убивай души своей!
Лови минуту! пролетает,
Как молньи яркая струя;
Но годы многие вмещает
Она земного бытия.
Но если раз душой холодной
Отринешь ты небесный дар
И в суете земли бесплодной
Потушишь вдохновенья жар;
И если раз, в беспечной лени,
Ничтожность мира полюбив,
Ты свяжешь цепью наслаждений
Души бунтующий порыв, —
К тебе поэзии священной
Не снидет чистая роса,
И пред зеницей ослепленной
Не распахнутся небеса.



Но сердце бедное иссохнет,
И нива прежних дум твоих,
Как степь безводная, заглохнет
Под терном помыслов земных.

⟨1831⟩

43. ИНОСТРАНКА

Вокруг нее очарованье;
Вся роскошь Юга дышит в ней,
От роз ей прелесть и названье;
От звезд полудня блеск очей.
Прикован к ней волшебной силой,
Поэт восторженный глядит;
Но никогда он деве милой
Своей любви не посвятит.
Пусть ей понятны сердца звуки,
Высокой думы красота,
Поэтов радости и муки,
Поэтов чистая мечта;
Пусть в ней душа, как пламень ясный,
Как дым молитвенных кадил;
Пусть ангел светлый и прекрасный
Ее с рожденья осенил, —
Но ей чужда моя Россия,
Отчизны дикая краса;
И ей милей страны другие,
Другие лучше небеса.
Пою ей песнь родного края;
Она не внемлет, не глядит.
При ней скажу я: «Русь святая» —
И сердце в ней не задрожит.
И тщетно луч живого света
Из черных падает очей, —
Ей гордая душа поэта
Не посвятит любви своей.

⟨1832⟩

44. ЕЙ ЖЕ

О дева-роза, для чего
Мне грудь волнуешь ты
Порывной бурею страстей,
Желанья и мечты.

Спусти на свой блестящий взор
Ресницы длинной тень!
Твои глаза огнем горят,
Томят как летний день.

Нет: взор открой. Отрадней мне
От зноя изнывать,
Чем знать, что в небе солнце есть
И солнца не видать.

⟨1832⟩

45. К А. О. Р⟨ОССЕТ⟩

Она лукаво улыбалась,
В очах живой огонь пылал,
Головка милая склонялась;
И я глядел, и я мечтал!
И чудная владела греза
Моей встревоженной душой;
И думал я: «О дева-роза,
Печален, жалок жребий твой!
За душною стеной теплицы
Тебе чужда краса лугов,
Роса ночей, лучи денницы
И ласки вольных ветерков.
В твоей пустыне, полной шума
Людских волнений и забот,
Скажи, кому знакома дума
И мыслей творческий полет?
Кто вольный, гордый и высокий,

Твоей плененный красотой,
С душою девы одинокой
Сольется пламенной душой?
Святыне чувства ты не веришь,
Ты как безбожник перед ней,
Улыбкой, взором лицемеришь
И томной нежностью речей.
Ты будишь пылкие желанья,
Души безумные мечты;
Но холодна, без состраданья
Словам любви внимаешь ты.
Играй же с слабыми сердцами!
Но знай: питомец ясных дум
Тебя минет, сверкнув очами,
Безмолвен, мрачен и угрюм».

⟨1832⟩

46. К ***

Не горюй по летним розам;
Верь мне, чуден божий свет!
Зимним вьюгам и морозам
Рады заяц да поэт.
Для меня в беспечной лени,
Как часы ночного сна,
Протекли без вдохновений
Осень, лето и весна.
Но лишь гулкие метели
В снежном поле заревут
И в пушистые постели
Зайцы робкие уйдут,
Песен дева молодая
В буре мне привет пришлет,
И, привету отвечая,
Что-то в сердце запоет.

⟨1832⟩

47. (В АЛЬБОМ С. Н. КАРАМЗИНОЙ)

To be in Petersburg with a soul
and a heart is solitude indeed.

Voyage inédit[1]

Et je vis une ville où tout était
pierre: les maisons, les arbres et
les habitants.

Voyage d'Abdul Fared le Vagabond[2]

Здесь, где гранитная пустыня
Гордится мертвой красотой, —
Для сердца чистого святыни
Есть мирный кров, любимый мной.
Там дружества привет радушный
И ум в согласии с душой,
И чувству разговор послушный
Отрадной дышат теплотой.
Так в недрах степи раскаленной
Среди губительных песков
Отрадны оази́с зеленый,
И пальмы тень, и ключ студеный,
И песнь счастливых пастухов.

1832
С.-Петербург

48. ОРЕЛ

Высоко ты гнездо поставил,
Славян полунощных орел,
Широко крылья ты расправил,
Глубоко в небо ты ушел!
Лети, но в горнем море света,
Где силой дышащая грудь
Разгулом вольности согрета,
О младших братьях не забудь!

---

[1] Быть в Петербурге с душой и сердцем — значит, быть одиноким (англ.). *Неизданное путешествие* (франц.). — *Ред.*

[2] И я увидел город, где все было каменное: дома, деревья и жители. *Путешествие Абдул Фареда Странника* (франц.). — *Ред.*

На степь полуденного края,
На дальний Запад оглянись:
Их много там, где гнев Дуная,
Где Альпы тучей обвились,
В ущельях скал, в Карпатах темных,
В балканских дебрях и лесах,
В сетях тевтонов вероломных,
В стальных татарина цепях!..

И ждут окованные братья,
Когда же зов услышат твой,
Когда ты крылья, как объятья,
Прострешь над слабой их главой...
О, вспомни их, орел полночи!
Пошли им звонкий твой привет,
Да их утешит в рабской ночи
Твоей свободы яркий свет!
Питай их пищей сил духовных,
Питай надеждой лучших дней
И хлад сердец единокровных
Любовью жаркою согрей!
Их час придет: окрепнут крылья,
Младые когти подрастут,
Вскричат орлы — и цепь насилья
Железным клювом расклюют!

1832 (?)

49. ЖАВОРОНОК, ОРЕЛ И ПОЭТ

Когда проснувшися светлеет
Восток росистою зарей,
Незримый жаворонок реет
В равнине неба голубой;
И, вдохновенный, без науки
Творит он песнь и свысока
Серебряные сыплет звуки
На след воздушный ветерка.
Орел, добычу забывая,
Летит, — и выше сизых туч,
Как парус крылья расстилая,
Всплывает — весел и могуч.

Зачем поют? Зачем летают?
Зачем горячие мечты
Поэта в небо увлекают
Из мрака дольней суеты? —
Затем, что в небе вдохновенье,
И в песнях есть избыток сил,
И гордой воли упоенье
В надоблачном размахе крыл;
Затем, что с выси небосклона
Отрадно видеть край земной
И робких чад земного лона
Далёко, низко под собой.

⟨*1833*⟩

50. ЭЛЕГИЯ

Когда вечерняя спускается роса,
И дремлет дольний мир, и ветр прохладой дует,
И синим сумраком одеты небеса,
И землю сонную луч месяца целует, —
Мне страшно вспоминать житейскую борьбу,
И грустно быть одним, и сердце сердца просит,
И голос трепетный то ропщет на судьбу,
То имена любви невольно произносит...
Когда ж в час утренний проснувшийся Восток
Выводит с торжеством денницу золотую
Иль солнце льет лучи, как пламенный поток,
На ясный мир небес, на суету земную, —
Я снова бодр и свеж; на смутный быт людей
Бросаю смелый взгляд; улыбку и презренье
Одни я шлю в ответ грозам судьбы моей,
И радует меня мое уединенье.
Готовая к борьбе и крепкая как сталь,
Душа бежит любви, бессильного желанья,
И одинокая, любя свои страданья,
Питает гордую безгласную печаль.

⟨*1835*⟩

51. МЕЧТА

О, грустно, грустно мне! Ложится тьма густая
На дальнем Западе, стране святых чудес:
Светила прежние бледнеют, догорая,
И звезды лучшие срываются с небес.
А как прекрасен был тот Запад величавый!
Как долго целый мир, колена преклонив
И чудно озарен его высокой славой,
Пред ним безмолвствовал, смирен и молчалив.
Там солнце мудрости встречали наши очи,
Кометы бурных сеч бродили в высоте,
И тихо, как луна, царица летней ночи,
Сияла там любовь в невинной красоте.
Там в ярких радугах сливались вдохновенья,
И веры огнь живой потоки света лил!..
О! никогда земля от первых дней творенья
Не зрела над собой столь пламенных светил!
Но горе! век прошел, и мертвенным покровом
Задернут Запад весь. Там будет мрак глубок...
Услышь же глас судьбы, воспрянь в сияньи новом,
Проснися, дремлющий Восток!

⟨1835⟩

52. КЛЮЧ

Сокрыт в глуши, в тени древесной,
Любимец муз и тихих дум,
Фонтан живой, фонтан безвестный,
Как сладок мне твой легкий шум!
Поэта чистая отрада,
Тебя не сыщет в жаркий день
Копыто жаждущего стада
Иль поселян бродящих лень;
Лесов зеленая пустыня
Тебя широко облегла,
И веры ясная святыня
Тебя под кров свой приняла;
И не скуют тебя морозы,
Тебя не ссушит летний зной,

И льешь ты сребряные слезы
Неистощимою струей.

В твоей груди, моя Россия,
Есть также тихий, светлый ключ;
Он также воды льет живые,
Сокрыт, безвестен, но могуч.
Не возмутят людские страсти
Его кристальной глубины,
Как прежде холод чуждой власти
Не заковал его волны.
И он течет неиссякаем,
Как тайна жизни невидим,
И чист, и миру чужд, и знаем
Лишь богу да его святым.

Но водоема в тесной чаше
Не вечно будет заключен.
Нет, с каждым днем живей и краше
И глубже будет литься он.

И верю я: тот час настанет,
Река свой край перебежит,
На небо голубое взглянет
И небо всё в себе вместит.
Смотрите, как широко воды
Зеленым долом разлились,
Как к брегу чуждые народы
С духовной жаждой собрались!
Смотрите! мчатся через волны
С богатством мыслей корабли,
Любимцы неба, силы полны,
Плодотворители земли.
И солнце яркими огнями
С лазурной светит вышины,
И осиян весь мир лучами
Любви, святыни, тишины.

⟨1835⟩

53. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Гой красна земля Володимира!
Много сел в тебе, городов больших,
Много люду в тебе православного!
В сини горы ты упираешься,
Синим морем ты омываешься,
Не боишься ты люта ворога,
А боишься лишь гнева божия.
Гой красна земля Володимира!
Послужили тебе мои прадеды,
Миром-разумом успокоили,
Города твои изукрасили,
Люта ворога отодвинули.
Помяни добром моих прадедов!
Послужили тебе службу крепкую,
Службу большую я служил тебе.
От меня ль в степях мужички пошли,
Мужички пошли, всё богатые.
Знают чин свой, знают добычу,
Братьев любят, богу молятся.
От меня ль в судах правда-суд пошли,
Правда-суд пошли неподкупные, —
Правда в слушанье, суд в видение!
От меня ль пошла в целый мир молва,
Что и синего неба не выглядеть,
Что и синего моря не вычерпать:
То красна земля Володимира,
Полюбуйся ей — не насмотришься,
Черпай разум в ней — не исчерпаешь.
Ходит по небу солнце ясное,
Греет, светит миру целому,
Ночью теплятся звезды частые,
А траве да песчинкам счету нет.
По земле ходит слово божие,
Греет жизнию, светит радостью;
Блещут главы церквей золоченые,
А господних слуг да молельщиков,
Что травы в степях, что песку в морях.

Первая половина 1830-х годов (?)

54. ОСТРОВ

Остров пышный, остров чудный;
Ты краса подлунной всей,
Лучший камень изумрудный
В голубом венце морей!
Грозный страж твоей свободы,
Сокрушитель чуждых сил,
Вкруг тебя широко воды
Океан седой разлил.
Он бездонен и просторен,
И враждует он с землей;
Но смиренен, но покорен,
Он любуется тобой;
Для тебя он укрощает
Свой неистовый набег
И, ласкаясь, обнимает
Твой белеющийся брег.

Дочь любимая природы,
Благодатная земля!
Как кипят твои народы,
Как цветут твои поля!
Как державно над волною
Ходит твой широкий флаг!
Как кроваво над землею
Меч горит в твоих руках!
Как светло венец науки
Блещет над твоей главой!
Как высоки песен звуки,
Миру брошенных тобой!
Вся облита блеском злата,
Мыслью вся озарена,
Ты счастлива, ты богата,
Ты роскошна, ты сильна.
И далекие державы,
Робко взор стремя к тебе,
Ждут, какие вновь уставы
Ты предпишешь их судьбе.
Но за то, что ты лукава,
Но за то, что ты горда,

Что тебе мирская слава
Выше божьего суда;
Но за то, что церковь божью
Святотатственной рукой
Приковала ты к подножью
Власти суетной, земной...
Для тебя, морей царица,
День придет — и близок он —
Блеск твой, злато, багряница —
Всё пройдет, минет как сон:
Гром в руках твоих остынет,
Перестанет меч сверкать,
И сынов твоих покинет
Мысли ясной благодать.
И забыв твой флаг державный,
Вновь свободна и грозна,
Заиграет своенравно
Моря шумная волна.

И другой стране смиренной,
Полной веры и чудес,
Бог отдаст судьбу вселенной,
Гром земли и глас небес.

⟨1836⟩

55. К ***

Когда гляжу, как чисто и зеркально
Твое чело,
Как ясен взор, — мне грустно и печально,
Мне тяжело.

Ты знаешь ли, как глубоко и свято
Тебя люблю?
Ты знаешь ли, что отдал без во̀зврата
Я жизнь свою!

Когда умрет пред хладной молньей взора
Любви мечта,
Не прогремят правдивого укора
Мои уста.

Но пропою в последнее прощанье
Я песнь одну;
В ней всю любовь, всё горе, всё страданье,
Всю жизнь сомкну.

И слыша песнь, каким огнем согрета
И как грустна,
Узнает мир, что в ней душа поэта
Схоронена.

⟨1836⟩

56. К ***

Благодарю тебя! Когда любовью нежной
Сияли для меня лучи твоих очей,
Под игом сладостным заснул в груди мятежной
Порыв души моей.

Благодарю тебя! Когда твой взор суровый
На юного певца с холодностью упал,
Мой гордый дух вскипел; и прежние оковы
Я смело разорвал.

И шире мой полет, живее в крыльях сила;
Всё в груди тишина, всё сердце расцвело;
И песен благодать святее осенила
Свободное чело.

Так после ярых бурь моря лазурней, тише,
Благоуханней лес, свежей долин краса,
Так раненный слегка орел уходит выше
В родные небеса.

⟨1836⟩

57

Лампада поздняя горела
Пред сонной ленью моей,
И ты взошла и тихо села
В слияньи мрака и лучей.

Головки русой очерк нежный
В тени скрывался, а чело —
Святыня думы безмятежной —
Белело чисто и светло.
Уста с улыбкою спокойной,
Глаза с лазурной их красой,
Всё чудным миром, мыслью стройной
В тебе сияло предо мной.
Кругом — глубокое молчанье;
Казалось, это дивный сон,
И я глядел, стаив дыханье,
Боясь, чтоб не скрылся он.
Ушла ты — солнце закатилось,
Померкла хладная земля;
Но в ней глубоко затаилась
От солнца жаркая струя.
Ушла! но, боже, как звенели
Все струны пламенной души,
Какую песню в ней запели
Они в полуночной тиши!
Как вдруг и молодо, и живо
Вскипели силы прежних лет,
И как вздрогнул нетерпеливо,
Как вспрянул дремлющий поэт!
Как чистым пламенем искусства
Его зажглася голова,
Как сны, надежды, мысли, чувства
Слилися в звучные слова!
О верь мне! сердце не обманет:
Светло звезда моя взошла,
И снова новый луч проглянет
На лавры гордого чела.

1837 (?)

58. МИЛЬКЕЕВУ

Не верь, что хладными сердцами
Остались чужды мы тебе,
Что ты забыт, не понят нами,
Что брошен в жертву злой судьбе.

Твоей молитвы гимн прекрасный,
Твоих страданий тихий глас —
Всё жизнью светлой, мыслью ясной,
Чаруя, оживило нас.

Ты пел — и Обь, Иртыш и Лена
В степях вилися предо мной;
Белела их седая пена,
Леса чернели над волной.

Ты пел — и под крылом бурана
Гудела степь и гнулся бор,
И, прорезая зыбь тумана,
Росли вершины снежных гор.

Вставал Алтай, весь полон злата,
И тайны и видений полн;
А песнь твоя звучала свято,
Прекрасней гор, степей и волн.

Ты наш, ты наш. По сердцу братья
Тебе нашлись. Тебя зовут
И дружбы теплые объятья,
И музам сладостный приют.

⟨1839⟩

59. РОССИИ

«Гордись! — тебе льстецы сказали. —
Земля с увенчанным челом,
Земля несокрушимой стали,
Полмира взявшая мечом!
Пределов нет твоим владеньям,
И, прихотей твоих раба,
Внимает гордым повеленьям
Тебе покорная судьба.
Красны степей твоих уборы,
И горы в небо уперлись,
И как моря твои озеры...»
Не верь, не слушай, не гордись!

Пусть рек твоих глубоки волны,
Как волны синие морей,
И недра гор алмазов полны,
И хлебом пышен тук степей;
Пусть пред твоим державным блеском
Народы робко клонят взор
И семь морей немолчным плеском
Тебе поют хвалебный хор;
Пусть далеко грозой кровавой
Твои перуны пронеслись —
Всей этой силой, этой славой,
Всем этим прахом не гордись!
Грозней тебя был Рим великой,
Царь семихолмного хребта,
Железных сил и воли дикой
Осуществленная мечта;
И нестерпим был огнь булата
В руках алтайских дикарей;
И вся зарылась в груды злата
Царица западных морей.
И что же Рим? и где монголы?
И, скрыв в груди предсмертный стон,
Кует бессильные крамолы,
Дрожа над бездной, Альбион!
Бесплоден всякой дух гордыни,
Неверно злато, сталь хрупка,
Но крепок ясный мир святыни,
Сильна молящихся рука!

И вот за то, что ты смиренна,
Что в чувстве детской простоты,
В молчаньи сердца сокровенна,
Глагол творца прияла ты, —
Тебе он дал свое призванье,
Тебе он светлый дал удел:
Хранить для мира достоянье
Высоких жертв и чистых дел;
Хранить племен святое братство,
Любви живительной сосуд,
И веры пламенной богатство,
И правду, и бескровный суд.
Твое всё то, чем дух святится,

В чем сердцу слышен глас небес,
В чем жизнь грядущих дней таится,
Начало славы и чудес!..
О, вспомни свой удел высокой!
Былое в сердце воскреси
И в нем сокрытого глубоко
Ты духа жизни допроси!
Внимай ему — и, все народы
Обняв любовию своей,
Скажи им таинство свободы,
Сиянье веры им пролей!
И станешь в славе ты чудесной
Превыше всех земных сынов,
Как этот синий свод небесный —
Прозрачный вышнего покров!

Осень 1839

60. КИЕВ

Высоко передо мною
Старый Киев над Днепром,
Днепр сверкает под горою
Переливным серебром.

Слава, Киев многовечный,
Русской славы колыбель!
Слава, Днепр наш быстротечный,
Руси чистая купель!

Сладко песни раздалися,
В небе тих вечерний звон:
«Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклон?»

— «Я оттуда, где струится
Тихий Дон — краса степей».
— «Я оттуда, где клубится
Беспредельный Енисей!»

— «Край мой — теплый брег Эвксина!»
— «Край мой — брег тех дальних стран,
Где одна сплошная льдина
Оковала океан».

— «Дик и страшен верх Алтая,
Вечен блеск его снегов,
Там страна моя родная!»
— «Мне отчизна — старый Псков».

— «Я от Ладоги холодной»,
— «Я от синих волн Невы»,
— «Я от Камы многоводной»,
— «Я от матушки Москвы».

Слава, Днепр, седые волны!
Слава, Киев, чудный град!
Мрак пещер твоих безмолвный
Краше царственных палат.

Знаем мы: в века былые,
В древню ночь и мрак глубок,
Над тобой блеснул России
Солнца вечного восток.

И теперь из стран далеких,
Из неведомых степей,
От полночных рек глубоких —
Полк молящихся детей —

Мы вокруг твоей святыни
Все с любовью собраны...
Братцы, где ж сыны Волыни?
Галич, где твои сыны?

Горе, горе! их спалили
Польши дикие костры;
Их сманили, их пленили
Польши шумные пиры.

Меч и лесть, обман и пламя
Их похитили у нас;
Их ведет чужое знамя,
Ими правит чуждый глас.

Пробудися, Киев, снова!
Падших чад своих зови!
Сладок глас отца родного,
Зов моленья и любви.

И отторженные дети,
Лишь услышат твой призыв,
Разорвав коварства сети,
Знамя чуждое забыв,

Снова, как во время оно,
Успокоиться придут
На твое святое лоно,
В твой родительский приют.

И вокруг знамен отчизны
Потекут они толпой,
К жизни духа, к духу жизни,
Возрожденные тобой!

Ноябрь 1839

61. К ДЕТЯМ

Бывало, в глубокий полуночный час,
Малютки, приду любоваться на вас;
Бывало, люблю вас крестом знаменать,
Молиться, да будет на вас благодать,
Любовь вседержителя бога.

Стеречь умиленно ваш детский покой,
Подумать о том, как вы чисты душой,
Надеяться долгих и счастливых дней
Для вас, беззаботных и милых детей,
Как сладко, как радостно было!

Теперь прихожу я: везде темнота,
Нет в комнате жизни, кроватка пуста;
В лампаде погас пред иконою свет.
Мне грустно, малюток моих уже нет!
    И сердце так больно сожмется!

О дети, в глубокий полуночный час
Молитесь о том, кто молился о вас,
О том, кто любил вас крестом знаменать.
Молитесь, да будет и с ним благодать,
    Любовь вседержителя бога.

1839

62. RITTERSPRUCH—RICHTERSPRUCH[1]

Ты вихрем летишь на коне боевом
    С дружиной твоей удалою;
И враг побежденный упал под конем,
    И пленный лежит пред тобою.
Сойдешь ли с коня ты? поднимешь ли меч?
Сорвешь ли бессильную голову с плеч?
Пусть бился он с диким неистовством брани,
По градам и селам пожары простер;
Теперь он подъемлет молящие длани;
    Убьешь ли? о стыд и позор!

А если вас много, убьете ли вы
    Того, кто охвачен цепями,
Кто, стоптанный в прахе, молящей главы
    Не смеет поднять перед вами?
Пусть дух его черен, как мрак гробовой;
Пусть сердце в нем подло, как червь гноевой;
Пусть кровью, разбоем он весь знаменован:
Теперь он бессилен, угас его взор;
Он властию связан, он ужасом скован...
    Убьете ль? о стыд и позор!

1839 (?)

---

[1] Приговор рыцаря — приговор судьи (нем.). — *Ред.*

63. ВИДЕНИЕ

Как темнота широко воцарилась!
Как замер шум денного бытия!
Как сладостно дремотою забылась
Прекрасная, любимая моя!
Весь мир лежит в торжественном покое,
Увитый сном и дивной тишиной;
И хоры звезд, как празднество ночное,
Свои пути свершают над землей.

Что пронеслось как вешнее дыханье?
Что надо мной так быстро протекло?
И что за звук, как арфы содроганье,
Как лебедя звенящее крыло?
Вдруг свет блеснул, полнеба распахнулось;
Я задрожал, безмолвный, чуть дыша...
О, перед кем ты, сердце, встрепенулось?
Кого ты ждешь? — скажи, моя душа!

Ты здесь, ты здесь, владыка песнопений,
Прекрасный царь моей младой мечты!
Небесный друг, мой благодатный гений,
Опять, опять ко мне явился ты!
Всё та ж весна ланиты оживленной,
И тот же блеск твоих эфирных крыл,
И те ж уста с улыбкой вдохновенной;
Всё тот же ты, — но ты не то, что был.

Ты долго жил в лазурном том просторе,
И на челе остался луч небес;
И целый мир в твоем глубоком взоре,
Мир ясных дум и творческих чудес.
Прекраснее, и глубже, и звучнее
Твоих речей певучая волна;
И крепкий стан подъемлется смелее,
И звонких крыл грознее ширина.

Перед тобой с волненьем тайным страха
Сливается волнение любви.
Склонись ко мне; возьми меня из праха,
По-прежнему мечты благослови!

По-прежнему эфирным дуновеньем,
Небесный брат, коснись главы моей;
Всю грудь мою наполни вдохновеньем;
Земную мглу от глаз моих отвей!

И полный сил, торжественный и мирный,
Я восстаю над бездной бытия...
Проснись, тимпан! проснися, голос лирный!
В моей душе проснися, песнь моя!
Внемлите мне, вы, страждущие люди;
Вы, сильные, склоните робкий слух;
Вы, мертвые и каменные груди,
Услыша песнь, примите жизни дух!

⟨1840⟩

64. НА ПЕРЕНЕСЕНИЕ НАПОЛЕОНОВА ПРАХА

Небо ясно, тихо море,
Воды ласково журчат;
В безграничном их просторе
Мчится весело фрегат.
Молньи сизые трепещут,
Бури дикие шумят,
Волны бьются, волны плещут;
Мчится весело фрегат.
Дни текут; на ризах ночи
Звезды южные зажглись;
Мореходцев жадны очи
В даль заветную впились.
Берег! берег! Перед ними
К небу синему взошла
Над пучинами морскими
Одинокая скала.
Здесь он! здесь его могила
В диких вырыта скалах:
Глыба тяжкая покрыла
Полководца хладный прах.
Здесь страдал он в ссылке душной,
Молньей внутренней сожжен,
Местью страха малодушной,
Низкой злостью истомлен.

Вырывайте ж бренно тело —
И чрез бурный океан
Пусть фрегат ваш мчится смело
С новой данью южных стран!
Он придет, он в пристань станет,
Он его храним судьбой;
Слыша весть о вас, воспрянет,
Встретит пепел дорогой, —
С шумом буйных ликований,
Поздней ревности полна,
В дни несчастья, в дни страданий
Изменившая страна!

Было время, были годы —
Этот прах был бог земли:
Взглянет он — дрожат народы,
Войска движутся вдали.
А пойдет он, строгий, бледный,
Словно памятник живой —
Под его стопою медной
Содрогнется шар земной,
В поле вспыхнет буря злая,
Вспыхнут громы на морях,
И ложатся, умирая,
Люди в кровь и царства в прах!
И в те дни своей гордыни
Он пришел к Москве святой,
Но спалил огонь святыни
Силу гордости земной.

Опускайте ж тело бренно
В тихий, темный, вечный дом,
И обряд мольбой смиренной
Совершите над вождем.
Пусть из меди, пусть из злата,
Камней, красок и резьбы
Встанет памятник богатый
Той неслыханной судьбы!
Пусть над перстью благородной
Громомещущей главы
Блещет саван зим холодный,
Пламя жаркое Москвы;

И не меч, не штык трехгранный,
А в венце полнощных звезд —
Усмиритель бури бранной —
Наша сила, русский крест!
Пусть, когда в земное лоно
Пренесен чрез бездну вод,
Бедный прах Наполеона,
Тленью отданный, заснет, —
Перед сном его могилы
Скажет мир, склонясь главой:
Нет могущества, ни силы,
Нет величья под луной!

Конец 1840

65. 7 НОЯБРЯ

Когда мы разрыли могилу вождя
И вызвали гроб на сияние дня,
    В нас сердце сжалось от страха:
Казалось, лишь тронем свинец гробовой,
Лишь дерзко подымем преступной рукой
    Покров с могучего праха —

Сердитые волны вскипят на морях,
Сердитые тучи взбегут в небесах
    И вихрь средь знойного поля!
И снова польется потоками кровь,
И, вставши, всю землю потребует вновь
    Боец — железная воля!

Мы сняли покровы: глядим — небеса
Спокойны, безмолвны поля и леса
    И тихи, зеркальны волны!
И всё озлатилось вечерним лучом,
И мы вкруг могилы стоим и живем,
    И сил и юности полны;

А он недвижим, он — гремящий в веках,
Он, сжавший всю землю в орлиных когтях,
    Муж силы, молния брани!

Уста властелина навеки молчат,
И смертью закрыт повелительный взгляд,
И смертью скованы длани.

И снова скрепляя свинец роковой,
Тогда оросили мы горькой слезой
Его доску гробовую:
Как будто сложили под вечный покров
Всю силу души, и всю славу веков,
И всю гордыню людскую.

Конец 1840

66. ЕЩЕ ОБ НЕМ

Не сила народов тебя подняла,
Не воля чужая венчала,
Ты мыслил и властвовал, жил, побеждал,
Ты землю железной стопой попирал,
Главу самозданным венцом увенчал,
Помазанник собственной силы!

Не сила народов повергла тебя,
Не встал тебе ровный соперник;
Но тот, кто пределы морям положил,
В победном бою твой булат сокрушил,
В пожаре святом твой венец растопил
И снегом засыпал дружины.

Скатилась звезда с омраченных небес,
Величье земное во прахе!..
Скажите, не утро ль с Востока встает?
Не новая ль жатва над прахом растет?
Скажите!.. Мир жадно и трепетно ждет
Властительной мысли и слова!..

Начало 1841

67

Москва-старушка вас вскормила
Восторгов сладостных млеком
И в гордый путь благословила
За поэтическим венком.

За песен вдохновенных сладость,
За вечно свежий ваш венец,
За вашу славу — нашу радость,
Спасибо, наш родной певец!

Да будет ваше небо ясно;
Да будет светел мир труда;
И да сияет вам прекрасно
Любви негаснущей звезда.

Февраль 1841

68—69. *NACHTSTÜCK*[1]

1

Вчерашняя ночь была так светла,
Вчерашняя ночь все звезды зажгла
Так ясно,
Что, глядя на холмы и дремлющий лес,
На воды, блестящие блеском небес,
Я думал: о! жить в этом мире чудес
Прекрасно!

Прекрасны и волны, и даль степей,
Прекрасна в одежде зеленых ветвей
Дубрава,
Прекрасна любовь с вечно свежим венком,
И дружбы звезда с неизменным лучом,
И песен восторг с озаренным челом,
И слава!

[1] Ноктюрн (нем.). — *Ред.*

Взглянул я на небо — там твердь ясна:
Высоко, высоко восходит она
Над бездной;
Там звезды живые катятся в огне,
И детское чувство проснулось во мне,
И думал я: лучше нам в той вышине
Надзвездной.

2

Сумрак вечерний тихо взошел,
Месяц двурогий звезды повел
В лазурном просторе,
Время покоя, любви, тишины,
Воздух и небо сиянья полны,
Смолкло роптанье разгульной волны,
Сравнялося море.

Сердцу отрадно, берег далек;
Как очарован, спит мой челнок,
Упали ветрила.
Небо, как море, лежит надо мной;
Море, как небо, блестит синевой;
В бездне небесной и бездне морской
Всё те же светила.

О, что бы в душу вошла тишина!
О, что бы реже смущалась она
Земными мечтами!
Лучше, чем в лоне лазурных морей,
Полное тайны и полно лучей,
Вечное небо гляделось бы в ней
Со всеми звездами.

⟨1841⟩

70. ДАВИД

Певец-пастух на подвиг ратный
Не брал ни тяжкого меча,
Ни шлема, ни брони булатной,
Ни лат с Саулова плеча;

Но, духом божьим осененный,
Он в поле брал кремень простой —
И падал враг иноплеменный,
Сверкая и гремя броней.

И ты — когда на битву с ложью
Восстанет правда дум святых —
Не налагай на правду божью
Гнилую тягость лат земных.
Доспех Саула ей окова,
Саулов тягостен шелом:
Ее оружье — божье слово,
А божье слово — божий гром!

⟨1844⟩

71

Не говорите: «То былое,
То старина, то грех отцов,
А наше племя молодое
Не знает старых тех грехов».
Нет! этот грех — он вечно с вами,
Он в вас, он в жилах и крови,
Он сросся с вашими сердцами —
Сердцами, мертвыми к любви.
Молитесь, кайтесь, к небу длани!
За все грехи былых времен,
За ваши каинские брани
Еще с младенческих пелен;
За слезы страшной той годины,
Когда, враждой упоены,
Вы звали чуждые дружины
На гибель русской стороны;
За рабство вековому плену,
За робость пред мечом Литвы,
За Новград и его измену,
За двоедушие Москвы;
За стыд и скорбь святой царицы,
За узаконенный разврат,

За грех царя-святоубийцы,
За разоренный Новоград;
За клевету на Годунова,
За смерть и стыд его детей,
За Тушино, за Ляпунова,
За пьянство бешеных страстей;
За слепоту, за злодеянья,
За сон умов, за хлад сердец,
За гордость темного незнанья,
За плен народа; наконец,
За то, что, полные томленья,
В слепой терзания тоске,
Пошли просить вы исцеленья
Не у того, в его ж руке
И блеск побед, и счастье мира,
И огнь любви, и свет умов,
Но у бездушного кумира,
У мертвых и слепых богов,
И, обуяв в чаду гордыни,
Хмельные мудростью земной,
Вы отреклись от всей святыни,
От сердца стороны родной;
За всё, за всякие страданья,
За всякий попранный закон,
За темные отцов деянья,
За темный грех своих времен,
За все беды родного края, —
Пред богом благости и сил
Молитесь, плача и рыдая,
Чтоб он простил, чтоб он простил!

1844

72. ⟨В АЛЬБОМ В. В. ГАНКИ⟩

Когда-то я просил бога об России и говорил:

Не дай ей рабского смиренья,
Не дай ей гордости слепой
И дух мертвящий, дух сомненья
В ней духом жизни успокой.

Эта же молитва у меня для всех славян. Если не будет сомненья в нас, то будет успех. Сила в нас будет, только бы не забывалось братство. Что я это мог записать в книге вашей, будет мне всегда помниться как истинное счастие.

19 июня 1847
Прага

73

Не гордись перед Белградом,
Прага, чешских стран глава!
Не гордись пред Вышеградом,
Златоверхая Москва!

Вспомним: мы родные братья,
Дети матери одной,
Братьям братские объятья,
К груди грудь, рука с рукой!

Не гордися силой длани
Тот, кто в битве устоял;
Не скорби, кто в долгой брани
Под грозой судьбины пал.

Испытанья время строго,
Тот, кто пал, восстанет вновь:
Много милости у бога,
Без границ его любовь!

Пронесется мрак ненастный,
И, ожиданный давно,
Воссияет день прекрасный,
Братья станут заодно:

Все велики, все свободны,
На врагов — победный строй,
Полны мыслью благородной,
Крепки верою одной!

20 июня 1847
Прага

74

Беззвездная полночь дышала прохладой,
Крутилася Лаба, гремя под окном;
О Праге я с грустною думал отрадой,
О Праге мечтал, забываяся сном.

Мне снилось — лечу я: орел сизокрылый
Давно и давно бы в полете отстал,
А я, увлекаем невидимой силой,
Всё выше и выше взлетал.

И с неба картину я зрел величаву,
В уборе и блеске весь Западный край,
Мораву, и Лабу, и дальнюю Саву,
Гремящий и синий Дунай.

И Прагу я видел: и Прага сияла,
Сиял златоверхий на Петчине храм:
Молитва славянская громко звучала
В напевах, знакомых минувшим векам.

И в старой одежде святого Кирилла
Епископ на Петчин всходил,
И следом валила народная сила,
И воздух был полон куреньем кадил.

И клир, воспевая небесную славу,
Звал милость господню на Западный край,
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синий Дунай.

1847

75. К И. В. КИРЕЕВСКОМУ

Ты сказал нам: «За волною
Ваших мысленных морей
Есть земля; над той землею
Блещет дивной красотою
Новой мысли эмпирей».

Распусти ж свой парус белый —
Лебединое крыло —
И стремися в те пределы,
Где тебе, наш путник смелый,
Солнце новое взошло.

И с богатством многоценным
Возвратившись снова к нам,
Дай покой душам смятенным,
Крепость волям утомленным,
Пищу алчущим сердцам.

1848

76. НАДПИСЬ К КАРТИНЕ
(АНГЕЛ СПАСАЕТ ДВЕ ДУШИ ОТ САТАНЫ)

Я видел, как посланник рая
Две души в небо уносил,
И та прекрасна, и другая,
Но образ их различен был:

Одна небес не забывала,
Но и земное всё познала,
И пыль земли на ней легла,

Другая чуть земли коснулась
И от земли уж отвернулась,
И для бессмертья сберегла
Всю прелесть юного чела.

1848

77. СЕРБСКАЯ ПЕСНЯ

Гаснет месяц на Стамбуле,
Всходит солнышко светло,
У маджар и турки злого
Никнет гордое чело.

Спишь ли ты, наш королевич?
Посмотри-ка, твой народ
Расходился, словно волны,
Что ломают вешний лед!

Спишь ли, спишь ли, королевич?
Посмотри-ка, в чьих руках
Блещут копья и пищали
На дунайских берегах!

Слушай! Трубы загремели;
Бьет в раскатах барабан;
Сербы с гор текут как реки,
Кроют поле, как туман.

Просыпайся, королевич!
Знать, великий час настал:
У твоей могилы темной
Богатырский конь заржал...

Апрель 1849

78. НАВУХОДОНОСОР

Пойте, други, песнь победы!
Пойте! снова потекут
Наши вольные беседы,
Закипит свободный труд!

Вавилона царь суровый
Был богат и был силен;
В неразрывные оковы
Заковал он наш Сион.

Он губил ожесточенно
Наши вечные права:
Слово — божий дар священный,
Разум — луч от божества.

Милость бога забывая,
Говорил он: всё творят
Мой булат, моя десная,
Царский ум мой, царский взгляд!

Какъ стадо журавлей долину оставляетъ;
Блуждая по полямъ тяжелою стопой,
Разширивъ ноздри, звѣрь испаетъ паръ густой.
Щебечетъ ласточка, мелькая надъ водами,
Лягушки скучный крикъ звучитъ подъ камышами.
Тогда и муравей оставя домикъ свой
Уноситъ яица съ лучистой быстротой;
Тогда и радуга средь тучи и тумана
Блестящей полосой пьетъ воды Океана.
Иль съ враковъ дикій полкъ собравшись на поляхъ
Несется подлинно въ подоблачныхъ странахъ.
Но тамъ, гдѣ межъ луговъ Каистра токъ склоняется,
И лебедь царь озеръ въ зерцало водъ глядится,
Иль тамъ, гдѣ скалы ~~отражаются~~ въ моряхъ, —
Смотри, какъ птицы всѣ ~~[illegible]~~ стадятся по волнамъ
И плещутъ [illegible] ~~и твои погружаютъ~~ [illegible]

По морю гордыя, коль шумливыми стадами
Гагары бѣгаютъ ~~играя~~ надъ скалами;
Или дикія утки отъ волнъ стадами летятъ,
Пускаютъ громкій крикъ и къ берегу спѣшатъ,
Иль цапля вверхъ паритъ отъ брега водъ отеклянныхъ
И тонетъ медленно среди небесъ туманныхъ.
Когда свирѣпыхъ бурь еще не слышанъ вой,
Иль вѣстница для насъ, въ полночной темнотой,
Блистающая звѣзда падетъ стезей огнистой
И чертитъ длинный путь на лонѣ нощи мглистой,
И мотыльки играющи летаютъ по полямъ
И плавая перо кружится по водамъ.
Когдаже на Сѣверѣ Перуновъ [illegible]
И Западъ и Востокъ отъ грома [illegible]
Рѣками на поля нисходятъ [illegible]
И трепетавшій пловецъ [illegible]
Но вся въ Природѣ, [illegible]

Над равнинами Деира
Он создал себе кумир,
И у ног сего кумира
Пировал безбожный пир.

Но отмстил ему Иегова!
Казнью жизнь ему сама:
Бродит нем губитель слова,
Траву щиплет враг ума!

Как работник подъяремный,
Бессловесный, глупый вол,
Не глядя на мир надземный,
Он обходит злачный дол!..

Ты скажи нам, царь надменный,
Жив ли мстящий за Сион?..
Но покайся, но смиренно
Полюби его закон,

Дух свободы, святость слова,
Святость мысленных даров, —
И простит тебя Иегова
От невидимых оков.

Снова на престол великий
Возведет тебя царем
И земной венец владыки
Освятит своим венцом!..

Пойте, други, песнь победы!
Пойте! снова потекут
Наши вольные беседы,
Закипит свободный труд!

1849

79. КРЕМЛЕВСКАЯ ЗАУТРЕНЯ НА ПАСХУ

В безмолвии, под ризою ночною,
Москва ждала; и час святой настал:
И мощный звон промчался над землею,
И воздух весь, гудя, затрепетал.

Певучие, серебряные громы
Сказали весть святого торжества;
И, слыша глас, ее душе знакомый,
Подвиглася великая Москва.
Всё тот же он: ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественных забот
Не знает он, и, вестник искупленья,
Он с высоты нам песнь одну поет, —
Победы песнь, песнь конченного плена.
Мы слушаем; но как внимаем мы?
Сгибаются ль упрямые колена?
Смиряются ль кичливые умы?
Откроем ли радушные объятья
Для страждущих, для меньшей братьи всей?
Хоть вспомним ли, что это слово — братья —
Всех слов земных дороже и святей?

⟨1850⟩

80

«Мы род избранный, — говорили
Сиона дети в старину. —
Нам божьи громы осушили
Морей волнистых глубину.

Для нас Синай оделся в пламя,
Дрожала гор кремнистых грудь,
И дым и огнь, как божье знамя,
В пустынях нам казали путь.

Нам камень лил воды потоки,
Дождили манной небеса,
Для нас закон, у нас пророки,
В нас божьей силы чудеса».

Не терпит бог людской гордыни;
Не с теми он, кто говорит:
«Мы соль земли, мы столб святыни,
Мы божий меч, мы божий щит!»

Не с теми он, кто звуки слова
Лепечет рабским языком
И, мертвенный сосуд живого,
Душою мертв и спит умом.

Но с теми бог, в ком божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всех изгибах бытия;

Он с тем, кто гордости лукавой
В слова смиренья не рядил,
Людскою не хвалился славой,
Себя кумиром не творил;

Он с тем, кто духа и свободы
Ему возносит фимиам;
Он с тем, кто все зовет народы
В духовный мир, в господень храм!

⟨1851⟩

81. ВОСКРЕСЕНИЕ ЛАЗАРЯ

О царь и бог мой! Слово силы
Во время оно ты сказал,
И сокрушен был плен могилы,
И Лазарь ожил и восстал.
Молю, да слово силы грянет,
Да скажешь «встань!» душе моей,
И мертвая из гроба встанет
И выйдет в свет твоих лучей!
И оживет, и величавый
Ее хвалы раздастся глас
Тебе — сиянью отчей славы,
Тебе — умершему за нас!

Октябрь 1852

82. ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЬ

Солнце сокрылось; дымятся долины;
Медленно сходят к ночлегу стада;
Чуть шевелятся лесные вершины,
Чуть шевелится вода.

Ветер приносит прохладу ночную;
Тихою славой горят небеса...
Братья, оставим работу денную,
В песни сольем голоса...

Ночь на востоке с вечерней звездою;
Тихо сияет струей золотою
Западный край.

Господи, путь наш меж камней и терний,
Путь наш во мраке... Ты, свет невечерний,
Нас осияй!

В мгле полунощной, в полуденном зное,
В скорби и радости, в сладком покое,
В тяжкой борьбе —

Всюду сияние солнца святого,
Божия мудрость и сила и слово,
Слава тебе!

Середина января 1853

83

Жаль мне вас, людей бессонных!
Целый мир кругом храпит,
А от дум неугомонных
Ваш тревожный ум не спит:
Бродит, ищет, речь заводит
С тем, с другим, — всё прока нет!
Тот глазами чуть поводит,
Тот сквозь сон кивнет ответ.
Вот, оставив братьев спящих,
Вы ведете в тьме ночной,

Не смыкая вежд горящих,
Думу долгую с собой.
И надумались, и снова
Мысли бурные кипят:
Будите того, другого, —
Все кивают и молчат!
Вы волнуетесь, горите,
В сердце горечь, в слухе звон, —
А кругом-то поглядите,
Как отраден мирный сон!
Жаль мне вас, людей бессонных:
Уж не лучше ли заснуть
И от дум неугомонных,
Хоть на время, отдохнуть?

28 ноября 1853
Тула

84

Вставайте! оковы распались,
Проржавела старая цепь!
Уж Нил и Ливан взволновались,
Проснулась Сирийская степь!

Вставайте, славянские братья,
Болгарин, и серб, и хорват!
Скорее друг к другу в объятья,
Скорей за отцовский булат!

Скажите: «Нам в старые годы
В наследство господь даровал
И степи, и быстрые воды,
И лес, и ущелия скал!»

Скажите: «Мы люди свободны, —
Да будет свободна земля,
И горы, и глуби подводны,
И долы, и лес, и поля!

Мы вольны, мы к битве готовы,
И подвиг наш честен и свят:

Нам бог разрывает оковы,
Нам бог закаляет булат!»

Смотрите, как мрак убегает,
Как месяц двурогий угас!
Смотрите, как небо сияет
В торжественный утренний час!

Как ярки и радости полны
Светила грядущих веков!..
Вскипите ж, славянские волны!
Проснитеся, гнезда орлов!

1853

85. СУД БОЖИЙ

Глас божий: «Сбирайтесь на праведный суд,
Сбирайтесь к Востоку, народы!»
И, слепо свершая назначенный труд,
Народы земными путями текут,
Спешат через бурные воды.

Спешат, и, кровавый предчувствуя спор,
Смятенья, волнения полны,
Сбираются, грозный, гремящий собор,
На Черное море, на синий Босфор:
И ропщут, и пенятся волны.

Чреваты громами, крылаты огнем,
Несутся суда — и над ними:
Двуглавый орел с одноглавым орлом,
И скачущий лев с однорогим конем,
И флаг под звездами ночными.

Глас божий: «Сбирайтесь из дальних сторон!
Великое время приспело
Для тризны кровавой, больших похорон:
Мой суд совершится, мой час положен,
В сраженье бросайтеся смело.

За веру безверную, лесть и разврат,
За гордость Царьграда слепую
Отману я дал сокрушительный млат,
Громовые стрелы и острый булат,
И силу коварную, злую.

Грозою для мира был страшный боец,
Был карой Восточному краю:
Но слышу я стоны смиренных сердец,
И ломаю престол, и срываю венец,
И бич вековой сокрушаю».

Народы собрались из дальних сторон:
Волнуются берег и море;
Безумной борьбою весь мир потрясен,
И стон над землею, и на море стон,
И плач, и кровавое горе.

Твой суд совершится в огне и крови:
Свершат его слепо народы...
О боже, прости их! и всех призови!
Исполни их веры и братской любви,
Согрей их дыханьем свободы!

22 марта 1854
Москва

86. НОЧЬ

Спáла ночь с померкшей вышины.
В небе сумрак, над землею тени,
И под кровом темной тишины
Ходит сонм обманчивых видений.

Ты вставай во мраке, спящий брат!
Освяти молитвой час полночи!
Божьи духи землю сторожат;
Звезды светят, словно божьи очи.

Ты вставай во мраке, спящий брат!
Разорви ночных обманов сети!

В городах к заутрене звонят:
В божью церковь идут божьи дети.

Помолися о себе, о всех,
Для кого тяжка земная битва,
О рабах бессмысленных утех!
Верь, для всех нужна твоя молитва.

Ты вставай во мраке, спящий брат!
Пусть зажжется дух твой пробужденный
Так, как звезды на небе горят,
Как горит лампада пред иконой.

22 марта 1854

87. РОССИИ

Тебя призвал на брань святую,
Тебя господь наш полюбил,
Тебе дал силу роковую,
Да сокрушишь ты волю злую
Слепых, безумных, буйных сил.

Вставай, страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовет
Чрез волны гневного Дуная,
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.

Но помни: быть орудьем бога
Земным созданьям тяжело.
Своих рабов он судит строго,
А на тебя, увы! как много
Грехов ужасных налегло!

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!

О, недостойная избранья,
Ты избрана! Скорей омой
Себя водою покаянья,
Да гром двойного наказанья
Не грянет над твоей главой!

С душой коленопреклоненной,
С главой, лежащею в пыли,
Молись молитвою смиренной
И раны совести растленной
Елеем плача исцели!

И встань потом, верна призванью,
И бросься в пыл кровавых сеч!
Борись за братьев крепкой бранью,
Держи стяг божий крепкой дланью,
Рази мечом — то божий меч!

23 марта 1854

88. РАСКАЯВШЕЙСЯ РОССИИ

Не в пьянстве похвальбы безумной,
Не в пьянстве гордости слепой,
Не в буйстве смеха, песни шумной,
Не с звоном чаши круговой;
Но в силе трезвенной смиренья
И обновленной чистоты
На дело грозного служенья
В кровавый бой предстанешь ты.

О Русь моя! как муж разумный,
Сурово совесть допросив,
С душою светлой, многодумной,
Идет на божеский призыв,
Так, исцелив болезнь порока
Сознаньем, скорбью и стыдом,
Пред миром станешь ты высоко,
В сияньи новом и святом!

Иди! тебя зовут народы!
И, совершив свой бранный пир,

Даруй им дар святой свободы,
Дай мысли жизнь, дай жизни мир!
Иди! светла твоя дорога:
В душе любовь, в деснице гром,
Грозна, прекрасна, — ангел бога
С огнесверкающим челом!

3 апреля 1854

89. ЗВЕЗДЫ

В час полночный, близ потока
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
В горнем мире чудеса.
Ночи вечные лампады,
Невидимы в блеске дня,
Стройно ходят там громады
Негасимого огня.
Но впивайся в них очами —
И увидишь, что вдали
За ближайшими звездами
Тьмами звезды в ночь ушли.
Вновь вглядись — и тьмы за тьмами
Утомят твой робкий взгляд:
Все звездами, все огнями
Бездны синие горят.

В час полночного молчанья,
Отогнав обманы снов,
Ты вглядись душой в писанья
Галилейских рыбаков, —
И в объеме книги тесной
Развернется пред тобой
Бесконечный свод небесный
С лучезарною красой.
Узришь — звезды мысли водят
Тайный хор свой вкруг земли.
Вновь вглядись — другие всходят;
Вновь вглядись — и там вдали

Звезды мысли, тьмы за тьмами,
Всходят, всходят без числа, —
И зажжется их огнями
Сердца дремлющая мгла.

⟨1856⟩

90. ПО ПРОЧТЕНИИ ПСАЛМА

Земля трепещет: по эфиру
Катится гром из края в край.
То божий глас; он судит миру:
«Израиль, мой народ, внимай!
Израиль, ты мне строишь храмы,
И храмы золотом блестят,
И в них курятся фимиамы,
И день и ночь огни горят.
К чему мне ваших храмов своды,
Бездушный камень, прах земной?
Я создал землю, создал воды,
Я небо очертил рукой;
Хочу, и словом расширяю
Предел безвестных вам чудес;
И бесконечность созидаю
За бесконечностью небес.
К чему мне злато? В глубь земную,
В утробу вековечных скал,
Я влил, как воду дождевую,
Огнем расплавленный металл.
Он там кипит и рвется, сжатый
В оковах темной глубины;
А ваши серебро и злато
Лишь всплеск той пламенной волны.
К чему куренья? Предо мною
Земля со всех своих концов
Кадит дыханьем под росою
Благоухающих цветов.
К чему огни? Не я ль светила
Зажег над вашей головой?
Не я ль, как искры из горнила,
Бросаю звезды в мрак ночной?

Твой скуден дар. — Есть дар бесценный,
Дар, нужный богу твоему:
Ты с ним явись, и, примиренный,
Я все дары твои приму.
Мне нужно сердце чище злата,
И воля крепкая в труде,
Мне нужен брат, любящий брата,
Нужна мне правда на суде».

⟨1856⟩

91

Как часто во мне пробуждалась
Душа от ленивого сна,
Просилася людям и братьям
Сказаться словами она!

Как часто, о боже! рвалася
Вещать твою волю земле,
Да свет осияет разумный
Безумцев, бродящих во мгле!

Как часто, бессильем томимый,
С глубокой и тяжкой тоской
Молил тебя дать им пророка
С горячей и крепкой душой!

Молил тебя, в час полуночи,
Пророку дать силу речей, —
Чтоб мир оглашал он далеко
Глаголами правды твоей!

Молил тебя с плачем и стоном,
Во прахе простерт пред тобой,
Дать миру и уши, и сердце
Для слушанья речи святой!

20 января 1856

92. 26 АВГУСТА 1856 ГОДА

Народом полон Кремль великий,
Народом движется Москва,
И слышны радостные клики,
И звон и громы торжества.

Наш царь в стенах издревле славных,
Среди ликующих сердец,
Приял венец отцов державных —
Царя-избранника венец.

Ему господь родного края
Вручил грядущую судьбу;
И Русь, его благословляя,
Вооружает на борьбу.

Его елеем помазует
Она живых своих молитв,
Да силу бог ему дарует
Для жизненных, для царских битв.

И, преклоненны у подножья
Молитвенного алтаря,
Мы верим: будет милость божья
На православного царя.

И даст всевышний дар познанья
И ясность мысленным очам,
И в сердце крепость упованья,
Несокрушимую бедам.

И верим мы, и верить будем,
Что даст он дар — венец дарам,
Дар братолюбья к братьям-людям,
Любовь отца к своим сынам;

И даст года он яркой славы,
Победу в подвигах войны
И средь прославленной державы
Года цветущей тишины...

А ты, в смирении глубоком
Венца приявший тяготу,
О, охраняй неспящим оком
Души бессмертной красоту!

26 августа 1856

93

Широка, необозрима,
Чудной радости полна,
Из ворот Ерусалима
Шла народная волна.
Галилейская дорога
Оглашалась торжеством:
«Ты идешь во имя бога,
Ты идешь в свой царский дом.
Честь тебе, наш царь смиренный,
Честь тебе, Давыдов сын!»
Так, внезапно вдохновенный,
Пел народ; но там один,
Недвижим в толпе подвижной,
Школ воспитанник седой,
Гордый мудростию книжной,
Говорил с насмешкой злой:
«Это ль царь ваш? слабый, бледный,
Рыбаками окружен?
Для чего он в ризе бедной?
И зачем не мчится он,
Силу божью обличая,
Весь одеян черной мглой,
Пламенея и сверкая,
Над трепещущей землей?»
И века пошли чредою,
И Давыдов сын с тех пор,
Тайно правя их судьбою,
Усмиряя буйный спор,
Налагая на волненье
Цепь любовной тишины,
Мир живит, как дуновенье
Наступающей весны.
И в трудах борьбы великой

Им согретые сердца
Узнают шаги владыки,
Слышат сладкий зов отца.
Но в своем неверьи твердый,
Неисцельно ослеплен,
Всё, как прежде, книжник гордый
Говорит: «Да где же он?
И зачем в борьбе смятенной
Исторического дня
Он проходит так смиренно,
Так незримо для меня,
А нейдет как буря злая,
Весь одеян черной мглой,
Пламенея и сверкая
Над трепещущей землей?»

⟨1858⟩

94

Счастлива мысль, которой не светила
Людской молвы приветная весна!
Безвременно рядиться не спешила
В листы и цвет ее младая сила,
Но корнем вглубь врывалася она.

И ранними и поздними дождями
Вспоенная, внезапно к небесам
Она взойдет, как ночь темна ветвями,
Как ночь в звездах, осыпана цветами,
Краса земле и будущим векам.

⟨1858⟩

95. БЛАГОЧЕСТИВОМУ МЕЦЕНАТУ

О мудрый друг! от стран полночи,
С прибрежья царственной Невы,
Ты кротко обращаешь очи
На наши темные главы.
Ты кубок роскоши ленивой
Испил до дна; но ты ж подчас

Речами ласки небрезгливой
На подвиг поощряешь нас.
Мудрец, с улыбкой благосклонной
За чашей хвалишь круговой
Наш строгий пост, наш труд бессонный —
Плебейской веры быт простой.
Прими ж привет от черни темной,
Тобою взысканных людей,
И приношенья дани скромной
Их благодарственных речей.
Прими мольбу! Твоей лазури,
Твоих безоблачных высот
Да не смущают крылья бури
И мрак житейских непогод.
Да мысль железною рукою
Твоей главы не тяготит,
И вечной да цветет весною
Румяный пух твоих ланит.

⟨1858⟩

96. ТРУЖЕНИК

По жестким глыбам сорной нивы
С утра, до истощенья сил,
Довольно, пахарь терпеливый,
Я плуг тяжелый свой водил.
Довольно, дикою враждою
И злым безумьем окружен,
Боролся крепкой я борьбою...
Я утомлен, я утомлен.
Пора на отдых. О дубравы!
О тишина полей и вод
И над оврагами кудрявый
Ветвей сплетающихся свод!
Хоть раз один в тени отрадной,
Склонившись к звонкому ручью,
Хочу всей грудью, грудью жадной,
Вдохнуть вечернюю струю.
Стереть бы пот дневного зноя!
Стряхнуть бы груз дневных забот!..

«Безумец, нет тебе покоя,
Нет отдыха: вперед, вперед!
Взгляни на ниву; пашни много,
А дня не много впереди.
Вставай же, раб ленивый бога!
Господь велит: иди, иди!
Ты куплен дорогой ценою;
Крестом и кровью куплен ты;
Сгибайся ж, пахарь, над браздою:
Борись, борец, до поздней тьмы!»
Пред словом грозного призванья
Склоняюсь трепетным челом;
А ты безумного роптанья
Не помяни в суде твоем!
Иду свершать в труде и поте
Удел, назначенный тобой;
И не сомкну очей в дремоте,
И не ослабну пред борьбой.
Не брошу плуга, раб ленивый,
Не отойду я от него,
Покуда не прорежу нивы,
Господь, для сева твоего.

26 марта 1858

97

Парус поднят; ветра полный,
Он канаты натянул
И на ропщущие волны
Мачту длинную нагнул.

Парус русский. Через волны
Уж корабль несется сам.
И готов всех братьев челны
Прицепить к крутым бокам.

Поднят флаг: на флаге виден
Правды суд и мир любви.
Мчись, корабль: твой путь завиден...
Господи, благослови!

Конец 1858

98

Подвиг есть и в сраженьи,
Подвиг есть и в борьбе;
Высший подвиг в терпеньи,
    Любви и мольбе.

Если сердце заныло
Перед злобой людской,
Иль насилье схватило
Тебя цепью стальной;
Если скорби земные
Жалом в душу впились, —
С верой бодрой и смелой
Ты за подвиг берись.
Есть у *подвига* крылья,
И взлетишь ты на них
Без труда, без усилья
Выше мраков земных,
Выше крыши темницы,
Выше злобы слепой,
Выше воплей и криков
Гордой черни людской.

Начало 1859

99

Поле мертвыми костями
Всё белелося кругом;
Ветер бил его крылами,
Солнце жгло его огнем.

Ты, пророк, могучим словом
Поле мертвое воздвиг;
И оделись плотью кости,
И восстал собор велик.

Но не полно возрожденье,
Жизнь проснулась не сполна;
Всех оков земного тленья
Не осилила она;

И в соборе том великом
Ухо чуткое порой
Слышит под румяной плотью
Кости щелканье сухой.

О, чужие тайны зная,
Ты, певец, спроси себя —
Не звенит ли кость сухая
В песнях, в жизни у тебя?..

Начало 1859

100

Помнишь, по стезе нагорной
Шли мы летом: солнце жгло,
А полнеба тучей черной
С полуден заволокло.
По стезе песок горючий
Ноги путников сжигал,
А из тучи вихрь летучий
Капли крупные срывал.

Быть громам и быть ударам!
Быть сверканью в облаках,
И ручьям по крутоярам,
И потопам на лугах!
Быть грозе! но буря злая
Скоро силы истощит;
И, сияя, золотая
Зорька в небе погорит.

И в объятья кроткой ночи
Передаст покой земли,
Чтобы зорко звездны очи
Сон усталой стерегли;
Чтоб с Востока, утром рано,
Загораясь в небесах,
Свет румяный зрел поляны,
Все в росинках и цветах.

И теперь с полудня темной
Тучей кроет небеса,
И за тишью вероломной
Притаилася гроза.
Гул растет, как в спящем море
Перед бурей роковой;
Вскоре, вскоре в бранном споре
Закипит весь мир земной:

Чтоб страданьями — свободы
Покупалась благодать;
Чтоб готовились народы
Зову истины внимать;
Чтобы глас ее пророка
Мог проникнуть в дух людей,
Как глубоко луч с Востока
Греет влажный тук полей.

Апрель 1859

101. СПИ!

Днем наигравшись, натешившись, к ночи забылся ты сном;
Спишь, улыбаясь, малютка: весеннего утра лучом
Жизнь молодая, играя, блестит в сновиденьи твоем.
Спи!

Труженик, в горести, в радости, путь ты свершаешь земной;
Утром отмеренный, к вечеру кончен твой подвиг дневной;
Что-нибудь начато, что-нибудь сделано: куплен твой отдых ночной.
Спи!

С светлым лицом засыпаешь ты, старец, трудом утомлен.
Видно, как в ночь погружается жизни земной небосклон:
Дня замогильного первым сияньем уж твой озаряется сон.
Спи!

Август или сентябрь 1859

ДРАМЫ

102. ЕРМАК
Трагедия в пяти действиях

«Аще нам всемогий в Троицы славимый бог поможет, то и по смерти нашей память наша не оскудеет в тех странах, и слава наша вечна будет». Слова казаков.

Летоп⟨ись⟩ Сиб⟨ирская⟩, изд. Спасского, стр. 35

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Ермак, атаман казаков.
Тимофей, отец его.
Ольга, его невеста.
Софья, ее подруга.
Кольцо, Мещеряк — есаулы Ермаковой дружины.
Заруцкий, сотник той же дружины.
Шаман Сибирский.
Казаки.
Остяки.

Все действия происходят в Сибири, кроме второго, на берегах Оки.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет площадку во внутренности стана;
вдали палатки, обнесенные стеною.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Казаки

(безоружные сидят около огня и стоят, чистя оружие. Вдали на стене перекликаются)

Слушай!
Слушай!
Слушай!
Слушай!
Слушай!

1-й казак

Что так давно замолк ты, наш певец?
Пропой нам песнь про милую отчизну,
Про тихий Дон и мирные поля,
С которыми надолго мы расстались.
Ах! даст ли бог увидеть их опять?

2-й казак

Что, други, петь, когда на сердце горесть,
Когда лишь смерти ждем мы каждый час
В земле чужой, в пустынях беспредельных?
Нет, не видать уж нам Руси святой!

1-й казак

Да, не к добру залаяли лисицы,
Когда мы в темный лес вчера зашли.

3-й казак

А слышал ты, какою шумной тучей
Носилися над нашей головой
Стада каких-то черных птиц? Кириллов,
Смотря на них, как мертвый, побледнел.

2-й казак

А старику известны все приметы...

1-й казак

Его отец могущий был колдун
И передал ему свое искусство.

4-й казак

Да атаман не верит никому;
Не знает он ни страха, ни преграды:
Бестрепетно, с спокойною душой,
Стремясь к боям, стремясь на подвиг славный,
Он смелою стопой откроет путь,
Где пробежит лишь хищный зверь дубравный,
Лишь ветер горный может дуть.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и старый казак.

Старый казак
(входит вооруженный)

Какая ночь! Я обошел дозором
Вкруг наших стен, вкруг дремлющих шатров,
И весь прозяб. Ужасно ветер свищет,
Волнуя по полям седой туман;
По небесам, как путник запоздалый,
Средь черных облаков бредет луна;
И с пеною разя в крутые скалы,
В реке шумит сердитая волна.
Но что ж, друзья, так поздно засиделись,
О чем теперь беседовали вы?

1-й казак

Не об веселье, Власий, а об горе.

2-й казак

О том, что нас Ермак туда завел,
Откуда нам на Русь не воротиться.

3-й казак

Костями ляжем мы в земле чужой.

Старый казак

Ну полно, брат, о чем тут горевать?
Ты знаешь сам, что смерти не минуешь;
И всё равно, где долгим сном заснешь,
На берегу ль своей реки родимой
Или в стране безлюдной и пустой.
Везде крепка и холодна могила
И ласкова к нам мать сыра земля.

1-й казак

Конечно так!

2-й казак

Всё правда.

3-й казак

Я не спорю,
Однако же не худо бы пожить.

2-й казак

Ах! для чего послушались мы слепо,
Когда нас атаман повел в Сибирь?

Старый казак

Эх, братцы! с ним не станешь много спорить.
Поверьте мне, я знаю Ермака:
Не званием, не властью атаманской
Вселяет страх он в смелых казаков.
Нет! Власть свою он получил от бога.
Бесстрашных птиц немало в небесах;
Когда ж орел, их сизый царь, летает,
Не все ль они спускаются к земле?
Таков наш атаман. Когда хотите,
Я расскажу вам, как он избран был.

Все казаки

Скажи, скажи!

Старый казак

Мы плыли вниз по Волге...

1-й казак

Тс! Атаман идет сюда.

3-й казак

Смотри,
Как он печален!

1-й казак

Да, теперь недаром
Печален он.

Старый казак

Послушайте, друзья!
Пойдемте лучше в ставку. Пусть с собою
Раздумает он общую беду.

3-й казак

И вправду, как Ермак нахмурит брови,
Так от него подале отходи.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ермак
(один, без оружия)

Проклятие отца! в душе моей
Ты возлегло, как тягостное бремя.
Всегда, везде ты следуешь за мной,
Как грозный глас неотвратимой кары;
Всечасно слух тебе внимает мой
Средь бурных сеч, среди победных кликов,
Среди молитв, средь тишины ночной.
Где отдохнуть? Чем сердцу возвратится
Невинная беспечность юных дней?

Когда-нибудь в груди моей усталой
Восстанет ли счастливая заря
И тишины, и мира, и покоя?
Звезда отрад, средь черных жизни туч
Блеснет ли мне твой светлый луч?
Воспоминанья! Вы вокруг меня теснитесь,
Пылаете в сердечной глубине;
И адский дух, грядущей вестник муки,
Там написал негаснущим огнем
Слова: «разбой, убийство и проклятье!»
Забвение! вотще зову тебя!
Живешь ли ты над светлыми звездами,
Слети ко мне, о ангел тишины!
Слети; коснись холодными перстами
Груди моей, горящего чела!
Ты лучше счастья; твой сосуд целебный
Есть неба дар, всех лучше благ земных!
Дай омочить уста в струе волшебной
И совестью уснуть хотя на миг.

Малое молчание.

И вот оставил я свой край родимый,
Извлек я меч, чтоб за Россию мстить,
Изгладить стыд свой, с небом примириться
И укротить сибирского царя.
Меня влекла невидимая сила
В далекий путь, чрез горы и леса.
И пало всё, и всё мне покорилось;
И я стою на бреге Иртыша!
Уж вижу я Сибири гордой стены,
Уже настал последней битвы час! ..
О счастие! Победа! И венцами
Еще украсится глава моя;
И имя громкое я передам потомкам,
И с славою в могилу лягу я.
Меня певцы... Опомнися, безумный!
Куда летишь надменною мечтой?
Ермак! Ермак! что вечный стыд твой смоет?
Ты вождь разбойников! Какой венец
Твое чело преступное покроет?
Ермак! Ермак! тебя проклял отец.

Малое молчание.

Но я свершу предпринятое мною.
Без сладостной надежды, без наград
Пройду я путь, указанный мне небом,
Путь примиренья, но кровавый путь.
А ты, Сибирь, подвластная России,
Цвети, цвети над гробом Ермака,
Как памятник раскаянья — не славы,
Как памятник моих горючих слез!
Ах, может быть, тогда проклятье снимет
С главы моей прощающий отец
И с благостью, и с миром наконец
Земля мой прах в свои объятья примет.

(Садится на камень, в стороне, под деревом.)

Но я устал, глаза смыкает сон...
Ах! не уснуть в душе моей печали!

(Ложится на камне.)

Небесный царь, благослови меня!

(Засыпает.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ермак спящий, входят Мещеряк, Заруцкий и несколько старых казаков.

Мещеряк

(продолжая речь)

Скажите им, что завтра с ранним солнцем
Увидим мы бесчисленных врагов;
Что войска новые из стран далеких
Стекаются вокруг сибирских стен;
Что, побежденные, мы не найдем спасенья,
Что, победители, мы мира не найдем.
Поверьте мне, вспылает бой за боем,
И из земли, где пал сраженный враг,
Противу нас сто мстителей восстанут.
Труды и битвы, битвы и труды —
Вот всех побед, всех подвигов награда!

Один из казаков

Ты правду говоришь; но, может быть,
Еще спасет нас счастье атамана.

Мещеряк

Надеяться на счастие! глупец!
Верь тишине обманчивого моря,
Словам врага, любови женской верь,
Но счастию не верь: оно изменит.
Я вам, друзья, от сердца говорил,
Я не сокрыл от вас своей печали
И с горестию повторяю вам...
Но дело сделано; теперь уж поздно!
Вы помните, уже давным-давно
Я предсказал беду.

Казаки

Да, помним, помним.

Мещеряк

Да нет! тогда не слушали меня...
Подите! сон перед сраженьем нужен.

Казаки уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, кроме казаков.

Мещеряк

(расхаживая в беспокойстве)

Ермак да атаман! Всё речь одна
В устах толпы. Мои усилья тщетны!
Для них он бог, он посланный небес,
Он им залог и счастья и победы.
Заруцкий! Вся душа моя кипит
Досадою, отчаяньем, враждою;
Заруцкий! я лишился всех надежд.

Заруцкий

Стыдись! придет и наша череда:
Не так же ли, как ты, я недруг атаману?

Мещеряк

Как я? Нет, нет! твой брат не умерщвлен;
Не Ермаком разрушены надежды,
Сиявшие в твоей младой душе;

Ты никогда руки нетерпеливой
Не простирал на атаманский меч.
А я!.. Ермак мне боле ненавистен,
Чем цепи рабские, чем смерть сама.

Заруцкий

Да! Сладок он, сосуд кровавый мщенья!
И я, как ты, в нем жажду утолю;
И я, как ты, в душе своей храню
Безмолвный гнев и память оскорбленья;
И чувствую, что скоро он придет,
Счастливый день, давно желанный мною,
Когда Ермак заплатит кровью нам,
Тебе за брата смерть, мне за обиду.

Мещеряк

Ах, сколько раз надежда льстила мне
И сколько раз я ею был обманут!
Бессильны мы противу Ермака!
Всегда, везде, слепым водимый счастьем,
Над нашей местию смеется он.

Заруцкий

Пусть он высок, пусть он храним судьбою,
Он должен пасть. Кто в памяти своей,
Кто сердца в бездне сокровенной
Так, как залог святой, как клад неоцененный,
Обиду хоронит, ей дышит, ей живет,
Тот, поздно ль, рано ли, для мщенья час найдет.

Мещеряк

Ты прав, ты прав! О друг мой, ты не можешь
Постичь вражду, кипящую во мне,
Когда бы с юных лет — нет, с колыбели —
Ты мысль одну лелеял и питал;
Когда бы все надежды, все желанья
Ты в ней и в ней одной соединял,
И ви́дел наконец, свершались ожиданья,
К мечте своей ты руку простирал,
И в этот миг... пришелец ненавистный
Венец трудов похитил у тебя!

Тогда б ты мог понять мои мученья;
Тогда б ты мог в душе моей читать.
С тех самых лет, как стали проясняться
Мечты незрелые в младенческой главе,
Я помню: все в одну соединялись,
В одну лишь мысль стекалися оне.
Я рос, она со мною возрастала;
Все страсти юности слились в нее,
И ей одной вся грудь моя пылала,
В ней видел я и жизнь и бытие.
Я ночью сна, я днем не знал покоя;
Сжигаемый огнем души моей,
Как часто среди хлада, среди зноя
Бежал я в глубь свободную степей!
Я не желал любви и наслажденья,
Я не хотел ни злата, ни богатств,
И рано оценил я призрак славы.
Но властвовать, другим повелевать —
Вот, вот к чему мое рвалося сердце,
Вот что одно пленяло юный дух.
Зачем рассказывать, как вслед за сей мечтою
Стремился я и в мире и в войне;
Как часто был обманут я надеждой,
Как горько об обманах слезы лил!
Но сердце пылкое, как волны от оплота,
Кипело всё свирепей и сильней,
Я к казакам пошел. — И тут, казалось,
Я достигал венца надежд своих.
По Волге, по степям мое гремело имя,
И казаки, дивясь моим делам,
Мне атаманский меч вручить хотели.
И вдруг!..

Заруцкий

Ермак пришел.

Мещеряк

Да, он пришел!
С ним было всё: и счастье, и победа,
И мужество, и слава чудных дел.
Он первый родины прешел границы
И в чуждый край помчал разбой и брань.

Я был забыт: он избран в атаманы,
И я, я сам ему свой голос дал.

Заруцкий

Ты? Но скажи, какое ослепленье!
Ты уступил ему свои права,
Ты отдал плод трудов своих и крови!
О, лучше б умереть.

Мещеряк

Нет: лучше мстить.
Что мог я против всех? Мой слабый голос,
Как чайки крик средь шумных бурь морских,
Потерян был бы средь рукоплесканий;
И легче бури эти укротить,
Чем усмирить восторг толпы безумной.
Что мог я? Он являлся среди нас,
Как некий сын возвышенного мира;
Бестрепетный, не знающий преград,
Непобедимый. Он всё увлекал с собою
И силою, и прелестью речей,
И пламенем души непостижимой;
И на его задумчивом челе,
Казалося, природа положила
Могущества, владычества печать.
О! я отмщу!

Заруцкий

Но мы теряем время.

Мещеряк

Заруцкий! Нет, не кровию одной,
Но славою, но честию своею,
Но всем, чем он досель гордиться мог,
Заплатит он!

Ермак

(спящий)

Отец мой.

Мещеряк

Что я слышал?
Кто говорил?

Заруцкий
(подходя к камню, на котором спит Ермак)
Ермак!

Мещеряк хватается за кинжал.

Остановись!
В сем голосе судьба нам говорила,
Об осторожности напоминая нам.

Мещеряк
(задумчиво)

Он спит! .. Заруцкий, ты иди по стану
Сзывать друзей и возмущать толпу.
Напоминай минувшие страданья;
Страши картиною грядущих бед;
Льсти суеверию сердец бессильных,
Льсти всем страстям. О, если бы хоть раз
С улыбкою ко мне судьба склонилась
И месть моя достойно совершилась,
Тогда, тогда приди мой смертный час!
Иди.

Заруцкий уходит.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мещеряк и спящий Ермак.

Мещеряк
Он спит! Вокруг нас всё безмолвно,
Как будто б в гробе.
(Подходя ближе к Ермаку)
Сон его глубок...
Он мог бы вечным быть! .. Одно движенье,
Один удар, и никогда заря
Его к боям и к славе не пробудит.
Везде покой, и в стане шум умолк...,
Что ж медлю я, чего еще страшуся?
Свидетеля не будет на меня.
Никто меня не видит. Ночь сгустила
Непроницаемый и дружеский покров.

Луна сокрылася: одни лишь звезды,
Небес всегда открытые глаза,
Вдали над головой моей мерцают
И, кажется, взирают на меня.
Пусть смотрят.

(Вынимает кинжал.)

Пусть свидетелями будут,
Их голоса не слышны на земле.

(Почти нагнувшись над Ермаком.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Кольцо (входит).

Кольцо

Где атаман?

Мещеряк
(спрятав кинжал)

Он спит на этом камне.
Но для чего ты ищешь Ермака?

Кольцо

У наших стен стоит посол Кучума.

Мещеряк
(указывая на Ермака)

Что ж? разбуди его.

Кольцо

Нет: подождем.

Мещеряк

Но посланный?..

Кольцо

Ермак проснется скоро,
Его глаза смыкает редко сон,
И коротки часы его покоя.

Мещеряк

Ты этот сон покоем называешь?
Смотри сюда, послушай, как он стонет!
Не кажется ль, как будто бы душа
При каждом вздохе вырваться готова?
Уста дрожат; рука в мученьях сжата,
И на челе холодный вышел пот.

Кольцо

Ты что-то странно говоришь. Сей вид
Тяжелого, несносного мученья
Ужель твой взор и душу веселит?
Когда б я знал!

Мещеряк

О нет! я только думал
О том, что хоть Ермак и атаман,
Но не счастливее он казака простого
И что не всё то злато, что блестит.

Кольцо

Послушайся меня: будь осторожным!
Давно я замыслы твои проник;
Твою вражду, твое я сердце знаю;
Но берегись.

Мещеряк

Не думаешь ли ты своей угрозой
Меня пугать!..

Кольцо

Молчи, у Ермака
Спокойствие в лице изобразилось,
И на глазах его блестит слеза.
Он просыпается.

Ермак

(просыпаясь, садится на камне)

О мой отец!
Но где же он?.. Ах! Это лишь мечтанье!
Какой чудесный сон! Кольцо, ты здесь?
И Мещеряк? Друзья, какие вести?

Кольцо

При входе в стан сибирский ждет посол.

Ермак

Что он принес?

Кольцо

Дары и речь о мире.

Ермак

(вставая)

Я знаю их: один пустой обман
И хитрые слова и обольщенья.
Но ты иди, мой верный Мещеряк.
И, сотников в мою созвавши ставку,
Введи туда Кучумова посла.

Мещеряк выходит.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Ермак, Кольцо.

Кольцо

(указывая на Мещеряка)

Не верь ему! Тебя он ненавидит.

Ермак

За что?

Кольцо

О, кто в сердечной мгле прочтет,
За что любовь иль ненависть пылает?
Но помнишь ли: когда был брат его
Советом осужден к позорной смерти,
Не ты ли первый голос подал свой?

Ермак

Не я его — законы осудили.
За это ли мне Мещеряк отмстит?

Кольцо

Он горд и жаждал атаманской власти.

Ермак

Так что ж? Он сам в вожди меня избрал.

Кольцо

Поверь мне: не мечтою я обманут.

Ермак

Любовь ко мне твой ослепляет взор.

Кольцо

О, ты погибнешь! Сердцем благородным
Чуждаяся обмана и измен,
Ты веришь всем.

Ермак

Ты слишком недоверчив!
Эх! жизнь того не стоит, чтобы я
Стал мучиться, терзаться подозреньем,
Обман и ложь читать во всех глазах,
Страшиться, друга к сердцу прижимая,
И в чаше круговой отраву пить.
Не лучше ль разом смерть, чем жизнь влачить,
Всечасно смерти ожидая?
Но прекрати сей тщетный разговор.
К чему смущать сомнением холодным
И горестью торжественный сей час,
В который тишина и луч отрады
Моим глазам блеснули в первый раз?
О друг мой, знай: моя судьба решилась.
Когда мне сон сомкнул усталый взор,
Отчаянье в груди моей гнездилось
И в будущем являлися очам
Лишь труд и смерть, за смертию мученья, —
Степь беспредельная, где я блуждал
Без отдыха, покоя, утешенья,
Без цели, без надежды, без похвал
И без всего! отверженный Россией,
Отверженный из самых недр земли,
Носящий на челе печать проклятья,
Предмет презрения для самого себя.
О сладкий сон! Мои сомкнувши вежды,
Ты радость в грудь мою пролил;

Мои мечты, мои надежды
В увядшем сердце пробудил.
Не смейся! Не игра воображенья:
В нем истина, мой друг, явилась мне.

Кольцо

Твоим словам охотно верю я.
Когда в тени родительского крова
Я жил еще на берегах Оки —
Ах светлая Ока! ее теченью
Уже давно не радовался я —
Тогда мне говорил святой отшельник,
Что в тихий час, когда всё в мире спит,
И в нас молчит страстей волненье бурных,
Спокойный дух наш ближе к небесам,
И ночи мрак нам открывает тайны,
Безвестные заботливому дню.

Ермак

То не было мечтание пустое;
Нет, друг мой, то был глас небес благих.
Он мне шептал: «Покой и примиренье»;
Он усыплял мучения мои.
Я чувствую, мне сердце в том порукой,
Грядущего завеса поднялась;
Вся жизнь моя открыта предо мною,
Я в небесах судьбу свою читал.
Пойду на смерть, но смелою стопою:
Мне сладкий глас прощенье обещал.
Послушай! Завтра пред дружиной нашей
Падут толпы несметные врагов,
Падут врата Кучумовой столицы
И древнего царя златой престол;
Наш меч расширит родины границы,
К ее венцам придаст еще венец.
Тогда, мой друг, в Россию возвратися,
Иди в Москву, неси к ногам царя
И злато и меха, добычу брани,
Скажи ему: «Вот наших плод трудов!
Со мной к тебе сии прислало дани
Раскаянье преступных казаков».

Кольцо

Но как, скажи, предстану к Иоанну?
Уже давно я осужден на смерть,
И ждет меня правдивый меч закона,
И мне ль главу на плаху несть?

Ермак

С тобой
Богатый выкуп дам я — жезл Сибири.
Нас Иоанн простит: его рука
Разрушит приговор законов строгих.
О, ты постиг ли, как счастливы мы?
Мой друг! мы будем вновь сыны России,
Она в свои объятья примет нас.
У нас отчизна будет, братья будут,
Законы, церковь, царь, победы, гордость, честь.
О край родной! нам можно будет
Тебя своим, своим назвать,
Жить для тебя и за твое величье
В сраженьях славных умирать!

Кольцо

Ты помнишь ли, Ермак, когда по Волге
С богатою добычей плыли мы,
Я говорил: «Возьмите всё богатство,
Но дайте право мне хоть раз сказать:
«Мои сограждане, моя Россия!»
Но я не смел такого счастья ждать.

Ермак

Исполни, друг, еще одно прошенье!..
На волжских берегах там, где в нее
Впадает Кама, бедная деревня
Скрывается в лесу, и близ нее,
Между кустарников, к реке спускаясь,
Чуть видится смиренной хаты кров.
Мне этот кров дороже всей вселенной!
Там, друг мой, там живет она — она,
Которую любил я боле жизни,
Которую любить не смею я.
Ах, прежде взор ее, ее улыбка

Средь жизненных трудов казались мне
Звездами счастья, миром, небом, раем.
Она меня любила: я мечтал,
Что с нею жизнь как сон промчится сладкий. —
Всё, всё утрачено! Но, верный друг,
Скажи, как я раскаялся, терзался,
Как я страдал, какие слезы лил.
И если не совсем она забыла
Преступника, который в прежни дни
Ее любил так пламенно, так нежно,
Скажи, что он, как прежде, верный ей,
Хранит в душе ее прелестный образ.
Я об одном молю: не о любви,
Давно забытой ею, не о дружбе;
Нет: лишь о том прошу, чтобы она
Не ненавидела, не презирала,
Молилась за меня. Ее мольбам
Доступны небеса; они внимают
Прошению ее невинных уст
И, может быть, со мною примирятся.
Короткий срок назначен дням моим;
Но я бы лег спокойнее в могилу,
Когда бы мог еще пред смертью знать,
Что обо мне хоть раз вздохнула Ольга.

Кольцо

Но в этой хижине ужель она
Одна живет?

Ермак
(с напряжением)

Нет... с нею старец...
О друг! .. сей старец был... моим отцом.
Но он проклял меня.

Кольцо

Бесчеловечный!

Ермак

О нет! он прав был. На руках моих
Убитых мной невинных кровь дымилась.
Да, он был прав, и грозное проклятье

Исполнилося надо мной: оно
На Ермака весь ад вооружило;
И злобный дух преследует меня;
Он шепчет мне всечасно: «Что ты медлишь?
Тебя давно уж ждет подземный мрак.
Ермак! Земля благословенна небом,
Проклятому нет места на земле!»

Кольцо

О полно!

Ермак

Светлый мир мне гроб пространный;
Среди живых как мертвый я брожу.
И слезы то бегут из глаз, то скрытно
Они падут на сердце, как огонь.
О друг мой!

(Упадая на плечо Кольца)

Расскажи ему мои страданья;
Скажи, что их свинцовая рука
Сии власы до срока иссушила,
По юному челу морщины провела
И что болезнь измученного сердца
В немного лет всю жизнь мою сожгла.
Скажи, что мне судьба моя известна;
Мне смерти приговор прощение его;
Но в нем всё счастье, всё мое блаженство,
Его я жду, как рая самого.
О, я прошу лишь одного — прощенья.
Прощенья! Об одном его молю:
Пусть буду я отверженным, забытым —
Но не проклятым! — Лишь прощенным быть,
И после умереть.

Кольцо

Во цвете жизни
Зачем тебе о смерти говорить?

Ермак

Нет! я себя обманывать не стану;
Мне сердца глас, мне небо говорит,
Что скоро нить моей прервется жизни.

И сладкий сон, которым возвращен
Покой в мою волнуемую душу,
О друг мой, верь мне, не обманчив он!
Вся жизнь прошедшая глазам явилась,
Я видел вновь те счастливые дни,
Когда, любим отцом, любимый Ольгой,
Так смело я в грядущее смотрел.
И вновь она была моей невестой,
И вновь ее опричник похищал;
Но под моим мечом окровавленным
Его на землю падала глава.
И я бежал, отцом благословенный.
Везде гоним, скитался я в лесах;
И долго там бродивши без приюта,
Везде преследуем толпой врагов,
Я забывал закон и добродетель,
Вступал в дружину смелых казаков.
Тогда отца проклятие гремело,
И я душой в уныние впадал...
Но наконец раздался голос с неба,
И в сердце отголосок отвечал!
Он говорил: «Надейся и молися,
Ты в примирении услышишь смерти весть».

(После некоторого молчания)

Мне не видать тебя, земля родная;
Мне не вступать в державную Москву!
Я в битвах здесь сложу свою главу,
Мой примет труп земля чужая.
Но в час последний, роковой,
Тебя, Сибирь, мои обнимут длани,
Как воин жмет хладеющей рукой
Кровавый щит, приобретенный в брани.
Но сотники уж в ставку собрались,
Нас ждет посол. Пойдем.

Ермак и Кольцо уходят, а во время последних слов Ермака вооруженные казаки собираются в отдалении.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Казаки (выходят вперед).

1-й казак

С ограды стана
Смотрел я вдаль. По берегам крутым
Бесчисленных врагов огни блистали.
К земле прилег я: тихий несся гул,
Как роя пчел сердитое жужжанье
Иль в час грозы далекий ропот волн.

2-й казак

И мы сражаться будем.

3-й казак

Мы погибнем.

1-й казак

Спасенья нет: к сей битве собрались
Не войска, но народы всей Сибири.
Вокруг нас их несметные толпы.
Пред нами град с могущею твердыней,
За нами степь — и смерть со всех сторон.

4-й казак

Не в первый раз мы к ней пойдем навстречу.

1-й казак

Тогда нам можно было победить;
Теперь, увы! надежды не осталось.
Что будем мы, три сотни казаков,
Ослабшие от глада и сражений. . .

4-й казак

(прерывая)

Но храбрые!

1-й казак

Что с храбростью твоей
Ты сделаешь, отвсюду окруженный
Освирепелою ордой врагов?

Теперь не пять, не десять стрел и копий
На каждого из нас устремлены,
Но тысячи.

5-й казак

(подходя)

Он говорит вам правду:
Я видел их огни.

3-й казак

Ох! Атаман
Нас погубил.

4-й казак

Друзья, еще надейтесь!
Мы победим: нас в бой ведет Ермак.
Его мечу победа не изменит.
Его судьба — нежданное свершать,
Весь мир дивить чудесными делами
И в смелых подвигах препоны разрушать.

6-й казак

(входит и поет)

Как по синей, синей Волге плыли удальцы.

2-й казак

Молчи, теперь нам не до песней дело.

6-й казак

Вот пустяки! теперь-то должно петь:
Мы завтра в ночь довольно намолчимся.

(Подавая бутыль)

Хотите ли вина, друзья? Что ж, Дмитрий, пей.

2-й казак

Я не хочу, поди.

6-й казак

Какой упрямый!
Когда разляжемся мы по земле сырой,
Тебе уж не достать вина такого.

2-й казак

Ну полно ж приставать.

6-й казак

Погрейся, брат!
Нас завтра прохладят железным пивом.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Заруцкий (входит).

1-й казак

Куда, Заруцкий?

Заруцкий

В ставку Ермака.

1-й казак

Зачем?

Заруцкий

Туда нам велено собраться,
Чтобы принять Кучумова посла.

2-й казак

Посол Кучума?

Заруцкий

Да, он мир нам предлагает.
(Уходит.)

2-й казак

О счастье, мир.

1-й казак

Еще не принят он.

2-й казак

Не принят: неужель его отвергнут?
Ужель, когда к спасенью путь открыт,
Ермак нас повлечет с собой в погибель?

3-й казак

Не может быть.

2-й казак

О, верно сам Ермак
Не смел надеяться такого счастья.

1-й казак

Ах, знаю я его отважный дух;
Он мир отвергнет, если царь Сибири
Откажется России дань платить.

2-й казак

Ермак отвергнет мир, но мы принудим
Его принять.

3-й казак

Заруцкий к нам идет.

Заруцкий входит.

Что? Принят мир?

Заруцкий

Отвержен атаманом.
Кучум нам путь свободный открывал
Для возвращенья в русские пределы
И присылал богатые дары.
Мы с радостью словам посла внимали,
В них видели конец трудов и бед;
Но тщетно нам, друзья, надежда льстила.
Ермак сказал: «Коль хочет мира царь,
Пусть он теперь России покорится;
Пусть Иоанну он заплатит дань,
Тогда в ножны мы вложим меч кровавый.
Когда же нет, то завтра утром бой
Решит судьбу Кучума и Сибири».

1-й казак

Друзья, и мы потерпим, чтоб Ермак,
Исполненный отважности надменной,
И жизнью нашей и судьбой играл!

Все

Нет, нет!

1-й казак

Устали мы от битв напрасных;
Нам нужен мир, покоя мы хотим,
Мы отдохнуть хотим в земле родимой,
А он ведет к боям лишь и трудам.

Заруцкий

Он вас ведет к неизбежимой смерти.

1-й казак

Его безумной дерзостью...

4-й казак

(прерывая)

Молчи!

Многие

Нет: говори!

Другие

Да говори всю правду.

2-й казак

К чему в Сибирь он вел нас?

Заруцкий

Мещеряк
Давно сказал, что он нас всех погубит.

1-й казак

Он, он поверг нас в пропасть, и теперь,
Когда, казалось, небо простирало
Спасенья длань, ее отринул он.
Он провиденье искушает.

Голос из толпы

Правда!

1-й казак

Он отвергает дар небес благих.
И мы потерпим, мы ему позволим!

Многие

Нет, этому не быть!

Голос

Не для того
Он нами был назначен в атаманы.

Другой

Тс, слушайте, Кириллов говорит.

1-й казак

Когда же так, когда вы не хотите,
Чтоб дерзостью его погибли мы,
Чтоб для него мы завтра пали в битве
И сделались добычей хищных птиц, —
Послушайте: пойдем к нему толпою...

Многие

Пойдем, пойдем!

1-й казак

И скажем мы ему,
Что мы хотим, что требуем мы мира,
Что требуем идти в обратный путь;
И если он противиться дерзнет,
То горе!

Голос

Пусть страшится он!

Заруцкий

Остановитеся! какою вы мечтой
Ослеплены? Куда бежите вы?
Ужель не знаете вы атамана?
Ужель безвестна вам его душа?
Скорее вспять к водам Зайсана
Польются воды Иртыша,
Чем он свои пременит начертанья.
Покуда жив Ермак, нам мира нет.

Голос

Как? за него погибнуть нам?

Другой

Скорее
Пусть он умрет.

Многие

Да, да, пусть он умрет!

Другие

Смерть Ермаку, смерть Ермаку!

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же и Ермак (входит вооруженный, быстро рассекает толпу, которая рассыпается, и, сняв шлем, говорит. При входе Ермака самые буйные прячутся в толпу, и из говоривших казаков остается только четыре).

Ермак

Разите!
Что ж медлите? Купите славный мир
Кровавою главою атамана.
Вы видите — она обнажена
И без защиты ждет ударов ваших.
Идите с ней к Кучумовым ногам
И, падши пред златым его престолом,
Скажите вы сибирскому царю:
«Вот тот, который нас водил к сраженьям!
Вот тот, чей меч путь к славе открывал!
Он не жалел для нас трудов и крови,
Для нас он жил, для нас бы жизнь отдал,
И мы его убили».

(Осматривая круг)

Вы молчите!
Скажите, кто мне первый даст удар?
Ты, Струга?

Голос

Я? В сраженьи на Урале
Ты жизнь мне спас, закрыв меня щитом.

Ермак

Не ты ль, Червленный?

Другой

Я тонул на Волге;
Ты бросился в сердитую реку
И вытащил меня.

Ермак

Не ты ль, Удалый?

Третий

Ты спас меня от плена.

Ермак

Кто ж из вас?

Один казак

Никто.

Другой

Кто руку на него подымет!

Третий

Скорей родного б брата я убил.

Ермак

Пусть я умру! Но, други, вы клялися
Сибирского владыку укротить
И от его неистовых набегов
Навеки край родной освободить.
О! не забудьте ваших клятв священных,
Обетов, данных перед алтарем!
И преступлений, нами совершенных,
Омойте стыд пред богом и царем.

Голос

Ведь как послушаешь, так прав он!

Другой

Мы клялися,
А не исполнить клятву грех большой.

Ермак

Кучум дары и мир вам предлагает.
Его ль словам поверить вы могли?
Татарина неверным обещаньям?
Он даст вам мир, но мир сырой земли,
Покой могилы, крепкий, непробудный,
Среди степей безлюдных и глухих,
Где вас сразят и голод и измена.
И мало вас на родину придет,
Чтоб под секиру строгого закона
Преступною склониться головой.
Один открыт нам к миру путь. — Победа!
Вперед! там, за сибирскою стеною,
Нас слава ждет, нас ждет добыча, злато,
И сладкий мир, и по трудах покой.
Пусть мало нас, несчетен неприятель:
Не в первый раз нам побеждать его.
Вперед, друзья! Как стадо птиц смятенных,
Когда орел к ним мчится с облаков,
Рассеются пред нашею дружиной
Толпы татар и бледных остяков.

Рассветает.

Что вижу я? О счастье! небо с нами
И благодать всесильного царя!
Здесь воздух чист и светел, — над врагами
Зажглась средь туч огнистая заря!
Теперь, друзья, кто помнит обещанья,
Кто верит небу, любит Ермака,
Вперед! за мной! Вам путь кровавый
Откроет смелая моя рука,
Чтоб победить врагов иль умереть со славой!

Многие

Мы все с тобой!

Другие

Мы всюду с Ермаком!

Все

С тобой иль жить, иль умереть со славой!

Ермак уходит и все за ним.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Утро.

Театр представляет берега Оки. С левой стороны хижина между деревьями, так что сидящих на пороге ее не видят другие лица, находящиеся на сцене. Вдали на горе церковь и колокольня.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ольга, Софья (они сидят у порога хижины и прядут).

Софья

(поет)

О чем, скажи, твое стенанье
И безутешная печаль?
Твой умер друг или изгнанье
Его умчало в синю даль?

Когда б он был в стране далекой,
Я друга бы назад ждала;
И в скорбях жизни одинокой
Надежда бы еще цвела.

Когда б он был в могиле хладной,
Мои бы плакали глаза,
А слезы — в грусти безотрадной
Небес вечерняя роса.

Но он преступник, он убийца,
О нем и плакать мне нельзя.
Ах, растворись, моя гробница,
Откройся, тихая земля!

Ольга

О полно, полно, Софья! этой песней
Ты только грусть удвоила мою.

Софья

Прости мне, Ольга, я сама не знаю,
Как эта песня мне на ум пришла.
Сто раз уж я ее забыть хотела.

Ольга

Ах, если б можно было забывать!

Софья

Признайся, Ольга: это очень странно,
Когда захочешь что-нибудь забыть,
Оно тогда-то и идет на память, —
Как будто бы назло. Не правда ль?

Ольга

Да!
Я это слишком больно испытала;
Когда бы можно с памяти своей
Изгладить всё былое, скоро б сердце
От ран несчастья исцелить могло.
Но помнить счастье, дней минувших радость,
Всё, что навеки время унесло, —
Вот, вот что тяжко. Эти вспоминанья
На стрелы рока льют смертельный яд;
От них в душе так пламенно горят
Неисцелимые страданья...
Скитаясь по земле, об рае помнить... ад!

Софья

О чем так грустно ты вздохнула, Ольга?

Ольга

О Волга! на твоих брегах
Как жизнь моя прелестно расцветала,
Как сладко я о будущем мечтала,
Как мало думала о горе и бедах!
С ним было сладко всё: среди дубрав скитаться,
Внимать их сладостным певцам;

Иль грозно плещущим волнам
На легком челноке вверяться;
С ним быть, речам его внимать,
Встречать всечасно взор его прекрасный,
И в нем любовь его читать,
И блеск души, как небо, ясной. . .

(Вздыхает.)

Но всё навек прошло! Ермак, Ермак!

Софья

Ты часто говоришь о Волге; верно,
Ты родилась на берегах ее.

Ольга

Да.

Софья

Там, конечно, песню ты слыхала,
Которую сейчас пропела я. . .
Ты знаешь, кто сложил ее?

Ольга

Не помню.

Софья

Да, может быть, и не слыхала ты;
Послушай же. Тому уже лет двадцать,
Иль более, там девушка жила,
И говорят, во всей стране приволжской
Она добрей, прелестней всех была;
Она любила и была любима,
И юноша, любви ее предмет,
Был также добр, и молод, и прекрасен.
Казалось, счастье им сулила жизнь;
Но вдруг они расстались. Я не помню,
Долга иль нет разлука их была;
Когда ж они увиделися снова,
Он был — без слез я вспомнить не могу —
Он был разбойником.

Ольга

О боже!

Софья

Ольга,
Что сделалось с тобой?

Ольга
(с напряжением)

Ничего!
Но расскажи ж, что после...

Софья

Эта встреча
Навек ее разрушила покой.
Она по волжским берегам бродила,
Воспоминая прежние года,
И пела, но так сладко, так уныло,
Что рыбаки, вечернею порой
Внимая ей, свой парус опускали
И, забывая трудный промысл свой,
Ручьями слезы проливали.
Она жила недолго, всё страдала
И с нетерпеньем смерть к себе звала,
И наконец, утомлена мученьем,
Поверглася в сердитые валы.
Ах, бедная!

Ольга
(в сторону)

Тебе благодаренье,
Творец небес! ты жизнь мою спасал,
Когда, смотря на волжскую пучину,
Я думала, на хладном дне ее
Печаль заснет, отчаянье утихнет.

Софья

С тех пор, как ты с отцом в наш край пришла,
Ты всё грустишь; о чем, скажи мне, Ольга?
Здесь, кажется бы, должно грусть забыть;
Так всё прекрасно здесь, всё так спокойно,
Так весело и в рощах и в полях.
Смотри, как тихая Ока струится
Вокруг холмов и светлых деревень;
По ней скользят струга, и юный день
В нее, как в зеркало, глядится.

Но ты печальна, — хочешь, я спою
Другую песню, о любви счастливой?

Ольга

Нет, Софья, перестань; оставь меня!
Моя душа такою грустью сжата,
Что мне теперь отрадней быть одной.

Софья

Прощай! но я приду, когда смеркнется.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ольга

(одна)

Счастливая! И я была как ты,
    Не зная грусти, ни печали;
Вокруг меня толпилися мечты
    И сны веселые летали.

(Плачет и тихо поет)

    «Но он преступник, он убийца,
    О нем и плакать мне нельзя».

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ольга и Тимофей (входит).

Тимофей

Ты, Ольга, здесь? Лишь солнце проглянуло,
А ты уж за работой, дочь моя.
Скажи, зачем так рано ты проснулась?
Что до зари прогнало твой покой?
Ты молода; в твоем невинном сердце
Не раздается буйный глас страстей
И совести неспящей укоризны;
Зачем же сон бежит твоих очей?
Или сама его ты прогоняешь?
Ох! не беги его! он дар небес,
Неоцененный дар. Блажен, кто может
Найти забвенье под его крылом!

Ольга

Сама не знаю, отчего так рано
Проснулась я; едва-едва восток
Вдали краснел, но жаворонки пели
Так весело, приветствуя зарю,
Роса блистала, небо было чисто,
Я не могла уж боле глаз сомкнуть;
Казалося, ты спал еще; я вышла
И пробужденья твоего ждала;
Здесь слушала я песни доброй Софьи.

Тимофей

И плакала.

Ольга

О, это ничего!
Но ты, отец мой, тих ли был твой отдых?

Тимофей

Мой отдых! мне давно уж нет его.
Когда, от слез и горя утомленный,
На время я свой закрываю взор, —
Ужель ты думаешь, ко мне нисходят
Забвение и сладостный покой?
О нет! Они давно мне неизвестны.
Я проклял сына!

Ольга

Позабудь его.

Тимофей

Когда вся кровь остынет в этих жилах
И грудь моя засыплется землей,
Тогда, быть может, я забуду сына.
Но прежде — нет! Забыть его? Он здесь,
Он в самом сердце, так, как чувство жизни,
И я, я мог его проклясть! В трудах,
В заботах днем я иногда забуду
Страдания и тяжкую тоску;
Но ночию, когда на одр склонюся,
Тогда проснется всё в душе моей
И тихими неслышными шагами

Ко мне придет неусыпимый страж,
Ты знаешь ли его? воспоминанье!
Оно придет и сядет близ меня;
Оно начнет рассказы про былое;
И каждый раз, рассказ кончая свой,
Споет мне так, как ворон перед бурей:
«Спи, спи, старик! Тобою проклят сын!»

Ольга

О боже!

Тимофей

«Спи, старик, твой сын в вертепах,
Среди лесов, скитается один;
Он просит сна, он молит о покое;
Но сон, покой бегут от глаз его.
Тобою проклят он». Как сладко спится
Под эту песню!

Ольга

О мой отец, зачем
Терзаешься ты мыслями такими?
Ты проклял сына, но твой гнев был прав.

Тимофей

И ты меня оправдываешь, Ольга!
Не ты ль всечасно думаешь о нем?
О нем ты молишься, о нем вздыхаешь
И плачешь.

Ольга

Да; но я с надеждой жду,
Что он раскается, что он с слезами
Придет к твоим ногам. Его душа
Не рождена для низких преступлений.
О, может ли потухнуть навсегда
И чувств и мыслей благородных пламень?
Нет, нет! Он был на время помрачен
Несчастием, гонением неправым;
Но снова, верь мне, снова заблестит
Прекрасными небесными лучами.
Когда-нибудь, быть может даже скоро,
Его увидишь ты.

Тимофей

Нет, никогда!
Уже не верю я пустой надежде;
Не верю я обманчивым мечтам;
Давно я по земле скитаюсь,
Преследуем неправедной враждой;
Одна лишь ты мое жилище знаешь;
Лишь ты, которая, забывши для меня
И тишину и счастье мирной жизни,
Пошла за мной в далекий, трудный путь.

Ольга

Что было делать мне в родимом крае?
Теперь там чуждо всё моей душе.
Мои родители давно во гробе;
Ты был моим отцом, с тобою я
Была тогда, когда смеялось счастье,
С тобою я и горе разделю.
Но слышишь ли, вдали несутся песни?
И лодка по течению реки
Плывет сюда! На ней блестит оружье.
О мой отец! ужель гонитель наш
Твои следы открыл? Ужели злоба
И здесь тебе покоя не дает?

Тимофей

Спокойся, Ольга: в тихом сем приюте
Нам нечего страшиться; навсегда
Сокрыты мы от мести и гонений.
Нигде найти я мира не могу,
Но здесь, что мог, нашел я — безопасность.

Ольга

Но кто же воины сии? Смотри,
Они идут сюда.

Тимофей

По их одежде
Я думаю, что это казаки.
Останься здесь: я к ним иду навстречу.

Казаки выходят из лодки.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и казаки.

1-й казак

Ну, слушайте!

(Поет)

Вей сильнее, ветр игривый,
В белый парус челнока!
Понеси нас в путь счастливый,
Волга, светлая река.

Ты узнала нас: за нами
Плещут весело струи,
И помчалися стрелами
Наши легкие ладьи.

За туманною горою
Скрыты десять кораблей;
Там вечернею порою
Будет слышен стук мечей.

Злато там, драгие ткани,
Там заморское вино.
Сладко, братцы, после брани
Будет пениться оно.

Пел казак. Над влагой ясной
Вздулся парус челнока,
И, как грудь девицы красной,
Всколыхалася река.
Что, каково, друзья?

2-й казак

Да, спел ты хорошо, да только песня
Не хороша.

1-й казак

А чем?

2-й казак

Какой вопрос!
Ведь мы клялись свой прежний промысл бросить.

1-й казак

Да разве песня промысел? глупец!

2-й казак

Ну, не сердися. А когда услышит
Отец Иван?

1-й казак

Ну так что ж?..

2-й казак

Беда!
Он говорит: пой псалмы...

1-й казак

Вот пустое!
Уж этому не быть, чтоб я отстал
От прежних песен славных, молодецких.

2-й казак

Ну берегися.

1-й казак

Казаку прожить
Свой век без песен, слыхано ли дело?
Вот пусть старик нам скажет правду всю.
Ведь песня хороша?

(Поет)

И, как грудь девицы красной,
Всколыхалася река...

Тимофей

Да; но скажите,
Куда теперь идете вы?

Один из казаков

Куда?
В Сибирь; дары царь посылает с нами
Тому, кто победил Кучума.

2-й казак

Что ж?
Что мешкать нам? Вперед, на лодки.

Казаки уходят.

Тимофей

(Ольге, возвращаясь к ней)

И ты могла страшиться за меня?
Ты видишь, как глуха сия долина.
Она от света так удалена,
Что шум его едва до нас доходит,
Как слабый ропот дальнего ручья.
И царства восстают и упадают,
А слава их не раздается здесь,
И не слыхать их громкого паденья.
О! как счастливо здесь бы можно жить.

Ольга

Но что же казаки тебе сказали?

Тимофей

Сибирь покорена, и Иоанн
К своим венцам венец прибавил новый;
А мы про это и не знали.

Ольга

Кто ж,
Отец мой, сей прославился победой?

Тимофей

Не знаю: я забыл у них спросить;
Ты помнишь, Ольга, было прежде время,
Я с жадностью свой слух склонял к вестям
О битвах, о победах и о славе.
Я говорил: так будет мой Ермак
Сражать врагов в полях кровавой брани.
Увы! Ермак.

Ольга

И он, внимая сим словам,
Горел и трепетал: к мечу стремились длани,
Душа его рвалася к торжествам.

Тимофей

Кто ровен был ему и красотой,
И мужеством, и силою руки,
И пламенной любовию к отчизне?

Ольга

Когда он выступал в толпе друзей,
Как среди звезд денница золотая,
Как был прекрасен тихий свет очей
И стана стройность молодая!

Тимофей

Как в нем горел огонь высоких чувств,
Как светлой мыслей, думою глубокой
Он часто удивлял меня. Я думал:
Он будет щит и меч земли родной.
И он теперь преступник, враг России!

(Плачет.)

Плачь, плачь, отец! Ты сына погубил.
Не утешай меня. Нет, не старайся
Меня перед собою оправдать.
Я, я виновен, я своим проклятьем
Поверг его в отчаянье... Ермак!
Ермак!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Кольцо (входит с казаками).

Кольцо

А! лодки наши уж готовы!

Казак

Они с зарей нас были ждать должны.

Кольцо

Идите же, я следую за вами.

Казак

В какой же лодке будешь сам?

Кольцо

В большой!

Поля отечества, простите снова,
На долгий срок я оставляю вас:
Меня зовут священные обеты,
И дружества и славы громкий глас.
Простите! После грустного изгнанья
Я среди вас явился лишь на миг.
Но сладок был сей краткий миг свиданья!
Он жизнь мою на время обновил.
С какою радостью мои узнали взоры
Поля веселые, родные берега,
И вас, вдали синеющие горы,
Вас, воды светлые, зеленые луга.
С тех пор, как с вами я расстался,
Какой я тяжкий, длинный путь протек,
Какою бурей волновался
Мой смутный, беспокойный век!
Но в двадцать лет и вы преобразились;
Или, быть может, в памяти моей,
Под времени рукой тяжелой, изменились
Воспоминанья светлых, юных дней.
Вотще средь вас искал я жадным оком
Тот кров, где мне блеснуло бытие,
Где в тишине, как будто в сне глубоком,
Промчалося младенчество мое.
Увы! конечно, он уже во прахе,
Как те, которых я тогда любил.
Все, все во гробе.

(Идет далее.)

Но... Мне это место
Знакомо. Церковь на горе, внизу
Река. Всё это снова пробуждает
Какие-то воспоминания. Когда б
Я видел поселян! А вот их двое.

(К Тимофею и Ольге)

Скажи, девица, или ты, старик,
Как называете вы ту деревню,
Там за рекою, где еловый лес?

Тимофей

Ее мне имя неизвестно.

Ольга

Сами
Пришельцы мы. Но видишь, на горе
Там крест блистает: это колокольня
Монастыря Пречистой Девы.

Кольцо

Память
Меня не обманула. Но как всё
Переменилося: где были рощи,
Там поле зеленеет; здесь леса,
Где были нивы; ты одна, как прежде,
Течешь, Ока, лазурна и светла.

Тимофей

Ты здесь родился?

Кольцо

Да: там за рекою
Был дом, где жил отец мой. Но теперь
Кустарник там растет; его и следа
Здесь не осталося. И гроб его
В чужой и дальней стороне, на Волге.

Слышен свист казаков.

Прощай, меня зовут!

(Идет и возвращается.)

Послушай, старец,
Когда ты в этот монастырь пойдешь,
Молися там перед святой иконой
О том, кто прежде бедным был отец,
Боярине Петре Кольцо.

(Дает ему денег.)

Тимофей

Но кто же
Ты, юный воин?

Кольцо

Сын его.

Тимофей

Куда
Свой путь теперь ты направляешь?

Кольцо

Длинен
Мой путь. Я покорителю Сибири
Несу дары царя: златую цепь,
Шишак и броню с званьем воеводы.

Ольга

Как тот счастлив, кто родине своей
Служил столь славно! За него молитвы
Россия будет к небу воссылать.

Кольцо

Счастлив? О нет! я друг его и знаю,
Как страшно он несчастью платит дань.
Среди торжеств, среди побед и славы
Ему отрады и покоя нет.
Он жизнь свою влачит как бремя. Знайте,
На нем лежит проклятие отца.

Ольга

Несчастный!

Тимофей

Но отец еще несчастней.
Ты знаешь ли, что значит произнесть
Проклятье над главой преступной сына?
Стонать, страдать, и день и ночь лить слезы,
Для них склоняться на бессонный одр,
Для них лишь взор свой открывать с зарею,
Страшиться смерти, ненавидя жизнь,
Весь ад носить в себе. О боже, боже!
Я проклял сына.

Кольцо

Горестный отец!

Ольга

(к Кольцу)

Но что ж виной сего проклятья было?

Кольцо

Он за невесту мстил. Везде гоним
Друзьями им убитого злодея,
Он сделался разбойником.

Ольга

Какой
Мне новый свет блеснул!

Кольцо

Всё трепетало
Пред ним; но он, он горько слезы лил —
О торжествах и о преступной славе.
И он раскаялся: он пробудил
В нас совести давно безмолвный голос,
И мы пошли в сибирские страны,
Чтобы отмстить за родину святую.
Мы победили; кровию врагов
Омыли мы свой стыд и преступленья.
Но он несчастлив: он не смеет ждать
Прощенья от отца. В молчаньи ночи
Я часто слышу, как стонает он,
Как молится с слезами пред иконой
Иль повторяет в беспокойном сне:
«Отец мой! Ольга! О, я проклят, проклят!»

Ольга

Его невесту Ольгою зовут!

Тимофей

Он был разбойник, проклят был отцом!
Надежда! верить я тебе не смею.

Кольцо

Но я пойду к его отцу, пойду
И на коленях вымолю прощенье.

Тимофей

Но где живет его отец?

Кольцо

Меж Волгой
И Камою.

Тимофей

О небо! доверши!
Ты не сказал, и я спросить не смею.

Кольцо

Ты побледнел, что сделалось с тобой?

Тимофей

Ах, Ольга! я умру, коль я обманут.
Сей вождь, сей воин. . . ты мне не сказал,
Как имя победителя Сибири.

Кольцо

Как имя нашего вождя? Ермак!

Тимофей

(вскрикивает)

Мой сын!

Ольга

Меня не обмануло сердце.

Тимофей

Но где ж он? если это лишь мечта?
Оставьте мне ее.

Кольцо

И ты прощаешь?

Тимофей

Что ж медлю я? уж веют паруса.

Слышен опять свист.

Ты слышишь, нас зовут. Скорей, скорее.
Ермак, Ермак! я слышу голос твой.
Прости навек, прости, земля родная!
В Сибирь к нему! Ему отдать покой
И умереть, его благословляя!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТИЕ

Ночь.
Сцена представляет открытую ставку Ермака; перед нею площадка, среди которой большой камень.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ермак один. Сидит без оружия в казацком платье, пред ним песочные часы.

Ермак

Песчинка за песчинкой, день за днем
Скользит без шума, в вечность упадая.
И так-то год пройдет, и жизнь сама
Уйдет от нас неслышными шагами.
Всё кончено. Ложись в свой тесный гроб.
Ермак! ты скоро сей услышишь голос;
Твой кончен путь: Сибирь покорена,
Исполнено небесное веленье,
И родина с тобой примирена.

(Помолчав)

Ах! мне ль вздыхать, с землею расставаясь?
Какие радости мне жизнь дала?
Средь непогод и волн существованья
Какая пристань челн мой приняла?
Раскройся ж ты, о гроб, предел отрадный,
Отдай уставшей груди тишину!
В твоей тени, сырой, безмолвной, хладной,
Как сладко я от жизни отдохну.

Кольцо, Кольцо, скорее возвратися!
Что медлишь ты отраду сердцу несть?
О возвратись! Будь вестник примиренья,
В нем смерти радостная весть.

(Помолчав)

Но умереть... Лежать в могиле тесной...
Быть снедию червей...

(Положив руку на сердце)

Нет, замолчи!
Я чувствую, что твой обманчив голос,
Ему внимать не должен боле я!
Но голова горит и грудь пылает;
Под ставкою мне тягостно дышать.

(Выходит на площадку и встречает Мещеряка.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ермак и Мещеряк.

Ермак

А, Мещеряк! ты здесь. Весь стан в покое,
Все казаки, вкушая сладкий сон,
Свои труды и подвиги забыли,
И счастливы на время; ты один
Блуждаешь, как ночное привиденье,
Гонимое из тишины гробов
Воспоминаньями минувшей жизни.
Неужели на бархатных коврах
И под парчой, добычею Сибири,
Тебя бежит покой?

Мещеряк

Что казаку
До бархатных ковров? Не так же ль крепко
В степях засну я на земле сырой,
Под хладным кровом пасмурного неба,
Как здесь под блеском ткани золотой?
Но я люблю блуждать во мраке ночи:
Она, как я, угрюма и дика

И более сходна с моей душою,
Чем солнца свет и дня веселый блеск.

Ермак

Ты обошел весь стан?

Мещеряк

Да.

Ермак

Всё безмолвно?

Мещеряк

Один там пел про светлую луну,
И про любовь, про радость и про слезы;
Но я велел ему молчать.

Ермак

Мой друг!
Не прерывай певца мечтаний сладких;
Оставь его, когда, в тиши ночей,
Он вдохновенья тихий глас внимает
И бурю чувств, и сердца тайный огнь
Высокой песне поверяет.
О, счастлив тот, кто мог остановить
Восторга краткие мгновенья
И в слово смертное излить
Души бессмертные волненья.

Мещеряк

Но отчего же ты не спишь, Ермак?
Какая мысль твою тревожит душу?

Ермак

Я думал о прошедшем и считал,
Как скоро к нам Кольцо вернуться должен.

Мещеряк

И ты его нетерпеливо ждешь?

Ермак

Да кто ж из нас быть может равнодушным,
Когда он весть прощенья нам несет?
Мне, может быть, отца благословенье.

Мещеряк

И ты тогда в торжественных венцах
Со славою в Россию возвратишься,
Среди благословений, средь молитв,
При радостных толпы рукоплесканьях,
Сибири гордой победитель?

Ермак

Я?!
Знай, Мещеряк, не счастие, не радость,
Но смерти глас мне будет эта весть.

Мещеряк

Да почему же?

Ермак

Сердце не обманет;
Не тщетно небо говорило мне.

Мещеряк

И ты желаешь смерти?

Ермак

Как преступник
Прощения от праведных судей.

Мещеряк

Ты молод, жизнь твоя лишь расцветает.
Едва еще ты омочил уста
В ее блестящей и волшебной чаше
И хочешь оттолкнуть ее. Ермак!
Как много радостей и наслаждений,
Как много счастия она хранит!
Ты знал несчастье, но оно минуло,
И новый свет блистает для тебя.
Ты был преступник; но своею кровью,
Сраженьями за русскую страну,
Победами, и торжеством, и славой
Ты стыд и преступление омыл.
Да! лишь теперь над головой твоею
Взошла надежды светлая звезда.
И ты желаешь смерти?

Ермак

Друг! всё тщетно!
Мои победы, слава и труды
Не воскресят погибшего навеки:
Я был преступником.

Мещеряк

Ты был! но что ж?
Раскаяньем ты с небом примирился.
Оставь воспоминания, Ермак!
Гонимый злобой, местию неправой,
Потом, стремясь к сраженьям и трудам,
Ты знал еще лишь непогоды жизни,
В твоей душе пылал огонь страстей
Губительный, а не животворящий;
Но он утихнет; сердце отдохнет,
И новые в нем чувства возродятся.
Ах! мир прелестен! и его дары
Неистощимы так, как благость неба.
Ты видишь, я угрюм: моей душе
Как много неизвестно наслаждений!
Но жизнь сладка и для меня: и мне
Она дает отраду и веселье,
А ты! о, ты для счастия рожден,
И для него тебя хранило небо.
Тебя всё радует, прельщает всё —
И ясный день с его великолепьем,
И ночь с ее таинственною мглой,
И эта твердь, блестящая звездами,
И светлый вид смеющихся полей,
И звучные мечтанья песнопевца.
И ты желаешь смерти!

Ермак вздыхает.

Мещеряк продолжает.

О! любовь
Еще придет твой юный век украсить.
Она безвестна мне, но, говорят,
Она так радостна в своих наградах,
Так сладостна в мучениях своих!
С ней сладко всё: она на тучах рока,

Как радуга небесная, горит,
И бедствия и гибель украшая.
И ты ее узнаешь.

Ермак

Мещеряк!
Я знал ее, она мне улыбалась,
Над жизнию моей она взошла,
Как юный май над хладною землею;
Но всё прошло: навек погибло всё.
Меж ей и мной восстали грозны тени
И льется кровь. Смотри — на сей руке
Есть пятна, — ты не видишь их, — ни слезы,
Ни кровь врагов, сраженных мной в боях,
Ничто, ничто не смоет их; о друг мой!
Да, я любил, но счастья срок протек.
Пусть смерть придет: об жизни не жалею,
Уже давно отцвел мой юный век.

Мещеряк

А слава?

Ермак

Ах!

Мещеряк

Но что она? Пустое
Мечтанье, слово, дым один, ничто,
Рассказ вечерний стариков болтливых
О том, кто их не слышит и лежит
Глубоко под землей в могиле темной.
Не правда ли, Ермак? .. Но ты молчишь.
Но, может быть, ты думаешь, что сладко
Победами бессмертие стяжать
И с именем, и с памятью деяний
Позднейшему потомству передать
Сокровище высоких вспоминаний.
О, полно! Это лишь обман пустой!

Ермак

(с восторгом)

Но сладок он! Мечта! Но всё мечтанье,
И жизнь сама не есть ли тяжкий сон,
От коего мы с смертью пробудимся?

Она мечта; но ею красен мир,
Она трудов и подвигов награда,
Она кумир возвышенных сердец.
Мечта, но вслед за ней стремится воин,
Ее поет восторженный певец.
Ее рука незримо воздвигает
Над полем брани памятник златой
И над могилой, хладной и немой,
Небесное сиянье зажигает.

Мещеряк

Ты в поприще ее едва вступил,
Она тебе еще венцы готовит;
И путь завоеваний и торжеств
Перед тобой блестит необозримый.
И ты желаешь смерти.

Ермак

Перестань!
О Мещеряк! Ты растравляешь раны,
Сокрытые в сердечной глубине.
Да, я страшился этих тяжких мыслей,
А ты их пробуждаешь. Умереть,
Когда огонь в груди и в мышцах сила,
Когда так бурно в жилах кровь кипит,
Когда душа стремится лишь к победам
И весело в руках играет меч.
О друг мой!

Мещеряк

Перестань об этом думать.

Ермак

Теперь вступил я в поприще торжеств,
Теперь свершились гордые надежды,
Которым я и верить уж не смел.
И должно умереть.

Мещеряк

Оставь мечтанья.

Ермак

Я чувствую, что здесь пылает дух,
Готовый звать вселенную на битву.

Я чувствую, что я бы мог еще
Судьбою править среди волн сраженья;
Что этот меч открыл бы славный путь
В толпы врагов, трепещущих и бледных;
Но тщетно всё: склониться в темный гроб,
Простившись с юной несозревшей жизнью,
И там заснуть, снедь тленья и червей,
Холодный труп, бесчувственный, забытый,
Подобный тем, которых пред собой
Я в битвах гнал, как стадо слабых ланей;
Подобный тем, в которых не пылал
Огонь и чувств и мыслей благородных;
В чьем робком сердце жизнь сама была
Вода, гниющая в болоте смрадном.
Быть им подобным: как они, лежать
Под тяжкою могильною доскою,
Потоптанной небрежною стопой
Пришельцев и зверей пустынь сибирских.
О! это горестная мысль! .. Мечты
Счастливых дней моих, вы не свершитесь!
Я прежде думал будущим векам
И имя передать, и память дел,
Записанных на летописях славы.
Я прежде думал, что, хваля вождя
Бесстрашного, счастливого во бранях,
Любящего отечественный край
Как жизнь, иль, нет! как упованье рая,
Потомство скажет, доверша хвалу:
А! Этот вождь был Ермаку подобен!
Ах! для тебя сражаться я хотел,
Мой край родной, отчизна дорогая;
Как радостно, врагов твоих карая,
Я в бурю битвы бы летел.
Я чувствую, со мной была б победа,
Ты, Польша, пала бы; ты пала б, гордость шведа;
И, поразив коварный Крым,
Я бы поставил град царей священный
На высоты, отколе древний Рим
Гремел над трепетной вселенной.

(Вздохнув)

Да, это были сладкие мечты,

Но вспоминание об них жестоко.
Ах! для чего ты вновь их пробудил
В душе, где уж давно они молчали.
Им не свершиться: пусть же смерть придет. —
Когда ты с вестью мира и прощенья
К нам возвратишься, верный мой Кольцо?

Мещеряк

Но мы не прощены еще.

Ермак

Ужели
Ты можешь сомневаться в том, что царь
Забудет наш разбой и преступленья,
Когда наш меч ему дает Сибирь?

Мещеряк

Он непреклонен.

Ермак

Как! ты можешь думать?

Мещеряк

Где Воротынский? Не его ль рука
Спасла царя, Москву и всю Россию?
Какую ж он награду получил —
Ты знаешь сам.

Ермак

Но что за шум я слышу?

Входит казак.

⟨Казак⟩

Гонец с границ России прибыл в стан.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Заруцкий.

Ермак

Пусть он придет!
(К входящему Заруцкому)
А, это ты, Заруцкий.
Ты с камских берегов?

Заруцкий

Да, атаман.

Ермак

Давно ли ты отправлен?

Заруцкий

С лишком месяц.

Ермак

Зачем так долго медлил ты в пути?

Заруцкий

Я не виновен. Среди волн Тагиля,
Пронзен стрелой, погиб мой верный конь,
И стана твоего достиг я пеший,
Блуждавши долго по глухим степям,
Изнеможенный от трудов и глада.

Ермак

Какую весть мой верный Пан прислал?

Заруцкий

Ты должен ей внимать один; другие
Пусть отойдут.

Ермак

(махнув рукой входившему казаку)

Останься, Мещеряк!
Теперь ты можешь говорить свободно.

Заруцкий

Когда Кольцо тобою послан был
В Москву, чтоб испросить у Иоанна
Прощенье казакам и перед ним
Повергнуть наши славные добычи,
Я был в его дружине; но едва
Достигли мы до стана, где тобою
Оставлен с войском Пан, чтоб охранять
Российские границы от набегов
Кочующих татар и остяков,
Меня остановил недуг жестокий,
И долго с смертию боролся я.

Когда же одр болезни я оставил,
Кольцо уж был далёко. Я хотел
В твой стан, к твоей дружине возвратиться;
Но Пан меня избрал, чтоб принести
Те вести, коих ждали мы всечасно
С нетерпеливой радостью; увы!
Как были мы обмануты надеждой.

Ермак

Что ж далее?

Заруцкий

Мы долго из Москвы
Вестей не слышали, гонца не зрели.
Но наконец оттуда к нам пришел
Купец, старик, торгующий мехами.
Он видел, как Кольцо предстал к царю;
Его слова, ответ царя он слышал.
О, горестная весть!

Ермак

Что? Говори!
Я трепещу: ужели друга к смерти
Я посылал?

Заруцкий

Спокойся! жив Кольцо.
Он жив; он с новой сильною дружиной
Уж был тогда на камских берегах.
Они теперь уже в Сибири, близко,
Уж, может быть, достигли Иртыша;
Но с ними их начальник, воевода,
Назначенный наместником в Сибирь.

Ермак

А!

Заруцкий

Друг твой верен так, как был и прежде.
Но... Атаман, мы прощены, мы все;
Лишь ты один, о боже, к смертной казни
Ты осужден!

Ермак

Заруцкий, хорошо.
Иди! Тебе, я вижу, нужен отдых.
Но помни: чтобы в стане сем никто
Не знал сей вести; если же узнают,
Заруцкий: видишь, там течет Иртыш!

Заруцкий уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ермак, Мещеряк.

Ермак

(ходя по сцене)

Итак, ничто: ни слезы покаянья,
Ни кровь моя, пролитая в боях,
Ни все страдания, ни все победы,
Ни сверженный Кучум, ни сей венец
Сибири всей, приобретенной мною, —
Ничто царя к прощенью не склонит.
Ничто!

Мещеряк

О! это я давно предвидел!

Ермак

Небесный царь, читающий в сердцах,
Мог не прощать мне, мог ко мне быть строгим;
Ты, Иоанн! ты должен был простить.
Сравнил ли ты с заслугами моими
Вины и преступления мои?
Ты взвесил ли с прославленной Россией
Какой-нибудь ограбленный корабль?
О, что купцов презренные товары
В сравненьи с царством, покоренным мной?
И ты пошлешь меня на казнь? о боже!
Где ж правосудие?

Мещеряк

Я говорил:
Прощения не жди от Иоанна!
Но ты тогда не верил мне, Ермак.

Ермак

Я был разбойником; но к преступленьям,
К разбоям кто, скажи, меня послал?
Не ты ль, который отдал всю Россию
И подданных богатства, жизнь и честь
Кромечникам своим на расхищенье?
Не ты ль, у коего законов меч
Лишь беззаконья смелого орудье,
Невинных страх, преступников покров?
Чего в разбоях я искал? Спасенья!
Спасенья от неправедной вражды,
От коей вся пространная Россия
Укрыть главы невинной не могла.
И вот за что идти я должен к смерти?
О Мещеряк! я ожидал ее,
Но ожидал на поле славной брани,
На трупах пораженных мной врагов,
Средь торжества, среди победных кликов
И средь друзей, вздыхающих о мне.
Я этой смерти мог бы улыбаться,
Она и жизни сладостней самой,
С ее надеждами, с ее венцами,
Со всем, что прежде взор пленяло мой.
Но встретить смерть на месте лютой казни;
Но умереть, как презренный злодей,
При восклицаниях толпы безумной
И радости смеющихся врагов;
Но бледное чело склонить на плаху,
Кровавого бесславия престол.
О! эта смерть, как божий гнев, ужасна!

Мещеряк

Не общая ль у нас с тобой судьба?

Ермак

Нет, нет! ты слышал, казакам прощенье,
И казнь лишь мне. За что? Не все ли вы
Со мною разделяли преступленья?
Не все ли вы виновны так, как я?
За что ж один наказан? О, я знаю.
Не за разбой я должен умереть
И не за то, что смелою рукою

Я расхищал сокровища купцов,
Богатые товары иноземцев;
Нет, Иоанн простил бы и тогда,
Когда бы по всему теченью Волги
Все корабли я сжег до одного.
Но слушай. Мстя за честь моей невесты,
Я дерзкого опричника убил,
Презренного Скуратовых любимца.
Вот, вот за что пойду я к казни.

Мещеряк

Ты?
Ты к казни не пойдешь. Нет, нет, скорее
Мы за тебя погибнем все, Ермак.
Ты казаков, Мещеряка не знаешь,
Когда ты думать можешь, что тебя
Похитят из среды твоей дружины,
Покуда в жилах наших льется кровь.

Ермак

Давно мне, друг, известна ваша верность;
Но вы так малочисленны, а к нам,
Ты слышал сам, уж близок воевода
С дружиной сильной, присланной царем
За головою Ермака.

Мещеряк

Так что же?
Из казаков составлена она.
Не все ль они тебя уж знают, любят?
Не с ними ли твой верный друг Кольцо?
Вели: они с тобой соединятся
И воевода побежит один,
Гонимый страхом и стыдом, в Россию,
Свою главу к ногам царя отнесть.
Пусть, возвратясь, он скажет Иоанну,
Что за тебя мы с радостью умрем.
О! будь вождем, будь нашим атаманом,
Будь независим. Сохрани Сибирь,
Но для себя, для нас и для России;
И окружен толпой своих друзей,
Ермак, ты будешь так, как был доселе,
Непобедим, и славен, и могущ.

Не весели погибелью своею
Свирепого и дикого безумца,
Гонителя угодников христовых,
Венчанного врага земли родной.
Довольно бог уже карал Россию,
Довольно ран ей Иоанн нанес,
Он выпил кровь спасителя России,
Он погубил всех доблестных вождей.
Твоей главы, Кучума победитель,
Твоей главы он хочет. О Ермак,
Ужель ее как жертву кровопийце
Ты беззащитно хочешь сам нести?

Ермак

Нет, нет, когда моей главы он алчет,
Пусть он за нею рать свою пришлет,
Своих бояр и воевод бесстрашных.
Но кто из них захочет меч поднять
Против того, кто дал Сибирь России?
Пусть он за ней своих любимцев шлет,
Скуратовых, Щелкалых, Шуйских, Глинских,
Которых имена пойдут векам,
Клейменные проклятием бессмертным.
Пусть сам идет с толпою рынд своих,
С дружиною кромечников крамольных,
С бездушною ордою палачей.
Здесь не Москва, не безопасный Кремль,
Нет, нет, здесь степь враждебная Сибири
И верные, бесстрашные друзья.
Пусть он идет сюда. — Но что такое?
Там в стане шум; я слышу на стенах
Кого-то стража дважды окликает.
Что может это быть?

Казак
(входит)

У наших стен
Стоит Шаман сибирский.

Ермак

Пусть он завтра
Опять придет поутру.

Казак

Сей ответ
Уже был дан ему; но он клянется,
Что важную он весть к тебе принес.

Ермак

Мне весть? Шаман... какой-нибудь обманщик!
Но может быть... Веди его сюда.

Казак уходит.

(К Мещеряку)

Останься здесь. Меня Сибири житель
Не должен видеть без меча и лат.
Я перед ним всегда таким являюся,
Каким он зрел меня на поле битв.

(Уходит в ставку.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Мещеряк
(один)

Возьми свой меч, надень свою кольчугу,
Они теперь тебя не защитят.
О верный друг Заруцкий, ложной вестью
Какой огонь ты бросил в грудь его!
Он наш. Ермак, ты не страшился смерти,
А ты страшишься казни. — Измени
Отчизне и царю, и вот награда!

(Показывая на кинжал)

Да, ты падешь не с славой, но с стыдом,
Но с мрачною печатью преступленья,
Но небом проклят, презрен от людей,
Но так, что и в груди моей
Заснет вражда и жажда мщенья.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Мещеряк, казаки и после Шаман.

1-й казак

(Шаману)

Колдун, иди вперед да перестань свой шепот.

2-й казак

Послушай, Слуцкий, не серди его:
Ведь бог весть, что он может сделать с нами.

1-й казак

А ты его боишься? Молодец!

2-й казак

Чему смеешься? разве ты не знаешь,
Что у него нечистый сам в родне.
Послушай, добрый старичок, ты вспомни,
Что я тебя ничем не обижал.
Ты не сердись.

1-й казак

Послушай, добрый черт,
Когда я вздумаю гадать со скуки,
Смотри, скорее приходи ко мне;
А я скажу: «Чур наше место свято!»

Шаман

Безумные!

2-й казак

(первому)

Уж быть беде с тобой.

Казаки уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Мещеряк, Шаман, Ермак (выходит вооруженный).

Ермак

Шаман, я знаю, что у вас обычай
Обманывать притворным колдовством
Непросвещенных жителей Сибири.

Когда ты для сего в наш стан пришел,
То дурно выбрал ты и час и место,
Чтобы искусство показать свое;
Теперь уж полночь, тихий час покоя,
И здесь не юрта бедных остяков,
Где легковерьем глупого народа
Питается ваш дерзостный обман.
Иди ж назад; когда же с важной вестью
Ты к нам пришел, то говори скорей.

Шаман

И ты, Ермак, как все вы, дети праха,
Наружностью пустою обаян
И, веря слабому рассудку, видишь
Один обман лишь там, где, может быть,
Скрывается могущее искусство.
Но для чего об этом говорить?
Не для беседы суетной и тщетной
О том, что непонятно для тебя,
К тебе пришел я: нет, беседа наша
Решит судьбу твою, Сибири всей
И, может быть, народов полвселенной.
К чему же между нас свидетель сей?
К тебе я прислан, и с одним тобою
Я должен говорить. Ужели ты
Измены ждешь от старого Шамана!

Ермак

Когда бы ты хотел мне изменить,
Со мной, ты видишь, есть защитник верный,

(показывая на меч)

С которым нечего страшиться мне.
Но это друг мой. Говори же смело.

Шаман

Ермак, твой меч уж покорил Сибирь:
Кучум бежал в полуденные степи
Свой стыд и поражение сокрыть.
Могущее разрушилося царство,
Престол богатый, древний пал во прах.
Так повелели мощные шайтаны,
Властители и мира и судьбы.

Ты покорил Сибирь, ты так мечтаешь,
Но подвиг твой еще не совершен.
У нас уж нет царя, уж нет престола,
Но есть еще свобода, и за ней
Пойдем мы вслед на край далекий света,
Оставя родину, предел отцов,
И вас, поля священные Сибири.
Но не без боя мы оставим их;
Еще польется кровь, вспылают битвы,
И смерть свой грозный пир возобновит.
Мы можем умереть, но мы не склоним
Своей главы пред властию чужой;
Мы можем умереть, но так, как жили:
Как вольные сыны земли родной.

Ермак

Ты забываешь, старец неразумный,
Что в русском стане ты, что говоришь
Пред Ермаком.

Шаман

(смотрит на него с твердостию, а Ермак делает ему знак продолжать)

Внимай же мне!
Кучум отвергнут Рачей всемогущим
За то, что он покрыл свою главу
Презренною чалмою иноземцев
И, позабыв закон отцов своих,
Стал умерщвлять служителей шайтанов.
Да будет проклят он! Его глава
Да будет снедию волков пустынных!
Ты — небом избранный, ты ниспроверг
Его престол златой; Мехмета Кулу,
Бесстрашного, подобного богам,
Ты победил в единоборстве славном
И, победив, повлек в постыдный плен.
И нет у нас царя! Главы народов,
Собравшися, сказали: «Царь зверей
Не есть ли бабр, ловцов отважных трепет?
Не беркут ли, пернатых грозный царь?
Но кто ж из смертных так, как бабр, бесстрашен,
Кто к битвам так, как беркут, полетит?»
Ермак, Ермак! ты будь царем Сибири!

Мещеряк

О счастие! Не небо ли само,
Ермак, тебя незримо защищает?
Ты осужден на казнь, твоя глава
Должна упасть на плахе беззаконной;
И пред тобой блестит венец.

Ермак

Шаман!
Могу ль я быть владыкою Сибири?
Я христианин! Неужели вы
Мечтаете, что для венца земного
Я отступлю от бога самого
И преклоню преступные колена
Перед кумиром мертвым и немым?

Шаман

О нет! будь христианином, как прежде,
Но нас оставь служить своим богам.

Мещеряк

Ермак, ужель ты можешь колебаться?

Шаман

Ты мне не веришь. С раннею зарей
Пусть завтра ветер развевает знамя
Сибирское над ставкою твоей,
И узришь ты, окрестные народы
Веселыми толпами притекут.
Когда же нет, под острием секиры
Пусть завтра же падет моя глава.
Ты мне не веришь? Ты слыхал, конечно,
Что древние сибирские цари
В священном капище рукой Шамана
Венчалися таинственным венцом.
Он не блистал на голове Кучума,
Он не венчал преступного чела.
Он был сокрыт, и я его хранитель, —
Он был сокрыт, и ты один, Ермак,
Богов любимец, был его достоин.
И сей венец — он здесь, — он пред тобой.

(Из-под полы вынимает и подает венец.)

Мещеряк

И ты колеблешься? Но вспомни, что в России
Тебе блестит секира палача,
Что Иоанн свиреп и непреклонен.

Шаман

Надень венец сей. На твоих власах
Как заблестит он светлыми лучами!
Надень его; он будет над тобой
Сиять так, как венец шайтанов золотой,
Усеянный бессмертными звездами.
Надень его, и в завтрашний же день
Увидишь ты, что сто народов разных
Перед тобой склонят чело во прах.
Все племена от дальнего Китая
До камских и уральских берегов,
От Каспия до вечных льдов полнощных,
Все назовут тебя своим царем.

Мещеряк

Мы все с тобою умереть готовы,
Но мы от смерти не спасем тебя.
Мы верны, но нас мало; неисчетны
Дружины Иоанновы. Ермак!
За нами рать враждебная России,
А впереди враждебная Сибирь.
Прими венец сей.

Шаман

Мы тебя видали,
Когда ты, среди мрака грозных битв,
Блистал как молньи луч в престоле Рачи.
Как грозен ты и как прекрасен был;
Ты шел, и пред тобою рать склонялась,
Как волны пред могущим кораблем;
Ты шел, спокойно, веселяся брани,
Играя с ней, как с другом юных лет.
Ты падших миловал, сражал надменных,
Дерзающих твой тяжкий встретить мсч.
Тогда я восклицал, исполнен восхищенья:

«Вы видите ль, идет шайтан сраженья,
Дающий жизнь, дающий смерть».
О, будь наш царь! Как весело с тобою
Пойдут к победам наши племена:
Кто мог бы смерти за тебя бояться?

Мещеряк

Ермак, прими венец! Все казаки
Вокруг тебя с восторгом соберутся;
Твои защитники, твои друзья,
Тебе не изменяющие слуги.
К тебе из недр страдающей России
Непобедимая стечется рать.
Где Новоград разрушен до основы,
Где средь убийств в расхищенном Торжке
Опричники потешно пировали,
Там бедные, лишенные всего
Свирепою опалой Иоанна,
Скитаются, без пищи, без приюта.
Они к тебе, как к небу, прибегут;
Защитник их, покров их, их спаситель,
Ты им отдашь надежду, счастье, жизнь.

Шаман

Прими венец и полсти к победам,
От торжества стремися к торжеству.
Перед тобой в ничто падут престолы,
Как перед взглядом утра легкий пар.
Перед тобой Чингис, Тимур забыты,
Пол-Азией твой управляет меч.
Твоим словам вселенная внимает.

Мещеряк

Ты к смерти осужден. Будь царь сибирских стран,
Полунощи могущий повелитель,
И пред тобой смирится Иоанн,
Невинного неистовый гонитель.
Но для чего же медлишь ты? Решись.

Шаман

Будь, будь царем, спасителем Сибири.

Ермак
(во все это время стоявший у большого камня в задумчивости)

Идите! Я вам вскоре дам ответ,
А вы вблизи решенья дожидайтесь.

Мещеряк
(уходя)

Но помни. Выбор твой: венец иль смерть.

Уходит и Шаман, положив венец на камень перед Ермаком.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Ермак один.

Ермак

Здесь быть царем, там умереть на плахе!
Царем, владеть судьбою ста племен,
Быть богом их, их зримым провиденьем.
О гордая, но сладостная мысль!
Сказать войне: пылай! и кровь лиется;
Велеть: будь мир! и счастлива земля;
Зреть пред собой склоненные народы
И взглядом, манием одним руки
Им страх внушать, вливать в их сердце радость;
Давать им жизнь иль к смерти посылать,
И лишь от неба ждать своей судьбины,
Пред ним одним главу свою склонять...
Не это ли венец мне предлагает?..
Но родина... За подвиги мои
Какая же там ждет меня награда?..
Отечество?.. Что ж?.. защитит оно
Меня от злобы гнусного злодея?
Я за Россию кровь свою пролил;
Но между мной и грозною секирой
Прострет ли длань спасения она?
О нет!.. И я пойду на место казни,
Чтоб веселить Скуратовых сердца,
Чтоб Иоанн сказал с свирепым смехом:
«Вы видите ль, он покорил Сибирь;

Но я смеюся над его бессильем».
Сказал, и стая кровожадных псов
Ему хвалу над плахою завыла?
Нет, Иоанн! Ты хочешь сей главы?
Приди ж за ней в сибирские пустыни!
Приди за ней: тебя здесь ждет Ермак,
Не с горькими, бессильными слезами,
Не с тщетною мольбою на устах;
Но как боец с мечом в могущей длани,
Как смелый вождь, готовый к лютой брани,
Как мощный царь, полнощи властелин,
Сияющий в зенце средь пламенных дружин.

(Берет венец.)

А ты, о дар нежданный рока,
Венец, главу мою покрой!
Вокруг тебя сокровища Востока
Блестят таинственной игрой.
Но взоры Ермака пленяет
Не изумруд, не огненный алмаз:
Нет, твой волшебный блеск от смертных глаз
Богатства тайные скрывает.
В тебе невидимы отрада и покой,
И гордая свободы радость,
И власти беспредельной сладость,
И луч бессмертья неземной.
Все упоения надежды дерзновенной,
Все сердца смелые мечты
И все сокровища, всё счастие вселенной
В свой тесный круг соединяешь ты!
Приди ж, приди ко мне, венец Сибири...
Сибири? .. Но ее уж нет: она
Покорена России. О Ермак!
О чем мечтал ты и какой преступной
Надеждою ты был теперь прельщен?
Умри,умри! — ты думал об измене.

(Кладет венец опять на камень.)

Прочь от меня, обманчивый венец!
Сокрой свое коварное сиянье.
Несносен мне его укорный вид,

В его лучах глазам моим горит
Мое преступное мечтанье
И неизгла́димый мой стыд.
Прочь от меня. — Теперь я русский снова! —
Шаман!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Ермак. Мещеряк вбегает, за ним Шаман.

Мещеряк

Ты избрал?

Ермак

Избрал.

Мещеряк

Царство?

Ермак

Смерть!

Шаман закрывает лицо.

Мещеряк

О небо! Вспомни, что ты отвергаешь!

Ермак

Прекрати напрасный разговор!

Мещеряк

Нет, не венец один, не блеск престола;
Нет, ты отверг бессмертие свое.
Ермак, тебя ждала победа, слава
И всё, что льстит возвышенным сердцам.

Ермак

Я не хочу, чтоб на моей гробнице
Мог начертать потомства правый суд
Слова: «Ермак, увенчанный предатель!»

Мещеряк

Чего?

Ермак

России!

Мещеряк

О Ермак, она
Не защитит тебя от лютой смерти.
Россия!.. многим ей обязан ты?
Законами, которых меч кровавый
Каким-нибудь Скуратовым вручен!

Ермак

И я за то России должен мстить,
Что небо ей послало Иоанна?
Она злодеями растерзана, попрана,
И мне ли кровь ее за то пролить?
Нет! на ее страданья, на железы,
На раны тяжкие ее
Есть у меня стенанье, горесть, слезы,
Но нет меча против нее.

Мещеряк

Ты хочешь смерти?

Ермак

Что ж! Не лучше ль разом
Сказать и свету и земле: прощай!
Сказать судьбе: я от тебя свободен,
Иди, с другими жертвами играй!
Не лучше ль смерть, чем целый век согбенный
Под тяжестью преступного венца?
Венца, блестящего презрением вселенной
И праведным проклятием отца?

Мещеряк

Ты знаешь Иоанна. На мученья
Ты, может быть, пойдешь.

Ермак

Я их снесу.

Мещеряк

И на позор.

Ермак

Меня утешит совесть.

Мещеряк

О Курбский! ты среди дружин чужих
Нашел спасение своей гонимой жизни...

Ермак

Но имя Курбского, изменника отчизне,
Подлей Скуратовых самих.

Шаман

Ермак, Ермак! ты знаешь ли, как сладко
Отцом народа быть?

Ермак

О, замолчи!

Шаман

Быть благодетелем, его отрадой,
Его защитой? Зреть веселие одно,
Внимать вокруг благословенья,
Знать, что везде, где чтится твой закон,
Во всех странах, твоей подвластных воле,
Ни вздоха нет, ни горести, ни слез, —
И говорить: «Они счастливы мною;
Моя рука им льет дары небес.
Лишь обо мне пред алтарем шайтанов
Курится чистый фимиам;
Лишь обо мне моления шаманов
Восходят к внемлющим богам».

Ермак

О старец, речь твоя сладка; но слушай:
Одна пусть капля яда упадет
В напиток сладкий и целебный —
Сосуд коварный и враждебный
Твоя рука со страхом оттолкнет.
Не правда ли?

Шаман

Ты прав!

Ермак

Так слушай, старец.
Ты подал мне блистающий сосуд,
И в нем кипит напиток дивный — слава;
Но скрыта в нем смертельная отрава,
Ее изменою зовут.

Шаман

Ермак, смотри на синий свод небесный:
Ты видишь ли, как звезды в нем горят?
Там вечными, блестящими чертами
Земли и смертных вписана судьба.
Тебе безвестны их святые знаки,
Но я их понимаю: в них мой взор
Прошедшее, грядущее читает.
Не смейся. О! я зрел уже давно,
Что ты придешь, ведомый небесами,
Победою увенчанный от них.
Прими венец, и никогда шайтаны
Не обещали смертному наград
Подобных тем, которые польются
На юную твою главу. Ермак, Ермак!
Прими венец, и никогда в подлунной
Другой престол так не сиял, как твой.
Отвергни — ты погиб, Сибирь погибла.

Ермак

Я не могу отчизне изменить.

Шаман

Я сорок лет пред алтарями Рачи
Молил его, чтоб он тебя склонил
Принять венец, принять престол сибирский.

Ермак

Я не могу, не должен.

Шаман

О Ермак!
Мы не склоним главы перед Россией,
Мы здесь умрем иль откочуем вдаль,

Чтоб умереть среди пустынь суровых,
Среди враждебных и чужих племен.
Сибирь погибнет, царство опустеет.

(Бросается на колени.)

О, сжалься над Сибирью, над собой
И надо мной, полуумершим старцем.
Не отвергай моей мольбы, Ермак!
Не дай мне пережить моей отчизны,
Не дай мне слез, кровавых слез пролить
Над царством сим, разрушенным навеки,
И над тобой. Прими, прими венец.
Ты видишь, я твои колена обнимаю...
Ермак! Мой юный сын погиб в бою,
И может быть, тобой... я длань твою
Теперь с слезами и мольбой лобзаю.
О, сжалься над Сибирью!

Ермак

Встань, Шаман.

Шаман

Не говори мне: встань. Когда я встану,
Всё будет решено: и смерть твоя,
И вечное падение Сибири.
Ты видишь, я теперь у ног твоих,
Твой подданный... Но встану — грозный мститель
За родину, сраженную тобой!

Ермак

Ты мне отмстишь? Нет, старец, я на плахе
Свой кончу век, — таков закон царя.

Шаман

Ты кончишь век на плахе? под секирой
Ты склонишь мощную главу? нет, нет!
Ты здесь умрешь, где побеждал, в Сибири,
Изменою обманчивых друзей;
Иль примешь сей венец, залог победы,
Залог счастливых, славных, долгих дней.
Спаси Сибирь, спаси себя.

(Подает венец.)

Ермак
(отходя в сторону)
Я русский!

(Садится на камне у ставки и погружается в глубокую задумчивость.)

Шаман
(встает)

О, небеса! Всё решено навек.
Сибирь погибла, ты погиб. О, горе!
О, горе! плачь, Шаман, и умирай.
О царство древнее! о родина святая!
Тебя Шаман твой старый пережил;
Он зрел падение твое, не умирая,
И над тобой лишь слезы лил.
Нет, нет! отмщу я за тебя: погибнет,
Погибнет мной разрушивший тебя.
Но ты разрушен, ты не встанешь
Из пепла своего, мой край родной;
Века пройдут, и к битвам ты не грянешь,
И не блеснешь ты мирною красой.

(Приподымая венец)

А ты, венец! Никто перед тобою
Не склонится трепещущим челом,
Не будешь ты сиять над смертною главою;
Иди ж сиять на Иртыше седом.
Но ты, Ермак, ты будешь жертвой мщенья.
Так небом велено. Я стар и слаб,
Но хитростью, обманом и коварством
Я должен, должен погубить тебя!

(Немного помолчав)

Прощай. Но вскоре встретимся мы снова.

(Идет и возвращается к Ермаку.)

Ах, дай мне слезы над тобой пролить,
Твоей красой дай взор насытить жадный.
Увы, как скоро ты умрешь, Ермак!
Но ты умрешь, потомством не забытый;
Нет, память о тебе пойдет из рода в род,
К дальнейшим временам, с бессмертною хвалою.

И никогда веков над смутною волною
Никто тебе подобный не блеснет.
Как дикие полунощи бураны,
Так был ужасен ты в боях,
Но к побежденным был ты благ,
Как солнца светлые шайтаны.
Но ты умрешь: я должен отомстить
За царство, падшее твоей рукой.
И юную сию главу,
Могущую владеть громами,
С своими белыми власами
Я, слабый старец, я переживу.
Я отомщу, — так небо повелело.
Но отомстив, я лягу умирать,
И над Сибирью, над тобою
Так горько стану я рыдать,
Как безутешно плачет мать
Над сыном, спящим под землею.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Ермак и Мещеряк, к концу приходит Заруцкий.

Ермак

Моя судьба решилась наконец:
Меня ждет смерть и, может быть, бесславье.
Увы! — Но нет! мне не о чем жалеть.
Прости мне вздох сей, о страна родная!..
Тебе быв верным, умереть?..
Иль изменив, венцом владеть?..
Нет! умереть не изменяя!

(К Мещеряку, который жмет ему руку)

Прощай, мой друг.

(Уходит в ставку.)

Мещеряк

(входящему Заруцкому)

Заруцкий, он умрет!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Утро.
Сцена представляет с одной стороны лес, а с другой — скалы и груды каменьев.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мещеряк. Заруцкий.

Мещеряк

Сюда хотел прийти Шаман?

Заруцкий

Сюда.

Мещеряк

Зачем же нет его? К чему он медлит?
Он, может быть, обманывает нас.

Заруцкий

Нет; быть не может.

Мещеряк

Почему ж не может?
И отчего Шаману верным быть,
Когда везде лишь ложь, коварство, хитрость
И самый мир — большой обман?

Заруцкий

Он обещал.

Мещеряк

И ты ему поверил?
Но ты не обещал ли Ермаку
Ему быть верным? Я ему не друг ли?
А для чего мы здесь? Когда Шаман
Не изменил нам, что же он так долго
Нейдет в то место, где мы ждем его?

Заруцкий

Смотри, мой друг: сгорая нетерпеньем,
Ты упредил румяную зарю;
А он прийти с восходом солнца должен.
Зачем же ропщешь ты? Но, Мещеряк,
Мне кажется, что сон рукою тихой
Не закрывал сегодня вежд твоих.
Когда я просыпался, под наметом
Ходил ты быстро с пасмурным челом,
Вполголоса беседуя с собою;
Как будто бы в безмолвии ночном
Вокруг тебя летали привиденья,
К которым речь ты обращал свою.
Скажи, какая мысль?

Мещеряк

Кольцо уж близко?

Заруцкий

Я думаю, с дружиною своей
Он нынче ж, завтра ли в наш стан прибудет.

Мещеряк

Ермак. Наместником царя... Ермак!
И ты не знаешь, что меня тревожит?..
Ермак! — Но слушай. — Вестию своею,
Казалось, ты воспламенил в нем душу.
Он смерти ждал, о мщеньи говорил,
И сладкими, коварными словами
Я разжигал рождающийся гнев,
И вдруг! — Но сей рассказ еще сугубит
Мучения терзаемой души.

Знай: перед ним лежал венец Сибири,
И он, он смерть измене предпочел!

Заруцкий

Безумный!

Мещеряк

Если вы не тщетная мечта,
Детей и жен страшилище пустое, —
Придите, я на помощь вас зову,
Властители обители подземной!
Я ваш, я ваш! лишь мщенье дайте мне!
Я не страшуся ваших мук, идите:
Страшнее вашего есть ад в груди моей!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Шаман.

Шаман
(становится вдруг перед ними. Мещеряк и Заруцкий отступают)

Ты ждал меня. Но что ж вы содрогнулись?
Ужели старец вам внушает страх?
Иль, может быть, измены вы страшитесь?
Но нет; я знаю: на моем челе
Читаете вы: «мщенье за отчизну!»
И зрите рока грозную печать.
Но для чего в сем месте удаленном,
Казак, желал ты говорить со мною?

Мещеряк

Ты хочешь Ермаку отмстить?

Шаман

Я должен!
На это Рача дни мои продлил,
На это в старческие члены
И жизнь и огнь он снова влил
И дух, летами усыпленный,
К трудам кровавым пробудил!

Мещеряк

Знай: к Ермаку и я вражду питаю,
И смерть одна с ним примирит меня.

Шаман

Ты?

Мещеряк

Я!

Шаман

Кого он другом называет,
Кому как брату доверяет он…
И ты к нему вражду питаешь тайно?..
Нет, ты хотел смеяться надо мной.

(Хочет уйти.)

Мещеряк

Остановися. Я тебе клянуся.

Шаман

Нет, не клянись. — Когда я к вам пришел,
Ты содрогнулся… да, теперь я верю:
Измена у тебя была в душе.

Мещеряк

Шаман!

Шаман

Исполнен сил, вооруженный,
Ты перед слабым старцем трепетал.
Да, верю я, глас совести смятенной
Тебе внезапный страх тогда внушал.

Мещеряк

Шаман, я здесь не для беседы тщетной.
Ты веришь мне? Внимай же речь мою.

Шаман

(быстро смотря на него)

И так тебя определило небо,
Чтоб погубить изменой Ермака?

Мещеряк

Что значит взор сей строгий, любопытный?

Шаман

(берет его за руку)

Дай руку мне. Отселе, как друзья,
Как братья, мы к одной стремимся цели.
Всё превозмог я для тебя, Сибирь!
Своей души священнейшие чувства
И сердца гордый глас я усмирил!
Я руку жму изменнику как другу!

Мещеряк

(хватается за кинжал)

Несмысленный старик!

Заруцкий

Остановись.

Мещеряк

Ты видишь, он смеется надо мной.

Заруцкий

Но вспомни, кто наместником царя?

Мещеряк

Ты прав, я всё снесу.

(К Шаману)

О, ты не знаешь,
Сколь справедлива месть моя, Шаман!
Служитель мирный алтарей шайтанов,
Ты век провел в безмолвии страстей,
И ты не знаешь, как они пылают
В груди младых бойцов, в груди моей.

Шаман

Они доселе мне еще безвестны.
Казак! любимый сын небес, Шаман
Их тайны светлые в звездах читает;
Но взор одних шайтанов проницает
Сердец в обманчивый туман.

Мещеряк

И мы друзья отселе! Но клянися,
Что верен будешь ты своим словам.

Шаман

К чему же клятвы? Нас соединяет
Не дружество, не юная любовь;
Нет: наш союз — и ненависть, и кровь;
И верь, обетам месть не изменяет!

Мещеряк

Ты говоришь о мщеньи; но скажи,
Какие войска ждут твоих велений?

Шаман

Пятьсот бойцов скрываются в лесах,
Как я, горящие враждой священной,
Готовые, как я, идти на смерть.
Одно лишь слово, и они стремятся.

Слышен шум.

Мещеряк

Но что за шум? — Заруцкий, посмотри!

(К Шаману)

И эта рать бесстрашна и надежна?

Заруцкий

(вбегая)

Кольцо, Кольцо!

Мещеряк

Сокроемся, Шаман!

Шаман

Здесь есть пещера, в ней мы будем скрыты.
Я впереди; вы смело вслед за мной.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Казаки (входят).

1-й казак

Я думаю, до стана недалеко.

2-й казак

Мне кажется, когда взошла заря,
Я видел — на горе белели ставки;
Но лес их скоро скрыл от глаз моих.

Молодой казак

Как весело во мне биется сердце.

1-й казак

Да отчего же так?

Молодой казак

Не знаю сам.
Быть может, оттого, что утро красно,
Что ветер дует так свежо. Смотри,
Как вдалеке волнистыми грядами
Ложится утренний туман;
Как всходит солнце, неба великан,
Увенчанный бессмертными огнями;
Вокруг него, как раболепный двор,
Седые облака стадятся
И от лучей его златятся.
Но он, увы! мой ослепляет взор.

1-й казак

Зачем же ты, безумец, в небо смотришь?
Да разве на земле не хорошо?

Молодой казак

Земля прекрасна. Светлою росою,
Как сетью сребряной, покрылися поля;
Но там, под твердью голубою,
Всё, всё прекрасней, чем земля.
Там жаворонка песнь так сладко раздается,
Играя с ветрами, к нему, к царю светил,
Орел так весело несется.

Ах! тщетно вслед за ним душа кипит и рвется;
У смертных нет его могущих хрыл.

1-й казак

Ну, признаюсь, престранный ты мечтатель
Пришло же в голову с орлом летать.
Скажи-ка лучше, через час, не боле,
Мы отдохнем на время от трудов.

Молодой казак

Итак, сегодня я его увижу?

1-й казак

Кого увидишь?

Молодой казак

Ермака.

1-й казак

Так что ж?

Молодой казак

О, как давно, склоняя слух к рассказам
О подвигах и славе Ермака,
Об нем я мыслил с тайным восхищеньем,
И я его увижу!

1-й казак

Что ж, глупец?
Ты, глядя на него, таким, как он, не будешь.

Молодой казак

Стекло горит от солнечных лучей,
Огнем вода холодная сияет,
Не так ли взор бестрепетных вождей
Сердца бойцов младых воспламеняет?
Как радостно к боям с сей мыслию летать!
Он здесь, он взглядом следует за мною;
В его глазах как сладко побеждать!
И если смерть нам суждена судьбою,
С его хвалой не тяжко умирать.

1-й казак

Эх молодость, всё для тебя прекрасно!

2-й казак

(трепля молодого по плечу)

Вот молодец! Вот истинный казак!

1-й казак

И ты туда ж в мечтания пустился.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кольцо, Тимофей, Ольга и казаки.

Кольцо

Мы близко к цели.

Тимофей

Да, Кольцо, ты прав:
Я близок к ней.

Ольга

Отец мой, ты слабеешь.

Кольцо

Сядь, старец, отдохни на камнях сих.

Тимофей
(садится)

Теперь на них, а завтра уж под ними.

Кольцо

Ты утомлен тяжелым сим путем.
Ты здесь найдешь покой.

Тимофей
(с улыбкою)

В земле сибирской
Он ждет меня.

Кольцо

Быть может, через час
Пройдет усталость, возвратятся силы,
И мы свой кончим путь.

Тимофей

Он кончен здесь.

Кольцо

За сей горой, покрытой темным лесом,
Отсюда близко стан казачий скрыт.

Тимофей

Мне не видать его.

Кольцо

Еще сегодня...

Тимофей

Нет, нет, я дале не могу. Спеши,
Спеши, Кольцо.

Кольцо

Могу ль тебя оставить?

Тимофей

Оставь меня; иди, неси к нему
Дары царя, прощение России.
Скажи ему, его здесь ждет отец;
Не медли!

Кольцо

Я твою исполню волю.
Пойдем, друзья. Ты с сотнею своей,
Бряцалов, здесь останешься на страже.
Не забывай, мы в вражеской земле,
И Ермака отец, его невеста
Поверены тебе. Известен мне
Твой соколиный глаз.

Казак

Так, будь спокоен,
Он не задремлет.

Кольцо

Верных казаков
Расставь везде, но отойди подале,
Чтобы покою старца не мешать.
Друзья, за мною!

(Уходит; несколько казаков расстанавливаются вдали.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Тимофей, Ольга.

Ольга

Как ты утомился!
Твои ланиты бледны, и уста
Как будто бы в страдании трепещут.

Тимофей

Усталостью ты это назвала;
Но, Ольга, есть еще другое имя, —
Оно не сладко для младых ушей,
Но старцам, долгой жизнью утомленным,
Оно приятно: это имя — смерть!

Ольга

О боже! нет, оставь сие мечтанье.
Ты только тщетный страх внушаешь мне.
Ты утомлен трудом и ожиданьем,
И радость жизнь возобновит твою.

Тимофей

Так юность любит льстить себя обманом
И истину от глаз своих скрывать
Пустых надежд блистательным туманом
Ей небом дан прелестный дар мечтать.
Но мне давно прошла пора мечтаний:
Во гробе я стою одной ногой,
А там сияет правды луч святой,
Без темных мира обаяний.
Зачем же взор ты отвращаешь свой?

Ольга

Зачем же ты стал говорить о смерти?
Я не могу тебе внимать без слез.

Тимофей

Ты плачешь? Неужель о том, что старец
Готовится к прощанию с землей?
Ты плачешь! Я, ты видишь, улыбаюсь.
И надо мной ты можешь слезы лить?
Скажи, что́ смерть, чтоб я ее страшился?
Она с улыбкой подает сосуд,
Исполненный такой чудесной силы,
Что в нем мгновенно странник пьет
Забвенье бед и грусти и забот.
Гостеприимен темный кров могилы,
И ласковый хозяин в нем живет.

Ольга

Скажи, отец! когда тебя не будет,
Зачем же я останусь на земле?
Не для тебя ли я жила доселе,
И без тебя что будет жизнь моя?
Но я страшусь пустого: да, я знаю,
Что для меня ты будешь жить еще.
Ты будешь жить для сына. Путь тяжелый
Тебя на время утомил.

Тимофей

Ах, для чего
Со мною ты его предпринимала?
Зачем, младая, в блеске красоты,
Оставила ты тихий край отчизны?
Зачем пошла ты по моим стопам
В сей край угрюмый, дикий и суровый,
В пустынную и хладную Сибирь?
О, сколько ты трудов переносила,
Как был тяжел тебе сей длинный путь!
Ты не вздыхала, ты мне улыбалась,
Я ропота не слышал твоего,
Но видны были мне твои страданья,
И тайно о тебе я слезы лил.

Ольга

Ты плакал, ах! а я была счастлива:
С тобой, отец, с тобою я была!
Чего же было мне просить у неба?
Мне благ других вся жизнь не может дать.

Тимофей

Дочь нежная!

Ольга

Ты думал — я страдала,
А я была за всё награждена
Твоей улыбкою, твоей любовью,
Одним лишь словом от тебя. Скажи,
Ужель мечтал ты, я могла остаться
Спокойная в своей земле родной,
Когда ты стал бы по степям скитаться
С дружиной воинов, тебе чужой?
Кто, кроме Ольги, мог всечасно мыслить
О старце страждущем? Из чьих бы рук
Так сладок был сосуд с холодной влагой,
Целитель тяжких недугов и мук?
Кто стал бы песнию унылой
Тебя к покою призывать
И миг его, увы, столь легкокрылый,
Как неба дар нежданный, охранять?
Кто стал бы говорить с тобою
О счастливых минувших днях
И об утраченных надеждах и мечтах, —
Твоим слезам ответствовать слезою?
Кто мог бы так тебя любить, как я?

Тимофей

Да, ты была со мной, как ангел неба,
Хранитель, данный мне благим творцом.
Ты жизнь мою доселе услаждала.

Ольга

Не говори о прошлом, мой отец.
Смотри в грядущее. Оно лишь радость
И счастие тебе сулит. Ермак,
Ермак придет к тебе. Он близко;

Уж, может быть, летит к твоим ногам.
О сладкое, счастливое мгновенье!

Тимофей

Да, если доживу, — но жизнь моя,
Я чувствую, в груди уже иссякла,
И в жилах сих хладеет старца кровь.
Ужель умру я, не простивши сыну?
О! эта мысль страшнее для меня,
Чем смерть сама! Ах, Ольга, Ольга!
Ужель, прошед сибирские пустыни,
Когда я видел стан, где мой Ермак,
Мне должно умереть, как жил, с печалью
И счастия не возвратить ему?

Ольга

Зачем же мысль сия тебя тревожит?
Но ты устал, и нужен сон тебе.

Тимофей

Нет, сон земной сих взоров не закроет,
Доколе вечный не придет ко мне.
Но жаждой я уже с утра томлюся;
Быть может, чаша с хладною водой...

Ольга

Когда мы шли, я зрела в сей долине,
  Как серебра живого луч,
  В пещере черной меж скалами
  Сверкал студеной влаги ключ.
Я возвращусь сейчас с его дарами.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Тимофей один.

Тимофей

Спеши, Ермак! мои слабеют силы,
Над сей главою смерть простерла длань,
Спеши! приди принять благословенье
Так тягостно страдавшего отца...

Но грудь моя сжимается болезнью...
Я чувствую... о боже! час один,
Один еще мне дай из чаши жизни,
Чтоб я мог зреть его, чтоб мог, прижав
Его главу к хладеющему сердцу,
Ему сказать: «Будь счастлив, ты прощен!»

(Погружается в задумчивость.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Тимофей, Ермак (вооруженный).

Ермак
(входя)

Идти на казнь! Что ж? Поздно или рано,
Я должен умереть. Законов меч,
Стрела ль врага или недуг тяжелый,
Не всё ль равно, что раздирает ткань,
Сплетенную из горя и печали,
В которой радость изредка блестит,
Как злата нить на рубище страдальца.
Одно мгновенье — и всему конец.
Но умереть и в гроб нести проклятье...
Ах, эта мысль тяжка! О мой отец,
Как радостно бы жизнию своею
Ермак твое прощение купил...
Кольцо уж близко! Утром мне казалось,
Как будто бы на скате синих гор
В оружья солнце отражалось.
Сомнение несносно: лучше ж я
Пойду навстречу смерти. — Вот откуда...

(Увидев Тимофея)

А, что я вижу? Это не мечта.
Здесь старец — русский! В глубине Сибири?
Быть может, раб, бежавший от врагов...
Как вид его мне сердце раздирает!
В морщинах, на его челе седом,
На сих ланитах, в сих померкших взорах,
На бледных сих и трепетных устах
Рукой судьбы написано: «страдалец!»...

Я подойду... Не знаю, отчего
Я трепещу.

(Подходит к Тимофею.)

Скажи, почтенный старец,
Кто ты? Какою странною судьбой
Ты принесен в сибирские пустыни?
Я вижу по одежде, по чертам,
Что мы с тобой сыны одной отчизны,
Которых рок умчал в сей дальний край.

Тимофей

Кто я? Ты видишь — странник престарелый,
Скитавшийся по жизненной стезе,
Но близкий к цели странствия земного;
Разбитый челн, игралище валов,
Который бурей занесен далеко,
Чтоб кончить бег свой средь сибирских скал.

Ермак
(в сторону)

Какой я голос слышу! Сердце бьется.
Нет: это было лишь мечта одна.
Ах, сей мечтой душа моя полна,
В ней глас отца всечасно раздается.

Тимофей
(покачав головой)

Странна судьба людей! я мог ли думать,
Что кончу век свой в здешней стороне?

Ермак
(в сторону)

Нет, быть не может: он теперь далеко;
Меж ним и мной пустыни, цепи гор...
Одна мечта... но это сходство странно!
И тот же звук речей, и тот же взор.

(К Тимофею)

Ты, старец, был невольником в Сибири?
Похищен, может быть, в набегах злых?

Тимофей

Нет: я еще недавно из России
И никогда в оковах не страдал.

Ермак

(в сторону)

Недавно из России? С каждым словом
Растет мое смятение. Нет, нет!
Не может быть! Едва четыре года
Прошли с тех пор, как видел я отца;
Он был еще могущ и силен,
Украшен свежей сединой;
Он подымался величавый,
Как гордый дуб, столетний царь дубравы,
Под тяжестью снегов, набросанных зимой.
Не может быть! Едва четыре года...

(К Тимофею)

И ты один сей дальний путь прошел?

Тимофей

О нет! со мной казацкая дружина

Ермак

Дружина? кто же вождь ее?

Тимофей

Кольцо.

Ермак

Ты из Москвы... последовал за нею?

Тимофей

Нет, с берегов Оки.

Ермак

Но для чего ж
Оставил ты спокойную отчизну
И посетил враждебную Сибирь,
Где брани огнь еще не прекратился?
Быть может, по велению царя?

Тимофей

Нет: сердца глас меня привел. В Сибири
Мой сын.

Ермак

Твой сын?.. Казак?

Тимофей

Их атаман.

Ермак

(отступая стремительно в сторону)

О боже! это он!.. Куда сокрыться?
Нет, нет: останься здесь, Ермак! Смотри,
Вот славный подвиг твой! Отцеубийца!
Ты свел его во гроб; ты жизнь его
Печалию, отчаяньем разрушил;
Ты в грудь его вонзил кинжал. Смотри!
О горе! на лице его мой взор читает,
Как в книге грозного судьи небес,
Рассказ моих разбоев, преступлений,
Его любви, его страданий, слез.
О боже, не ищи других мучений;
Сей грозный вид ужаснее, чем ад.

Тимофей

О! поспеши, мой сын, приди скорее.

Ермак

Что слышу я? Меня отец зовет!
Увы, отцом его назвать не смею;
Я проклят им навек.

Тимофей

Ермак! Ермак!
Приди принять последнее прощенье.

Ермак

(в сторону)

Да, я пойду, паду к его ногам!
Пусть он простит мне, пусть благословенье
Произнесет он над главой моей.

Тогда скажу ему: отец! Но прежде
Не смею слова произнесть сего.

(К Тимофею)

Кого к себе ты призываешь?

Тимофей

Сына.

Ермак

Ужели хочешь ты ему простить?

Тимофей

Раскаянье и бога примиряет.

Ермак

О старец, у меня в стране родимой
Есть также... ах! быть может, был... отец,
И он... меня проклял!

Тимофей

Несчастный!

Ермак

Небо
Услышало проклятие его.
Да, так же, как твой сын, я был виновен,
Но так, как он, раскаялся и я, —
Ужели мне прощения не будет?

Тимофей

Надейся и молися небесам!

Ермак

О, я страдал, молился, горько плакал,
Но сердцу моему покоя нет:
На мне лежит родителя проклятье.
Но он меня любил. Когда б он зрел
Мою тоску, услышал бы стенанья,
Которые в безмолвной тьме ночной
Из сей груди стесненной вылетают —
Свидетели страданья моего, —
Он сыну бы простил. Но он далёко.

О будь же ты посланником небес,
Будь вестником и мира, и прощенья;
Будь мне отцом, скажи мне так, как он:
Мой сын, прими мое благословенье.
Ты видишь, я паду перед тобой,

(становится на колени)

Я длань твою слезами обливаю,
Простри ее над страждущей главой;
Скажи мне: «Небо и отец прощают».

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и Ольга.

Ольга
(подходя)

Ермак!

Тимофей

Ермак?

Ермак

Родитель!

Тимофей
(вставая)

О мой сын!
Перед лицом внимающей природы,
И ангелов, и самого творца
Прими теперь мое благословенье.
Приди ж, Ермак, приди к груди отца.

Обнимаются.

Ермак

О счастие! Отец мой!

Тимофей

Видишь, Ольга,
Что смерть близка. Я сына не узнал.

Ольга

Я принесла сосуд с водой студеной:
Ты ею жажду утолить хотел.

Тимофей

Нет: я ее не ощущаю боле,
Я жажду сердца счастьем утолил.

Ермак

Ах, Ольга! Неужель и ты простила?

Ольга
(обнимая его со слезами)

Тебе отец, тебе простил господь,
И не от горя льются эти слезы.

Ермак

Пусть смерть придет: я не страшусь ее.
Прощен тобой...

Тимофей
(прерывая)

Ты говорил о смерти,
Мой сын; она уж здесь, в моей груди.
Но подойди ко мне, Ермак, приблизься;
Уж тускнет всё в слабеющих глазах;
Приблизься: я хочу любовь и радость
Еще прочесть в твоих чертах.

Ермак снимает шлем.

Но, Ольга, посмотри, в четыре года
Как горестно переменился он!
Черты всё те ж; но где ланит румянец,
Где прежняя улыбка на устах?
Ее уж нет! Увы! Куда девалось
Веселое сияние очей,
В котором счастье сердца отражалось,
Как утра луч среди зыбей!
Где роскошь юных тех кудрей,
Которых русою волною
Его гордилася глава,

Как выя молодого льва
Своей златистою космою?
Как ты страдал, мой сын!

Ермак

О! я счастлив.

Тимофей

И я виновен, я своим проклятьем...
Но, мой Ермак, прости, прости отцу,
Он был несчастлив также.

Ермак

Мой родитель!

Тимофей

Ты посмотри, и на моей главе
Власы седые горе иссушило.
О! ты не знаешь, что́ на сих щеках
Бразды глубокие изрыло.
Всё слезы, слезы об тебе, Ермак.

Ермак

Как строго я наказан!

Тимофей

Ты у Ольги
Спроси, как плакал я; во тьме ночей,
И утром, в полдень, или в поздний вечер —
Что делал я? Всё думал о тебе.
Скажу: «Где, где ты, сын мой?» — и заплачу горько.
Не правда ли: ты мне простил, мой сын?

Ермак

Твои слова мне сердце раздирают.
Страшнее казни нежный твой укор.
Ты плакал обо мне. О! эти слезы,
Поверь, огнем текли в груди моей.
И ты любил меня еще? Преступник,
Я не был изгнан из души твоей.
Ах, сколько я перед тобой виновен!
И ты мне мог простить!

Тимофей

Ермак!
Зачем ты речь заводишь о прошедшем?
Зачем ты хочешь раны раскрывать?
Да, мы страдали; но теперь счастливы,
И я могу спокойно умереть.

Ольга

Ты говоришь о счастьи и о смерти?

Тимофей

Мне нужен сон по жизненных трудах.
Но полно, дочь моя. Я снова с вами,
С тобой, мой сын, и всё забыто мной:
Прошедшее мелькает пред очами,
Как тяжкая мечта души больной.
Не правда ль? Это было сновиденье,
Несчастие не разлучало нас,
Я не страдал, не плакал, не томился;
Всё было сон; но он теперь прошел.
Скажите...

(Приметно слабеет и садится на камень.)

Ольга

Боже!

Тимофей

Или нет: молчите!
Я слышу вас, вы говорите мне,
Что это всё обман. О! хоть на время
Не разрушайте счастья моего!
Да, мы в России, там льется Волга,
Вокруг меня родимые поля.
Как небо русское лазурно надо мною!
Как ты прелестна, русская земля!
Но что же, как всегда, вы не садитесь
Здесь близ меня? Приди ко мне, Ермак.
Но вы печальны; что же? улыбнитесь,
Ведь мы теперь счастливы навсегда.
Мой сын, ты знаешь, я люблю рассказы
О том, что видит твой орлиный взор
Вдали, где всё неясно и туманно:

Смотри, что видишь ты на скате гор?

Молчание.

Что ж ты молчишь? Ужели сон тяжелый
Твои глаза ослабил, как мои?

Ермак

О нет, отец мой. Из дубравы темной,
Я вижу, там стрелой летит олень,
И жадно вслед за ним, как тень,
Несется волк седой, огромный.

Тимофей

А этот свет?

Ермак

А там по Иртышу...

Тимофей

Не говори: Иртыш, скажи: по Волге.
Но, Ольга, взор его, как прежде, быстр,
А мне, не знаю почему, приснилось,
Как будто бы я выплакал глаза.
Не правда ли? Ведь это всё пустое.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Кольцо (с несколькими казаками).

Кольцо

Ермак!

Ермак
(его обнимая)

Кольцо, родитель мне простил.
Теперь готов я несть главу на плаху.

Кольцо

И царь тебя простил. Отселе ты
Уже не атаман, но воевода,
Царя наместник.

Ермак

Я? Твоим словам
Могу ль поверить?

Кольцо

Здесь пред тобою
Ты зришь дары и грамоту царя.

(Подает грамоту; Ермак, прочтя, становится на колени.)

Ермак

(вставши)

Друг! этот миг не лучше ль целой жизни!
Прощен царем, Россией и отцом!
Но мой отец!

(На ухо Кольцу)

Кольцо, он умирает.

Тимофей

Ермак! надень теперь дары царя;
Пусть я пред смертию тебя увижу
Блестящего наградою трудов,
Как победителя Сибири.

Кольцо

Броню!

Казаки окружают Ермака и надевают на него присланные от царя доспехи, снявши прежние.

Тимофей

(приподнявшись)

Сними кольчугу.

(Смотря на одетого Ермака)

Ольга, посмотри:
Как он в броне и грозен и прекрасен!
Но дайте мне царя златую цепь,
Я сам на сына, я ее надену.

Ермак становится на колени перед ним.

Подайте мне блистающий шишак.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и вдали Мещеряк, Заруцкий и Шаман.

Мещеряк

Так завтра снова ты придешь. И помни,
Что вечером я здесь же жду тебя.

Шаман

Клянусь святою местью за отчизну,
Я буду здесь.

(Уходит.)

Мещеряк

Заруцкий, посмотри:
Венчают жертву.

Оба подходят к прочим.

Тимофей

О друзья, смотрите!
Вот сын мой, мой Ермак. Всему конец.

(Опять садится.)

Последних сил меня лишила радость.
Я слышу смерти дружеский привет,
Но сладостно мои сомкнутся вежды:
Свершились сердца гордые надежды,
Я сына зрел в венце его побед.
Скажите мне, не тускнет ли светило,
Блестящее на высоте небес?

Кольцо

Нет, всё блестит: и холм, и луг, и лес;
Сиянье дня поля покрыло.

Тимофей

Но, дети, всё померкло предо мной,
Мой слабый взор уж вас не различает.
Придите! Ольга, ты всегда была
Со мной, как дар небес неоцененный,
В темнице жизни чистый рая луч,
Несчастного святое утешенье;

И небо наградит тебя. Прими
Последнее отца благословенье.

(С некоторым вдохновением)

Ермак, Ермак, ты царство покорил,
И родина твои забыла преступленья:
Об них ты горько слезы лил,
И вышний царь с тобою примирился,
И твой отец тебя благословил.
Но меч твой кровию невинною дымился,
И кровь за кровь! Ермак! закон простил,
Но ждет тебя измены меч кровавый:
Уж в гроб твоя склоняется глава;
Умрешь ты скоро; но умрешь со славой,
И память дел твоих останется жива,
И летопись и струны золотые
Потомству подвиг твой передадут. —
Что слышу я? Какое пенье,
Как гласы ангелов, несется вдалеке?
Я вижу храм, в нем внемлю я моленье;
О ком мольбы сии? Об Ермаке!

(Опирается на Ермака.)

Кольцо

Последнее мгновение настало.

Тимофей

(прерывисто)

Но что? О ком вы плачете, друзья?
От радости лиются ваши слезы.
Ах! ей теперь полна душа моя.
Я чувствую, прощанье с миром — сладость.
Вы говорите, это смерть? Нет, нет,
Друзья... Не смерть... а жизнь...
и радость!

(Умирает.)

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Ночь.
Сцена представляет с одной стороны вал и стан Ермака, вдали лес, а с другой стороны скалы, близ коих течет Иртыш. В стане слышна перекличка: «Слушай! слушай!»

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Мещеряк встречается с Шаманом.

Мещеряк

А! это ты, Шаман; я шел к тебе.

Шаман

Готово всё; вдоль берега крутого
Я ратников своих в лесу сокрыл;
Они горят нетерпеливым мщеньем
И ждут тебя.

Мещеряк

Как! ты, Шаман, уж знал,
Что в эту ночь его свершится жребий?
Ты не видал Заруцкого, а я
Уже два дни не выходил из стана,
Кто ж мог тебе сказать? Погибли мы,
Коль кто другой проникнул в наши тайны.

Шаман

Спокоен будь; они безвестны всем;
Никто еще во всем казачьем стане
Не мог узнать намерений твоих.
Но видел ты, как солнце закатилось?

Мещеряк

Оно сокрылось в облаках густых.

Шаман

Ты только зрел, что дневное светило,
Скрываясь среди бурных туч,
Края их ярко золотило;
Ты только зрел, что сизый молньи луч
Змеей огнистой извивался.
Но я узнал, что, в бурю облечен,
Сердитый дух средь молний приближался.
Ты только зрел, что тусклый небосклон,
Как дальнего пожара пламя,
Сиял и рдел. Но я узнал,
Что в нем шайтан по ветру развевал
Кровавое сражений знамя;
И я созвал бестрепетных друзей.

Мещеряк

Но близко ль ты сокрыл свою дружину?

Шаман

Потом, когда поля покрыла ночь,
Я зрел — звезда так весело блистала.
Но дух прошел, и в хладной мгле пропала
Небес сияющая дочь.
И я заплакал: сердце мне сказало,
Что ныне смерть постигнет Ермака.
Но...

(Берет Мещеряка за руку)

Я отмщу за падшую отчизну!
Здесь, здесь, в лесу, моя сокрыта рать,
Пятьсот бойцов неустрашимых.

Мещеряк

Слушай:
Здесь с Ермаком лишь сотня казаков,
Все прочие в другом остались стане
Для охраненья покоренных стран.
Ермак мечтает с слабой сей дружиной,
Поднявшись вверх по брегу Иртыша,
Распространить свои завоеванья;

И подвиг сей он мог бы совершить;
Но... нынче он погибнет. Нынче в полночь
Заруцкий нам откроет вход в сей стан.

Шаман

А стражи?

Мещеряк

Он обманчивым напитком
Ко сну их склонит, и тогда, Шаман,
Твоя дружина вслед пойдет за мною;
Я к ставке Ермака вас поведу.

Шаман

Все казаки погибнут!

Мещеряк

Как? вся сотня?

Шаман

Все, все падут!

Мещеряк

Нет, пусть Ермак один
Своей главой насытит ваше мщенье,
Другим оставьте жизнь.

Шаман

Нет, нет, казак!
Погибнут все: ужель ты можешь думать,
Что, раз вступивши в спящий стан врагов,
Хоть одного мы пощадим? Безумный!
Велит Шаман — и буря замолчит;
Но мщения сам Рача не удержит!

Мещеряк

На это не был я готов. Ермак!
Твоей лишь смерти я хотел; но, боже!
Всех погубить! Иди назад,
Шаман, к своей дружине кровожадной;
Я не впущу вас в стан.

Ш а м а н
(с полунасмешкой)

Прощай, казак.

М е щ е р я к

Остановись... С какой осанкой гордой
Ты выступал под светлым шишаком,
Царя наместник!

Ш а м а н

Что же? ты решился?

М е щ е р я к

Как он блистал под гривной золотой,
Как он броней, казалося, гордился!
Он говорил мне: друг! Но на устах,
В глазах его, блистающих слезами
Над хладными останками отца,
Я открывал надменную улыбку...
И он останется живым?

Ш а м а н

Казак!
Скажи ответ последний.

М е щ е р я к

Чтоб смеяться
Над тщетной местию моей!.. О нет!
Погибнет он! и я тогда начальник
Всех казаков: из есаулов я
Всех старше, всех славнее в деле ратном...
Быть может, царь...

Ш а м а н

Что ж медлишь ты?

М е щ е р я к

Шаман!
Пусть все погибнут; но в одном клянися:
Свободу мне и жизнь оставишь ты?

Шаман

Клянусь, и Рача пусть свидетель будет,
Что не нарушу клятвы я своей.
Но прочим нет пощады. — А Заруцкий?

Мещеряк

(махнув рукой)

Я слышу шум. Пойдем, Шаман, пойдем
Туда, где собралась твоя дружина.

(Взявшись за меч)

А ты, товарищ мой среди опасных сеч,
В разбое смелом, в лютой брани,
Надежный мой булат, о! брата острый меч,
Ты верен был его могущей длани;
Отмсти ж теперь за смерть его
И утоли не златом, не казною,
Но жаркою кровавою росою
Кипенье сердца моего!

(Уходит в лес.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Ермак. Кольцо.

Ермак

Кольцо, здесь должно мне с тобой расстаться,
И навсегда, мой друг.

Кольцо

Как навсегда?
Ты через месяц возвратиться можешь.

Ермак

Но я не возвращуся. Может быть,
Еще увидишь ты мой прах холодный;
Меня тебе уж боле не видать.
Итак, прости, мой друг, прости навеки!

Кольцо

Какой мечтой тревожится Ермак!
Ты побеждал досель, зачем же нынче
Изменит счастье твоему мечу?

Ермак

Ты слышал ли? С прощанием последним
Он говорил мне: «Кровь за кровь, мой сын».
Ты будь слугой России неизменным,
Будь счастливым и доблестным вождем,
Живи всегда хранимый небесами,
Сверши начатое моей рукой
И помни нашу дружбу. Но — я знаю,
Кольцо, ты не забудешь Ермака.
Что ж взоры у тебя блестят слезами?
Ужели весть о смерти так страшна?

Кольцо

Ермак! смеясь свою бы смерть я встретил,
И это в битвах часто видел ты;
Но пережить тебя — ах! этой мыслью
Не отравляй мгновения сего.

Ермак

Оставим же ее на время. Друг мой!
Ты зрел гробницу, над которой я
Вчера воздвигнул памятник унылый.
О боже! для чего я не могу
С утра до вечера всегда над нею
Стоять в молитвах, в горестных слезах,
Надгробный памятник, одушевленный,
И ожидать, чтоб тот же самый прах
Нас съединил в могиле неизменной?
О мой отец! твой сын тебя изгнал
Далеко из земли благословенной,
Где наши предки спят, где ты мечтал
Последнюю их разделить обитель.
Утешь меня, утешь его, мой друг,
Коль может горесть знать бесплотный дух —
Небес счастливый и бессмертный житель.
Над камнями, под коими сокрыт
Отец, так много от меня страдавший,
Воздвигни храм святой; пусть первый крест
Блестит в Сибири над его гробницей.

Кольцо

Твои слова — веленья для меня;
Но, может быть, ты сам...

Ермак

Идя к сраженьям,
Не должно ли готовым быть на смерть?
Ты слышал, Ольга хочет возвратиться
В отечество.

Кольцо

В отечество? Туда,
Где злобою она была гонима?

Ермак

Но где теперь от всех ее врагов
Ей имя Ермака защитой будет.
И для чего б осталася она
В стране сибирской, меж племен враждебных,
Где брани гром на время лишь умолк?
Родитель мой во гробе; а со мною
Она навек, навек разлучена
Воспоминаньем прежних преступлений.
Ах! это ли нам прежде сердца глас
И юные надежды обещали?
Когда назад я обращаю взор,
Не верю я годов минувших счастью,
И памяти не верю я своей.
Прошедшее мне кажется мечтою,
В прелестном сне мелькнувшей предо мною,
Но слишком сладкою для бедной жизни сей.
Увы! как всё с тех пор переменилось!

Кольцо

Но в сердце Ольги перемены нет!
Среди гонений, среди тяжких бед
В нем чувство прежнее хранилось.

Ермак

Нет, нет, мой друг. В душе ее любовь
Не та, которой силою мятежной
Волнуется младая кровь;
Не та, вокруг которой сновиденья,
И радости, и резвые мечты,
И сладостной надежды обольщенья
Блистают — жизни ранние цветы.
Нет, это чувство в ней давно погасло.

Кольцо

О нет, Ермак; с тобой ее глаза
Еще любовию сияют.

Ермак

Так ангелы на смертного взирают,
Так любят землю небеса.
Да, мы должны расстаться навсегда.
Она сказала, что на бреге Волги,
В монастыре, где в прежние года
Молились мы перед святой иконой,
Забывши мир и жизни суету,
Средь инокинь, в безмолвии священном,
Она свой век молитвам посвятит.
Счастливая! она увидит снова
Родимой Волги светлые брега —
Прелестный край, любимый небесами!
Когда же весть придет издалека,
Она услышит, может быть, с слезами
О ранней смерти Ермака.
Пусть с Ольгою до самых гор Уральских
Идет полсотня казаков; а там
Стоят отряды и дружины Пана.
Полсотню казаков отправишь ты
Меж Иртышом и Обию на Север,
Чтоб дань собрать с кочующих племен.
Но полночь уж близка, темнеет небо:
Дай руку, друг мой, и прощай.

Кольцо

Ермак!
Не знаю почему, с тобой прощаясь
На краткий срок, моя теснится грудь.
Ты вскоре должен возвратиться снова;
А сердце, может быть, от слов твоих
Томимое предчувствием печальным,
Мне говорит, что никогда с тобой
Не встречусь я; мне кажется, что нынче,
Что в эту ночь погибнуть должен ты.

Ермак

Нет; в эту ночь ты можешь быть спокоен.
Чего страшиться мне?

Кольцо

Не знаю сам;
Но не могу преодолеть волненье
И тайный страх души моей. Ермак,
Ты нынче зрел ли, как угрюм и грозен
На западе вечерний луч погас,
Какие знаменья нам ночь явила?
Таков всегда бывает вид небес
Пред смертию мужей, тебе подобных, —
Рушителей могущественных царств.
Заря горела кровию, и звезды,
Срываясь с синей высоты небес,
Терялися в пространстве беспредельном,
Лишенные и блеска и лучей.
В глуши лесов безмолвных, одиноких, —
Так слышал я от смелых казаков, —
Носился тихий стон и звук оружий.

Ермак

О, перестань смеяться надо мной
И верь — когда я буду взят могилой,
Всё в мире будет тихо, как всегда;
И небо не прольет росы унылой,
И не застонет хладная земля,
И солнца лик взойдет румян и светел,
Не думая о падшем Ермаке.

Кольцо

Но эти молньи, эта буря в небе...

Ермак

Так что ж? Быть может, небо сей грозой
Гласит беду Сибири устрашенной.

Кольцо

Сия луна, как щит окровавленный,
Катящаясь над бурною рекой...

Ермак

О нет! она, как робкая девица,
Глядится в зеркало зыбей
И юной прелести своей,
Краснея, тайно веселится.

Поверь, Кольцо, оставь свой тщетный страх:
Мне нечего еще теперь бояться,
Здесь нет врагов.

Кольцо

Ермак! В густых лесах,
Вокруг теченья Иртыша, я знаю,
Скрываются остатки их дружин.

Ермак

Но их немного. В стане сем со мною
Отважнейшая сотня казаков.
Ужель остяк пугливый...

Кольцо

Но измена.

Ермак

Ее здесь нет.

Кольцо

С тобою Мещеряк!

Ермак

Опять!.. Всечасно ты твердишь мне то же.
Я знаю, ты давно уж с ним в вражде, —
А это чувство часто ослепляет;
Но верь мне, храброго и смелого бойца
Я подозреньем не обижу.

Кольцо

Что же?
Пусть будет он начальником дружин,
Которые со мною ты оставил.

Ермак

Нет, он угрюм и дик, и на него
Восстали бы сибирские народы;
Ты мудростью и кротостью своей
Вражду потушишь в их сердцах суровых
И с властью русской примиришь Сибирь.

Кольцо

Не сам ли ты предчувствуешь погибель?

Ермак

Не от него.

Кольцо

Возьми меня с собою.
Позволь с тобою мне идти к сраженьям,
Всегда, везде сопутствовать тебе;
Тогда измены не страшися боле:
Бессонный страж и ночию, и днем,
Вокруг шатров, вкруг дремлющего стана,
За верность всех ответствует Кольцо.
Оставь Мещеряка; в душе своей
Питает он коварство и измену.

Ермак

И если он изменит, пусть падут
Две тысячи воителей отважных,
Надежда, слава русской стороны;
Пусть все погибнут, — ты, Ермак, спасешься.
Не так ли, друг мой? О Кольцо, Кольцо!
Тебя ли я и твой ли голос слышал?
О, пусть погибнет имя Ермака,
Забытое иль презренное миром,
Когда я предпочту не только бытие,
Но дружбы голос, иль любовь, иль славу
Тебе, отечество мое!

Кольцо

Я вижу, ты погибнуть должен. Дружба
Тебя спасти не может. Да, Ермак,
Ты обречен быть жертвою судьбины!
Прости.

(Жмет руку Ермака.)

Ермак

(обнимая его)

Кольцо, приди к груди моей.

Кольцо уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Ермак один.

Ермак

Кому судьба дала такого друга,
Тот не ропщи на жизнь! Он смерть мою
Предчувствует. Нет, это лишь мечтанья,
Мгновенное смятение души
От слов моих и грустного прощанья.
Я знаю сам, что скоро я паду.
Над всяким царством есть хранитель тайный,
Могущий дух, иль злобный иль благой,
И дух сей жертвы требует кровавой,
Чтоб примириться с властию чужой.
Престол Казани! за твое паденье
России мстит жестоко Иоанн!
Пусть о твоем свидетельствует мщеньи,
Сибирь, один могильный мой курган!
Но в эту ночь мне нечего страшиться,
Моя душа спокойна и тиха,
И грудь моя вздымается так смело,
Так сладостно играет в сердце жизнь.

(Помолчав)

Как я люблю под темным кровом ночи
Прохладным воздухом дышать
И с тихим вдохновеньем очи
К лазури неба подымать!
Там звезды яркие катятся
Вокруг невидимых осей;
Они текут, они стремятся, —
Река негаснущих огней.
О стражи сонного эфира —
Средь черных и угрюмых туч
Залог спокойствия и мира!
Как мне приятен ваш дрожащий луч!
Мне кажется, он в сердце проникает
И силой тайной, неземной
Усталой груди возвращает
Давно утраченный покой.
Не так же ли над Волгою струистой
Я в прежние года любил на вас взирать

И юной мыслию, как сны младенца чистой,
В ваш светлый сонм перелетать?
Но я не знаю, почему сегодня
Они еще прелестнее блестят!
О мой отец! не ты ли присылаешь
В сияньи их неслышимый привет
И сына к небу призываешь?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Ермак, Заруцкий и часовой казак на стене.

Заруцкий
(на стене)

Червленный, кончены твои часы,
Вы все теперь в свои идите ставки.

Ермак
(подходя к стене)

Заруцкий, все ли в стане казаки?

Казак

Нет, Мещеряк еще не возвращался.

Ермак

Но где же он?

Казак

Уж будет с час, как он
В сей лес вошел.

Ермак

Один?

Казак

Мне показалось,
Что кто-то вышел из леса к нему,
Но только не казак.

Ермак
(в сторону)

А! это странно!
Ужели прав Кольцо? Мне долг велит

Быть осторожным. Я не стану боле
Мещеряку так много доверять.
Тому два дни с ним видели Шамана.
Заруцкий, отвори врата.

Заруцкий отворяет и выходит.

Чтоб Мещеряк
Пришел ко мне, как скоро он вернется.
Я спать не буду. Ты, Заруцкий, сам
Будь бдителен. Ты помнишь, от тебя
Мы все едва на Таре не погибли.
И оттого, деля награды вам,
Тогда я предпочел тебе Бряцалу,
Хотя ты был отважнее его.
Но ты с тех пор вину свою изгладил.
Будь бдительней теперь.

(Уходит в стан.)

Заруцкий

Напоминай
О прежних оскорбленьях: здесь чертами
Кровавыми записаны они!
Вести к нему Мещеряка? Поверь мне,
В твою придет он ставку, но едва ль
Его приветом будешь ты доволен.

(Уходит в стан.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Заруцкий и молодой казак (оба на стене).

Заруцкий

Что? весел был прощальный пир? Вино
Лилось реками? Что ж молчишь ты, Луцкий?

Молодой казак

Да, пир был весел. Но, не знаю я,
Мне что-то грустно.

Заруцкий

Скучно быть на страже
И ночию, когда всё в стане спит,

Стоять на вале, окликая звезды,
Как будто филин или волк в лесу.

Молодой казак

Эх, нет! ты знаешь сам, что я мечтатель
И ночь люблю.

Заруцкий

Недаром ты певец.

Молодой казак

Да, я всегда люблю смотреть на небо.

Заруцкий

Оно похоже на́ море.

Молодой казак

О нет.
Как скоро ветр взмахнет сердитыми крылами,
Я видел, море — зыбкое стекло —
Чернеет дикими валами.
Но небо, ах! оно всегда над нами
Прелестно, тихо и светло.

Заруцкий

Вот так, как нынче? Видишь эти тучи,
Ревущие над нашей головой?

Молодой казак

Что ж? Пусть несутся тучи бурны:
Вдали, смеяся их грозе,
Сияет вечный свод лазурный
В недосягаемой красе.

Заруцкий

Скажи, об чем же грусть твоя? Недавно
Пришел ты в стан наш: может быть, тебе
Не нравятся труды военной жизни?

Молодой казак

О нет; я рад войне и с Ермаком
Готов идти на смерть; но что-то нынче

Мне не весело: будто бы беда
Какая-то, иль смерть сама, готова
Меня сразить.

Заруцкий

Что ж? в нашем ремесле
Не далеко до смерти.

Молодой казак

Я мечтаю
О родине, о матери своей,
Которая меня так нежно любит;
Я думаю о горестной сестре
И...

Заруцкий

О красавице, не правда ль?

Молодой казак

Что же?

Заруцкий

Идти в поход и думать о любви!
Стыдись! Вино твою прогонит скуку.

(Вынимает бутылку.)

Возьми и выпей.

Молодой казак

Я довольно пил.

Заруцкий

И в жизнь ты не пивал вина такого:
Оно в мгновенье прогоняет грусть!

Молодой казак пьет.

Что ж! спой теперь повеселее песню.

Молодой казак

Нет, в этот вечер я никак не мог
Ни головы, ни голоса настроить
На лад веселых песен.

Заруцкий

Испытай.

Молодой казак

(поет, начав весело, и кончает грустно)

Как светло и как весело солнце восходит
На широких придонских полях!
Но светлей, веселее над хладным кладбищем,
На белых, безмолвных гробах.

(Перестает петь.)

Ты видишь, начал весело, а кончил,
Как будто сам я жизнь свою отпел.
Но тяжкий сон меня невольно клонит,
Глаза мои смыкаются.

Заруцкий

Так что ж?
Засни.

Молодой казак

На страже?

Заруцкий

Я с тобою
И, если нужно, разбужу тебя.

Молодой казак

Не должно б засыпать; но что же делать?
Невольно. — Помни ж! разбуди меня.

(Засыпает.)

Заруцкий

Уж он заснул. Напиток не обманчив.
Другие стражи далеко; вино
Почти закрыло их глаза, а буря
Покроет шум шагов.

(Ходит по стене.)

Ермак не спит
И, может быть, пойдет по стану. — Полночь
Уже прошла, и всё они нейдут.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Заруцкий, Мещеряк.

Мещеряк

(подходя к стану)

Заруцкий!

Заруцкий

Мещеряк, всё тихо в стане,
Все спят; один Ермак еще не спит
И ждет тебя.

Мещеряк

Один он не спасется.
Но часовой?

Заруцкий

Он спит.

Мещеряк

Как? вечным сном?

Заруцкий

Нет.

Мещеряк

Он проснуться может.

Заруцкий

Понимаю.

(Вынимает кинжал и убивает молодого казака.)

Теперь спокоен будь. Готово всё.
Но где ж Шаман и вся его дружина?

Мещеряк

Вот он идет; ты отвори врата.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Шаман с толпою остяков.

Мещеряк

Шаман, нас ждет Заруцкий. Вход свободен,
И смерти он не может избежать.

Шаман
(к остякам)

Войдите тихо, окружите ставки
И ждите знака. Мещеряк, вперед!
Веди нас к ставке Ермака; с тобою
Пятьсот бойцов, так не страшись его.

Мещеряк

Заруцкий, стой здесь на стене у входа,
Но затвори врата, чтобы никто
Не мог спастися из ограды стана,
Где нами всё обречено на смерть.

Все уходят в стан, и из-за кулис слышны крики.

Измена! бейте!

Голос Шамана

Мстите за Сибирь!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

На стене Заруцкий и Ермак (с обломком копья).

Ермак
(к Заруцкому)

Ты жив? ты здесь?

Заруцкий
(ударяя мечом)

И это мой ответ!

Ермак

(убивая его, так что тот падает за кулисы)

Изменник гнусный, вот твоя награда!

(Выходит из стана, опираясь на копье; две стрелы вонзились в его броне, полученной от царя.)

Они погибли, всех постигла смерть,
Всех, всех! Сия бесстрашная дружина,
С которой столько раз я побеждал,
Товарищи моих трудов и славы...
Погибли все! И я не мог отмстить!..
О падшие друзья! Когда б слезами
Вас можно было к жизни возвратить,
Как радостно над вашими телами
Я кровь бы выплакал свою! Один
Я жив остался: окружен изменой,
Я путь себе открыл среди врагов
И в темноте от их сокрылся взоров.
Но две стрелы в мою вонзились грудь:
Я чувствую, смертельны эти раны.
Но прежде смерти, может быть, враги,
Как слабого и трепетного зверя,
Меня настигнут, и тогда, смеясь
Бессилью Ермака, с ослабших мышц
Они сорвут сии дары царя,
Чтоб передать потомкам отдаленным
Свидетельство победы надо мной!..
Иртыш! ты будь защитником моим!

(Входит на скалу над Иртышом.)

Прости, Россия! никогда уж боле
Не буду я сражаться за тебя!
О Ольга! ты, любимая до гроба,
Прости! Поутру весть к тебе придет
О смерти Ермака... и ты, быть может,
Прольешь о нем слезу...

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ, ПОСЛЕДНЕЕ

Ермак на скале. Остяки и после Мещеряк и Шаман.

Голос одного остяка

(из-за кулис)

Сюда, за мною!
Там на скалах я вижу казака.

Многие остяки выбегают из стана.

Ермак

Ужели вы забыли Ермака!

Все отступают.

Кто ступит шаг, того к шайтанам смерти
В подземный мрак пошлет моя рука.

Мещеряк

(выбегает и за ним Шаман)

Что ж медлите? Стремитесь на утесы!
За мной! Его сразит сей верный меч.

Ермак

(бросая в него копье)

А! Мещеряк! Возьми сей дар от друга!

Мещеряк

(упадая)

О, смерть! Друзья, отмстите за меня.

Один остяк

Мстить за изменника?

Мещеряк

И вот... награда.

Один остяк

(другому)

Убей его, чтоб он не тосковал.

Мещеряк

(умирая под их ударами)

О! ад и смерть!

Остяк

Но для чего ж мы медлим?
Ермак еще живет — к нему, к нему!

Шаман

(удерживая их знаком руки)

Ты видишь ли, свершилось предсказанье.
Ты, может быть, смеялся надо мной
И над угрозами Шамана;
Но я отмстил.

Ермак

Обет исполнен твой,
Но не стрелой из вашего колчана,
Не острием сибирского копья,
Шаман, теперь погибну я.

(Подходя к краю, к Иртышу)

Ты видишь, там река клубится...

Шаман

Иртыш седой — так зрел я в вещем сне —
Тебя венчал в бездонной глубине,
И сон таинственный свершится:
Где между скал шумит струя,
Венец Сибири бросил я.

Ермак

Всё кончено. Я в пристани покоя
И неподвластен ветреной судьбе.
Прости, земля и жизнь земная!
Прости навек, отчизна дорогая!
Примите Ермака, он призывает вас,
О волны Иртыша седые!
А вы услышьте мой прощальный глас!
Сибири боле нет: отныне здесь Россия!

(Бросается в Иртыш.)

1825—1826

103. ДИМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦ

Трагедия в пяти действиях

Je suis d'opinion que s'il se fut comporté plus modestement, sans se mesler des polonois, et qu'il eut espousé une dame du pays, et se fut accomodé à leur humeur, encore qu'il eut été pire qu'un moine moinant, si estce, que la couronne luy fut bien demeurée sur la teste. Mais je pense que le pape avec ses séminaires les jésuites ont été cause de sa ruine et subversion totale: car ces assassins des princes en ont voulu faire trop vistement un monarche, et se sont fourrés trop tost dedans les ruches à miel. C'est dommage qu'on ne leur a pas mieux razé la teste, mais ils s'estoient trop bien transformés en habit séculier; «car tels allans ne se preignent pas volontiers sans vert».

«La légende de la vie et de la mort de Démétrius, dernier grand-duc de Moscovie, traduite nouvellement l'an 1606» [1].

---

[1] Я думаю, что, если бы он вел себя более скромно, не якшаясь с поляками, женился бы на русской, приспосабливался бы к местным нравам, то, будь он хуже последнего монаха, корона осталась бы на его голове. Но, полагаю, виновником его полного ниспровержения и гибели был папа со своими учениками-иезуитами, потому что эти убийцы государей захотели слишком скоро сделать из него монарха и спешили забраться в медовые улья. Жаль, что им мало дали по шее, но они ловко переоделись в светское платье; «ибо алланы не любят, чтобы их захватили врасплох».

«Повесть о жизни и смерти Димитрия, последнего великого князя московского; вновь переведена в 1606 году» (франц.). — *Ред.*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Самозванец.
Марина, его невеста, а потом жена.
Роза Лесская, ее наперсница.
Царица Марфа.
Петр Федорович Басманов.
Князь Василий Иванович Шуйский.
Князь Михайла Скопин-Шуйский.
Князь Мстиславский.
Князь Иван Голицын.
Князь Андрей Куракин.
Михайла Глебович Салтыков.
Власьев.
Ляпунов.
Прокофий } сыновья Ляпунова.
Захарий }
Тургенев.
Антоний, слепой старик отшельник.
Григорий Валуев.
Иван Воейков.
Дьяк Осипов.
Микулин, стрелецкий голова.
Фирстенберг } начальники немецкой дружины.
Маржерет }
Князь Вишневецкий.
Ян Бучинский, секретарь царя.
Олесницкий, посол от короля Польского.
Рангони, папский посланник.
Патер Квицкий, иезуит.
Смага Чертенский, Корела, казаки.
Дворецкий Шуйского.
Ефим, слуга Ляпунова.
Шут.
Истопник придворный.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Сцена в Кремлевском дворце, поутру.
Два стрельца и старый слуга придворный.

Первый стрелец

Скажи-ка нам, что видел ты, Ипатий?

Слуга

Да, расскажи! Лентяи, не могли
Пойти глядеть на царскую забаву?

Второй стрелец

Мы на часах, куда же нам идти?

Слуга

Слышь, расскажи! Нашелся им рассказчик,
Старик, болтун! Небось мне дела нет,
Так сказки сказывай.

Молчат.

Что? Рассказать?

Стрельцы

Не нужно:
Часок пройдет, мы сменимся, тогда
Услышим всё.

Слуга
А от кого?

Первый стрелец
От Гришки.

Слуга
От близорукого? От пьяницы? Стыдись!
Ему ли знать? Ему ли видеть? Близко
Подпустят ли его к царю? Смотри!
Ему расскажет Гришка! Стыдно, братец!
На пьяницу ты свата променял.

Первый стрелец
Да сам же ты молчал.

Слуга
Молчал! Ну что же?
Ведь я устал; вздохнуть хотелось. Что?
Аль рассказать?

Второй стрелец
Да говори ж скорей.

Слуга
Ой молодежь! Скорее да скорей!
Аль гонятся?

Стрельцы отходят с досадою.

Ну, слушайте ж! Сначала
Косых сажали пары с две.

Первый стрелец
Небось
Чубарая опять повеселила?

Слуга
Вот то-то нет. Ее-таки с хвоста
Бучинского собака оскакала.

Первый стрелец
Бучинского?

Второй стрелец

Чтоб черт его побрал!
Всё лях да лях! У ляхов и собаки
Резвее наших.

(Ходит.)

Тошно: мочи нет!
У них всё лучше: и наряд, и кони,
И меч острей, и глаз светлей. Беда!
Житья уж нет от этих птиц залетных;
Ну, к черту их! Пора, пора!

Слуга

Скажи,
Что сделалось с Семеном?

Первый стрелец

Видишь, братец:
У молодца красоточку отбил
Усатый пан; от этого, знать, больно
На них сердит он. Впрочем, самому
Досадно мне, что ляхи победили.

Слуга

Послушай-ка: получше после будет!
Вот ляхи подняли веселый крик,
А мы со злости губы в кровь кусали.
Тут государь (храни его господь!)
Сказал боярам: «Знаю я наверно,
Что нет во всей Москве, ни у бояр,
Ни у дворян, такой собаки дивной,
Как у Бучинского».

Второй стрелец

Не может быть!
Не мог наш царь сказать такого слова,
Нас перед ляхами срамить!

Слуга

Не мог?
Мне каждое словечко слышно было,
Как пролито. И правду вам сказать,

Собака дивная: бела как снег,
Росла, статна, с натужиной, ногаста,
Глаза как звезды, из породы той,
Что за морем; совсем почти без шерсти.

Второй стрелец
(перебивая)

Да будь она красивей во сто раз,
Без шерсти вовсе, будь быстра, как птица,
Как сокол на лету, — я всё скажу,
Что здесь в Москве найду десяток целый
Резвей, статней, красивее ее.

Первый стрелец

Постой же, слушай!

Слуга

Дай сказать порядком.
Не вытерпел тогда наш добрый князь,
Наш свет Иванович, Василий Шуйский;
Отдал поклон царю и говорит,
Что худшая в его муругой своре
Заморского красавца осрамит.

Первый стрелец

Вот славно!

Второй стрелец

Здравье Шуйскому вовеки!

Первый стрелец

Вот истинный боярин, русский князь!

Второй стрелец

Ну, что же царь?

Слуга

Димитрий усмехнулся.
Собаку привели: огромный зверь,
Весь в псовинах, широкий и угрюмый,
Ну точный волк, а ноги как струна.
Русак лихой был посажен далёко
И в поле загорелся, как свеча.

Собак сдержали и пустили разом;
У нас сердца (ты верь или не верь)
Так бились, что смешно теперь подумать.

Второй стрелец

Что ж псовый наш? Рассказывай скорей!

Слуга

Да где заморский твой!

Второй стрелец

Отстал?

Слуга

Ну точно
Как будто бы дворная.

Второй стрелец

Исполать!
Да здравствует наш Шуйский! Что же ляхи?

Слуга

И голос притаили.

Второй стрелец

Что же царь?

Слуга

Хвалил собаку будто бы с досадой.

Первый стрелец

Вот то-то и беда: наш русский царь,
А как к полякам склонен!

Слуга

Много слез
От этих нехристей нам будет.

Второй стрелец

Слез?
Да не было бы крови!

Слуга

Тс!

Второй стрелец

Молчу,
Да знаю про себя.

Слуга

Потом был пущен
Тот старший брат, что беса изломал.
Ты понимаешь, что ль?

Первый стрелец

Медведь, известно.

Слуга

Из муромских лесов, космач, глухарь.
Ужасно было поглядеть. Охотник,
Известный удалец, старик Валуй,
С рогатиной к нему пошел навстречу,
Ударил в грудь: медведь взревел, и вмиг
Рогатины не стало, и охотник
Лежал уж смятый под медведем... Тут-то
Послушайте!.. Как вскочит царь, как схватит
Рогатину и меч!..

Первый стрелец

Кто? Государь?

Слуга

Да, государь. Мы обмерли, и крикнуть
Никто не мог. Очнулись — уж космач
Лежал в крови, с отсеченною лапой,
С разрубленною мордой, и над ним
Стоял наш царь, веселый и спокойный.
Князья сбежались, что-то говорили
Про царство, про опасность; он в ответ
Им показал охотника и молвил:
«Вы видите, что мой слуга спасен
От смерти мною. Это день счастливый».

Первый стрелец

Вот добрый царь!

Второй стрелец

Вот смелый молодец!

Слуга

И без царя зарезали б медведя.
А если б грех случился?.. Нет, по мне,
Не царское то дело.

Первый стрелец

Врешь, Ипатий;
Когда на зверя он идет один,
Чтоб русского спасти, то, верно, любит
Своих он подданных.

Второй стрелец

Один с мечом
На дикого медведя? Ну, Игнатьев,
Не залежимся мы в Москве; не так,
Как при царе Феодоре.

Слуга

Потише!
То царь святой был.

Первый стрелец

Свят, да не по нас.

Второй стрелец

Теперь, теперь мы в битвах запируем,
Перешагнем предел земли родной,
И с нами царь, и копья засверкают,
И задымится меч в крови чужой.
Порукой мне бесстрашная забава,
Что далеко промчится русских слава.
Да здравствует царь Дмитрий!

Слуга

Сохрани
Его господь!

Первый стрелец

От ляхов.

Второй стрелец

Да, от ляхов.
О, этот друг опаснее врага!

Стольник
(входит)

К местам! За мною царь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Самозванец. Басманов. Все уходят.

Димитрий
(садится с улыбкой)

Скажи, Басманов,
Что думал ты о подвиге моем?

Басманов

Твой верен меч и дух отважен: славно
Удар нанес ты, государь.

Димитрий

Не то!
Ты думал: царь забыл свой сан высокий,
Забыл народ, лукавый взор бояр
Из удальства пустого. Так ли?

Басманов

Думал.

Димитрий

Скажи всю мысль свою. Мы здесь одни.

Басманов

Послушай, государь. Я смело душу
Перед тобой раскрою. Больно мне,
Прискорбно всем твоим слугам надежным
Глядеть на то, как царь идет один
Сражаться — с кем? С бессмысленным животным!
С ним режется в борьбе на жизнь и смерть
И голову, надежду всей России,
Державную, кладет медведю в пасть.

Димитрий

Невелика опасность — смелым слава!

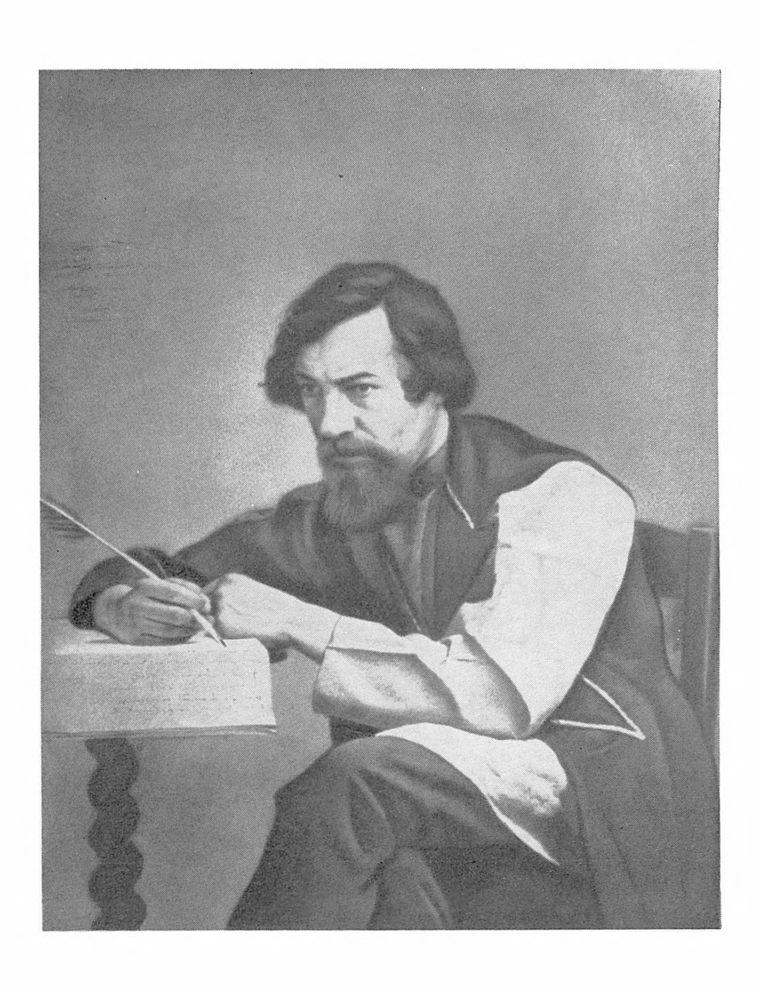
Басманов

Нет, эта честь не для тебя. Пусть ею
Гордится псарь, слуга чужих потех,
Хмельной стрелец, беспечный и хвастливый,
Иль юноша, не зревший бранных сеч,
Но алчущий кровавых приключений.
Им эта честь прилична, не тебе,
Правителю народов многих. Вспомни:
Слыхал ли ты, чтоб прежние цари,
Владыки мудрые...

Димитрий
(перебивая)

Постой, Басманов!
Их жизнь ты вспомни и мою: сравни!
Взлелеяны от самой колыбели
Родителей заботливой рукой,
Они росли средь пышности и неги;
Толпы бояр послушно стерегли
Все прихоти балованных младенцев
И отроков беспечные шаги:
Чтоб конь не вздрогнул под драгою ношей,
Чтоб резкий ветр в их лица не пахнул,
Чтоб мухи дерзко не жужжали
Вкруг почивальни золотой,
Где сны роскошные летали
Над полуцарской головой.
Смешно подумать! — Ах, не та наука
Досталась мне! Димитрий бедный рос
В изгнании, скитаясь по вертепам.
Дремучий лес, небес пустынных кров
Жилищем были мне, а нож защитой.
Там я ходил с медведями на бой,
Я их разил для жизни, для забавы,
Для утоленья чудного огня,
От юных лет томившего меня
Надеждами могущества и славы.
Мне весело то время вспоминать!

Рис. Э. А. Мамонова.



Тогда едва я видел, как в тумане,
Картины детства, пышный двор. Едва
Я помнил, будто сон несвязный, странный,
Что кровь царей течет во мне. . . Теперь
Всё снова ясно стало.

Басманов

(с усмешкой)

Провиденье
Тебя вело.

Димитрий

Благодарю судьбу!
Когда б она меня не научила
С младенчества отчаянным борьбам,
Свершил ли бы я подвиг свой тяжелый?
Медведя взять в берлоге снеговой,
Его тащить рукою безоружной —
Всё это шутка. . . Но восстать, как я,
Против царя Бориса — вздумать страшно! . .
О, этот Годунов был исполин!
Лукав, хитер, своей высокой славой
Он полнил мир, и я пошел на бой
Один, один, — лишь с именем забытым
Да с совестью Бориса. Я позвал
Могущего к ответу за злодейство
И за престол похищенный.

Басманов

Велик
И страшен подвиг твой.

Димитрий

Еще другие
Меня зовут. Благодарю судьбу!
Сыны дворцов, питомцы праздной неги,
Цари парчей и бархатов! Для вас
Был радостен ваш терем позлащенный;
Но для меня трубы призывный глас,
И верный меч, и конь, и стан военный,
И в вражеской земле кровавой битвы час. . .
В России тесно, друг Басманов, тесно!

Басманов

Созреет ли высокой думы плод?
Исполнятся ль твои предначертанья?
Прелестны двор, и роскошь, и Москва!

Димитрий

Ты за меня боишься их? Увидишь!
Я в праздности не падаю душой
И, прежних дней суровый опыт помня,
Еще люблю в потехах удалых
Обманывать живое нетерпенье,
Просящее опасностей других...
Но, впрочем, ты, Басманов, прав. Я знаю,
Что много глаз коварных вкруг меня.
Притворствуют мои бояре. Трусы
Отважности смеются.

Басманов

А народ?

Димитрий

Народ отвагу любит.

Басманов

Царь Димитрий!
Не в польской ты стране, где пан-король
Начальник панов, равный им. Россия
Возводит взор к увенчанной главе,
Как к дивному творца изображенью,
К избранному любимцу горних сил.
Вокруг него и свет, и страх глубокий,
И таинства невидимый покров.
Не часто, не без блеска, не в одежде,
Едва приличной дворянину, любит
Народ глядеть на русского царя.

Димитрий

Какой монарх с таким великолепьем
Средь подданных являлся? Вкруг себя
Кто собирал столь пышный двор?

Басманов

Тогда ли,
Когда один по улицам Москвы
В наряде польском ходишь ты и нищий
Едва царю кивает головой?
Иль в торжествах, при бубнах и литаврах,
Когда к тебе теснится гордый венгр
И наглый лях, как стая птиц зловещих,
Бесчинные, противные глазам?

Димитрий
(с улыбкой)

Я знал, что ты про ляхов не забудешь.

Басманов

Забыть про них! О, как бы я желал
Не видеть их, не помнить! О, скорее
От наших глаз в их родину гони
Весь этот полк пришельцев ненасытных,
Нахлынувших на русскую страну.
Нам душно, царь, нам тесно, сердцу больно!

Димитрий

Они отважно, верно служат мне,
А русские колеблются, и шатки
Их помыслы. Скажи, Басманов, сам:
Забыты ли все сказки Годунова?
Забыты ль все сомненья обо мне?

Басманов

Досель молчат, но тайно ходит ропот,
И многие не верят чудесам.

Димитрий

Не верят чудесам? А ты?

Басманов

Димитрий,
Мою любовь ты знаешь; для чего ж
Ее пытать вопросом бесполезным?

Димитрий

Но тайные сомненья!..

Басманов

Не страшись:
Еще любовь к тебе не остывает,
Еще тверда присяга. Но Москва
Скорбит, глядя в молчании суровом
На дерзкую надменность поляков.
О, отгони их! В час грозы народной
Бессильные престола не спасут.
К чему ж они? Брось слабую защиту,
Противную всем подданным твоим.
Стряхни с порфиры прах чужого края!
На славу предков смело опершись,
Стань средь бояр, средь верного народа
С могуществом всей русской стороны,
Иноплеменных ужас, бич строптивых,
И милостив, и кроток, и правдив.

Димитрий

О, ты не знаешь, Петр, какие узы
Незримые опутали меня.
Но я теперь расторгну их. Рангони
И Квицкий явятся ко мне. Внимай,
Как будут сладки их слова, как хитры,
Как будет тверд Димитрия ответ!
Опасны этих ксендзов речи: льются,
Как мед, а цепью вьются вкруг души.
Но цепь расторгну и свободной грудью
В объятия России брошусь я.

Боярин
(входит)

Великий государь! Тобой призванный,
Идет посол от римского двора.

Димитрий

Введи сюда.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входят Рангони и патер Квицкий.

Рангони

Да здравствует Димитрий,
России царь великий!

Патер Квицкий

Да пошлет
Тебе господь свое благословенье!

Димитрий

Благодарю. Рангони, патер Квицкий!
Уже давно желали вы предстать
Перед меня и тайно весть беседу
О будущих намереньях моих;
Но дни мои доселе были полны
Заботы тяжкой, и ближайший труд
Не оставлял часов далеким думам.
Теперь могу внимать вам.

Рангони

Государь!
С тех самых пор, как ты подъял знамена,
Как крылия могущего орла,
Свидетель мир, твоею славой полный,
Что жизнь твоя не в праздности текла,
Что много дел мечом на ратном поле
И мудростью в совете ты свершил.
Твоей стране завидуют чужие;
Но радостью сияет древний Рим,
И, веселясь отрадою духовной,
Петрова стада пастырь, верных вождь,
Апостольской благословляет дланью
Тебя, младой, любимый церкви сын.

Патер Квицкий

Прославилась всевышнего десница.
Святой отец и мы, небесных сил
Смиренные служители, недаром
Всечасною и теплою мольбой
И благодать, и силу призывали,
И торжество оружью твоему.

Димитрий

Да, правда победила!

Рангони

Дел твоих
Заря горит надеждами и славой.
Но скоро ль день настанет?

Патер Квицкий

Ты досель
Благословен. Очистилася нива,
И на меже стоит готовый плуг.
Восстань, восстань, оратай неусыпный!
Начни с утра творцу угодный труд:
Открой бразды глубокие, да взыдет
Благая жатва в русской стороне.

Рангони

В Италию я возвращуся снова,
Перед лицо преемника Петра.
Сказать ли мне, что царь России юный
В обетах тверд и праведен в делах?
Сказать ли мне, что ревностной рукою
Над Русию светильник он зажжет
Спасительной, покорной Риму веры?

Димитрий

Рангони! Бог дает успех. Но я
Не позабыл священных обещаний.

Патер Квицкий

Какой залог намерений своих
Димитрий даст?

Димитрий

Сомнение обидно!
Каких залогов просит ксендз?

Патер Квицкий

Тяжел
Лишь первый шаг. О, поспеши скорей
Его ступить! Залогом будет он,
Порукою твоей державной воли.

Димитрий

Чего ты просишь? Говори!

Патер Квицкий

Того,
Чтобы слугам единой веры чистой
Дозволил ты везде в своих землях
И церкви строить, и звучащей медью
Всех христиан к служенью собирать,
И дивные всевышнего щедроты
Торжественной молитвой призывать,
Чтобы в Кремле...

Басманов

(перебивая)

В Кремле!

Димитрий

Твоих желаний
Я не могу исполнить. Вспыхнет бунт,
И рушится недавнее созданье.
Я обещанья помню; но, поверь,
Теперь исполнить их не в силах. После,
Быть может, скоро...

Патер Квицкий

О, не отлагай,
Не отлагай благого дела. *После* —
Обманщик злой, деяний славных враг
И праздности и лени друг. О, вспомни,
Как дорог час, как время коротко!
Оратай ждет, оратай спит, а поле
Уж тернием упорным поросло.

Димитрий

Безумен тот, кто с нетерпеньем жадным
Драгих плодов бросает семена,
Когда поля покрыты льдом весенним.
Народ упрям.

Рангони

Московский держит царь
Сердца людей в своей могучей воле.

Д и м и т р и й

Рангони! Русский любит горячо
Семью, отчизну и царя; но боле,
Но пламенней, сильнее любит он
Залог другой и лучшей жизни — веру.

Р а н г о н и

Борьба трудна — награда велика.

Д и м и т р и й

Престол мой нов, зыбка моя держава;
И мне ль теперь с поверьем вековым
В неравный бой вступать неосторожно?
О, дайте срок, с моею доброй Русью
Сроднюся и трудами и добром.
Чтоб хитрые рассказы Годунова
Забыл народ, чтоб твердо верил он
Чудесному спасению младенца,
Тогда...

Р а н г о н и

Но скоро ль?

Д и м и т р и й

Этот меч не чист:
Опрыскан он моих же русских кровью,
Соотчичей, детей. О, дайте срок!
И я тебя, мой добрый меч, омою
В крови чужой, в крови соседей злых,
И пламенную грудь я освежу борьбою
За нашу Русь, за край отцов моих.
И ропот тайного сомненья,
И злобой хитрою в сердцах разлитый яд —
Всё унесет порывный вихрь сраженья,
Победны крики заглушат;
И стану, с силою свободной,
Законный царь и царь любви народной. —
Рангони, не сердись, отец святой,
Не воздыхай так тяжко. Первым делом
Обрадую весь христианский мир
Войною с турками.

Рангони

Святое дело
И славный подвиг пред лицем творца!

Патер Квицкий

Но во сто крат еще благословенней
Тогда б он был, когда бы царь сперва
Рассеял мрак восточного ученья.

Димитрий

Всему чреда.

Патер Квицкий

Тогда бы за тобой
Не Русь одна, но всей Европы сила
Помчалася, как пламенный поток.
Помазанный в вожди христовой рати
Святителя всемирного рукой...

Димитрий
(перебивая)

Остановись! От имени ль владыки
Ты обещаешь мне?

Рангони

Я в том клянусь.

Димитрий

Какой мне путь открыт! Какая слава,
Какая цепь блистательных побед!
При радостных рукоплесканьях мира
Пойду к боям за божий крест святой
И силу адского кумира
Попру могущею пятой.
Пойду к боям! Народы вслед за мною
Стремятся как разлив бушующих морей;
И Русь моя других держав главою,
И русский царь главой других царей!
Передо мной во прах падут препоны,
И враг бежит, как утренняя тень...
О южный ветр, развей мои знамены!
Восстань скорей, желанной битвы день! —

Да! Риму покорюсь. Опасно, трудно;
Но велика награда.

Басманов

Наперед
Ты подданным скажи, что их молитвы
Доселе грешны были, вера их
Противна богу, их младые дети
Не крещены, и предки не отпеты,
Угодников нетленные тела,
Источники чудес и исцелений —
Остатки злых еретиков.

Димитрий

Постой,
Мой строгий друг: в порыве дум отважных
Я невозможного желал.

Патер Квицкий

О царь!
Для смелых душ и для могучей воли
Возможно всё. Где злато и булат,
И мудрый ум, и твердая десница —
Там чудные свершаются дела:
Сокровища сзывают иноземцев,
И воинов, и хитрых воевод,
Булат казнит ослушников, и цепи
Ведут к добру бессмысленный народ.

Димитрий

Мой хитрый ксендз, твою я понял душу!
О! «будьте яко змии» — глубоко
Начертано в уставе иезуитов,
И твердо, Квицкий, помнишь ты его.
Но ты ошибся, ксендз! Уроки ваши
От юности Димитрия вели;
И многому его вы научили,
И много тайн открыли перед ним.
Но русский я, но в этих льется жилах
Не западная кровь; но русский край
Мне всех земель сто раз дороже, краше,
Мне ближе всех мой доблестный народ.

И чтобы я рукою иноземцев
Его, как зверя дикого, сковал,
Грозой цепей, грозой мечей наемных
Его главу пред Римом преклонял!
Тому не быть. — Бояре ждут; Басманов,
Введи сюда.

Басманов
(в дверях)

Вас государь зовет.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Входят бояре и поляки.

Димитрий

Здоровы ли, бояре и дворяне,
Жильцы и вся Московская земля?

Князь Шуйский

Российский край цветет твоей державой
И за тебя, великий государь,
Всечасные молитвы воссылает.

Димитрий

Благодарю. Я радуюсь душой
Спокойствию и тишине глубокой
Всех подданных и верных слуг моих.
Да никогда на царстве православном
Не взыдет тень лукавства и крамол,
Да будет царь всемощен вашей силой,
Без помощи сомнительных друзей! —
Князья Мстиславский, Шуйский, Лыков, с вами
Мы ныне дело важное решим
О просьбе слуг церковных. Патриарха
Я пригласил, чтоб свет его ума
Нам указал путь истины и правды.

Князь Мстиславский

Ты, государь, — светильник думы всей:
Тобою мы озарены.

Димитрий

Сутупов

И Власьев! Завтра рано поутру
Явитеся: пора уже назначить,
Кому из вас отправиться в Литву
За юною, прелестною невестой,
С которою престол свой разделю.

Стрельцы в углу.

Второй стрелец

С полячкой, слышишь?

Первый стрелец

Тише! Ты вздурился.

Димитрий

А! Князь Скопин, великий мечник мой!
Здоров ли ты? Не радостен литовцам
Твой род отважный. Псков и твой отец
Великого Стефана сокрушили.
Мой юный князь, не забывай отца.

Князь Скопин-Шуйский

Великий царь! Когда его уроки
Забуду я, не дай мне жизни бог!

Димитрий

Боярин Петр! По взгляду виден сокол,
Люблю его! — Хрущов и князь Рубец!
От вас был первый мне привет в России;
Всегда вам рад Димитрий. В грудь мою
Незлобную вложил всевышний душу:
Обида в ней, как след весла в воде;
Глядишь, и нет! А каждая услуга
Врезается как в меди вековой. —
Что, Пушкин! Ожил ли мой белый сокол?

Пушкин

Уже здоров и скоро, государь,
Повеселит тебя своим полетом.

Димитрий

Благодарю, Микулин! Все стрельцы
Покорны, чинны и охотны к службе,
Их твердый строй мне душу веселит,
Тебе и им двойной оклад назначен.

Микулин

О государь! Делами заслужить
Позволь твои безмерные щедроты.

Димитрий

На ратном поле? Скоро! — Ляпунов!
Твои рязанцы буйны. Кто с тобою?

Ляпунов

Мои сыны, великий государь,
Прибывшие в Москву для службы царской,
Прокофий и Захарий.

Димитрий

Молодцы!
Но, Ляпунов, уйми своих рязанцев,
Иль я уйму. — А! Яков Маржерет
И Вандеман здесь, среди русских. Славно
Служили вы Борису. Для меня
Не надобно хранителей наемных:
Защитой мне любовь, а не булат.
Но помню вас. Веселый Маржерет!
В поход со мной пойдет твоя дружина,
И эта сталь к ножнам не прирастет.

Маржерет

Мой сабли, сир, всегда к твоим услюгам.

Стрелец

(в углу)

Вишь хрюкает французская свинья.

Димитрий

Корела, Смага, храбрые донцы,
Сподвижники надежные во брани!
Вам нравится ль престольная Москва?

Иль буйные головушки тоскуют
По родине и по донским степям?

Корела

Здесь хорошо, и там не дурно, сыты
Мы милостью твоею, государь.

Смага

Светлейший царь! Всего в Москве довольно,
И славная хлеб-соль для молодцов.
Но...

Димитрий

Что ж еще? Досказывай смелее.

Смага

Здесь, кроме рта, весь плеснью зарастешь.

Димитрий

Ты говоришь по мне.

Басманов

Вчера, я слышал,
Он песню пел, и был ее припев:
«Поле да бой
Для ватаги лихой
Лучше дворцов и Москвы золотой».

Димитрий

Ты, Смага, прав. — А это кто, Басманов?
Какой-то нищий. Кто ты?

Дьяк Осипов

(на коленях)

Государь,
Услышь мое прошенье! Власть закона
И милости теперь в твоей руке,
Услышь меня!

Димитрий

Твоей я просьбе внемлю.
Весы и меч вверяет бог царям,
Да никогда ни злато, ни крамола,

Ни хитрый ум, ни сильная рука
Над правдою в судах не торжествуют.
О чем ты просишь, старец?

Дьяк Осипов

Об одном:
Будь справедлив!

Димитрий

Твои безумны речи:
Как праведно сужу своих людей,
Так бог меня да судит в день последний.

(К боярам)

А вы, бояре думные, сюда!

Дьяк Осипов

(вставая)

Внимай же мне, Григорий, беглый инок!
Оставь престол и кайся! Не твое
Наследие потомков Мономаха.
Венец златой и бармы не твои.
Оставь престол! Тобою совершились
Чудесные всевышнего судьбы,
Свершилась казнь над родом Годунова,
Святоубийцы. Но оставь престол
И грешный дух очисти покаяньем,
Григорий, беглый инок!

Димитрий

(отбегая)

Захватить!
Связать, пытать! А! .. он безумный... только.

Басманов

Подалее, бояре, от царя.

Все уходят в глубь театра.

Димитрий

(громко)

Безумец!

(Тихо)

А! что скажешь ты, Басманов?

Борис воскрес! Вновь началась борьба!
И это первый шум грядущей бури.

Басманов

Спокойся, царь!

Димитрий

Мне больно! Я хотел
В объятья к ним отдаться; но безумно
Они меня отвергли. Как хотят,
Так будет им! Кровавые опалы,
Злой Иоанн, коварный Годунов,
Постыдное насилье иноземцев,
Всё им отдастся.

Басманов

О, остановись!
Еще слова звучат без отголоска,
И царь любим.

Димитрий

Ты их не знаешь, Петр.
Народ не тверд, лукавствуют бояре...
Взгляни на них. Они молчат. Глаза
Потупили, чтоб взор неосторожный
Не обличил их тайных, злобных дум,
Чтоб радости в их лицах не видал я.
Но... знаю их.

Басманов

Обманчив первый шаг.
Подумай, царь!

Димитрий

Нет! Квицкого уроки
Мне памятны. В начале заговор
Я задушу; наемными руками
Я укреплю над буйными главами
Ярма тяжелого позор.

Басманов

Не торопись, не раздражай России.

Димитрий

Оставь меня, не трать напрасных слов.

Басманов

Кто не спешит — не кается.

Димитрий

Пустое!
Не слушаю... Сутупов, допроси
Преступника, скажи ему... Не нужно:
Сам допрошу. Какого званья ты?

Дьяк Осипов

Я Осипов, в крещеньи Тимофей,
Приказный дьяк.

Димитрий

Скажи, бесстыдный лжец,
Ты знал ли то, что жизнию заплатишь
За клевету и дерзостную речь?

Дьяк Осипов

Я знал и не боялся.

Димитрий

Отведите
Его на казнь; чтоб долго он страдал,
Чтоб памятью его жестокой смерти
Безумная смирилася вражда.

Дьяк Осипов

О, обратись к творцу! Молитвой теплой
Проси его, да твой простится грех!

Басманов

Ведите!

Димитрий

Стой! Я выдумаю муки
Ужаснее всех казней прежних дней.
Но назови наставников: прощенье,
И милости, и царские дары
Я дам тебе.

Дьяк Осипов

Их было двое.

Димитрий

Двое!
Их имена?

Дьяк Осипов

Наставник первый — бог,
Которого Григорий забывает.
Другой... он здесь, он входит в твой чертог,
Он шепчет всем твоих обманов повесть.

Димитрий

Он здесь! О, назови, и я тебя
Помилую, простить клянуся.

Дьяк Осипов

Совесть.

Димитрий

Сообщник кто?

Дьяк Осипов

Они не нужны мне.

Димитрий

И ты один пришел, обманщик дерзкий,
В моем дворце, средь верных слуг моих,
На голову свою призвать погибель?
Не верю я.

Дьяк Осипов

О, недоведом путь,
Которым бог ведет свои творенья!
И, правимый невидимой рукой,
Ты — божий меч, каратель преступленья,
Лежащего над русскою страной.
Не посрами его могущей длани;
Опомнися, Григорий, скинь венец!
Святоубийцы нет, умолкли брани,
Земля чиста, трудам твоим конец.

О, за тебя как долго я молился,
Чтоб, лживый царь, ты божьей воле внял!..
И трапезой небесной укрепился,
И пред тобой как совесть я предстал!

Димитрий

И только?

Дьяк Осипов

Нет; я думал, что бояре...

Димитрий

(к Басманову)

Ты слышишь ли? Я это знал.

Дьяк Осипов

Но нет;
Они молчат, они дрожат. За злато
Святую Русь и душу продают.

Димитрий

Бесстыдный лжец! Ты видишь, здесь
Мстиславский!
Спроси его; вот крест его отца.
Князь Шуйский здесь: спроси его, он видел,
Что в Угличе убийцами сражен
Не царский сын, наследник Иоанна...

(К Шуйскому)

Ты помнишь, князь?

Князь Шуйский

Я... помню.

Димитрий

Слышишь сам.
Возьми его, Микулин, и скорее
Вели казнить.

Осипова уводят.

А ты, боярин Петр,
Сбери опять дружину Маржерета,
Чтобы стрельцов на страже заменить.

Второй стрелец

Игнатьев! Слышь? Нас гонят!

Димитрий

Верным немцам-
Католикам даю в своем Кремле
Священника, и церковь, и служенье.

Басманов

О государь!

Димитрий

Исполнить!

(Подходя к поляку)

Здравствуй, пан,
И вы, мои товарищи! Сегодня
Я вас зову на царскую хлеб-соль.
А вы, бояре думные, за мною!

(Уходит.)

Князь Шуйский

(Басманову)

Боярин Петр, прошу тебя, скажи
Державному царю, что я . . . внезапно. . .
Так болен. . . видишь сам.

Басманов

Исполню, князь.

(Уходит.)

В толпе шепот.

Первый

Смотрите: князь Василий. . .

Второй

Как он бледен!
Как он ослаб!

Третий

Встревожил дерзкий дьяк.

Первый

От страха я и сам себя не помнил.

Четвертый

А поляков к обеду звал!

Князь Скопин-Шуйский

В Кремле,
В святом Кремле латинская обедня!

(К Шуйскому)

Ты болен, дядя?

Князь Шуйский

Возвратись домой.
Я скоро буду сам.

Все уходят, кроме князя Шуйского и Прокофья Ляпунова.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Князь Шуйский

Ты здесь, Прокофий?

Прокофий Ляпунов

Князь Шуйский! Что с тобой?

Князь Шуйский

Мне тяжело;
Я нездоров.

Прокофий Ляпунов

О, этот дьяк безумный!

Князь Шуйский

Безумный? Почему же?

Прокофий Ляпунов

Наглый лжец
И клеветник!

Князь Шуйский

Ты разве правду знаешь?

Прокофий Ляпунов

Не мне, но многим ведома она.
Я старшим верю.

Князь Шуйский

Он теперь казнен.
Мне жаль его.

Прокофий Ляпунов

Ты слишком добродушен.
Приказному ли дьяку отдана
Отечества судьбина? За Россию
Ему ли дать ответ? И он пришел
В собрание бояр, дворян, народа
Оклеветать законного царя!
О, смерть одна преступнику такому
Мала.

Князь Шуйский

И он как мученик умрет.

Прокофий Ляпунов

Нет: не царя он обличал в обмане,
Не на его главу проклятье звал;
Но всех бояр безмолвных и покорных
Он уличал в бездушии. Смешно!
Поверят ли, что Рюрика потомки
Пред самозванцем, вором, беглецом
Смиренные колена преклоняют,
Забывши долг, и сан, и кровь отцов?

Князь Шуйский

Ты думаешь?..

Прокофий Ляпунов

В моей Рязани дальной
Мне говорил духовный мой отец:
«Идешь в Москву, Прокофий. Там крамола,
Там клевета; не верь им, взор впери
В высокий род Владимира святого.
Князь Шуйский там; он Руси не продаст,
Он не продаст Москвы с ее святыней;

На мудрую и гордую главу
Не призовет анафемы церковной».
Так говорил святой отец, — и я
Ему клялся, что князь Василий будет
Моим вождем в предбудущем пути,
В пути трудов за родину и правду.

Князь Шуйский

(задумчиво)

Анафемы церковной на себя
Не призовет!..

Прокофий Ляпунов

Но Шуйский сам свидетель
Димитрию, законному царю.

Князь Шуйский

Он не продаст Москвы с ее святыней!..
Как ты хорош, престольный град царей,
Богатств, и сил, и благодати полный!
Как светятся главы твоих церквей,
Как движутся народа шумны волны!
И этот славный Кремль!..

Прокофий Ляпунов

Теперь в Кремле
Услышится латинская обедня
Среди гробов угодников святых.

Князь Шуйский

О боже мой!

Прокофий Ляпунов

Пусть он творит, что хочет,
Наш юный царь. Князей великих сын
И суздальских владетелей потомок,
Один в Руси венца достойный князь,
Глава бояр, народа вождь любимый,
Сказал нам всем, что то законный царь.

Князь Шуйский

Пойдем, пойдем: я обличу бродягу,
Анафемы на душу не возьму!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Стрельцы.

Второй стрелец

Как бедный болен!

Первый стрелец

Как переменился!
Едва бредет.

Второй стрелец

Ошеломило, брат.
Подумай сам: святыне поруганье!

Первый стрелец

Да наше ль это дело?

Второй стрелец

А стрельцов
С двора долой!

Первый стрелец

Да, признаюся, больно.

Второй стрелец

Или его не можем охранить?
Иль эта грудь и эти руки слабы?
Иль чужды нам пищали и бердыш? . .
Не верит нам, — добро! Узнает немцев,
Изведает он верность поляков.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Входит Шут (обвешанный листьями).

Первый стрелец

Идут сюда.

Второй стрелец

А, это князь потешный.
Царя забавник, сиречь шут.

Шут

Молчи!
Достанется проклятым. Слушай песню!

(Поет)

Ой вы, буйные головушки.
Ой вы, головы стрелецкие,
Руки, руки богатырские,
Сила, слава всей Руси святой!

Первый стрелец

Ну, песня славная. Что ж дальше?

Шут

Что?

(Поет)

А послушайте, детинушки:
А из тех ли из голов
Для немецких сапогов
Делают ступенюшки. —
Вы под крыльцом, а немцы на крыльце.

Второй стрелец

Молчи, безумный: без тебя досадно.

Шут

Эх, немцам ловко будет свысока
Вас за уши хватать!

Первый стрелец

Нарядный змей!

Шут

Что, весело?

Второй стрелец

Молчи, вот я тебя!

Шут убегает и встречает Басманова.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Басманов

Что это здесь? Шута кто обижает?
Я проучу!

Шут

Ну, Петр, благодарю.

Басманов

Да для чего ты листьями обвешан?

Шут

(Поет)

Листья мы с тобою, Петр:
Унесет нас буйный ветр,
Буйный ветр, что тихо дышит,
Будто травки не колышет;
А послушаешь — трава
Шепчет чудные слова.

Басманов

Ты бредишь, князь потешный; поешь одну песню за другую.

Шут

Э, э! Догадался: то-то и трава шепчет. А знаешь, кто это всё траве надувает? Ветер. А откуда будет ветер? Не знаешь, потому что ты человек темный. Ветер будет из Суздаля.

Басманов

Из Суздаля? Князь Шуйский! Понимаю.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Шут и Ян Бучинский.

Бучинский

Откуда ты, потешный князь?

Шут

Из допросной палаты, из боярского собора.

Бучинский

Повинился ли Шуйский?

Шут

Нет, брат: этого и не жди. Такой, право, смех! Наши праведные бояре старого грешника и усовещевают и уламывают, а он всё свое твердит.

Бучинский

Чудное упрямство!

Шут

Вот тебе выбор: скажешь правду, побьют; промолчишь, побьют; солжешь, побьют. Что выберешь?

Бучинский

Скажу правду.

Шут

Ну сам рассуди. Если ты, бусурманин, даром не солжешь, то мы, люди крещеные, и подавно без прибыли души своей губить не станем. Ведь у нас душа-то не ваша, а христианская.

Бучинский

Ты не совсем дурак, я вижу.

Шут

А сколько, брат, дураков в Москве?

Бучинский

Тысяч сто, я думаю.

Шут

Столько было до твоего приезда, а теперь одним прибыло. Прощай!

Шут уходит.

Бучинский

Как дерзок он! Но мне смешно сердиться.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит Димитрий.

Димитрий

Бучинский, что? Преступник осужден?

Бучинский

Нет, государь: идет допрос последний.

Димитрий

Назвал ли он сообщников?

Бучинский

Молчит.

Допросы все и пытки бесполезны.

Димитрий

Достаточно пытали. Сей же час
Судьям вели произнести решенье

И принеси готовый приговор.
Мне скучно ждать.

Бучинский уходит.

А! Князь Василий Шуйский,
С Димитрием тягаться ты хотел!
Бориса раб, поклонник Иоанна,
Дрожащий лист, придворной грязи червь,
Ты вдруг змеей задумал обратиться
И голову поднять и зашипеть?
Иль мыслил ты, что тот, кто сильной волей
И дерзкою рукой схватил престол,
Уже ослаб, покояся в порфире,
И под венцом беспечно задремал?
Иль совестью терзаемый. . . Пустое!
Под старость в нем проснулася она,
А в прежни дни услужливо молчала
И отрока окровавленный труп
Обманами и ложью прикрывала.
И как хитро, как осторожно в нем
Раскаянье теперь заговорило!
Он не восстал, чтоб смело обличить
Отрепьева: нет, это было страшно!
Нет, памятны ему мой добрый меч,
И злой налет, и пыл отваги бурный;
Но тайною подземною войной
Он вел подкоп. . . То инок, то Тургенев,
То мещанин. И после верь льстецу!
Как ласков он, как униженно ходит,
Как под рукой могущею ползет,
Как стелется и тихо песнь заводит
И гнет кольцом свой бархатный хребет;
А когти уж готовы! — Друг Басманов,
Ты спас меня. Теперь, мой старый князь,
Расчет с тобой мы кончим, и безумцам
Другим я дам торжественный урок,
Такой урок, что в гробе захохочет
Царь Иоанн, покойный мой отец.
Мне скучно ждать.

Входит Бучинский.

Ты здесь опять, Бучинский?
Что, кончено?

Бучинский

Подписан приговор.

Димитрий

Подай сюда...

(Читает)

«За дерзкую крамолу,
За клевету... За козни на царя...
Законного, помазанного богом...
Решением всех выборных людей
От княжества московского... Василий
Иванович, князь Шуйский, осужден
На смерть, в пример другим и в наказанье...»
Вот подписи бояр, людей духовных,
Дворян, купцов. — Не спорили?

Бучинский

Никто.

Димитрий

Что ж Шуйский?

Бучинский

Тверд. Ослаб от тяжкой пытки,
Но духом бодр и смело говорил.

Димитрий

Что говорил?

Бучинский

Перед лицом собора
Он клеветал, он умолял бояр
Не изменять отечеству святому;
Просил дворян, духовных и купцов
Не предавать души своей обману.

Димитрий

И что ж они?

Бучинский

Иные из дворян,
Церковники, в молчании суровом

Внимали речь; бояре и купцы
Завóпили и заглушили голос.

Димитрий

Старик упрям. Я этого не ждал.
Поди, я подпишу.

Бучинский уходит.

Зачем же медлю?
Я подпишу... перо мое дрожит.
Как будто бы бездушному известно,
Что кровь оно невинного прольет!
В глазах темно! — А, этот чудный старец!
До сей поры и правдой, и душой —
Всем жертвовал перед кумиром власти,
И вдруг восстал и умирать готов,
И в первый раз как будто вспомнил совесть,
Высокий род и доблести отцов.
Простить? Нельзя. Казнить его? Мне больно!
Твоей души, жестокий Иоанн,
Мне не дал бог. Рука дрожит невольно,
Душа скорбит... О, как тяжел обман!
Но для чего ж судьбе не покорился,
К чему на бой, безумец, он восстал?
Или, слепой, уставов провиденья
И божией он воли не узнал?
Да, я не сын царей! Но предо мною
Кто путь открыл, исполненный чудес,
Меня подъял, как бурною волною,
И на престол из праха вдруг вознес?
Кто вел меня под тьмою неприступной,
Туманами покрыл народов взор
И Годунова род преступный
Моей рукой с лица земного стер?..

(Задумчиво)

Но если путь уже свершен и если
Досель меня ведущая рука
Сама теперь завесу раздирает?
Бороться с ней? Не лучше ль уступить,
Стать пред лицом народов удивленных
И божий суд бесстрашно возвестить?..

Но кто ж читал в грядущем? Кто изведал
Моей судьбы таинственный завет?
Паду ль в борьбе? Иль небо испытует
Всю глубину моих державных сил?..
Борьба с судьбой, невинных казнь! Мне гнусен
Их кровию опрысканный престол!..
Но царство, власть!.. Но стыд, когда личину
С меня сорвут насильственной рукой!..
Но снова быть во прахе! Но Россия,
Прекрасная, великая, отдаст
Свои бразды деснице недостойной.
Подумать тяжело! И обо мне...
(О, люди глупы! Блеск, и власть, и сила —
Вот их чему судьба поработила:
Они души не знают, не ценят.)
Да, обо мне, быть может, скажут: «Мальчик,
Бродяга смелый, счастливый, пустой,
Венец схватил и после испугался!»
Да, скажут: «испугался». Никогда!
Отдам престол, но разве с жизнью. Что же!
Кому обман мой вреден? Чей венец?
В борьбе со мной падет князь Шуйский. Жалко!
Но кровь всегда лилася... Искони,
От первого творения земного,
От Авеля до наших грешных дней.

(Подписывает.)

Рука опять тверда. Сюда, Бучинский!

Входит Бучинский.

Басманов где?

Бучинский

Он здесь.

Димитрий

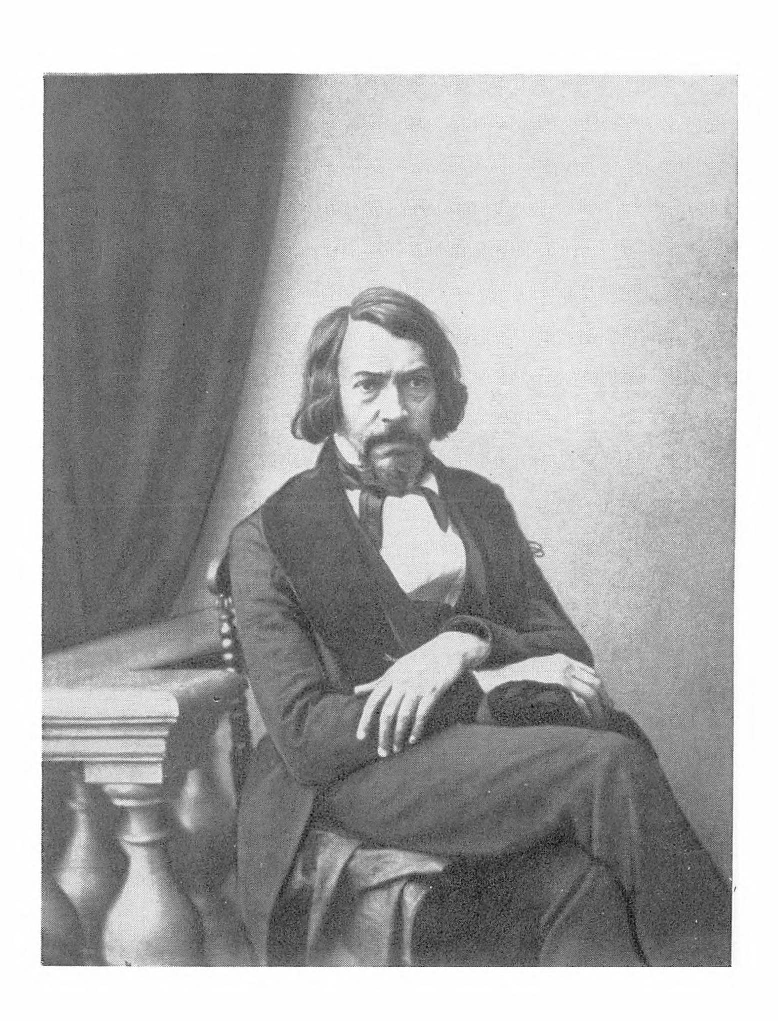
Зови его!

Входит Басманов.

Вот приговор. Вели его исполнить.

Басманов

На смерть?



Димитрий

Я жду, что много будет слез
И частые, докучные прошенья,
Чтоб Шуйского простил я.

Басманов

Не внимай!
Мне жалок князь. Он милостив, и ласков,
И добр ко всем; но смерть его нужна,
И для тебя один важнее Шуйский,
Чем целый город нищих и мещан.

Димитрий

Я буду тверд. Тургенев, Федор Конев
Уже давно, как он, уличены.
И их казнить сегодня же!

Басманов

Исполню.

(Уходит.)

Бучинский

Ты знаешь, царь, как я тебе служил,
Как верен был в успехах и несчастьи.
Позволь просить о милости одной.

Димитрий

Твои заслуги помню, пан Бучинский.

Бучинский

Перемени свой строгий приговор.

Димитрий

Нельзя.

Бучинский

Ему судьба его известна.
И смерти страх велик. Прости его,
И никогда уж боле не восстанет,
И никогда уж дерзкой клеветой
На новый гнев тебя он не подвигнет.

Димитрий

Лишь мертвые уста не говорят:
Им верю я; живые не надежны. . .
Не ждет ли кто, Бучинский, посмотри!

Бучинский

Здесь многие: боярин князь Мстиславский,
Вельможный пан князь Вишневецкий.

Димитрий

Всех
Введи сюда.

Входят многие.

Князь Вишневецкий! Скучно
Мы эти дни в заботах провели:
Волнения, и козни темной злобы,
И строгий суд смутили наш покой.

Вишневецкий

Светлейший царь! Тяжел твой долг державный,
Но рушились все замыслы врагов.

Димитрий

За правду бог. Мстиславский! Я доволен
Преданностью твоей и всех бояр.

Князь Мстиславский

О государь! С законами согласно
Произнесли мы строгий приговор.

Димитрий

И он исполнен будет.

Князь Мстиславский

Но внемли
Молению твоих рабов усердных.
Не накажи немилостью своей
За дерзку речь моей главы покорной.

Димитрий

Как наказать? За что?

Князь Мстиславский

Мы дали суд
По совести и правде беспристрастно,
И велика преступника вина.
Но обрати на милость дух высокий,
О государь! Заслуги многих лет
Не позабудь, казня вину едину;
Не позабудь, как верно Шуйский князь
Всегда служил и в битвах и в совете
Родителю и брату твоему,
Незлобному царю.

Шут

И Годуновым.

Димитрий

И вправду, князь, ты их забыл.

Князь Мстиславский

Мы все
Служили им. Избрала их Россия,
Не ведая, что жив законный царь.
О государь! Ты милостив и кроток,
И как отец ты благ к своим рабам:
Виновного избавь от смертной казни
И ссылкою единой накажи.

Шут

Подалее, где холод и морозы!
Его язык ко рту прилипнет.

Димитрий

Князь!
Противно мне нескромное прошенье.

Князь Мстиславский

Прости, о царь, усердью моему:
Я стар и слаб.

Шут

Не накажи за это,
Отец родной! Он сам тому не рад.

Князь Мстиславский

О государь, помилуй! Князь Василий
Усерден к богу, церковью любим.

Шут

И вправду, царь: по нем уж все монахи
Оделись в черное.

Князь Мстиславский

Он утешал
Сирот, вдовиц.

Шут

Я про сирот не знаю,
А про вдовиц я точно знаю сам.

Князь Мстиславский

Его прельстили злые люди.

Димитрий

Полно!
Я вижу то, что ты и стар, и слаб.

Шут

Уж от него невесты отказались.

Димитрий

Сегодня весел ты, потешный князь!
Не будешь ли просить меня о Шуйском?

Шут

Да что мне в нем? Он вечно морщил лоб
И никогда не улыбался шуту.
А смех теперь на площадь посмотреть:
Там толкотня и визг, и писк, и слезы.
Все женщины, мальчишки все орут:
«Кормилец наш, и батюшка, и свет»,
Как будто вся Москва ему сродни.
А отчего? Ты знаешь ли? Бывало,
Он на крыльце стоит перед дворцом:
Поклон царю, поклон народу в пояс,
Потом царю, потом народу вновь,
И целый день, как прутик в ветре, гнется.

Димитрий

И наконец переломился он.

Князь Вишневецкий

Светлейший царь, позволь мне слово молвить!
Мне чуждо всё на здешней стороне;
Нет ни родства, ни кровного союза
Меж нашей вольной Польшей и Москвой,
Меж Шуйскими и князем Вишневецким.
Но Шуйских род так благороден, древен!

Шут

Всё не древней Адама.

Князь Вишневецкий

Замолчи,
Бесстыдный шут! — Потомок Корибута,
О государь, дерзает не краснея
Тебя просить за Рюрикова внука.

Димитрий

Нет, не прощу.

Князь Вишневецкий

Едина кровь течет
И в князе Шуйском, и в царе российском.
Такую кровь пролить — не то что казнь
Произнести над нищим непослушным.

Димитрий

Бескровен бог, безроден царь. Пред ним
Все равные: и нищий, и вельможа.

Один из поляков

Нет, в нашей Польше так не говорят:
Там дворянин и пан великородный
Не то, что...

Бучинский
(унимая его)

Полно, полно, господа!

Поляк

Язык мой волен, пан.

Князь Вишневецкий

Любовь народа
Сильней, чем страх, и милость, чем гроза.

Димитрий

Вопрос сей разрешит нам патер Квицкий.
Что думаешь ты, патер?

Патер Квицкий

Государь!
То знают все: твое незлобно сердце;
Доступен ты прошеньям и слезам,
И кровь и казнь душе противны кроткой.

Димитрий

Да, это правда, мой незлобен дух.

Патер Квицкий

Чудесными лучами окружила
Десница вышнего главу земных царей,
И ярче звезд ночных блестят на ней
Дух мудрости и строгий суд и сила;
Но выше всех лучей венца
И краше всех сияет благость:
Она святит его златую тягость,
Она царям есть лучший дар творца.
Она светла, как чистый ангел рая,
Свежа, как вешняя роса,
Как фимиам святой, благоухая,
На землю грешную низводит небеса.

Боярин

Как сладко говорит!

Другой

Ну, честь и слава!

Патер Квицкий

И мне ль, слуге страдавшего за нас,
Смиренному отшельнику от мира,

Тебе сказать: «Суди, казни людей!»
Но ты монарх, тебе судьбу народов
Вручил господь; тебе он повелел
Смирять вражду, обуздывать крамолу,
Да в тишине цветет твоя земля.
Ты мудрый царь и знаешь, что от казни
Безвременно избавленный злодей
Невинных часто губит и, чем выше
Дотоле был, тем царству он страшней.
Но мне ли знать, когда потребна строгость?
Я не судья.

Боярин

Каков наш краснобай!

Шут

Вот что зовут латинскою обедней?
Ого!

Димитрий

Что, князь! Ты слышал сей ответ?

Князь Вишневецкий

Не ксендзами воспитан Вишневецкий;
Ему до них нет дела. Добрый меч
Знакомей мне, чем хитрости ученых,
И напрямик я стану говорить:
Волнуется Москва.

Димитрий

Уйму безумцев!

Князь Вишневецкий

Не любят нас, сподвижников твоих;
Народ давно поглядывает косо.
За что? Не ведаю.

Шут

А вот за что:
Мужья для вас обмануты, а жены
За вас прибиты.

П о л я к

Слушай, дерзкий шут!
Перебивай москалей сколько хочешь,
А в польску речь мешаться не дерзай.
Что́ мы, москали, что ль?

В а л у е в

Ты лях безмозглый!

Д и м и т р и й

Молчать, Валуев! С глаз моих долой!

(К полякам)

А вас прошу, товарищи, потише!
Что говорил ты, князь Адам?

К н я з ь В и ш н е в е ц к и й

Я говорю, что скрытые кинжалы
Давно на нас острятся в тишине.
Народ узнает, что его любимцу
Мы выпросили жизнь, и, может быть,
Вражда замолкнет, и родится дружба
Меж нашею дружиной и Москвой.

Д и м и т р и й

Я не могу твоей исполнить просьбы
И вижу то, что этот хитрый князь
Твой мудрый ум пронырством отуманил.
Но он падет! — Москва шумит? Пускай!
Уйму ее! Всё Шуйского клевреты
Раздоры сеют. Раздавлю гнездо,
И стихнет всё. Внимать безумной черни,
Ее ласкать Димитрий не рожден.
Пусть плачут о преступнике! Клянуся,
Его ничто от смерти не спасет.

С т о л ь н и к
(входя)

О государь, отшельница-царица
Сюда идет.

Димитрий

Царица, мать моя?
То редкая и дорогая гостья.
Я к ней иду навстречу. Господа!
Останьтесь здесь.

(Уходит.)

Боярин

(Шуту)

Что, брат! Язык к гортани
Прильпе?

Шут

Ну, что ж? Боюсь усов,
И вся Москва боится их.

Боярин

И вправду,
От них теперь уж вовсе нет житья.

Другой

Перебивай москалей, а пред ними
Молчи, как мертвый! Ждите, час придет:
Зажмем вам рты, незваные пришельцы.

Другой

А царь?

Другой

Ну, что об нем и говорить!

Другой

Подумаешь, да вспомнишь Годунова!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входят Димитрий, царица Марфа.

Димитрий

О мать моя, благополучен день,
Когда стопы твои благословляют
Сей дом забот и царственных трудов.

Царица Марфа

Свидетелей здесь много. Я с тобою
Беседовать хочу наедине.

Димитрий

Подите вон, бояре! Вишневецкий,
Товарищи, прошу, оставьте нас!

Уходят все.

Мы здесь одни. Я жду твоих велений.

Царица Марфа

Свой монастырь и кельи тихий кров
Отшельница оставила недаром.
Я с просьбою великой.

Димитрий

Говори!

Царица Марфа

О, далеки от страждущего сердца
Весь дольний мир и гром его сует.
Земная жизнь уж кончилась для Марфы:
Печальная вдовица погребла
Все радости, надежды и отрады
В могиле той, где спит кровавый труп,
Младенца труп, Димитрий мой!

Димитрий

Царица!
Он жив во мне.

Царица Марфа

Оставь, мне тяжело...
Там за стеной, в затворе молчаливом,
Где света шум безвестен и забыт,
Промчалась весть ужасная, что Шуйский
Нас обличал в обмане, что его
Приговорил ты к смерти. Правда ль?

Димитрий

Правда.

Царица Марфа

Прости его. Когда бесчеловечный
Борис убил младенца моего
(О боже мой, на душу Годунова
Излей весь гнев, всё мщение свое), —
Князь Шуйский...

Димитрий

Скрыл убийцу от законов.

Царица Марфа

Преступника не мог он наказать.
Доверием и даже властью царской
Владел Борис. От горести моей
Бежали все со страхом и презреньем;
Но Шуйский князь в растерзанную грудь
Пролил елей духовных утешений;
Со мной один горячею слезой,
Отрадною для горестного сердца,
Он обливал младенца ранний гроб.
Прости его! О, будь великодушен!
Ты царствуешь, ты силен, ты счастлив.

Димитрий

Кто? Я счастлив? Да, я одет в порфиру,
Передо мной толпится пышный двор.
Ха-ха, счастлив! А там кругом волненье,
И заговор, и ропот, и ножи,
Остримые уликою безумной,
И вкруг себя я должен собирать
Надменную дружину иноземцев,
Ее мечом и цепью устрашать
Родную Русь!.. Моя завидна участь!
Здесь, во дворце, перед лицом царя,
Пришелец лях осмелился... О боже!
И он живет еще! Передо мной
Нахальный лях москалями ругался!
Я чувствовал, что весь затрепетал,
Душа огнем и ядом наливалась!
Я мог его убить, я мог во прах
Его стоптать, спалить безумца громом,
И я стерпел, и должен был молчать!..

А кто виной? — Князь Шуйский. Кто народу
С его царем борьбу готовить смел?
Кто? — Шуйский твой. — Но. . . он умрет.

Царица Марфа

Как страшен!

Димитрий

Пусть всем другим я страшен; не тебе,
Царица-мать! Как сын, всегда покорный,
Я воскрешу умершего.

Царица Марфа

О нет!
Не отдает усопшего могила:
Ты вечно чужд для сердца моего.
Не воскресишь его. Нет! Он был кроток,
Как день весны, как ангелы небес.
В его груди младенческой и нежной
Был огнь любви прекрасной, безмятежной,
Был тихий рай. . . и этот рай исчез.
И, грешница, кого в его порфиру
Я облекла? О боже мой!

Димитрий

Кого?
Да, я не царский сын! Но благодатью силы
Помазан я и духом славных дел;
Но Иоанн из глубины могилы
Мне завещал державный свой удел.
Он мой теперь! Покойники во гробе,
И крепко спят. Он мой! Я не отдам
Плода трудов, отчаянных сражений,
И долгих дум, и тяжких ухищрений,
Не уступлю презрительным врагам.

Царица Марфа

О царствуй долго, счастливо!

Димитрий

Послушай!
Открыть обман иль Шуйского простить —
Почти одно.

Царица Марфа

Ах! Для меня, преступной,
То лучше б было. Верь: и для тебя!
Обман тяжел, ужасен грех, и долго
Не процветет неправда на земле.
Когда б венец ты скинул добровольно...

Димитрий

О, перестань! Ты не поймешь меня:
Ты женщина. Корона Мономаха
Тебе лишь злато и алмаз; престол —
Ком золота и камней; а порфира...
Что говорить? Ты не поймешь меня.
Ведь подвиги, и слава, и бессмертье —
Всё для тебя невнятные слова.
Но слушай: там, за нынешней Россией
На юг, далеко, есть волшебный край;
Там благодать степей широких
И рай земной в ущелиях долин,
И льются воды рек глубоких,
И светел вид морских пучин.
Там вьются лозы винограда
По скату гор, в тени густых садов;
Там людям жизнь и свет отрада,
Там неба свод без облаков.
И этот край, он был Россией прежде.
Ты поняла ль?

Царица Марфа

Быть может, поняла.

Димитрий

Гляди к Литве, где стран московских грань.
Там новый мир, там люди горды, смелы;
В сердцах горит божественный огонь;
Там руки их природу покоряют,
И небеса измерил хитрый взгляд,
И города, и села процветают,
И корабли чрез море пролетают,
И дышит медь, и краски говорят...
Я оживлю свой Север: грады, села
Я вызову из мертвой сей земли;

И свет наук, и блеск художеств дивный
Я разолью, — и памятен векам
Останется Димитрий.

Царица Марфа

Он безумен!

Димитрий

И это всё отбросить? Никогда!
Нет, — он умрет, опасный властолюбец;
Умрет твой Шуйский!

Царица Марфа

О, внемли, внемли!
Невинен он: мы грешны перед богом!

Димитрий

Господь простит.

Царица Марфа

Нет, не простит меня.
Безумная! В порыве мести жадной,
Падению Борисовых детей
Я радоваться смела: пред народом,
Перед творцом от сына отреклась.
С тех самых пор как тяжко я страдаю,
Ты ведаешь единый, царь сердец!
Бывало, я с слезами говорила
О мертвеце, — теперь молчать должна:
Мне крик торжеств гремит насмешкой злою.
Мне говорят: «Ты счастливая мать» —
И я смеюсь, а сердце кровью плачет.
О, верь мне, верь, ужасна жизнь моя!
От таинства святого покаянья
Преступница навек удалена.
Хочу молиться — страшно! Между мною
И алтарем, как тень, обман стоит;
Упрек звучит в словах церковных песен,
И колокол анафему гласит.
И душно мне, и божий храм мне тесен,
И я бегу. О ужас! От кого?

От бога! .. Ах, бывало, я вступала
С веселием в его пресветлый храм:
Там для меня отрадой всё дышало,
Так сладостно курился фимиам,
    Перед иконой Чистой Девы
    Так ярко теплился елей,
И стройно в хор сливалися напевы,
И неба глас звучал в груди моей!
И я тогда молилась сладко, сладко,
Молилася о сыне... и потом
Являлись мне чудесные виденья;
Являлся он, как ангел, предо мной,
    И лились токи исцеленья
    Для ран души моей больной.
Бывало... Но теперь! Подумать страшно!
И ночи мрак, и образ Пресвятой,
И звук молитв укором беспрерывным
Мой грешный дух волнуют. Сны мои
Каких-то лиц, каких-то гласов полны,
И слышу я: «От сына отреклась,
И от тебя он в небе отречется».

Димитрий

Мечты, одни мечты!

Царица Марфа
(на коленях)

Прости, прости
Ты Шуйского; иль в ссылку, в город дальний
Его сошли, но крови не пролей!
Ужасна кровь невинного: я знаю —
Горящею рекой она течет
И дух убийц уносит в ад! За гробом
Я сына не увижу; никогда
И в небесах не встречуся с младенцем.
Прости, прости!

(Встает.)

Но ты неумолим.
Я плакала, и ты меня отвергнул;
Я унижалась, ты мне не внимал.
Теперь иду на площадь, и увидим:

Узнает ли обманутый народ
Стон матери и тяжкой скорби голос.
Прощай!

Димитрий

Постой! Не начинай борьбы;
Она была б ужасна. Я исполню
Твои желанья. Близок казни час,
Но я пошлю преступнику пощаду.
Согласна ль ты произнести обет,
Что никогда ты тайне не изменишь,
Что никогда страдающей души
Перед другим не выскажешь?

Царица Марфа

Согласна.

Димитрий

Что я твой сын отсель... Согласна ль ты?
Клянешься?

Царица Марфа

Да.

Димитрий

Пойдем перед икону!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Площадь. Вдали Лобное место.

Первый

Поближе к нам, любезный сват: ты стар,
И в тесноте задавят. Здесь просторно;
Увидишь всё: и выход из Кремля,
И место казни.

Второй

Ох, к чему глядеть?
От ужаса всё сердце замирает.

(Взбирается к первому.)

Женщина

Что, батюшки, вам видно? Из Кремля
Не идут ли?

Первый

Нет, не видать. Постой-ка,
Вдали шумят, колышется народ.
Вон пестрые варшавские сороки,
Вон тянутся немецкие волы!

Женщина

Ах, окаянные мучители! Смотри-ка:
Слетаются, как воронья на кровь!

Второй

Ох, детушки! Привел же бог под старость
Ужасные вновь видеть времена,
Как при царе-мучителе Иване.

Первый

Да видишь ли: тот был благочестив,
И в вере тверд, и ревностен к святыне;
А этот что? Латынщик, бусурман!

Другой

Да, царь Иван совсем иное дело:
Мы знали все, что он законный царь,
Святая ветвь от корня Мономаха,
А это кто? Откуда он взялся?
Вишь, выдумал, что прежде был зарезан
Да вдруг воскрес!

Другой

И вправду, чудеса!

Второй

Ох, грешники! Святому патриарху
Не верили. Теперь господь казнит.

Прокофий Ляпунов

Смотри, Ефим, как князь Василий Шуйский
Заговорит — ты тотчас подойди
К Басманову. Урока не забудешь?

Ефим

Не позабуду, барин.

Прокофий Ляпунов

Ну, смотри ж,
Не прозевай!

Захарий Ляпунов

Послушай, брат Прокофий!
Басманова ты хочешь удалить?

Прокофий Ляпунов

Хочу, чтоб князь успел поговорить
Со всей толпой московских ротозеев.

Захарий Ляпунов

А для чего ж?

Прокофий Ляпунов

Иль ты не знаешь, брат,
Как речь сильна, как многомощно слово,
Как движутся народные сердца,
Когда звучит последний глас страдальца?
Взгляни, Захар, на этих дураков:
Как широко раскрыли рты, как уши
Развесили. Теперь им каждый звук
Вопьется в грудь, как искра в пук соломы.
К тому же знай: по милости моей
За Шуйского вдовица Иоанна
Пошла молить царя, и каждый миг
Дороже нам, чем год в иное время.

Захарий Ляпунов

Ну, признаюсь, затеял ты хитро!

Прокофий Ляпунов

Пойдем в толпу, чтоб нас не замечали.

Проходит немецкая дружина и поляки и бьют народ.

— С дороги! Прочь!

Голос

Почто? Что, разве мы скоты?

Другой

Чтоб сатана взял всех гостей незваных!

Поляк

Кто там шумит?

Второй

Отец родной, не мы,
А задние шумели.

Поляк

Вот я вас!

(Проходит.)

Голос

Ты, Ванька, как сюда попал?

Ванька

Да вот как! Пошел было для барских покупок, ан лавки все заперты. Вижу — народ валит на Лобное место, и подумал: куда все, туда и я. Расскажи-ка, Сидор, что тут будет? Или кого-нибудь казнят?

Сидор

Вестимо казнят. Князя Василья Ивановича Шуйского.

Ванька

Ах, батюшки! Доброго-то князя, ласкового Василья Ивановича? За что, слышно?

Сидор

Да толкуют так, что будто он царя уличал в том, что он обманщик, не царский сын, а беглый дьякон, Гришка Отрепьев.

Ванька

Вот диво-то! А как бы князю Шуйскому правды не знать?

Старик

Эй, ребята, дела-то вы не знаете. Вот как оно было: Гришка окаянный — презлой колдун и надевает какую хочет личину. Оттого-то он и стал похож на покойного

царевича. А князь-то Василий настоящий праведник: как сотворил молитву да осенил его крестом, все вдруг и узнали страшную харю самозванца.

Женщина

Господи, помилуй нас грешных!

Сидор

Да полно, так ли, дедушка?

Старик

Я знаю от верных людей.

Женщина

Что, батюшки, вам видно?

Первый

Вот стрельцы,
И впереди верхом боярин ближний,
Петр Федрович Басманов.

Второй

Бог убьет
Тебя, злодей, предатель окаянный,
Начало злу, обманам всем глава!

Другой

Кто ведает? Ведь, может быть, и вправду
Царевича от смерти спас господь.

Первый

Что ж, Шуйский князь солгал?

Второй

О горе, горе!
Вот праведник; его на смерть ведут.

Первый

Молчи, не то Басманов нас услышит.

Проходят Басманов, Шуйский и стрельцы.

Басманов

Указ царя. Внимай, народ московский!

Многие

Послушаем, что скажет он.

Басманов

Молчать!

(Читает)

«Да знают все, что князь Василий Шуйский,
Боярин наш, дерзнул мне изменить,
Мне, своему законному владыке,
И от отца, и от колена предков
Наследному царю российских стран.
Судом бояр и выборных людей
Приговорен он к смерти за измену
И гнусную крамолу. Днесь умрет
Преступник сей в урок другим злодеям».

Один

Вот видишь ли? Не царь его казнит:
Бояре все с собором присудили.

Второй

Гляди на них! Хорош боярский суд:
Отца казнишь, как сам боишься петли!

Князь Шуйский

Петр Федорыч! Позволь мне в смертный час
Покаяться народу.

Басманов

Князь Василий!
Не должно бы; но я всегда любил
И уважал тебя: последней просьбы
Мне стыдно не исполнить. Говори!

Князь Шуйский

Внемлите мне, московские граждане!
В последний раз я с вами говорю.

Ефим

(подходя к Басманову)

Петр Федорыч! Наш голова стрелецкий
Прислал меня от Яузских ворот.
На ляхов там граждане нападают.
Уж началася драка, льется кровь:
Жильцы, народ и многие дворяне
В оружьи поднялися.

Басманов

Хорошо.
Коня, скорей коня!

(Уходит.)

Князь Шуйский

Я грешник перед богом
И перед вами, граждане Москвы.
Я знал обман — не уличал обмана,
Я правду знал — и правду утаил.
Но царь небес и милостив, и кроток.
Молитеся, молитесь за меня!
Да, эта смерть на плахе беззаконной
Искупит грех молчанья моего!
Сограждане и братья, помолитесь —
И бог простит. О, тяжко я страдал!
Бессильные и старческие члены
Измучены теперь от пытки злой.

Голоса

— О господи!
— Он мученик.
— И в гробе
Прощения мучитель не найдет.

Князь Шуйский

Не плачьте, нет, о Шуйском не рыдайте,
Но о себе, о русской стороне!
Вы видите, мои лиются слезы,
Но лишь о вас душа моя скорбит.
О, горе вам: уже нависли грозы,
Уж божий гнев над Русию гремит.
Прекрасный град, моя Москва родная!

Осквернена ты властью лжецаря.
О светлый Кремль! Твои горят соборы,
Как свечи яркие над раками святых,
И радостно почиют русских взоры
На золоте крестов, на башнях вековых.
Но горе, горе! Уж близка година:
Уж ереси безбожной торжество
Ругается над чистою святыней,
И беглый инок церковь продает
Ее врагам. О, плачьте и рыдайте!

Голоса

— О господи! Пришли последни дни!
— Я говорил: не верьте Самозванцу.
— Ты слышишь ли? Он церкви продает?

Князь Шуйский

За истину и за родную землю,
И за Москву святую, и за вас
С веселием я смертну казнь приемлю.
Благословите ж мой последний час;
Простите мне соблазны и обиды,
Невольные и вольные грехи.

Басманов
(входит)

Где тот стрелец? Куда обманщик скрылся?

Голос в толпе

Ищи, найдешь.

Басманов

Преступник не казнен?
Скорей, скорей!

Второй

Безбожный кровопийца!

Голос

Я думаю, когда б он там стоял,
Где Шуйский князь, так было б не до спеха.

Прокофий Ляпунов

Захарий брат, я слышу дальний шум,
Там от Кремля.

Захарий Ляпунов

Не слышу.

Князь Шуйский

О, простите!
Но Шуйского не позабудьте.

Дальний крик: «Стой!»

Прокофий Ляпунов

Остановись!

Первый

Чиновник царский скачет.

Прокофий Ляпунов

Прощен, прощен!.. Ну, сердце отлегло!
Я, признаюсь, терял уж всю надежду.

Чиновник

(Басманову)

Великий царь по милости своей
Преступника прощает.

Крики в толпе

Многа лета
Великому и доброму царю!

Другие

Да здравствует Димитрий, царь Московский!

Народ начинает расходиться. Шуйского уводят. Приводят двух преступников.

Один голос

А это кто?

Другой

Вот этот — дворянин
Тургенев, а другой с ним Федор Конев,
Купец.

Первый

За что ж они осуждены?

Другой

За то ж, за что и Шуйский.

Тургенев

Помяните
В молитвах нас! За вас приемлем казнь,
За истину и родину святую.
В часы молитв не позабудьте нас!

Голоса

А ваше ль было дело?

Другие

— Вас-то и просили!
— Что, разве вы бояре?
— Не садились бы в чужие сани, так была бы шея цела.
— Ништо вам, дуракам! поделом достается.
— Помни, купец, свой аршин, а дворянин свою дворянскую службу, а выше не лезь!

Тургенев

О, час придет, падут небесны кары!
Вы вспомните, безумные, об нас;
Услышите вы совести упреки,
С рыданием воспрянете от сна!

Голос

Вон слышишь ли? Теперь пошли в пророки.

Всеобщий хохот.

Старик в толпе

Смерть праведных пред господом красна!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Во дворце.

Князь Голицын

Не знаешь ли, зачем созвали нас?

Князь Мстиславский

Сегодня царь впервые принимает
Посланников от польского двора.

Князь Голицын

Ты снова позабыл:
Уже давно непобедимый цезарь
Россиею владеет, а не царь.

Князь Мстиславский

Ох! К старости и память-то слабеет.
Того гляди, что попадешь в беду.
Ба, посмотри! Вот князь Василий Шуйский.
Давно ль опять явился ко двору?

Князь Голицын

Не ведаю.

Князь Мстиславский

Идти ль к нему?

Князь Голицын

Нет; лучше подождем.
Его вина, быть может, не забыта;
Зачем же нам приветом поспешать?

Князь Куракин

Вот дивные известья из Казани!

Князь Мстиславский

Какие же?

Князь Куракин

У волжских казаков
Явился сын Феодора.

Князь Мстиславский

Помилуй!
Да у царя когда ж родился сын?

Князь Куракин

Вот видишь ли: от злобы Годунова
Он был сокрыт, и в колыбель его
Подложную царевну поместили.

Князь Мстиславский

Ты надо мной смеешься.

Князь Куракин

Право, нет.

Шут

Ах, батюшки, как мертвые плодятся!
Да и живым не всем такой талан.

Князь Мстиславский

Бесстыдная, неслыханная дерзость!

Князь Куракин

Один в цари, в царевичи другой!
Один успел — удастся и другому.

Князь Мстиславский

Молчи, а то услышит Салтыков;
Да и Хрущов, Масальский недалеко.
Всё это вздор, я верить не могу.

Князь Куракин

Валуев! Князь моим словам не верит.

Валуев

С сей вестию из низовых сторон
Сегодня я поутру возвратился.
Там пленного из шайки той при мне
Допрашивал казанский воевода.

Князь Мстиславский

А как зовут царевича?

Валуев

Петром.

Князь Мстиславский

И у него товарищей довольно?

Валуев

Их тысяч пять иль боле.

Князь Мстиславский

Признаюсь,
Смешно глядеть, как люди легковерны.

Князь Куракин

Ты чудеса там слышал; между тем
И мы в Москве потехи нагляделись.

Валуев

Да что ж у вас?

Князь Куракин

Недавно привезли
Из Кракова прелестную Марину.
Что праздников, что было тут пиров!

Как поляки конями нас топтали,
Как били всех и грабили народ,
Не слыхано! Но вот послушай диво:
Наш умница, святейший патриарх
Венчал ее короной Мономаха,
Как бы царя; и присягали ей,
И назвали царицей благоверной;
А между тем она не крещена.

Валуев пожимает плечами.

Святителей упрямых, Ермогена,
Иосифа, сослали в монастырь,
Да каются в строптивости безумной:
И поделом! Ведь вздумали ж они,
Что, не крестив, нельзя венчать царицу
И на престол раскольницу возвесть.

Валуев

Да, поделом.

Князь Куракин

Старик, отец Марины,
На нас глядит как будто на рабов,
И ласки нам, и милость обещает.
Валуев, брат, сходи да поклонись:
Вот мой совет.

Валуев

Как? Нешто я Масальский
Или Хрущов?

Князь Куракин

Ну, попадешь в беду
Вот так, как я уже попал в немилость.

Валуев

Ну, диво ль то, что шайка казаков
Ругается над нашим легковерьем!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входят Димитрий, Басманов и Шут; впереди Стольник.

Стольник

Бояре, по местам!

Димитрий

(садясь на трон)

Боярин Петр!
Зови послов пред наши царски очи.

Басманов уходит.

В глуши степей, на волжских берегах,
Средь казаков, несведущих и буйных,
Под именем царевича Петра
Восстал на нас бесстыдный самозванец.
Меж правдою и ложью судит бог:
Он не дает обману возвышаться
И истину венчает торжеством.
Я, тишины во всей Руси блюститель,
Безумное волненье усмирю;
А вы, бояре, стольный град спокойте,
Да тщетною тревогою сердца
Моих людей в Москве не возмутятся.
На подданных меча не извлеку;
Едва дохну — и призрак разлетится.

(К князю Мстиславскому)

Мстиславский князь, казнен ли дерзкий лях,
Который здесь, на площади Кремлевской,
В моих глазах зарезал москвича?

Князь Мстиславский

Нет, государь. Его вели на плаху;
Но поляков нахлынула толпа
И палача убила, и злодея
Избавила от казни.

Димитрий

При тебе
Преступника избавили насильно!
Что ж ты глядел? Иди: ты слишком стар.

Но эти ляхи! Их несносна дерзость.

(К Шуйскому)

Поди сюда, князь Шуйский. На меня
Ты восставал и слабою рукою
Хотел сорвать с сей мощной головы
Златой венец, отцов моих наследье.
Не отвечай! Твой замысл ведал я
И осудил тебя на казнь; но, помня
Твои труды и службу прежних лет,
Переменил я смертну казнь на ссылку.

Князь Шуйский

О государь, я милости твоей
Не заслужил.

Димитрий

Да, Шуйский, ты виновен,
Но слушай, князь: бессильной лишь душе
И полуказнь, и полумилость сродны.
Я не таков. Мой гнев, как божий гром,
Иль вмиг сожжет, иль пролетит безвреден.
И ты прощен. Возвращены тебе
И вотчины, и сан в боярской думе,
И более — доверенность моя.
Я на тебя надеюсь, князь Василий.

Князь Шуйский

О царь! Позволь во прах перед тобой
Склонить чело преступное.

Димитрий

Не нужно:
Всё прежнее теперь забыто мной.

(К боярам)

Бояре все! Прошу, любите князя.

Шут

Царь-государь, сжалься над своими рабами.

Димитрий

Чего ты просишь, мой потешный князь?

Шут

У тебя в Кремле живет булочник, да такой добрый, такой милостивый, такой кормилец бедным ребятишкам! Бывало, когда проголодаешься, калач у него выпросишь или сказкой, или песенкой, или именем Христовым; а теперь беда, взял он себе заморского подмастерья.

Димитрий

Ну, что ж?

Шут

А вот что. Всё, что ни испечет булочник, тотчас немец или сам съест, или своим братьям-немцам продаст. А мы, твои православные, ни крохи не добьемся. Хоть пой, хоть в голос вой! Царь-государь, вели прогнать немца.

Димитрий

Знать, он делу своему горазд?

Шут

Э, родимый, и русский в грязь лицом не ударится.

Димитрий

Что ж ты хозяина не попросишь?

Шут

До него не доберешься! Ведь заморское чудо толсто: если раз куда залезет, все входы вдруг заложит. Мимо него и мышонок тощий не пролезет. А беда-то вот в чем: виноват немец-подмастерье, а мальчишки ругают хозяина.

Димитрий

Понятно мне нескромное прошенье.
Послушай, друг: мальчишкам скажешь ты,
Чтобы они отныне не роптали.
С хозяином я сам поговорю.

(Идет назад к трону.)

Боярин

Как шут хитер!

Другой боярин

Его Басманов учит.
Но вот послы!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входят послы.

Димитрий

Госевский, Олесницкий!
В моей земле, в престольном граде сем,
Приветствую я вас двойным приветом,
Как в бедствии испытанных друзей
И как послов страны одноплеменной.
Иди же к ним, великий секретарь,
И грамоту возьми из панских рук.
Прочти ее.

Власьев

Но, государь, ты видишь:
(показывая бумагу)
Великий князь.

Димитрий

Отдай ее назад.

Власьев

Великий царь, непобедимый цесарь
Вам грамоту велел отдать, послы,
Зане забыт его высокий титул.
Идите с ней обратно к королю,
Да ведает, что здесь не князь владеет,
Но царь и цесарь всех полнощных стран.

Олесницкий

Я грамоту беру благоговейно.
Но знаете ль, что́ вы творите днесь?
Для короля несносная обида,
Для витязей, сподвижников твоих,
Для ляхов всех и стыд, и оскорбленье,
Ругательство над мощною страной,
Где мы тебя еще недавно зрели
Изгнанником, смиренным беглецом;
Где ласкою панов ясновельможных
Был воскрешен убитый скорбью дух.
Опомнися, великий князь Московский!
Не забывай, что сей блестящий трон,

На коем днесь сидишь с такой гордыней,
Сей самый трон тебе недавно дан
Небесной волей, силой Сигизмунда
И острием шляхетского меча.

Бояре

Царя бранит! Унять его, безумца!
Прогнать его!

Димитрий

Бояре, замолчать!
По всей земле священ твой сан высокий,
Но слушай, пан: умерь нескромный жар.
Твоих речей смешон порыв хвастливый.
Король могуч, и острый меч Литвы
В иных странах престолы воздвигает;
Возьмите же, возьмите шведский трон,
Законное наследье Сигизмунда!
Вы, грозные судьи других держав,
Что медлите свершить столь легкий подвиг?
Не можете? Так знай же, гордый пан,
Не королю порфирой Иоанна
Обязан я, но божией руке,
Моим отцам и силе русской воли.

Олесницкий

Ты польскую дружину позабыл.

Димитрий

Бежавшую с новогородской битвы?
Всё помню я. О, только на словах
Так грозны вы! Не такова Россия,
Нет, не таков полунощный орел:
Он крыльями полмира осеняет,
И над гнездом его в единый час
Нисходит ночь и утра луч сияет.
И мнишь ли ты, что я, пред кем князья,
Господари колена преклоняют,
Чью власть цари, салтаны признают,
Я — царский сын и цесарей потомок —
Твоей Литве смиренно уступлю
Моих отцов высокое названье?..

Тому не быть! Уже Европа вся
Мой цесарский давно признала титул.
И я того же требую от вас.

Олесницкий

Нам не закон других держав примеры.

Димитрий

Я не грожу за то Литве войной;
Но объяви ты брату Сигизмунду,
Что я, досель его вернейший друг,
Теперь его врагом считаю тайным.

Олесницкий

Московский князь, просты мои слова:
Я не привык к речам многоглагольным
И говорю как смелый сын войны,
Как вольный муж и шляхтич благородный.
И днесь зову в свидетели я вас,
Бояре все! Не князем ли великим
Звала Литва владыку русских стран?
И цесаря гремящее названье
Когда-нибудь носил ли твой отец?
Ты нового, неслыханного хочешь
И, властию внезапной упоен,
Ругаешься тебя приявшей Польше.
Забыто всё: и милость короля,
И наш прием, и служба храброй шляхты.
Ты волен, князь: что хочешь, то творишь;
Но не забудь судящего потомства!
Его рука в скрижалях начертит
Над именем твоим: «неблагодарный».

Димитрий

Нет, ты не прав. Люблю я ваш народ
И не забыл приязни Сигизмунда;
Но ведай, пан, что ни ему, ни вам,
Ни всем царям (из страха иль любови)
Не уступлю ни пяди на земле,
Ни пня в лесу, ни кочки в русском поле,
Ниже полслова в титуле моем.

Олесницкий

Наш кончен спор, великий князь Московский!
Узнаешь ты, что гордого ума
Не любит бог.

Димитрий

Несдобровать же ляхам.

Олесницкий

Да судит он меж нами и тобой!
С тебя, с тебя да требует ответа
За смерть людей, за кровь невинных жертв,
Которые падут в борьбе упорной:
Меж царствами решает споры меч.

Димитрий

Не я его на Польшу извлекаю.
Но возвратись скорее к королю,
Пусть он решит. Союз — я рад союзу;
Война — я рад войне.

Поляки

Война, война!

Димитрий

Да будет так. Иди же, Олесницкий.
Боярин Петр, ты угости послов.

Уходят царь и послы.

Князь Куракин

Что скажешь ты, Валуев?

Валуев

Что Димитрий
Достойный царь, и грудью за него
Готов я стать.

<Все>

— И я,
— и я,
— и все мы.

Уходят бояре.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Князь Шуйский и Прокофий Ляпунов.

Князь Шуйский

Стой, Ляпунов! В прошедшую неделю
Прибавилось сообщников у нас.
Голицыны, Куракин и Плещеев,
И Салтыков, Татищев и Нагой.
Достаточно.

Прокофий Ляпунов

Да, было нас довольно.

Князь Шуйский

Ка́к было? А теперь?

Прокофий Ляпунов

Всему конец!
Царь гонит прочь пришельцев нам противных.
Война с Литвой! Да здравствует же царь!

Князь Шуйский

Одумайся! Обманщик, самозванец!

Прокофий Ляпунов

Законного царя не воскресишь,
А *он* премудр: все царственные тайны
Умом постиг, высокой думы полн,
В боях удал, — и каждое сраженье
С таким вождем победой будет нам.
И Киев, град святой, и край Волынский,
Богатый край, — всё будет нашим вновь.

Князь Шуйский

Но вспомни же, что он еретик гнусный.

Прокофий Ляпунов

Долой Литву, так иезуитов прочь!
И все грехи забудет духовенство
И за царя ж молитву сотворит.

Князь Шуйский

О Ляпунов, ужасно! Беглый инок,
Не из бояр, едва ли дворянин!

Прокофий Ляпунов

Тем лучше, князь: не будет книг разрядных!
И за него я лягу головой.
Поверь мне, князь: забудем всё былое.
Прощай, прощай!

(Уходит.)

Князь Шуйский

Меня он оставляет,
И вслед за ним отстанут все. Беда!
Всё рушилось — и мщенье, и надежда,
И сей венец, к которому я мог
Уж простирать нетерпеливы длани.
О Ляпунов! И я за них страдал,
И голову я положил на плаху...
О Ляпунов! Вот дружба и друзья!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Комната в покоях Марины.

Марина, Роза Лесская.

Роза

(поет)

Он пригладил ус широкой,
Что-то панне черноокой
    На ухо сказал
И в полуночи глубокой
    С панной ускакал.
Не один в стране окрестной
Князь искал руки прелестной,
    О любви молил;
Но лишь рыцарь неизвестный
    Девицу пленил.
Не так же ли прекрасная Марина
Поклонников видала пред собой,
Вельмож, князей и графов благородных,
И презрела их пылкую любовь.

Марина

Да, Лесская, и вдруг явился витязь
Неведомый, из полунощных стран.
Не правда ли, как в сказке?

Роза

Нет, царица!
Там бедный рыцарь, здесь же царский сын!

Марина

И сильный царь. Зато признайся, Роза,
Что не похож мой будущий супруг
На рыцаря твоей веселой песни.
В Димитрии едва ли красоту
Отыщет взор, любовью ослепленный?
Угрюмый вид, и грубые черты,
И волоса на голове, как пламя.

Роза

Но ловок он!

Марина

Да, ловкость казака.

Роза

Красноречив.

Марина

Да, речь семинариста.

Роза

Зато он царь.

Марина

И я его люблю.
В нем быстрый ум, отвага, жажда славы
И страстная, горячая душа.

Роза

О, как легко прекрасная Марина
Обворожит супруга своего!
Здесь не найдешь соперницы опасной.

Марина

Ты, Роза, льстишь.

Роза

Нет, правду говорю.

Марина

Я слышала, как пышно расцветает
Московских жен и юных дев краса.

Роза

Пустое всё; расскажут чудеса!
Я знаю их: высоки и дебелы,
И щеки алые, и лица круглы, белы.
Подумаешь, куда как хороши!
А всмотришься — нестройные движенья,
И на лице без выраженья,
Как стекла, очи без души. —
Что скажешь ты? Соперницы ужасны!

Марина

Да правда ли?

Роза

Ты видела бояр:
По ним суди об их прекрасных женах.
Как странен мне весь твой московский двор!
Ей-ей, в Литве медведи наши лучше.

Марина

Да, признаюсь: с панами их сравнить
Почти смешно.

Роза

Смешно? Грешно, безбожно!

Марина

Послушай-ка: там, кажется, стучат.

Роза

Уж, верно, царь.

Марина

Как рано он приходит!..
Зови его.

(Перед зеркалом)

Да: я должна владеть
Его душой. Доверчивый и страстный,
Он любит сам и верует в любовь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Входит Димитрий.

Димитрий

Как хороша!

Марина

А, это ты, Димитрий!
Как я ждала! Как медленно часы
Катилися в несносном ожиданьи!

Димитрий

Блаженный миг! Он в целый день один
Меня дарит отрадою свободной.
Я здесь живу, — а там!..

Марина

Как сладко льстит!
Он скажет мне, что чувство царской силы
Его души ничуть не веселит;
И я должна ему поверить.

Димитрий

Полно!
Что царство, власть, что мой блестящий двор?
Труды, борьба, тяжелые заботы,
Поклонников бездушные толпы,
И золото, и холод, и пустыня.
Какая жизнь! Я только здесь живу.
На сердца глас здесь сердце отвечает;
Моей любви ответствует любовь:
Так верю я, так мне отрадно верить.

Марина

Как ты уныл! Что сделалось с тобой?

Димитрий

Я не уныл, но только утомился.

Марина

Нет, ты смущен. Кто оскорбил тебя?

Д и м и т р и й

Как оскорбил? Уж ты, Марина, знаешь?

М а р и н а

О, взор любви ясней, чем взор орла.

Д и м и т р и й

Ее певцы слепою называют.

М а р и н а

Не верь певцам. Нет тайны для нее;
Во глубине души она читает.
Скажи же мне, кто раздражил царя?

Д и м и т р и й

Не спрашивай! Узнаешь слишком рано.

М а р и н а

Скажи теперь.

Д и м и т р и й

О, лучше дай забыть
Тяжелую, несносную обиду!
Лишь вспомню я, вся кровь во мне кипит.
Безумные — увидят!

М а р и н а

Ты не скажешь?
Чего же ждать супруге, если ты,
Еще жених, уж тайну сокрываешь?

Д и м и т р и й

Ведь для тебя скрываю я ее.

М а р и н а

Прекрасная, искусная уловка;
Но только жаль, что верить не могу.

Д и м и т р и й

Я не хотел, чтоб роковая весть
Твой светлый взор слезою омрачила.

М а р и н а

Рассказывай! Не бойся: я тверда.

Димитрий

Да, верю я. Да, ты должна, Марина,
Любить Москву! Венец российский твой!
Сей славный край признал тебя царицей.

Марина

И я люблю, душой люблю его.
Но не венцом, не именем царицы
Мне дорога московская земля;
Одним мила: она твоя, Димитрий.

Димитрий

Как сладостно звучат твои слова!
Сегодня я послов от Сигизмунда
Торжественно впервые принимал.
И что ж? Они меня великим князем
Изволили спесиво величать,
Как будто бы моим названьем царским
Подавится ясновельможный пан.
Я грамоту велел отдать обратно;
И, думаешь, тем кончилося? Нет.
Тогда посол (они меня узнают,
Я усмирю их буйную главу!),
Тогда посол с улыбкой величавой
Меня назвал смиренным беглецом,
Нахлебником, твореньем Сигизмунда.
И я стерпел — поверишь ли? Стерпел;
Но отвечал презреньем на упреки,
И кончилось! — О, будь теперь тверда.

Марина

О горе мне! Война с моей отчизной?

Димитрий

Не объявил, но принял я войну.

Марина

Что мне сказать? Несносно оскорбленье;
Неслыханно, достойно казни злой.

Димитрий

Не правда ли?

Марина

Твое законно мщенье,
И гнев твой прав.

Димитрий

Марина, доверши:
Скажи еще, что лишь мечом возможно
Изгладить стыд.

Марина

Нет, не воюй Литвы!

Димитрий

Не воевать с твоей надменной Польшей!
Не воевать! И вот твоя любовь!
В моем дворце, перед лицом России
Уничижен я, презрен, стоптан в прах,
И мне стерпеть! Нет, ты меня не любишь;
Я был досель мечтою ослеплен.
Но женщины обманчивы, коварны,
И вижу я: Димитрий нелюбим.

Марина

Он нелюбим! О боже!

Димитрий

О Марина!

Марина

Несчастная!

Димитрий

Нет, я несправедлив,
Нет, ты должна любить свою отчизну.
Забудь слова безумные!

Марина

Оставь,
Оставь меня!

Димитрий

Да, я не прав, Марина:
В безумии я оскорбил тебя.
Но позабудь порыв любви ревнивой;

Но дай мне вновь услышать голос твой,
Отрадный звук твоих речей волшебных.

Марина

К чему теперь притворство? Грудь мою
Ты поразил кинжалом ядовитым
И после льешь безвременный елей.
Но поздно, царь.

Димитрий

Марина, пред тобою
Виновен я; но я молю тебя:
Прости, прости!

Марина

Упреков не услышишь,
Не стану я былое поминать,
Моей любви безумное начало...
Тобою всё забыто.

Димитрий

Никогда!
В моей груди цветет воспоминанье
О светлых днях, о первых днях любви.
Мне памятны садов зеленый сумрак,
Аллея лип и плещущий фонтан,
И трепет мой, и робкое признанье,
И тихие, волшебные слова.

Марина

Ты не любим? Кого же я любила?
Царя? Ты был без силы, без друзей,
И Годунов владел твоим престолом.
Царевича? Пусть верили другие,
И правдою казался им обман.

Димитрий

Какой обман?

Марина

Недаром я сказала,
Что взор любви ясней, чем взор орла.
Я знала всё.

Димитрий

Как! ты, Марина, знала?

Марина

Не древний род любила я в тебе,
Не мнимого потомка Мономаха,
Но пламенный порыв души твоей,
Но смелый дух, стремящийся из праха
На высоту, на поприще царей.

Димитрий

И я тебя мог оскорбить упреком?
Прости меня!

Марина

Я верила тебе;
Я думала: меня Димитрий любит.
О, для чего ж я не могу забыть?

Димитрий

Клянусь тебе, Марина.

Марина

Не клянися!
Рассеялась отрадная мечта.
Когда любовь в мужчине остывает
(И долго ль в нем горит огонь святой?),
Он ищет лжи, выдумывает ссоры,
И вмиг вспылит, и сыплются укоры.
Да, чувствую: забыта я тобой!

Димитрий

Жестокая!

Марина

Не возвращуся в Польшу;
Ее врата закрыты для меня.
В твоей стране пустыня есть глухая
И монастырь: туда сокроюсь я.
Ты будь счастли́в! Красавица иная...

Димитрий

Не мучь меня, Марина! Перестань!
Клянусь тебе: иной любви не будет

В моей душе; клянуся, для тебя
Надеждами и счастьем целой жизни
И жизнию я жертвовать готов.

Марина

Клянется он, а я безумно верю!
Мне сладостны обманы льстивых слов.

Димитрий

Но честию, но славою России
Я жертвовать не должен, не могу.

Марина

Кто просит жертв? К чему они, Димитрий?
Царица я: мне дорог русский трон
И честь венца. Но слушай! Не постигнет
Твоей души бессмысленный народ:
Лишь низкое коварство Годунова
И Иоанн — кровавая гроза —
Понятны им; но рыцарские чувства,
Высокий дух и смелых дум полет, —
Всё ново здесь, всё чудно и неясно.
Лишь там, в Литве, в моей стране родной,
Всегда найдешь готовый отголосок.
Там гордою и вольною душой
Тебя поймут и подвиг твой оценят.

Димитрий

Да, может быть, ты правду говоришь;
Но Сигизмунд меня обидел больно,
И царский долг велит ему отмстить.

Марина

Война с Литвой опасна.

Димитрий

Мы увидим.
Опасностей Димитрий не бежит.
Посмотрим мы, кто в битве устоит,
Хвастливый лях иль русских строй железный?
Я знаю их... О, живо помню я
Тот грозный час, когда с дружиной конной

В сражение, как вихорь, я летел.
Всё падало, и немцы побежали.
Лечу вперед... Стрелецкий полк стоит
Как вкопанный, как вылитый из стали.
Мечи блестят, сверкают их пищали.
В моей груди, как струны, задрожали
Все жилы... О, то был веселый вид!
Несусь вперед, дружина вслед за мною;
Но вдруг раздались выстрелы, и вмиг
Пропал и след моих отважных ляхов.
О, счастие такую рать вести
В кровавый бой! Я не боюсь литовцев!..
Не всякий день дается им Баторий.
Увидим мы, хотя б и тот воскрес!

Марина

Ты слов моих не выслушал, Димитрий.
О мой герой, любимый витязь мой,
Ты победишь! Но этой мелкой славы
Тебе ль желать? Как мало знает мир
Про грозные славян междуусобья!
Верь: ты рожден для подвигов иных,
Тебя зовет иное битвы поле.
О, если бы гордыню мусульман
Ты сокрушил и с башен Цареграда
Низвергнул в прах безбожную луну,
Какая бы тебя ждала награда,
Какая честь!.. Далекие века
Благоговейно б обращали
Свой взор к тебе сквозь мрак времен
И выше всех других имен
Твое бы имя начертали.
И славный подвиг бы сиял
В бытописаньях смутных мира,
И о тебе гремела б сладко лира,
И музы глас тебя бы воспевал!
Не правда ли?

Димитрий

О, чудные надежды,
Прелестный глас! Марина! Но стерплю ль
Безумную гордыню Сигизмунда?

Марина

Там гордое названье избирай,
Там выдумай себя достойный титул,
Кто будет спорить? Весь крещеный мир
Перед тобой преклонится смиренно.

Димитрий

Да, это правда; но теперь, теперь?

Марина

Теперь с Литвой начни переговоры.
Ты знаешь сам, как глупо горд король;
Скажи послам, что если титул царский
Он даст тебе, ты шведский трон ему
Опять отдашь, но только...

(смеясь)

на бумаге.
Не правда ль, я разумно говорю?

Димитрий

О продолжай! К твоим устам прикован
Мой жадный слух.

Марина

Послушайся меня.
Не разрывай ты с Западом союза!
Подумай сам, как Ватикан хитер,
Как много тайн известно иезуитам!
О милый друг, тебе нужна Литва,
Чтоб усмирить народное волненье,
Чтоб укрепить еще нетвердый трон,
Чтоб осветить твой Север полудикий
Чудесными лучами южных стран,
Но более, чтоб силою двойною
Попрать луну... О, я молю тебя:
Не огорчай души твоей Марины,
На вечну скорбь не осуждай меня,
Не дай пролить мне горьких слез потоки
Над бедствием моей страны родной,

Над гибелью моих единокровных!
Молю тебя, не отвергай мольбы.

Д и м и т р и й

Не должно бы, но отказать не в силах.

М а р и н а

Не правда ли? Ты обещаешь мне.
О, знаю я, ты победишь султана.
Смотри! Венец из лавров я сплела
Для твоего державного чела.

(Примеряет на нем венец.)

Ты будешь в нем, как тот великий кесарь,
Бессмертный вождь и слава прежних дней!
Уж вижу я, твой лик блестит победой,
И торжество в огне твоих очей!..
Но обещай, о мой любимый витязь,
Что на Литву меча не извлечешь.

Д и м и т р и й

(обнимая ее)

Волшебница! Зачем моей душою
Владеешь ты? Зачем я слабый раб
Твоей красы, твоих речей прелестных?

М а р и н а

Но обещай!

Д и м и т р и й

Да, обещаю я.

М а р и н а

Кто там шумит?

Р о з а

(входя)

Боярин Петр Басманов.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Входит Басманов.

Димитрий

Что нового?

Басманов

От терских казаков
Сейчас гонец с известием приехал,
Что кумыки с отрядом янычар
И с конницей — всего двенадцать тысяч —
Под знаменем дербентского паши
В российские пределы ворвалися.

Димитрий

А, нехристи, они хотят войны.
В российские пределы! Это боле,
Чем в титуле мне царском отказать.
Что ж казаки?

Басманов

Их атаман удалый
Пошел навстречу с горстью молодцов,
Пашу разбил, добычу, пленных забрал
И множество на месте положил.

Димитрий

Лихой народ!

Басманов

В гористом Дагестане
Два княжества передалися нам
И бьют челом тебе, их государю.

Марина

Вот видишь ли, что в грудь мою любовь
Вложила дар пророчества. Я знала,
Что небеса Димитрия спасли
Для гибели народов мусульманских.

Басманов

Сейчас гонца отправил я в Елец,
Чтобы полки к Чернигову тянулись.

Димитрий

Перемени! Пусть ждут меня в Ельце.

Басманов

Как, государь?

Димитрий

Войны не будет с Польшей.

Басманов

Ты королю за дерзость не отмстишь?

Димитрий

И без войны управлюсь с Сигизмундом.

Басманов

Ты оскорблен перед Россией всей.
Когда смолчишь и стерпишь поруганье,
Я за Москву ручаться не могу.

Димитрий

Ну что Москва! Мои стрельцы надежны,
Немецкая дружина мне верна,
Да поляков здесь тысячи четыре,
Да пушкари, да медных пушек сто.
Не мальчик я, не Годунов-ребенок:
Грозой уйму мятеж и заговор.

Басманов

Теперь уймешь, покуда не созрели;
Но ежели ты честь венца отдашь
В добычу ляхам, презришь глас народный
И глас бояр, любящих твой престол, —
Созреют замыслы.

Марина

Чрез две недели,
А много три, царь двинется в поход,
И рушатся все замыслы коварны.

Басманов

Противна нам надменность поляков;
Война с Литвой нужна тебе.

Марина

Не слушай!
Пожалуйста, не слушай! Он сердит.

Басманов

Поверь мне, царь...

Марина
(перебивая)

Ты победишь Тавриду,
Чудесный край роскошной красоты.
Там много дев прекрасных, черноокиx;
Их гибок стан, приветливы уста,
Огонь любви под длинною ресницей.
Душа моя, ты не изменишь мне?

Димитрий

Нет, никогда! Нет, верен я до гроба.

Марина

Послушай, царь, покой мой веселей:
Пойдем туда!

Димитрий

Басманов, чтоб заутра
Послы опять явились пред меня!

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ

Входит Шут и бросается на колени.

Шут

Великий Государь, защити! Я твой шут, твой князь потешный, а меня прибили!

Димитрий

Тебя, тебя? Кто смел тебя ударить?

Шут

Не ударили, а били, колотили в кровь до полусмерти. Я провожал сегодняшних гостей да пошучивал, да подразнивал их по своему обычаю, по твоему царскому по-

воленью. Как обернется проклятый усач, да как примется меня тузить, да как пристанут к нему другие! Ай, ай, и спину и голову всю разбили. Ай, ай! Накажи усача, государь! Я твой потешник: без твоей воли никто не должен меня и пальцем тронуть.

Марина

Какой несносный шут! Он дерзок, пьян,
Над витязем ругался благородным
И с жалобой пришел. Оставь его.

Димитрий

Мне жалок ты, мой бедный князь потешный.
Вот золотой корабленик. Возьми
И вылечи свою больную спину.

Марина

Пойдем же, царь!

Басманов

О государь, внемли!

Марина

Гляди, вот мой венок зеленый,
Венок героя моего;
В нем гордый лавр и дуб сплетенный,
И мирт любви. Возьми его.
Пойдем же в мой покой!

Димитрий

Прощай, Басманов.

Димитрий и Марина уходят.

Басманов

Советник новый здесь.

Шут

И новый шут.

Басманов

Нам не к чему здесь оставаться доле.

(Уходит.)

Шут
(один)

А, так вот что! Возьми корабленик да вылечи свою спину. Вылечу, вылечу! Если змея укусит, убей змею да приложи убитую к ране; если укусит бешеная собака, так ее же кровью рану умой. Я себя вылечу.

(Передразнивая Марину)

Он дерзок, пьян!.. Какой несносный шут! Погоди, пошучу, пошучу. Ай, ай! Как спина болит; это всё за мои грехи, как говорит отец Иван. Кому служу я, прости господи? Хуже пса: телятину жрет, постов не знает, в баню не ходит. Я за него душу гублю; а как побьют, он и не думает заступиться. Вот тебе корабленик, вылечи спину! Вылечу, вылечу кровью проклятою. Шут, шут! Пошучу, да не посмеетеся.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Марина, Роза (входя опять).

Марина

Зови сюда двух музыкантов, Роза.
Они царя игрой развеселят.

Роза уходит.

(Одна.)

Войну с Литвой затеял!.. Нет, Димитрий!
На ней одной основан наш престол,
И в мире с ней владычество Марины.
Безумцу волю дай! Прогонит он
Всех поляков, моих единокровных,
Потом, глядишь, и сети разорвет.
Мечты любви поблекнут в наслажденьи,
От времени потухнет пылкий жар.
Нет! На любовь надеяться не стану;
Одна нужда надежна и тверда.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Дом Шуйского.
Князь Шуйский, старец слепой Антоний.

Антоний

Ты ждешь гостей, князь Шуйский?

Князь Шуйский

Да, Антоний.
Вчерашние сберутся беглецы.

Антоний

Вот видишь ли? А ты впадал в унынье
И не хотел словам моим внимать.

Князь Шуйский

Какая ж мне надежда оставалась?
Подумай сам! От слов «война с Литвой»
Все головы, как от хмельного меда,
Вскружилися; все бросили меня.
Была беда, да благо царь поправил.

Антоний

Как? Расскажи.

Князь Шуйский

Сегодня поутру
Мы собрались в кремлевские палаты,
И ласково нас встретил Самозванец,
И речь умно об деле земском вел.

Антоний

Князь века дал слугам своим премудрость
И сладку речь для гибели людей.

Князь Шуйский

Опять послы литовские явились
Еще смелей, надменней, чем вчера,
Грозилися, бранили, упрекали,
А царь стерпел, и мягок был как воск;
И говорил, что не желает ссоры,
Что дорожит приязнью короля,
И Власьеву опять переговоры
Велел начать, и ласково послов
Он отпустил и угостил роскошно.

Тут хмель прошел у всех моих друзей,
И, как поток, сорвавший все преграды,
По всей Москве, шумя, вскипел народ.

Антоний

Да кто же мысль его переменил?

Князь Шуйский

Шут говорит, что краковской красотке
Угоден мир, а наш веселый царь
Для черных глаз готов отдать и душу,
И свой престол.

Антоний

О маловерный князь!
Когда, когда откроешь взор духовный
И вышнего десницу узришь ты?
За грех Москвы, за наши беззаконья
Преступника возвел он на престол;
Но час придет, и свергнет вновь злодея,
И недалек суда господня день,
И грешною к раскольнице любовью
Падение расстриги строит он.

Князь Шуйский

Грядущее ты ведаешь, Антоний!

Антоний

Ты видишь сам, что я больной старик.
Мой взор закрыт, меня мальчишка водит,
Да не споткнусь о камень; но поверь!
Духовный взор мой чист, и зорко око,
И вдалеке мне виден божий путь.
Единого жилища православья,
Страны святых, не сокрушит господь;
Но тяжело и долго испытует
И чистую потом ее отдаст
Невинной, чистой длани.

Князь Шуйский

Эх, Антоний,
Кто в мире чист! Постой-ка, Ляпунов
Сюда идет.

Прокофий Ляпунов

Князь Шуйский, пред тобою
Виновен я.

Князь Шуйский

Пред богом, может быть,
Перед Москвой и Русью православной,
Но предо мной! Не думаю.

Прокофий Ляпунов

Вчера
Я, буйною надеждой ослепленный,
Доверчиво колена преклонял
Пред лжецарем, пред гнусным Самозванцем,
И думать мог, что бог ему внушил
Благую мысль, что свой обман отважный
Он славными делами освятит,
Что он отмстит за нас.

Антоний

Что злое семя
Даст плод благой? О грешник и слепец!

Прокофий Ляпунов

Я не внимал твоим советам мудрым.

Князь Шуйский

Не ты один: все опьянели вдруг.

Прокофий Ляпунов

Всё кончено; рассеялось мечтанье.
Поруганный послами короля,
Он замолчал, он жертвовал Россией
Своей любви и дружбе к полякам;
И с той поры он свой престол утратил.
И вся Москва уже с утра полна
Нескладными и чудными вестями.
Я побывал у всех твоих друзей,
Они сюда немедля соберутся;
И многие, безвестные досель,
Купцы, жильцы и знатные дворяне,

И сотники градские, и стрельцы
Пристали к нам. Мы все твои навеки!
Хоть явною, хоть тайною войной
Веди ты нас! Я для святого дела
Всем кланяюсь: и телом, и душой.

Князь Шуйский

Мне вас вести? Нет, полно, друг Прокофий!
Вчерашний день изведал я людей
И ваших дум непостоянну шаткость.
Что мне до вас? Изменчивы, как ветр,
Волнуетесь, как море в непогоду.
А я старик: вам нужен вождь иной.
Пойдем со мной, Антоний, в образную
И сотворим молитву.

Уходят.

Прокофий Ляпунов

Это что?
От замыслов князь Шуйский отказался!
Нет, нет, старик, ты проведешь других,
А не меня: хитер и богомолен!

Входят князь Куракин, бояре.

Князь Куракин

Ты, Ляпунов, уж здесь! Да где же князь?

Прокофий Ляпунов

Он молится.

Боярин

Он муж боголюбивый,
И праведный, и многим лучше нас.

Князь Куракин

Мы подождем.

Прокофий Ляпунов

Чего вам ждать, бояре?

Князь Куракин

Чтоб вышел князь, чтоб нашим был вождем,
Чтоб нам помог он свергнуть Самозванца.

Прокофий Ляпунов

Прекрасные надежды! Но, увы,
Не сбудутся. Князь Шуйский отказался.

Князь Куракин

Не может быть!

Прокофий Ляпунов

Он добр и прост душой,
За подвиг наш готов молиться тайно!
Но более не может.

Боярин

Боже мой!
Да без него удача невозможна.

Князь Иван Голицын

Что ж? Выберем начальников других
И без него низложим мы бродягу.

Князь Куракин

Нет, князь Иван, без Шуйского беда!
Один лишь он в Москве имеет силу
И знатность...

Князь Голицын

(перебивая)

А разве князь Нагой,
Иль ты, Куракин, иль хоть я, Голицын,
Мы выросли, как летние грибы?

Князь Куракин

А все-таки нам далеко до Шуйских.
Ни знатностью, ни саном, ни умом,
Ни доблестью, ни службой, ни богатством
С Василием тягаться нам нельзя.

Боярин

Сомненья нет.

Князь Куракин

Да только я не верю,
Чтоб не хотел он нашим быть вождем.

Прокофий Ляпунов

Увидите.

Князь Куракин

Подумай, брат Прокофий:
Уж царь давно на местничество злится,
Так Шуйскому отстать от нас грешно.

Прокофий Ляпунов

Я говорю, увидите.

Князь Куракин

Пустое!
Не стерпит он, чтоб с нами наравне,
С боярами, с природными князьями,
Шел дворянин, стрелец или казак,
А впереди усатый пан литовский
Иль римский поп, заморский скоморох.

Салтыков

Как дерзок царь, как он неблагодарен!
Подумайте, как я служил ему,
И кланялся, и бил челом смиренно,
И с ляхами был дружен. Что ж теперь?
На этих днях уговорил я Мнишка,
Чтоб он просил награды для меня;
И знаете ль, что отвечал расстрига?
«Не дам ему: в нем подлая душа».
Душа, душа! Как виден бывший дьякон!

Князь Куракин

Ну, признаюсь, обижен Салтыков!

Хохочут.

Салтыков

Да, смейтеся!

Князь Куракин

И правду не до смеху.

Входит князь Шуйский.

Князь Шуйский

Скажите мне, какой счастливый час
Собрал в мой дом таких гостей бесценных?

Князь Куракин

Что за вопрос? Ты сам нас призывал
Стать за Москву, начать святое дело
И нашу Русь спасти от лжецаря.

Князь Шуйский

Когда ж, когда?

Князь Куракин

Помилуй, князь Василий,
Не ты ли к нам всечасно присылал
Из Галича, из мрака дальней ссылки,
Своих друзей и преданных дворян
И от людей святых благословенье,
Чтоб пробудить покорную Москву?

Князь Шуйский

Ты шутишь, князь!

Боярин

Вот Ляпунов свидетель.

Князь Куракин

К чему еще свидетели! Вчера
Ты нас молил не верить Самозванцу;
Его слова, внезапну брань с Литвой
Ты называл порывом безрассудным.

Князь Шуйский

И что же вы сказали мне в ответ?

Князь Куракин

Не вопрошай! Нам совестно и вспомнить.

Салтыков

Что совестно? Какая совесть тут?
Мы думали, что он разладил с Польшей,
Что вновь бояр своих полюбит он,
Нас наградит, пожалует богато
И прежнее нам будет вновь житье!
Ты знаешь сам, что к меду липнут мухи,
А к милостям и злату род людской.

Князь Куракин

Стыдись!

Князь Шуйский

Вчера обман, и самозванство,
И ересь — всё прощали вы ему:
Свершайте же свой подвиг, как хотите!
Не изменю, не помогу я вам!

Князь Куракин

Но без тебя кому ж народ поверит?
Чей глас, как твой, подвигнет всю Москву?

Князь Шуйский

Вы знаете, что царь великодушный
Простил мне все минувшие вины.

Князь Куракин

Помиловал, как милует разбойник.

Князь Шуйский

А вы вчера не все ль забыли вдруг
Свои слова и тайные обеты,
И родины неслыханный позор?
Подите, нет: не любите России,
Вы холодны к призванию ее.
Берите же себе вождя любого,
Но не меня.

Князь Куракин

Винимся пред тобою.

Князь Шуйский

Винитеся, а завтра к вам улыбку
Вновь обратит непостоянный царь,
И перед ним преклоните колена,
И от меня отступитесь опять.

Князь Скопин-Шуйский

Им будет стыд. Тебе какое дело?
Ты верен будь своей стране родной.

Князь Шуйский

Оставь, племянник.

Прокофий Ляпунов

Многие граждане
Здесь ждут в сенях; велишь их отослать?

Князь Шуйский

Нет, Ляпунов: хочу проститься с ними.

Входят граждане.

Зачем ко мне собрались в час ночной,
Друзья?

Граждане

(кланяются)

Мы бьем челом тебе, князь Шуйский,
Мы, граждане со всех концов Москвы,
К тебе пришли с усердною молитвой,
Да сжалишься над русскою страной.
Ты, праведный обманов обличитель,
Ты, мученик за истину и нас,
Восстань, восстань! Расторгни плен России,
Сними позор с страдающей земли!
Лишь от тебя мы чаем избавленья.
Так мыслит вся престольная Москва,
Так говорят служители святыни,
Так нам рекли духовные отцы.

Князь Шуйский

Я не могу исполнить вашей просьбы.

Князь Скопин-Шуйский

О господи! В тебе застыла кровь.
Одумайся! Перед тобой Россия;
Ее сыны, достойные сыны,
Тебя зовут на помощь. Ты не можешь?
Не смеешь ты? И ты природный князь
И суздальских властителей наследник!
Как? Вся Москва и Русь тебя зовет,
И сей могущий глас, сей глас призывный
Не пробудил в тебе высоких дум,
И ты стоишь безмолвный, беспорывный;

Душа молчит, робеет хладный ум.
Одумайся!

Князь Шуйский

Племянник, успокойся!

Граждане

О вспомни, князь! Расстрига, злой беглец,
Слуга Литвы, подручник Сигизмунда
Заполонил и церковь, и народ.
Он тестю даст всю Северскую землю
И Новоград отдаст своей жене.
Мы ведаем, что грамота готова;
Не правда ли?

Князь Шуйский

Быть может.

Князь Скопин-Шуйский

Боже мой!
И бедствий сих ты будешь ждать спокойно?

Граждане

Мы ведаем: он папу признает,
Обители святые уничтожит
И инокинь и старцев изженет.

Князь Шуйский

Всё может быть.

Старец Антоний

До страшной той годины
Не дай господь мне, грешнику, дожить!

Граждане

О, сжалься, князь, над скорбною Россией!

Князь Шуйский

Вы знаете, что я страдал за вас,
Что голову я положил на плаху;
Исполнен долг.

Князь Скопин-Шуйский

Как! Долг исполнен твой?
Нет: двадцать раз иди на место казни
И двадцать раз (коль можно) умирай:
Всё родине ты долга не уплатишь.

Князь Куракин

Я думаю, он хочет изменить.

Князь Скопин-Шуйский

Ты слышишь ли? Стыдись, стыдися, дядя!

Князь Шуйский

Ты молод, друг, чтоб старика учить.
Не изменю, но я боюсь измены.

Князь Куракин

Клянемся все, и бог свидетель нам,
Что мы тебе отныне все покорны,
Доколь вконец не сокрушим мечом
И лжецаря, и ляхов ненавистных.

Князь Шуйский

Клянетесь ли?

Все

Клянемся.

Князь Шуйский

Бог велик!
Его рукой свершится правый подвиг.
Идите же, гражда́не, по домам,
Молитеся и тайну сокрывайте,
И к роковому дню мечи приготовляйте.
Отсель, друзья, вождем я буду вам.

Граждане

(уходя)

Господь свершит тобой спасенье нам.

Князь Шуйский

(к боярам)

Друзья мои! Надеюся на вас;
Увидимся для дальних совещаний.

Бояре

(уходя)

Увидимся. Прощай, почтенный князь!

Князь Шуйский

Друг Ляпунов, с надежными гонцами
Пошли приказ по вотчинам моим,
Чтоб выслали ко мне в Москву скорее
Отважнейших и лучших удальцов
С оружием, готовым для сраженья.
В соборы все, во все монастыри
Богатые отправлю приношенья...
Прощай, мой друг. Антоний, мы пойдем
И совершим полнощное моленье.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Внутренность дворца.
Басманов и Шут.

Басманов

Ну, что скажешь, князь потешный? Не слыхал ли чего? Не заметил ли? У тебя глаза остры, да и уши чутки: про Шуйского ты первый проведал. Не знаешь ли теперь чего?

Шут

Нет, брат Петр, от немецких вин в глазах темно, от польской музыки в ушах залегло. Ничего не знаю.

Басманов уходит.

Вот я умная голова, уж раз дураков выручил; а поляк побил, никто не заступился. — Вылечи спину, да и только! — Вылечу, вылечу! — А теперь опять: не знаешь ли чего, князь потешный? Да и знаю, а не скажу; да и мог бы открыть, ан промолчу. Мог бы затушить порох, ан сам подожгу.

Входят князь Шуйский и князь Голицын.

Э, э! Князь Шуйский! Послушай-ка песню.

Собрались ребята
На богатый пир
В царские палаты
Пива, меду пить.

Напилися пива:
Пьяные легли,
И дороги с пира
Гости не нашли.

Князь Шуйский

Что мне до твоей песни?

Шут

Не любишь дудки, полюбишь палку; не хочешь сказки, услышишь быль. Ну хоть ты, князь Голицын, послушай сказочку. Жил-был царь, и дал он своим боярам праздник за заставою, и сказал царь своим боярам: «Ой вы мои други, верные слуги, на вас платье старое шелковое; сошью новое сосновое, а головы умные, разумные прикреплю колом осиновым, чтобы ветер их не снес». Как сказано, так и сделано. Платья перешиты, головы пронизаны, а тело под землю упрятано, от ветра и солнца, от дождя и мороза. Не светло, да тепло! А когда-то это было? За заставой в воскресный день. Прощайте, ребята, прощай, Василий Шубник, бог с тобою! Больно сердит ты да невесел; повеселят старика. Петь не любишь, плакать будешь; плясать не хочешь, так спать уложат, да и всех бояр: да и то в воскресенье. Что ж ты, брат, не смеешься?

Князь Шуйский

Потешный князь! Поди к другим боярам
Да расскажи. Им также будет смех.

(К Голицыну)

Что скажешь ты?

Князь Голицын

На быль похожа сказка.

Князь Шуйский

Мы ускорим удар.

Князь Голицын

Уж поздно, князь;
Пойдем домой.

Князь Шуйский

С тобою, князь Голицын,
Как много слуг?

Князь Голицын

Десяток.

Князь Шуйский

А со мной
Полдюжины.

Князь Голицын

И все небось с оружьем?

Князь Шуйский

Вестимо, брат! Теперь ночной порой
Того гляди, что поляки ограбят.

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входят Марина, патер Квицкий.

Марина

Уж пир к концу. Как долго длился он,
Как праздники московские докучны!
Я думаю, что скоро царь придет.

Патер Квицкий

Час важен сей. Решительным ударом
Ты утвердишь владычество свое:
Супруга трон и царство римской веры.
Господень дух внушит твои слова.

Марина

Отец святой! Тут будет много крови.

Патер Квицкий

Благая цель святит кровавый путь.
Ты знаешь ли, что твоему супругу
Спасенья нет, что бездна перед ним?

Марина

Всё знаю я. Но кто же вырыл бездну?
Кто подданных отторгнул от царя,
Его уча безумному презренью
К обычаям российской старины?

Патер Квицкий

Что ж? Нам стерпеть, чтоб он в объятья русских,
Чувствительный, доверчивый, упал;
Чтоб, к черни льстив и ласковый к боярам
И поляков гордыню обуздав,
Он разорвал свободною рукою
И нашу сеть, и римской власти цепь?
Не для того трудились иезуиты;
Не для того мы хитрою рукой
В его душе неопытной и юной
Посеяли науки семена;
Не для того погиб младой Феодор,
Чтоб эта кровь, старанья и труды
И хитрых дум расчетливая смелость
Остались бесплодными для нас.

Марина

Ты, патер, прав!

Патер Квицкий

Вотще рвался Димитрий
И путь иной себе открыть хотел.
Мы путами незримо охватили
Его стопы и привели — куда?
Суди сама! Меж им и русским царством
Стоят теперь волшебною стеной
Все призраки преданий суеверных,
Обычаев отверженных ярмо
И тайные боярские крамолы.
Назад нельзя — и бездна перед ним.
Он должен пасть. Мы руку предлагаем,
Чрез глубину преносим, — новый путь
Величия и славы открываем.
Он должен пасть иль нашим быть. Прощай!

Марина

Остановись! На твой совет ужасный
Я не могу одна склонить его.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Входит Димитрий.

Димитрий

Мой кончен пир, и гости разошлися.
Как радостно шумела их толпа,
Как весело и дружно все смешались,
Литва и Русь, в единый братский круг!

Марина

Доверчивый и добрый мой Димитрий!

Димитрий

Как ты грустна, Марина! Что с тобой?

Марина

Мне жаль его. Как сон его приятен!
Как тяжело проснуться должен он!

Димитрий

Пророчество и горе. О, я вижу,
Уж, верно, ты, премудрый патер мой,
Рассказами смутил мою Марину.
Не верь ему!

Марина

Он хочет нас спасти.
Внимай ему!

Патер Квицкий

Позволь мне удалиться,
О государь! Царица знает всё.

Димитрий

Постой, постой! Что это за загадки?
Откроете ль мне их глубокий смысл?

Марина

Их смысл глубок и мрачен так, как бездна,
Над коей ты, беспечное дитя,
Блестящими пирами веселишься.

Димитрий

Как, под дворцом есть пропасть?

Марина

Не шути!
Как кормчему пред близкою грозою,
Так дороги мгновенья для тебя.

Димитрий

В твоих устах, прелестный мой наставник,
Мне нравится заботливый укор.

Марина

О перестань! Душа моя трепещет
Пред глубиной правительственных тайн.

Димитрий

Не для тебя они, моя Марина!
Твоя душа прекрасна и ясна,
Как тихих вод лазурная равнина;
Ты нежных чувств и кротких дум полна.
Нерадостны державы царской тайны:
В них кровь и казнь, измена и мятеж,
И строгий суд, и гнева бурный пламень.
Оставь же их!

Марина

Да, ты, Димитрий, прав.
Вся кровь моя оледенела в жилах,
Когда святой отец передо мной
Стал развивать ужасную картину
Грядущих бед и нынешних крамол.

Димитрий

Зачем он так безвременно заботлив?

Марина

О мой супруг! Благодари его.
Небесного царя святой служитель,
Исполненный усердия к тебе,
Явился он, предвестник непогоды,
Чтоб пробудить заснувшего царя.

Внемли ему и бодрствуй. Час боренья
Уж недалек. Колеблется престол;
Огонь горит, еще покрытый пеплом,
Во тьме созрел ужасный заговор.

Димитрий

Не верь, не верь! Я знаю иезуитов.
Их хитрый ум наклонен к мятежам,
Их радуют кровавые волненья,
Им мирная противна тишина,
Как сонный ветр в пустынях океана
Томителен для смелого пловца.
И оттого им снятся заговоры,
Как воину всё снятся стук мечей,
И крепости, и враг зверообразный,
И сладкий звон гуляющих ковшей.

Патер Квицкий

О юный царь! Как смело и поспешно
Ты произнес неправый приговор!
Нам суждено служить неблагодарным
И тяжкий труд всечасно начинать,
Наград не зря, плодов не собирая.
Да будет так, как ты, господь, велишь!

Димитрий

Я не хотел тебя обидеть, патер;
Я ведаю, что опыт долголетний,
И хитрый ум, испытанный в делах,
И знания в тебе соединились;
И в трудностях на поприще моем
Меня не раз ты направлял ко благу.

Патер Квицкий

Не нужно мне упреков, ни похвал.
Я не пришел минувших дней заслуги
Напоминать, но днесь в последний раз
От гибели тебя спасти, Димитрий!
Вокруг тебя лукавый сонм бояр,
Пред властию смиренно преклоняясь,
Но с злобою, сокрытою в душе,
Ужасный ков составили во мраке.
Но я открыл их гнусный заговор.

Димитрий

Участников ты знаешь?

Патер Квицкий

Знаю многих.
По знатности, по сану, по уму
Начальник всем князь Шуйский.

Димитрий

Быть не может.
Подумай сам: возможно ль? Шуйский князь,
Избавленный от смертной казни мною!

Марина

Всегда змеей останется змея.
Признательность чужда для властолюбца,
И низкий дух обиды помнит всё,
В единый миг забыв благодеянья.

Димитрий

Другие кто?

Патер Квицкий

Все Шуйского друзья:
Бутурлины, Татищев, Милославский
Да Салтыков.

Димитрий

Бездушник и подлец!

Патер Квицкий

Голицыны.

Димитрий

Изменники двойные.
Да, верю я, тут заговор сокрыт.

Патер Квицкий

К Куракину в просторные палаты
Сбираются полунощной порой.
И тихо всё: закрыты плотно ставни,

И заперт двор, чтоб шум иль яркий свет
Не обличил их тайных совещаний.

Димитрий

Не скроются, не скроются во мгле
Коварные и низкие злодеи.
Я отыщу подземное гнездо,
Я раздавлю шипящую эхидну.
Мой верный друг! Теперь понятны мне
Их рабские коленопреклоненья
И льстивая покорность их речей.
Всё мед и мак, чтоб взоры льва младого
Сомкнулись сном; но пробудился лев.
Готовьтеся к кровавому отчету,
Преступники! Мой друг, ты спас меня.

Марина

Ты видишь сам, что милость бесполезна,
Что в строгости спасение царей;
Теперь внимать внушеньям кротким сердца
Не должен ты. Губи, казни врагов!

Димитрий

О, знаешь ли, как больно, как жестоко
Крамольники мою терзают грудь!
Ты знаешь ли, как я люблю Россию?
Ты знаешь ли, что ночию и днем,
И в снах моих, и в думах, и в мечтаньях
Всё цель одна была передо мной —
Отчизны честь и счастье... О, ужасно!
За милости, за мой незлобный дух
Мне заговор наградой!.. Шуйский! Шуйский!
Ты мной прощен! И вот сердца людей.
А, кротости ценить вы не умели —
Так над собой увидите грозу
Свирепую, жесточе Иоанна.
Я чувствую, душа горит огнем,
В моей груди родится жажда крови.
Я их казню, стопчу безумцев в прах,
Мученьями и казнями упьюся,
Я истреблю злодеев; видит бог,
Всех истреблю.

Марина

Не говори о казнях.
Еще борьбы сомнителен успех,
Еще трудна и неверна победа.

Димитрий

Что? Страшен бой? Трудна победа? Мне
Противников страшиться? Нет, Марина!
Пока я спал в доверии слепом,
Во мгле вилась, питалася крамола
И выросла волшебною змеей;
Но встану я, но голос мой раздастся,
Как зык трубы гремящей, боевой,
Но меч блеснет, и червем обратится
Чудовище, грозившее войной...
Бояться! Нет! Хитры они, лукавы,
Бессовестны, бездушны, но со мной
Начать борьбу не могут. Этот Шуйский
В делах смышлен, искусный лицемер,
Но не ему с моей тягаться силой!
А прочие ничтожнее еще...
То бой орла с полнощною совою.

Патер Квицкий

Но в темный час, когда заснет орел,
Полнощнице не тяжела победа.

Димитрий

Мой взор открыт и не сомкнется он,
Доколь вконец не сокрушу измены.
Не страшен мне мятежный ков бояр,
Пока народ признателен и верен.

Марина

Народ, народ! Да он твой первый враг
И жадно ждет боярского призыва,
Чтобы восстать и низложить тебя.

Димитрий

Восстать? За что? За то ли, что поборы
Я уменьшил? За то ль, что власть бояр
Я укротил правдивою рукою;

Что кроток я, доступен всем мольбам
И правый суд даю нелицемерно?
За это ли?

Марина

Не ослепляйся, царь!
Для черни ты гнуснее Иоанна,
И Годунов перед тобою свят.
Свирепым будь: народ замолкнет в страхе;
Преступником: и он тебя простит.
Ты хуже всех тиранов — ты еретик.

Димитрий

Еретик! А!

Марина

И где ж твои друзья,
Советники, где верный твой Басманов?
Они молчат.

Димитрий

Не обвиняй Петра!
Он говорил.

Марина

И ты ему не верил
И гибельно обманывал себя!
Иди ж внимать, как эта чернь слепая
Раскольником, безбожником, волхвом
Тебя везде, всечасно называет
В своих церквах, и в тишине домов,
И на пирах, и на шумящих рынках!
Поди внимать, как каждая черта,
Как каждое замечено движенье:
Что их постов не соблюдаешь ты,
Не любишь бань, не дремлешь по трапезе...

Димитрий
(перебивая)

Что ж? Быть слугой, у черни быть рабом,
Носить ярмо преданий суеверных
И жертвовать привычкой долгих лет?

Патер Квицкий

О государь, ты мыслишь благородно,
Храня в душе высокий плод наук;
Но, оскорбив народа предрассудки,
В нем не ищи подпоры и любви;
Жди мятежей и злобы ядовитой
И зреющей к восстанию вражды!
Поверия ему дороже веры.

Марина

Есть враг другой, лукавее бояр,
Опаснее мятежного народа;
Он ополчен молитвой и святыней
И совестью доверчивых граждан;
Церковный суд в его могущей длани,
Анафема гремит в его устах.
Он раздувает пламя.

Димитрий

Духовенство?
Я чувствую, что оскорбил его.

Марина

Все на тебя. Один раздастся голос
Решительный, и мигом вспыхнет всё;
И ты падешь, как жертва без защиты,
Без боя.

Димитрий

Нет, без боя не паду!
Нет, эта длань не выдаст без сраженья
Моей главы, и этот добрый меч
Притупится на их костях враждебных!
Без боя? Нет, так гибнет в бегстве лань,
Так под свинцом падет пугливый заяц;
А лев и барс ложатся на телах,
Сраженные, но чуждой кровью сыты.
Увидим мы! Едва взойдет заря,
Я завтра же с Микулиным, с стрельцами
Схвачу бояр преступных.

Марина

Двух иль трех,
Не более, и завтра же погибнешь.
Их кровные, их верные друзья
Подымут клич, и вся Москва восстанет
На мщение.

Димитрий

Не знаешь ты Москвы!
Она руки преступной не поднимет
На своего законного царя,
Доколе глас вдовицы Иоанна
Обманщиком меня не назовет.
Я клятвою ужасною связал
Ее уста и не боюсь измены.

Марина

Так вот стена меж бездной и тобой:
Слова жены изменчивой и слабой,
Измученный раскаянием дух!
Таков оплот московского престола
И славный щит российского царя!
Она клялась! От новых обольщений,
От совести, от страха, от угроз
Бессильная, своей изменит клятве.
И что ж тогда?

Молчание.

Патер Квицкий

Предупреди врагов
Решительным ударом — и спасешься,
И совершишь в спокойном торжестве
Высокие души предначертанья.

Димитрий

Как? Говори!

Патер Квицкий

Редеет ежедневно
Обмана тень; неверный мрак удвой.
Мятеж растет стоглавою змеею.
Все головы снеси в единый мах.

Димитрий

Ясней, ясней!

Патер Квицкий

С родительницей мнимой
Заутра же на площади явись,
Да утвердит она признаньем новым
Твоих судеб сомнительный рассказ,
И патриарх, твоей покорный воле,
Да освятит торжественный обряд.

Димитрий

Что пользы в том? Кто будет мне порукой,
Что робкая не отречется вновь?
Когда обет и клятва ненадежны,
Чем на уста положишь ты печать
Глубокой, вечной тайны?

Патер Квицкий

Чем? Землею.

Молчание.

Могилы дверь не выдаст тайн своих.
От позднего раскаянья, от страха,
От обольщенья власти и надежд
Порукой нам заклепы гробовые.

Димитрий

О патер!

Патер Квицкий

Что ж? Единый путь открыт:
Иди по нем иль гибни! Этой смертью
Ты закалишь своих обманов цепь,
И матери последнее прощанье,
Перед концом раздавшися в Москве,
Твой царский трон благословит навеки.

Димитрий

О, ты ужасен!

Патер Квицкий

Гордые главы,
За коими — чудовищное тело —

Вьется чернь в волнении слепом,
Ты сокрушить единым махом можешь.

Димитрий

Бояр, бояр, не правда ль?

Патер Квицкий

Всех зови
На пиршество или совет великий.

Димитрий

А после что?

Патер Квицкий

Что сделал Боабдиль,
Иль Христиерн. Ты помнишь ли, царица?

Марина

Я помню.

Димитрий

Что ж?

Марина

В Альгамбру, в свой дворец,
Гренады царь созвал Абенсерагов,
Готовивших падение его;
Все собрались от мала до велика...

Патер Квицкий

И ни один не вышел из дворца.

Димитрий

Зарезаны?

Патер Квицкий

И их увидя трупы,
От ужаса безмолвствовал народ
И, пред царем смиренно преклоняясь,
Покорствовал.

Димитрий

И это твой совет?

Патер Квицкий

Поверь мне, царь! Твои бояре хуже,
Опаснее Абенсерагов.

Димитрий

Всех?
Всех без суда — невинных и виновных?

Патер Квицкий

Когда настал борьбы последний день,
И дороги летучие мгновенья,
И каждый час грозы и бедствий полн —
Тогда и суд, и жалость неуместны.

Димитрий

Довольно, ксендз. И это человек!
И в сей груди биется так же сердце,
И в жилах сих лиется так же кровь?
О иезуит! И ты не призрак ада?
Не сатана? Я видел смерть вблизи,
Гулял мечом в сражении кровавом,
Топтал конем дрожащие тела
И радовался битве; но спокойно,
Не побледнев, не дрогнув, рассуждать
О выгодах гнуснейшего злодейства;
Но сотням жертв смеясь готовить казнь —
Противно мне. Словам твоим внимая,
Я чувствовал, моя застыла кровь,
На голове власы вставали дыбом,
И я дрожал. Ты страшен, иезуит!

Патер Квицкий

А! Ты хотел владеть чужим престолом,
Держать венец под именем чужим;
Ты дерзко лгал пред небом и землею,
В свидетели бесстыдно звал творца,
И совестлив, как отрок непорочный!
Смешно!

Димитрий

Не с тем я овладел венцом,
Чтобы под ним злодействовать по воле.
Для подвигов, для чести и похвал,

Для славных дел, дарующих бессмертье,
Не для убийств держу я царску власть.
Да, я хотел и днесь хочу России
Величия и славы.

Патер Квицкий

Доскажи!
Спасенья душ и царствия христова,
И счастия всех подданных своих.
Прекрасно всё. Но, царь мягкосердечный!
Судьба без жертв награды не дарит,
И страшный путь благой святится целью.

Димитрий

О, перестань!

Марина

Ужасен этот путь,
Но для тебя спасенья нет иного.
Мятеж созрел: он вспыхнет, и огонь
Безбрежною рекою разольется,
И смертному не укротить его.
Предупреди!

Димитрий

Чем? Гнусною изменой
И казнию невинных? Нет, Марина.

Марина

О, этот мир исполнен многих зол;
Невинных кровь течет в народных бурях:
Она течет, чтоб бури отвратить,
И сто падут, да тысячи спасутся.

Димитрий

В моем дворце убить моих гостей!
В монастыре печальную вдовицу,
Готовую чин ангельский приять...
Ужасно! Нет, я не могу.

Марина

Иди же.
Сложи главу на плахе площадной!
При хохоте безумного народа

Окончи жизнь как презренный злодей,
Как низкий вор! Конец тебя достойный,
Не правда ли? Возьми за все труды,

Димитрий в волнении закрывает глаза руками.

За подвиги, за битвы все в награду
Анафему, насмешки и топор!..
Гляди, гляди! Идет в твоей порфире
Князь Шуйский.

Димитрий
(вскакивая)

Кто? Бессовестный злодей,
Бездушник! Он царем!

Марина

Веселым криком
Толпа льстецов приветствует его.
А там в крови, во прахе кто повержен?
Внимай, внимай! Там черни дикий вопль,
Слова: «Злодей, обманщик, злой расстрига».
Там ярый смех, и вот твоя судьба,
Вот имени великого бессмертье!

Димитрий

О, пощади!

Марина

И снова вспыхнет бунт,
И новых бед восстанет злая жатва,
И, раз вкусив тревог и мятежей,
Народ вскипит в войнах междуусобных,
И Русь твоя без силы, без царя
Падет под власть врагов иноплеменных.

Димитрий

Остановись! Еще не кончен бой,
Еще бояр сомнительна победа.

(Всплеснув руками)

Но в руки взять разбойничий кинжал,
Но сыпать яд в сосуд жены бессильной.
О, ужас!.. Петр! Боярин Петр Басманов!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Входит Басманов.

Димитрий

Мой верный друг, спаси, спаси меня!
Ты видишь ли, вот женщина и старец;
Но это змии. Что? Не веришь ты!
О, если бы ты их услышал речи,
Ты содрогнулся б.

(После молчания)

Заговор открыт,
К Куракину полнощные злодеи
Сбираются.

Басманов

Я этой вести ждал;
Но тайна зла доселе сокрывалась
От глаз моих.

Димитрий

И множество бояр
Участников в опасном кове.

Басманов

Верю.

Димитрий

К восстанию Москва готова.

Басманов

Царь,
Не то же ли и Вандеман, и Фидлер,
И я тебе всечасно говорил?

Димитрий

Беда близка. Что думаешь, Басманов?

Басманов

О, если бы, услыша мой совет,
Ты дружбою нескромной к иезуитам
Не раздражал духовных и Литвы
Гордыню стер могущею рукою,
И Шуйского казнил или, сослав,

Не миловал, не возвращал из ссылки —
Тогда б легко ты обуздал мятеж
И сокрушил боярскую крамолу.
Но нет, тогда то гнева чудный пыл,
То кроткий дух, доверчивая благость,
То речь любви мутила ясный ум
И гибельной вели тебя стезею.

Димитрий

То прошлое; но что теперь?

Басманов

Теперь
Лишь кровию, и лишь потоком крови,
Спасешься ты.

Димитрий

Я понял мысль твою:
Не правда ли, казнить виновных смертью?

Басманов

Без жалости.

Димитрий

Лазутчиков пошли
Ты завтра в ночь, чтоб стерегли палаты
Куракина; и если бы к нему
Мятежные бояре собралися,
Всех захватить! Скажи царице Марфе,
Чтобы она готовилась со мной
На площади явиться послезавтра.
Микулину вели, чтобы стрельцы
Во всякий час готовы были к битве,
Чтоб первый звук и первый глас трубы
Созвал их в Кремль. Дружине иноземной
Немедленно ты тот же дай приказ.

Басманов

Исполню всё. Но лучше бы не медля,
Оставивши враждебную Москву,
Тебе спешить в усердную Украйну:
Там будешь ждать елецких ты полков,
И казаков, и вольницы литовской.

Димитрий

Бежать, бежать! Нет, это стыдно, Петр!
Дай здесь сперва управиться с врагами,
Потом в поход; но полночь уж близка.
Прощай, мой друг, пойду искать покоя.

(Уходит.)

Басманов

Погибнет он, но я его люблю:
Незлобный дух, и смелый, и достойный
Прекрасного российского венца.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Марина и патер Квицкий.

Патер Квицкий

Ты слышала: царица послезавтра
На площади является с царем.

Марина

А после что ж?

Патер Квицкий

Тогда уж наше дело,
Чтоб никогда не отреклась она.
На пиршество за Стретенской заставой
Сбирается московский весь народ
И все бояре. Польская дружина
Надежна ли?

Марина

Надежна.

Патер Квицкий

Мысль мою
Ты поняла?

Марина

Супруг мой малодушен,
Так без него мы действовать должны.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дом князя Шуйского.

Ляпунов
(один у окна)

Как ночь ясна! Как ярко светит месяц,
Любуяся на спящую Москву!
Видал ли он, гуляя в поднебесной,
Столь пышный град? Видал ли Кремль другой?
Как в сумраке восходит величаво
Весь сонм палат, бойниц и древних стен,
И каждая из этих гордых башен,
И каждый храм, сиянием луны
Украшенный как сребряною ризой,
Увенчанный своим златым венцом!
Ни зыби на реке, ни облака в лазури,
И воздух тих; а днем была гроза
И гром гремел, но злым налетом бури
Очищены надолго небеса.
И будет то ж с святою нашей Русью.
Да будет ли? Не лжет ли Шуйский князь?
Не тешит ли меня он земской думой
И не себе ль готовит он престол?
Престол ему, ему, а власть боярам,
Как в прежни дни страданий и стыда,
Когда рабом своих рабов надменных
Сидел в венце младенец Иоанн!
И это ли готовим для России?
Для этого ль трудится Ляпунов?
Не лучше ли отважный самозванец
С высокою и пылкою душой,
Чем низкие, бездушные бояре,
Чем Шуйский сей, холодный лицемер?
Не лучше ли? .. Какие это песни? ..
А, поляки с своих пиров полнощных
Бредут домой.

(Музыка и голос на улице:)
Если топну я ногою,
Если звякнет сталь;
Тотчас в землю предо мною
Кланяйся, москаль.

А, пойте молодцы!

Как весело и вовремя пропели
Свой приговор и гибель лжецаря...
Сгублю его... А если князь Василий...
Что ж? Час придет, сочтемся.

Входит князь Скопин-Шуйский.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Князь Скопин-Шуйский

Ляпунов,
Давно ль ты здесь?

Ляпунов

Давно.

Князь Скопин-Шуйский

Да где ж другие?

Ляпунов

К полуночи сберутся. Дядя твой
До сей поры домой не возвращался.

Князь Скопин-Шуйский

Знать, у царя запировался он.

Ляпунов

Что ж не был ты на празднике веселом?

Князь Скопин-Шуйский

Нет, Ляпунов, души не удержу.
Я не могу смиряться лицемерно
Перед врагом.

Ляпунов

Поди да поучись
У Шуйского.

Князь Скопин-Шуйский

Что говорить о дяде?
Он стар: не кровь, а лед в его груди;
Он может льстить и думать об убийстве,
И ласково отраву подавать,
И кланяться, и сладко улыбаться,

И между тем выглядывать, куда
Кинжал верней, смертельнее ударит.
Нет, Ляпунов, он не примером мне.

Ляпунов

Всё хорошо; но если царь Димитрий...

Князь Скопин-Шуйский
(перебивая)

Не царь и не Димитрий, просто лжец,
Отрепьев, Гришка. Слушай, это имя
Меня как ядом жжет; его лицо
Противно мне, как ад; противен голос,
Как резкое шипение змеи.
Не говори об нем! Невольно рвется
Рука к мечу, и меч как бы живой
Дрожит в ножнах.

Ляпунов

Ну, скоро час спасенья
Для нас пробьет.

Князь Скопин-Шуйский

Пора, давно пора!
О господи, когда тот день настанет,
Когда мечом я в схватке роковой
С ним встречуся, неумолимый мститель
За нашу Русь, за стыд и плен Москвы?
О, я готов, когда бы можно, кровью,
Всей кровию, что в сердце у меня,
Тот лист омыть, в котором век грядущий
С насмешкою запишет наш позор!

Ляпунов

Какой позор! Что верили мы басне,
Что, именем прельщенные святым,
Дались в обман!

Князь Скопин-Шуйский

И я ему поверил,
Ему служил! Но слушай, Ляпунов,
Теперь конец. У всех открыты взоры,
Туман исчез, и всех бояр сердца

Святым огнем мгновенно запылали,
Огнем любви к своей стране родной.

Ляпунов

В боярах, князь, таких сердец не много;
Наперечет: Голицын — князь Андрей,
Да стольник, князь Пожарский, да Волконский,
А прочие!..

Князь Скопин-Шуйский

Ты всюду видишь зло.

Ляпунов

Да где добро? Я молод, князь Михайло,
Но знаю свет; и этот свет лукав.

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ

Входит князь Шуйский.

Князь Шуйский

Здесь Ляпунов и мой племянник. Поздно,
Друзья мои, я прихожу домой.

Ляпунов

Что, с пиру?

Князь Шуйский

Нет, я совещался долго
С Куракиным. Да будут ли сюда
Все званые?

Ляпунов

Когда настанет полночь,
Знатнейшие дворяне и жильцы,
И сотники, и головы градские
Придут сюда.

Князь Шуйский

Я звал еще к себе
Начальников дружин новогородских,
Дворян тверских, смоленских; их полки
Вблизи стоят и царских ждут приказов,
Чтобы в поход отправиться к Ельцу.

Ляпунов

Надежны ли?

Князь Шуйский

Их нечего бояться:
Народ честной, издавна враг Литве,
И любит нас, и помнит Годунова.

Ляпунов

Да, помощь их была бы кстати нам.

Князь Шуйский

Пришла пора решиться. Перед нами
Готовится кровавая беда.
Предупредим ее.

Князь Скопин-Шуйский

Ну, слава богу!
Намешкались, надумалися вы.

Ляпунов

А после, князь, не правда ль, земской думой
Избрать царя?

Князь Шуйский

Конечно, Ляпунов,
Мы думу соберем. . . А вот уж полночь.

Полночь бьет. Из других комнат слышно пение слепого Антония.

⟨Антоний⟩

Полнощный час, полнощный час!
Душа, проснися для моленья,
Псалтырь, восстань для песнопенья,
Проснися, гуслей сладкий глас!
Молись! Господень взор не дремлет,
Господень слух молитвам внемлет,
И ночи пасмурная тень
Пред ним светла, как ясный день.
Блажен, кто, полный умиленья,
Поднявши очи к небесам,
Благоуханного хваленья
Ночной сжигает фимиам.

Настанет день, и с новой силой
Он, как орел ширококрылый,
Помчится в путь, и божий щит
Его незримо осенит.
Но если именем святыни,
Как ризой, покрываешь ты
Лукавства, злобы иль гордыни
Своекорыстные мечты,
Тебя господень суд постигнет,
Народны бури он подвигнет
И дом, и род преступный твой
Снесет кровавою волной.

Князь Скопин-Шуйский

Да будет так!

Ляпунов

Как я люблю Россию,
Так все труды и подвиги мои
Благослови, господь!

Князь Шуйский
(после молчания)

Гостей примите!
С Антонием меж тем поговорю.

(Уходит.)

Ляпунов

Он промолчал: знать, совесть нечиста!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Князь Скопин-Шуйский

В сенях шумят: не наши ль? Вот Татищев
С Валуевым, Засекин, Колычов.

Ляпунов

Их много тут, а в задние ворота
Так и валят. Пойдем их принимать.

(Уходит.)

Князь Скопин-Шуйский
(входящим гостям)

Приветствую вас, гости дорогие,
От имени хозяина.

Первый

Да где ж
Наш ласковый хозяин?

Князь Скопин-Шуйский

Он сейчас
Сам явится.

Второй

Едва пробила полночь
И по дворам пропели петухи,
Мы тут как тут.

Князь Скопин-Шуйский

На вас надежда наша
Крепка, как сталь.

Третий

Здорово, князь Скопин.
Поверишь ли, что сердце так и пляшет,
Как на тебя взгляну? Уж как похож
Ты на отца и взглядом, и лицом,
И голосом.

Князь Скопин-Шуйский

Дай бог, чтоб и делами
Я был похож!

Третий

Но только не концом.

Князь Скопин-Шуйский

Была бы жизнь возвышенна, прекрасна;
Смерть всё одна, какая б ни пришла.

Тверской дворянин

Зачем мы здесь?

Другой

Уж верно же недаром:
Князь Шуйский звал и в этот поздний час
Сбирает всех не для пустой забавы.

Третий

Гляди-ка, брат, сановники, купцы,
Бояре и мещане.

Другой

Сердце чует,
Что кроются здесь важные дела.

Третий

Не на Литву ль? Она уж всем постыла.

Боярин

Уж нынче царь натешился довольно.

Валуев

Вот, подожди, потешим плясуна.

Тверской боярин

А! Слышишь ли?

Боярин

Как шут в наряде польском,
Он так плясал с Маринкою своей
Да с ляхами, что за него невольно
Я покраснел.

Валуев

А между тем текла
Невинных кровь, святая перед богом,
Кровь инока и десяти стрельцов,
Безбожника в обмане обличавших.

Купец

Мы собрались. Да что же пользы в том?
Ведь злой колдун, расстрига окаянный,
И с ведьмою Мариной сквозь стены
Всё видит, слышит: бесы переносят
Им каждое словечко.

Ляпунов

Подожди!
Не много здесь услышишь: все окошки,
Ворота, дверь осенены крестом,
Окроплены святой водою.

Купец

Так-то!
Догадлив князь, уж нечего сказать!

Многие
(входят)

Спасите, заступитесь!

Ляпунов

Что такое?

Окружают их.

Первый

Нас поляки...

Второй

Постойте, я скажу.
Мы пятеро без шума пробирались
По улице.

Первый

Да из чего шуметь?
Кажися, мы не хмельны.

Второй

Не бродяги.
Я сотник городской.

Первый и третий

А мы купцы
Не из последних: торг ведем с Ганзою.

Четвертый

А я жилец.

Пятый

Я царский дворянин.

Бояри н
Мы знаем вас. Да что ж случилось с вами?

Второй
Вот встретилась нам шайка поляков.

Первый
Все пьяные.

Второй
Как крикнут: «Прочь с дороги,
Московские собаки!»

Первый
А другой:
«Какие тут собаки, все бараны».

Второй
Нет: «зайцы» он сказал.

Первый
Ну, всё равно;
И, пьяные, как вдруг поднимут хохот!

Второй
Мы медлили. Тут принялись они
Бить и рубить, рубить и бить. Скорее
Мы в переулок, а они за нами,
Мы в лавку, вот к нему.

Первый
Что на углу
Мясницкой.

Второй
Да едва-едва спаслись.

Первый
А лавку-то разграбили злодеи:
Всё унесли, поставили вверх дном.

Тверской дворянин
Ну, хорошо житье в престольном граде!
У нас в Твери спокойно.

Ляпунов

И до вас
Не нынче-завтра гости доберутся.

Многие

— Чего же ждать?
— Да долго ли терпеть?
— Восстанем разом.

Ляпунов

Вот идет хозяин.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Входит князь Шуйский.

Князь Шуйский

От имени поруганной Москвы,
От имени страдающей России
В последний раз, товарищи-друзья,
Я вас созвал для думы и совета.

Один голос

А после уж за дело?

Князь Шуйский

О друзья,
Пред нами путь высокий и прекрасный,
Пред нами долг завидный и святой!
Нас бог зовет на подвиг: в наши руки
Отечества грядущую судьбу
И древнее сокровище святыни,
Владимира божественный завет,
Он отдает. Мы будем ли достойны
Высокого призвания сего?
Свершим ли труд, завещанный от бога?
Оставим ли потомству своему
Мы край родной, могущий, чистый, вольный,
Как от отцов его прияли мы?
Ответствуйте!

Голоса

— Вестимо, не изменим.
— Не выдадим.
— За красную Москву,
За церковь и за веру мы готовы
И грудью стать, и головою лечь.

Князь Шуйский

Нет, не вконец за беззаконья наши
Прогневался господь. Нет, он спасет
От гибели народ свой православный.
Есть добрые и смелые сердца,
Горящие любовию к России;
Есть души сильные, для коих смерть,
Приятая за родину, краснее,
Чем долгий век в иноплеменных узах.
И здесь они... и наша Русь жива!
Минувшее вспомянем мы! Царевич
Был в Угличе убийцами сражен,
И видели останки бездыханны,
И знали все, кем он убит... Увы!
Мы тяжко согрешили: мы в порфиру
Святоубийцу нагло облекли!
И посетил нас божий гнев правдивый:
Под именем царевича восстал
Расстрига злой, приемыш иезуитов,
И с помощью враждебной нам Литвы
Он рать привел и взоры отуманил...
И перед ним (знать, так господь велел)
Все пали ниц, и верили безумно.
И нелюбим был строгий царь Борис.
И сладкими, волшебными речами,
Отважных дел высокою молвой
Неверящих прельстил злодей лукавый.

Голоса

— Да, он колдун и в деле, и в словах.
— Уж соловей.
— И словно зверь в сраженьи.

Князь Шуйский

Но долго ли продлился сей обман,
И долго ль нас надежда утешала?..

Вы знаете, что первый из бояр
Я обличил злодея, что на плаху
Меня вели, что голова моя
Под топором лежала.

Голоса

Помним, помним!

Князь Шуйский

Я не хвалюсь: я долг исполнил свой
Как русский князь и человек крещеный
И всякий день на то же вновь готов
За истину, за вас и за Россию;
Хоть завтра, нынче, хоть сейчас.

Голоса

За то
Тебя господь благословит вовеки.

Князь Шуйский

Я шел на казнь; злодей в своем венце
Торжествовал; Москва как в сне глубоком
Не тронулась; но божия рука
Меня спасла! С тех пор завеса пала;
И иноки святые, и стрельцы,
И ближние, и мать его, и братья
Всечасными уликами будили
Наш спящий дух — и боле! Небеса
Димитрия могилу освятили;
Там частые сияли чудеса,
И светлые являлися виденья,
И лились благодать и исцеленья,
Как благовонная роса.
И свят был гроб царевича; но что же
Мы зрели здесь? Безбожье и разврат,
И стыд, и грех под именем святого.
В самом Кремле латинских песен глас
Теперь звучит; поляк с своими псами
Вступает в храм; Владимира венец
На голове царицы некрещенной.
О, тяжело! Невольно токи слез
Бегут из глаз.

Голоса

— Смотри: он вправду плачет.
— Что говорить? Он праведник прямой.

Князь Шуйский

Царевич спит в своем кровавом гробе,
А здесь злодей дарит врагам Москвы
Ее царей державное стяжанье.
Край Северский за Мнишком укрепил,
А Новгород и древний город Ольгин —
Своей жене.

Голоса

— Как! Он дерзнул отдать
Наш старый Псков?
— И Новград? Быть не может!

Боярин

Мы грамоту читали.

Князь Шуйский

А Смоленск
Назначил он в подарок Сигизмунду.

Голоса

— Смоленск, Смоленск!
— Нет, этому не быть!
— Нет, мы умрем скорее.
— Эту руку
Тогда я сам зубами изгложу,
Когда врагов она в наш город пустит.

Князь Шуйский

Увидите! И здесь, в самой Москве,
Мы пленники, а ляхи господами...
Что там за шум? Кто это весь в крови
С мечом в руке? Ты, Колобов?

Колобов

Отмстите,
Отмстите за меня! В мой мирный дом
С оружием вломилась шайка ляхов:

Мой сын убит, похищена жена,
И, ранами покрытый, сам насилу...
Отмстите!

(Падает в обморок.)

Князь Шуйский

А! Что говорить еще?
Решитеся! Нам дороги мгновенья.
Хотите ль ждать грозящей нам беды?
Хотите ль зреть, сложив спокойно руки,
На месте том, где ныне божий храм,
Безбожие латинского костела?

Голоса

Нет, никогда!

Князь Шуйский

С высоких стен Москвы
Хотите ль зреть литовскую границу?
Хотите ли без ропота главу
Под тяжкий гнет, под иго иноземцев,
Под злую руку робко преклонить?

Голоса

— Нет, не хотим!
— Нет, не потерпим срама!

Князь Шуйский

Внемлите мне! Хотите ли со мной
Восстать за Русь, за церковь пресвятую
И ляхов цепь, и власть расстриги злую
Избыть мечом и силой боевой?
Хотите ли? И вспрянем мы грозою,
И, мстители обманов и обид,
Сотрем могущею рукою
России тяжкий плен, Москвы кровавый стыд.
Ответствуйте!

Голоса

— Мы все с тобой!
— Избудем,
Избудем Самозванца!
— Чтобы след

Его пропал! Чтоб ляхами не пахло
На русской стороне!
— Мы все с тобой!
Веди нас, князь, не выдадим России!

Князь Шуйский

Какой же день назначим?

Голоса

— Чем скорей,
Тем лучше.
— Да; но многие оружья
Не добыли.
— Пустое! Есть ножи
И топоры, рогатины, дреколья,
И в правом деле бог помощник нам.

Боярин

За Стретенской заставой послезавтра
Пир всей Москве, и ляхи, как всегда,
Напьются вин и меда и беспечно
В домах заснут. Ударим в ту же ночь
На понедельник! Мудрые бояре,
Согласны ль вы?

Бояре

Согласны.

Боярин

Вы, друзья,
Что скажете?

Голоса

Мы будем все готовы.

Князь Голицын

На понедельник? Кто-то будет жив?

Другой

Да, во дворце недаром говорили,
Что для бояр кровавый пир дадут
На Стретенском лугу.

Боярин

Так завтра?

Голоса

— Завтра.
— Беда близка, и дорог каждый миг.

Князь Шуйский

Так! Завтра в ночь восстанем дружно, смело
И нападем на дремлющих врагов,
Да перейдут от снов горячей неги
В холодный мрак, в подземный крепкий сон.
Перед зарей раздастся звук набата
Со всех церквей; тогда стремитесь в Кремль!
Не страшен бой, победа несомненна;
Одних крестьян и верных слуг моих
Здесь тысяч шесть.

Князь Голицын

Так много?

Князь Шуйский

Из поместьев
Я их созвал. Других боярских слуг
Не менее; все с ружьями, с мечами.

Дворяне

Дворяне все восстанут.

Князь Шуйский

Вы, купцы
И сотники градские?

Купцы

Князь Василий!
Нас трудно счесть, нас много, и никто
Не изменит.

Другой

А разве кто отстанет,
Так мясники.

Другой

Теперь им любо жить,
Пока постов не думают и вспомнить
Ни поляки, ни наш Отрепьев-вор.

Князь Шуйский

Что нам до них? Рогатки изготовьте,
Все улицы заприте, чтоб никто
Не мог ни в Кремль, ни из Кремля спастися.
А что стрельцы?

Стрельцы

Не тронутся они.
Хоть многие к нам склонны, да боятся
Микулина; другие же царю
Привержены за то, что он отважен
И удальством их тешит, и оклад
Двойной дает.

Князь Скопин-Шуйский

Без помощи стрелецкой
Всё сделаем.

Князь Шуйский

Вы, храбрые дворяне,
Начальники полунощных дружин,
Как много вас?

Дворянин

У нас осьмнадцать тысяч
Отборных войск.

Князь Шуйский

Когда потухнет день,
Захватите ворота городские
И в тишине дождетесь вести.

Дворянин

Князь,
На бой, на смерть, на язвы мы готовы;
Да вот беда!

Князь Шуйский

Что скажешь?

Дворянин

Видишь, князь!
Мы люди все нехитрые, простые,
И нас легко ввести в обман.

Князь Шуйский

В обман!
В какой обман?

Дворянин

Послушай, князь Василий,
Боярам всем мы верим и тебе...

Князь Шуйский

Так что ж еще?

Дворянин

Велик ответ пред богом.
Ну, если он и вправду царский сын?

Князь Шуйский

Он царский сын? Он изверг, беглый дьякон.
Все знают то.

Дворянин

Когда царица Марфа
Объявит нам, что он не сын ее,
Тогда, тогда сгубить его клянемся,
И истребить, и даже след его
С земли стереть.

Другой

И вправду, пусть царица
Благословит наш подвиг.

Третий

Для чего?
Всем истина известна.

Другой

Но сильнее
Свидетельств всех ее слова.

Четвертый

Она,
Одна она неправды нам не скажет.

Многие

Она решит, и мы поверим ей.

Салтыков

Беда, беда! Вот к совести дворянской
Пристали вмиг мещане и купцы.
О, эта совесть, совесть!

Князь Шуйский

(Ляпунову)

Мы погибли.

Ляпунов

(выходит вперед)

Иль мните вы, что мы на подвиг сей
Созвали вас без ведома царицы?
Что не она, вручая нам мечи,
Ко мщению наш путь благословила?

Дворяне

Пусть речь твою нам подтвердит сама,
И мы пойдем, и горе самозванцу!
Но без того не извлечем меча.

Другой

Вестимо, так.

Ляпунов

Так завтра к темной ночи
Сберитесь вновь, и с вами в монастырь
Мы все идем. Согласны ли, бояре?

Бояре

Как Шуйский князь?

Князь Шуйский

Он мысль мою сказал.

Ляпунов

Сберетесь ли к назначенному сроку?

Многие

Все явимся до одного.

Князь Шуйский

Друзья!
Простите днесь. Но, помня обещанье,
Вновь жду я вас, когда настанет ночь.

Уходят все, кроме Шуйского и Ляпунова.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Князь Шуйский

Ты обещал.

Ляпунов

Да что же было делать?
Молчать? Так вмиг все изменили б нам.

Князь Шуйский

Да как исполним?

Ляпунов

Выручит Антоний.
Он набожен, хитер, красноречив,
В нем дух горит любовию к святыне
И злобою на ересь лжецаря.
Иду к нему: он нас спасет!

(Уходит.)

Князь Шуйский
(один)

Ужасно!
У пристани погибнет ли корабль?
Исчезнут ли опять мои надежды?..
Что? Ежели царица... Ляпунов
Нас выручит... Не верю Ляпунову.
Тяжелый час! Тут гибель, тут венец!
Когда она Димитрия признает,
Тогда беда, тогда всему конец!
Глава горит, и сердце замирает.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Монастырская келья.

Царица Марфа
(одна)

Уж кончен день, заря вечерня гаснет.
О, не спеши, румяная заря,
Не угасай! Часы, не улетайте,
Помедли, ночь! Заутра страшный день.
Заутра вновь, о ужас, пред народом
От сына отрекусь, заутра вновь
Обманщику дам царское названье,
И вся земля услышит, церковь вся
Во образе святого патриарха
Благословит обряд. Нет, не пойду.
Я не хочу и не должна. Довольно
Мучения я на душу взяла,
Довольно тяжких дней, ночей бессонных
Я провела. И вновь теперь идти,
Вновь грешный дух продать нечистым силам.
В виду земли и внемлющих небес,
В виду творца, и ангелов, и смертных!
Я не могу! .. Но, горе! Я клялась,
Безумная, клялась перед иконой
И крест святой в свидетели звала;
И божий гром, когда нарушу клятву,
Меня сразит, и ада вечный огнь
Меня пожрет. О пощади, всевышний!

О господи, услышь мою мольбу,
О, укрепи слабеющую душу,
Дай силы мне... Вновь смело согрешать,
Вновь пред его святыней лицемерить
И ложию обрадовать бесов!
О, горе, горе! Грешницы молитвы
Ужаснее хулы; мои слова
Ругательство над богом.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит Антоний.

Антоний

Мир господень
Обители и келье сей... Молчат;
Знать, нет царицы.

Царица Марфа

Ты ль, слепец Антоний,
Так поздно, ночью?

Антоний

День — пора забот,
Сует, торжеств, и шума, и обманов;
А ночь тиха, полна святых молитв,
И истины, и совести, и бога.

Царица Марфа

Нет, совести, раскаянья и слез
Она полна.

Антоний

О перестань, царица!
Тому страшна безмолвной ночи тень,
Кто власти тьмы и вечно лгущим силам
Свой продал дух бессмертный. Ты должна
Спокойной быть.

Царица Марфа

Да, я спокойна.

Антоний

Верю.
Уж царство лжи слабеет и падет;
Последний след обманов исчезает.
Ты знаешь весть?

Царица Марфа

Какую весть?

Антоний

Тот прах,
Тот низкий прах, который в царском гробе
Под именем царевича сокрыт.

Царица Марфа

Где, в Угличе?..

Антоний

Он почестью и блеском
Был окружен; но ныне царь велел
Сей низкий прах извергнуть из собора.

Царица Марфа

Прах сына моего? Прости, прости,
О господи! Я изменила клятве,
Я тайну обличила. Прочь, старик,
Прочь с глаз моих, обманщик!

Антоний

Тайну, тайну
Ты мне открыла! Иль забыла ты,
Что не всегда мой взор был тьмой задернут,
Что в Угличе нередко я видал
Царевича, и после труп кровавый
В соборе зрел я; да, тот самый труп,
Который днесь лишат могилы царской.

Царица Марфа

Нет, не стерплю; нет, не позволю я!
Ничья рука враждебно не коснется
Могилы той, доколе я жива.

Антоний

Доколь жива; но после? И надолго ль
Лукавый враг тебе оставит жизнь?
Кто сына прах спасет тогда? Послушай!
Погибнет злой любимец сатаны;
Обман открыт, и мстители готовы,
Москва полна пищалей и мечей;
Иди со мной, скажи едино слово,
И он падет; бояре и Москва
Оружием безмолвно ополчились,
Восстали все ко мщенью; ждут тебя,
Тебя одной.

Царица Марфа

Когда известна правда,
Что ж до меня?

Антоний

Есть слабые умы,
Есть совестью болезненные души:
И в ясный день светильник нужен им.
Им оправданье нужно в деле правды.
Они творцу молиться не дерзнут
Без приказанья пастырей церковных
И не спасут отчизны и царя
Без земского указа. Много, много
Таких сердец, и ты нужна для них.
Сомнением окованы их руки;
Но выйдешь к ним и слово скажешь ты,
Все двинутся, и горе самозванцу!
И кровию похищенный престол
Омоет он.

Царица Марфа

Как ты жесток, Антоний!

Антоний

Иди за мной!

Царица Марфа

Нет, старец, не пойду.
Я знаю всё: он дерзкий самозванец;

Как ризою, он именем чужим
Себя покрыл и овладел порфирой.
Но смерть... Но кровь... Поверь, незлобен он,
И любит Русь, и полон дум высоких,
И казни сей не заслужил.

Антоний

Кто? он
Не заслужил? Нет, он достоин смерти
И временной, и вечной. О господь,
Излей свой гнев на голову злодея!
Да сгибнет он, да будет в век и век
Проклятием клеймен неумолимым,
Проклятием Иуды; прах его
С лица земли, земли благословенной,
Да свеет ветр! Ты скажешь, я жесток;
Но знаешь ли, что он Россию продал
Своей Литве?

Царица Марфа

Пустые сказки! Нет,
Не верю я.

Антоний

И ты тому не веришь,
Что, вскормленный для будущих злодейств
Отравами коварных иезуитов,
Он обещал учителям благим
Смирить главу святой христовой церкви
И под пяту латинского врага
Ее сложить. Ты этому не веришь?
Иди ж внимать, в часы его забав,
Как нагло он над верою смеется,
Как в дни постов, порой святых молитв,
Беснуется с толпами скоморохов
Средь песен, вин и смрада гнусных яств;
Как, иноков торговой казнью муча,
Обителей заветную казну
Для праздников безбожно расхищает.
Гляди, как лях вступает в чистый храм
И за собой, хохоча, вводит стаю
Нечистых псов... Иль нет, иди туда,

Где в сумраке церквей неозаренных
Едва блестит ночной лампады свет:
Там слушай глас иереев, звук анафем,
Зовущих божий гром на лжецаря.
Внимай, внимай и после сих проклятий
Тягчайшую, ужаснейшую часть
Возьми с собой!

Царица Марфа

О пощади, Антоний!
Ты грудь мою терзаешь; но увы!
Я, Шуйского от гибели спасая,
Присягою тяжелой сопрягла
Свою судьбу с судьбой злодея.

Антоний

Клятвой?
И этим ли окован робкий дух?
Сильнее ли обет безумный, грешный,
Чем тот обет, что богу ты дала
При таинстве спасительной купели?

Царица Марфа

Нет, старец, нет; не знаешь ты тех слов,
Тех грозных слов, которыми навеки
Связала я свой трепетный язык.

Антоний

Ты совершила страшный грех; но слушай!
Когда б клялась ты Руси изменить,
Иль в спящего невинного младенца
Вонзить кинжал, иль, бога позабыв,
Поправ креста животворящу силу,
Бессмертный дух продать бесам; скажи,
Должна ль бы ты тогда обет исполнить?
Всё в клятве той соединила ты:
Обман и кровь, отечеству измену,
Предательство пред верой и творцом,
И торжество нечистых сил, и боле,
О, более еще. Иди за мной,
Союз греха расторгни покаяньем,
Преступника оставь!

Царица Марфа

Я не могу!
Не возражай, подумай. Я в страданьях,
В презрении влачила дни свои;
Все с ужасом изгнанницы бежали:
Он жизнь мою мгновенно оживил,
Бездетную сыновнею любовью
Он окружил и мщенье, мщенье дал;
Да, мщение, которого так долго
Алкала я; и дней моих закат
Озолотил торжественной зарею.
И он мой сын, и я царицей вновь.
А где враги? Во прахе. О Антоний,
Забуду ль всё и изменю ль ему,
Чтоб снова быть страдалицей презренной?

Антоний

Остановись! Так вот чему душой
Ты жертвуешь, и верой, и Россией?
А, вот чему? Безумной мишуре
Мгновенных почестей, и злой гордыне,
И мщению. Но ведай же, царица,
Что без тебя судеб своих завет
Свершит господь; что без тебя с престола
Преступника он свергнет, без тебя
Освободит он веру православну.
Но ты, отвергшая его призыв святой,
Раба греха; отныне над тобой
Клеймо суда, анафема презренья
Из века в век, из рода в род,
И казнь стыда и отверженья
С названием твоим к потомству перейдет.

Царица Марфа

Зачем, зачем столь грозным испытаньем
Бессильная жена посещена?
И робкому, волнуемому духу
Зачем людей тяжелая судьба
Поручена?

Антоний

И ты ль на бога ропщешь?
Ты, боле всех в сей беззаконный век

Избранная и взысканная свыше?
Ты ль на ответ всевышнего зовешь,
Меж тем как он сияньем чудотворства
И святостью видений неземных
Царевича безгрешную могилу
Прославил дивно?

Царица Марфа

Чью могилу? Чью?
Димитрия?

Антоний

И ты того не знала,
Не слышала! Ужель никто доселе
Преступнице поведать не дерзнул
Величие отверженного сына?
Уже давно в дали степей глухих,
Во тьме лесов, в пустынях полунощных —
Везде гремит хвалебных ликов глас
Димитрию, а ты одна не знаешь!
Несчастная!

Царица Марфа

О, сча́стливая мать!
Мой сын, мой сын небесною любовью
Искуплен!

Антоний

Нет, отвергнет он тебя,
Как ты его отвергла.

Царица Марфа

Боже, боже!

Антоний

Он чужд тебе; твой сын — расстрига злой,
Избранник твой, любимец; с ним прекрасный
Свой путь свершишь, с ним мзду приимешь ты.
И каждый луч небесной благодати,
Сияющий над отроком твоим,
Над отроком, отверженным тобою,
И каждое расстриги злое дело,
Как тяжкий гнет в бездонной глубине,

Тебя прижмет, как меч вопьется в душу,
Как огнь сожжет!

Царица Марфа

И завтра я должна
От сына вновь отречься, от святого;
И патриарх благословит обряд,
И вся земля узнает.

Антоний

Завтра, завтра?
Свою беду почуял хитрый враг.
Но с нами бог! В последний раз, царица,
Всевышнего ослушная раба,
Зову тебя; последний миг спасенья
Дает господь; расторгни плен греха,
Иди за мной, отвергни Самозванца.
Ты медлишь? А, возьми же приговор!
Внемли ему. Твое отныне имя
Изгладится из Книги Живота,
И в небесах, среди блаженных ликов,
Как ложь, как грех, забудется оно;
И отвратится ангел покаянья,
И в беспредельной благости творца
Тебе одной пощады не найдется.

(Берет ее за руку.)

Но ты дрожишь, ты стонешь, слезы льешь!..
О, знаю я, ты не отвергнешь сына.
Внемли, внемли; я слышу: он зовет!
Воззри горé, чело его сияет;
С своих небес, с блаженных тех высот,
Он чистые объятья простирает
И грешницу венцами осеняет,
И в божий рай тебе отверзся вход.
О, не беги призвания родного,
Не отвергай младенца своего!
За мной, за мной; я именем его
Тебя зову.

Царица Марфа

Антоний, я готова!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дом Шуйского.
Входят князь Куракин и князь Шуйский.

Князь Куракин

Ну, признаюсь, от сердца отлегло!
Была беда, и если б твой Антоний
Усовестить царицу не сумел,
Пришлось бы нам с повинной головою
Отправиться к Отрепьеву.

Князь Шуйский

А он,
По милости своей неизреченной,
Пустил бы нас домой без головы.

Князь Куракин

Да, кажется, что нам с тобою, Шуйский,
Едва ли бы избегнуть топора.
Ты знаешь ли, что ныне перед ночью,
Уж в сумерки, вкруг моего двора
Кремлевские лазутчики вертелись;
Да, к счастию, дворецкий мой успел
Их захватить.

Князь Шуйский

То ж самое случилось
Здесь у меня.

Князь Куракин

Знать, чует он беду.

Князь Шуйский

Но отвратить не может: все исходы
Захвачены, все улицы к Кремлю
Наполнены моими молодцами;
И граждане не спят в тиши домов;
И областей полунощных дружины
Безмолвно ждут, вблизи Тверских ворот,
Последнего, решительного зова.
Едва восток осветится зарей,
Все церкви вдруг заговорят набатом,
И с нами бог!

Князь Куракин

И сгибнет наш злодей.

Князь Шуйский

Всё хорошо. Но это лишь начало.
Кому ж потом наследие царей
Поручим мы?

Князь Куракин

Поверь, народный голос
Уже избрал властителя.

Князь Шуйский

Кого?

Князь Куракин

Тебя.

Князь Шуйский

Нет, друг мой, тяжко это бремя.
О, во сто крат счастливей тихий кров,
Чем бурное волнение чертогов;
Счастливей тот, кто может без забот
Свой легкий труд вести в смиренной доле,
В глуши полей, чем тот, кто на себя
Приял венца мученье золотое.

(Задумывается.)

Князь Куракин

Но в дни грозы, в годину общих смут
Лишь ты один достоин царской власти.

Князь Шуйский

Но в дни грозы, в годину общих смут
Еще страшней сияние престола.
Пусть изберут другого.

Князь Куракин

Но священ
Отечества страдающего голос.

Князь Шуйский

О князь Андрей! Когда верховну власть
Поручит мне избранье земской думы,

Я чувствую: священный долг велит
Ее принять; но страшно и подумать
О власти сей. Я видел трех владык,
Крамолами взволнованные годы
И ведаю, как тяжела она,
Правления державная наука.
О князь Андрей! Один бессилен ум;
Одна глава, игралище обманов,
Невольная работница страстей,
Не усмирит, не осчастливит края
Обширного, величием своим
Подобного вселенной. Вы, бояре,
Мне будете наставниками. Вы
Прольете свет своих уроков мудрых
На темный путь, которым я пойду.
Клянуся в том, что, избран вашей волей,
Не прешагну боярского устава,
И будет свят боярский приговор,
Как в прежни дни, до грозных Иоаннов.
Но поздно, друг! Тебе и мне забот
Осталося довольно.

Князь Куракин

На рассвете
Увидимся.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Князь Шуйский
(один)

Как много голосов
Уж я купил такой разумной клятвой!
К чему ж терять благоприятный миг?
К чему мне ждать неверной земской думы?
Всё за меня: дворянство и народ.
Теперь скорей проклятого расстригу
С земли долой! Он пощадил меня,
Но я не пощажу... Сюда, Воейков,
Валуев!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Входят Воейков и Валуев.

Князь Шуйский

Слушай: пред лицом царя
Ты поляка вчера ударил оземь
За дерзкие слова о москалях?

Валуев

Так точно, князь!

Князь Шуйский

И что ж сказал Отрепьев?

Валуев

Не спрашивай: мне больно вспоминать,
Как он шутил, как горько издевался
Над бешенством, над злобою моей;
Как он велел прогнать меня с бесчестьем,
С ругательством.

Князь Шуйский

И выдать головой
Обиженному пану; но бояре
Тебя спасли.

Валуев

Я расплачуся с ним.

Князь Шуйский

В сражениях тебя видал я часто;
Твой меч остер, рука крепка, и дух
Опасности кровавой веселится.
Скажи же мне, ты хочешь ли отмстить,
Как смелый муж, за кровную обиду,
Иль, как жена, свой гнев излить в словах;
Иль, как дитя, сложивши скромно руки,
Заплакать?

Валуев

Нет, мне в том свидетель бог,
Что я отмщу. О, только бы с злодеем
Мне встретиться так близко, чтобы меч
О меч его ударился, и если

Один из нас не ляжет головой,
То, господи, прости грехи расстриги,
А для меня сомкни врата небес!

Князь Шуйский

Я узнаю Валуева!

Валуев

Послушай!
Клянуся в том, что где бы ни был он,
Хотя б во храме пред святой иконой,
Хотя б в слезах, без сил, у ног моих,
С отчаяньем молил меня о жизни —
Я и тогда не пощажу его.

Князь Шуйский

При строгом Годунове ты, Воейков,
Тому лет пять...

Воейков
(перебивая)

Неловко, с пьяных глаз,
Я кулаком убил Петрова, помню.

Князь Шуйский

Кто спас тебя?

Воейков

Ты, милостивый князь.

Князь Шуйский

Заплатишь ли услугой за услугу?

Воейков

Повелевай: я твой на жизнь и смерть.

Князь Шуйский

Внимайте мне. Вы знаете, что демон
Злодею дал волшебный дар речей,
Что сладкими словами он чарует
Народный ум.

Валуев

Да, говорит красно!

Князь Шуйский

Что чернь всегда изменчива, безумна,
Обманам верит, к истине глуха;
Что у него друзей сокрытых много.

Валуев

Всё правда, князь.

Князь Шуйский

Когда ворвемся мы
С оружием в кремлевские палаты
И над собой увидит он грозу,
В последний раз, испытывая счастье,
Захочет он с народом говорить —
Тогда погибли мы.

Валуев

Зажму кинжалом
Обманщика болтливые уста.

Князь Шуйский
(к Воейкову)

Что ж ты молчишь?

Воейков

Что много говорить?
Убью, да только.

Князь Шуйский

Я на вас надеюсь.

Воейков

О господи! Да разве я вола
Не убивал вот этой пятернею,
Рогатиной медведя не колол?
Так что ж мне ваш Отрепьев?

Князь Шуйский

Нет, Воейков:
Он сам горазд медведя бить ножом.

Валуев

А это что? Винтовка не изменит.

Воейков

Хоть он колдун и драться молодец,
А от свинца едва ли увернется.

Князь Шуйский

Так решено! Прощайте же, друзья.

Валуев уходит.

Что ж ты, Воейков, медлишь? Ты в раздумьи.

Воейков

Светлейший князь, вот видишь. Прикажи:
И с голыми руками на медведя
Полезу я и задушу его.

Князь Шуйский

Так что ж еще?

Воейков

Ведь, может быть, еретик
Заговорит?

Князь Шуйский

С тобою?

Воейков

Нет: винтовку.
Иль, может быть, волшебная броня
Проклятого незримо покрывает?

Князь Шуйский

Вот бредни. . . Да, ты правду говоришь:
Тебе нужна серебряная пуля.
Против нее бессилен заговор.
Возьми ее.

(Отрывает у себя пуговицу.)

Воейков

Какой же я безумный!
Совсем забыл; ты, благо, вразумил.
Прощай же, князь.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Князь Шуйский

Дворецкий! Э! Дворецкий!

Дворецкий

Я здесь.

Князь Шуйский

Скажи мне, сколько молодцов
Собрали мы из суздальских поместий,
Из отчины, от братьев?

Дворецкий

Тысяч шесть;
Нет, более: всего шесть тысяч триста.

Князь Шуйский

Куда ж ты их поставил?

Дворецкий

Вкруг Кремля
Стоят они на страже; да в запасе
Оставлено шесть сотен лучших рук,
Псарей, конюших, ловчих и стремянных,
Сокольничих. . .

Князь Шуйский
(перебивая)

Всем этим удальцам
Вели седлать. С рассветом мы ударим.

Дворецкий

Уже готовы кони, а народ
Ждет на дворе.

Князь Шуйский

А к Илии Пророку
Послал ли ты?

Дворецкий

Там ждет уже давно
Мой сын Иван, и в колокол ударит,
Когда прикажешь. И в других церквах
Сидят ребята наши.

Князь Шуйский

Дело, дело!
Ты думаешь, Морозов, что вестей
До времени Отрепьев не получит?

Дворецкий

Кому теперь добраться до Кремля?
Все улицы я занял, переулки
Все захватил. Змея не проползет,
Без позволенья крыса не пролезет.

Князь Шуйский

А по воде?

Дворецкий

Так лодки на реке
На то стоят, всё с нашим же народом.

Князь Шуйский

Спасибо, брат Морозов: хорошо
Всё сладил ты.

Дворецкий

Уж мне ли догадаться?
Всё Ляпунов устроил.

Князь Шуйский

Молодец!
Теперь еще последнее веленье,
Но важное и тайное. Внимай:
Спеши открыть глубокие подвалы
Во всех домах, у братьев, у родных
И у меня. Когда ворвемся в Кремль
И кончит жизнь проклятый самозванец,
Поите чернь и пивом, и вином,

И крепкими заветными медами,
Чтобы везде раздался общий крик:
«Да здравствует Василий, царь России!»

Дворецкий

Исполню всё.

Князь Шуйский

А нашим молодцам
Вели бежать по улицам московским
И величать великого царя
Василия, избранного народом.
Ты понял ли?

Дворецкий

Я понял.

Князь Шуйский

Но дотоль
Молчанием сомкни свои уста,
Чтобы никто не ведал нашей тайны,
А мене всех Прокофий Ляпунов!
Теперь иди.

Дворецкий
(уходя)

Какое разоренье!
Какой убыток будет в погребах!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Князь Шуйский
(один)

Осталося недолго до рассвета.
Уж час второй, а через час еще
Войдут в Москву смоленские дружины.

(С жаром)

Тогда, тогда пусть ропщет Шаховский,
Пусть плачет Татев, злится Телятевский:

Чрез них шагну я твердою стопой,
Схвачу венец могущею рукою.
Венец, венец! Как сладок этот звук!
Как много дум в сем слове обитает,
Как сердце веселит оно! Венец!
Златая цель моих усопших предков
Еще со дней Донского и татар,
Златая цель, за коею так долго
Стремился я невидимым путем!
Ты мой теперь! О, для тебя как много
Я претерпел! Как много, много лет
Я для тебя во прахе изгибался,
Как низкий червь, крамольствовал, страдал!
Ты мой теперь, и я расширю крылья
И полечу. Не медлите, часы!
Займись, заря! Благодарю судьбину:
Уж брег в виду, и ясны небеса,
О, мой корабль, лети через пучину!
Попутный ветр, наполни паруса!

(По некотором размышлении)

Но я забыл, что перед часом битвы
Не совершил ночной своей молитвы.

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ

Дворец кремлевский.
Димитрий, Басманов.

Димитрий

Тебе пора, Басманов, отдохнуть:
Уже давно за полночь; до рассвета
Недалеко.

Басманов

Что ж ты не отдохнешь
После труда дневного?

Димитрий

Мне не спится.
Не ведаю, что сделалось со мной.
Но здесь и здесь то вдруг горит, то стынет;

И в жилах кровь то бурно потечет,
То станет вся.

Басманов

Ты утомлен, и бденье
Волнует кровь.

Димитрий

Лазутчики твои
Еще не возвращалися?

Басманов

Доселе
Ответа нет.

Димитрий

Знать, тихо всё в Москве;
Не правда ли? Быть может, патер Квицкий
Сам выдумал тот гнусный заговор?

Басманов

Не думаю: следов открыто много,
И признаки так верны, что едва ль
Сомнение возможно.

Димитрий

Но надеждой
Еще хочу я утешать себя.
Поверь: мне, друг, противны эти казни,
Противна кровь под топором суда;
И оттого мне грустно здесь в чертогах,
В моей Москве мне скучно. О, туда,
Туда скорей, где битвы, где раздолье,
Где звонкий пир гуляющих мечей;
Там на коне, в пылу тревоги бурной,
Под вольным небом, в ширине полей,
Я оживу.

Басманов

Ты хочешь послезавтра
Идти в поход?

Димитрий

Да, послезавтра в ночь.
Внезапностью врагов предупреждая
И захватив сомнительных бояр,
Я выступлю с отборными стрельцами,
Да с немцами, да с вольницей Литвы.
Теперь в Ельце уж собралося войска
Не менее как тысяч пятьдесят.
Достаточно. Мы с ними в степь выходим;
К нам на пути дружины казаков
Стекаются от Волги и от Дона
И от брегов воинственных Днепра;
И гордый Крым увидит нас, и громом
Ударим мы на царство мусульман.
Прекрасный край с зелеными горами,
С долинами, где вечный блеск весны,
И с синими, как яхонт, небесами,
И с зеркалом лазоревой волны!
Прекрасный край, наследье наших предков,
Владимира священная купель,
Уж как давно отторгнут от России,
И как давно он русских не видал!

Басманов

Нет, государь, при Грозном Иоанне
Бывали там московские полки,
И хищники в скалах своих дрожали.

Димитрий

Когда же? Да, Адашев Даниил
Ходил туда. Князь Курбский, Воротынский,
Адашевы! .. Какие имена!
Как счастлив был ты, грозный самодержец!
Каких мужей дала тебе судьба!
Зачем не мне? Я встретил бы любовью,
Схватил бы их в объятия свои,
Хранил бы их так, как зеницу ока,
Как красоту любовницы младой.
А он, увы! С красой своей России,
С надеждами величья и побед
Что сделал? Всё железною рукою
Сломил, сдавил. За то и род его

Погиб... Скажи, что боле: у живого
Отнять ли жизнь, иль имя мертвеца?

Басманов

Какой вопрос? За гробовой доскою
Всем общее одно названье — труп.

Димитрий

Что ж мертвецу до имени? Не правда ль?
Не встанет он, чтоб допрошать живых
И требовать назад свое названье;
А если бы из гроба он восстал
И допросил, и смелый похититель
Сказал ему: «Твое я имя взял,
Но я его прославил и сияньем
И яркими лучами увенчал;
Ты был забыт в своей могиле темной,
Я оживил и воскресил тебя
Для чудного бессмертия, для славы,
Для громких песен будущих веков», —
Я думаю, сердитый житель гроба
Смягчился бы и тихою рукою
Благословил преемника на подвиг,
На трудный путь. Я всё тебе открыл,
Всё высказал.

Басманов

Твою я ведал тайну
Уже давно; но ты до сей поры
О ней молчал.

Димитрий

Сегодня что-то чудно
Волнуется в встревоженной груди,
И прежни дни так ярко переходят
Передо мной, что я не мог молчать.

Басманов

Что в имени или в рожденьи царском?
Димитрий ли, Григорий ли — равно
Люблю тебя; люблю твой дух отважный,

И замыслов возвышенный полет,
И будущую славу. Жизнью, кровью,
Всем жертвовать я для тебя готов.

Димитрий

Я знал тебя и говорил без страха.
Но душно здесь, я подойду к окну.
Прохлады нет: так ветер слабо веет,
Так воздух тих, и майской ночи мгла,
Как летний день, удушливо тепла.
На западе едва-едва яснеет
Рог месяца.

Басманов

Но в этот год его
Задернем мы завесою кровавой.
Не правда ли?

Димитрий

Ты дельно говоришь,
И верю я, что сею чистой славой
Венчаемся мы скоро. Но смотри,
Как дремлет всё, и лентой голубою
Бежит река, спокойна, без зыбей,
И тонкий пар не тронется над ней,
И шума нет. Лишь слышно, что порою
Над городом широкий всходит гул,
Как сонного чудовища дыханье
Или волны полнощное роптанье,
Когда с зарей усталый ветр заснул.
Помысли, друг, как много сильных душ
Здесь грустно спят, как много дум высоких,
Окованных дремотой вековой!
Всё пробудить, всё вызвать к полной жизни —
Вот подвиг, да, вот подвиг для царя!
Поднять лишь клич высокий, благородный,
И загремят ответны голоса,
Как звуки струн, когда струна родная
Заговорит; как клект младых орлов,
Когда зовет их мощная орлица,
Давнишняя владычица степей.
Что скажешь ты?

Басманов

Что велика Россия,
Что много в ней возвышенных сердец,
И глас царя, зовущий их ко благу,
Не пропадет, как звук в степи глухой.

Димитрий

Я разбужу все дремлющие силы,
Я им открою путь сперва к войне,
И чувствую, Орел ширококрылый
Затмит Луну в полуденной стране.
Тогда, тогда я буду вновь свободен.
Победами сомкнув уста врагов,
Стряхну Литву и римской цепи тягость
И новый труд начну я для веков.

Басманов

О государь! Гордыню книг разрядных
Низложишь ли? Начало всем бедам
Хранится в ней.

Димитрий

Что Иоанн провидел,
Что начал царь Борис — я довершу.
И вольный суд, и строгие законы,
И кроткая, но твердая рука
Дадут покой, и стройное стремленье,
И жар, и жизнь проснувшейся земле;
Небесный свет познанья и науки
Нам даст чужбина.

Басманов

Старый Годунов
Того ж хотел.

Димитрий

Высокий ум державный!
Он понимал грядущую судьбу
Своей страны; он ведал, что недаром
Богатством и избытком сил
Ее господь благословил.

Безбрежна даль ее степей широких,
И гладь озер, приволье кораблям,
И льются воды рек глубоких,
Моря, текущие к морям...
И всё недаром! Есть тебе, Россия,
Святой завет, и твердою рукой
Его свершу, и будут пред тобой
Склоняться в прах страны чужие,
Благоговеть весь мир земной!

Басманов

О, для чего столь многим неизвестен
Твой замысел высокий и благой?
Трудов, препон ты встретишь много.

Димитрий

Много!
А жизнь кратка, и грустно, тяжко мне;
Невольный страх в душевной глубине,
И я прошу, исполненный волненья,
Дней у судьбы и сил у провиденья...
Дней у судьбы! Но вот родится день
И на востоке пышно рассветает...

Басманов

А! Это что? Ты слышишь ли? Набат
Со всех церквей!

Димитрий

Знать, город загорелся.
Но где ж пожар?

Басманов

Нет, это не пожар.
По площади везде блестит оружье,
Народ валит, бояре на конях!

Димитрий

Постельничий! Постельничий! Скорее!

Входит постельничий.

Зови стрельцов, беги на житный двор

(Их там пять сот). Веди ко мне в палаты;
Скорей, скорей: здесь дорог каждый миг!

Уходит постельничий.

Басманов

О государь!

Димитрий

Басманов, будь спокоен:
Мы выдержим осаду. Между тем
На помощь нам Микулин подоспеет
Да Маржерет с дружиною своей.

Фирстенберг
(входит)

Великий царь! На площади волненье.

Димитрий

Что ж, Фирстенберг? Все двери затворить
И укрепить. Как много здесь на страже
Товарищей с тобою?

Фирстенберг

Пятьдесят.

Димитрий

Не более? Ну, всё равно, увидим...

Уходят все.

Разные лица

Э! Какой шум! — Сенные двери отбиты. — В сенях дерутся, и немцы отступают. — Так валом и валит сюда. — Убираться до поры до времени; наше дело не военное: за столом прислуживаем, а драться не умеем. — Руки плохи, зато ноги хороши — убираться!

Уходят. Входят опять. Димитрий с немцами отступает, сражаясь.

Димитрий

Нет, тщетно всё: число превозмогает.
Стой, Фирстенберг! Стой, затворяйте дверь!

Подержимся, подмога подоспеет.
Постройтеся! Ну, немцы молодцы!

Крик за дверью:

Отрепьева! Давайте нам расстригу!

Басманов

О государь! Позволь, в последний раз
Я выйду к ним, усовещу безумцев.

Димитрий

Нет, слишком поздно.

Басманов

Я молю тебя:
О государь, позволь мне.

Димитрий

Нет, Басманов.

Басманов уходит.

Он вышел. А! Спасайте! Он погиб.
Держите крепче дверь. В другом покое
Я слышу шаг моих стрельцов. Скорей,
Скорей ко мне!

Дверь выломана и выстрел.

О господи! Я ранен.
Нет боле сил, и меч падет из рук.
Я не могу за жизнь свою сражаться,
За свой престол! Всё меркнет!

(Падает в обморок.)

Народ

А! Злодей!
Ты наш теперь, попался!

Стрельцы

Подходите!
Ну, шубники московские! Сюда!

Отведайте стрелецкого железа,
Дотроньтесь до царя.

Народ

Возьмем его.

Голос

Неладно, брат: народ ведь это бойкий.

Князь Куракин

Отрепьева ль хотите вы в цари?

Стрельцы

Он не Отрепьев.

Князь Куракин

Мы клянемся богом,
Могилой предков, жизнию детей —
И не солжем. Царица объявила,
Что он злодей, не сын ее. Тот свят,
Тот в небесах, среди блаженных ликов,
И молится о страждущей Руси;
А это вор, расстрига, чернокнижник!

Стрельцы

Не верьте им: они безбожно лгут.
Не выдадим!

Голос из народа

О храбрые стрельцы!
Одни ли вы измените России
И русской вере? Мы клянемся вам,
Что он злодей. Стрельцы, побойтесь бога!
За изверга мечей в крови родной
Не обагряйте!

Стрелец

Этому я верю:
Он наш стрелец, и честен, и правдив,
И никогда во лжи не примет клятвы.

Другие

Товарищи, не верьте!

Другие

Вся Москва
Противу нас. Ведь мы одни не сладим:
Так из чего же биться?

Голос в народе

Э, друзья!
Что медлим здесь? Зажжем посад стрелецкий,
Убьем их жен, раздавим их детей.

Стрелец

За мной, за мной! Дома свои избавим
От пламени!

Уходят.

Один

Ох, жалко молодца!
Как был удал! Я рад бы головою
Лечь за него.

(Уходит.)

Димитрий
(опомнясь)

Оставили меня.
Всему конец! Нет силы, нет защиты
И нет меча, чтоб грудь свою пронзить!

Князь Куракин

Ну что ж, Отрепьев? Говори, винишься ль?
Покаешься ль в обмане ты своем?

Димитрий

На площади, пред внемлющим народом,
Я истину открою.

Валуев

Ну, пора!

Валуев и Воейков стреляют.

Димитрий

О господи! Будь кротким судиею
Моих грехов.

(Падает.)

Валуев
(продувая ружье)

Я долг свой заплатил.

Вбегают князь Скопин и Ляпунов.

Князь Скопин-Шуйский

Где самозванец?

(Видит труп.)

Вы его убили?
Бегите прочь! О горе вам и стыд!
Вы правый суд в злодейство обратили.

Народ уходит.

Ляпунов

Безмолвен, мертв и хладен он лежит
У наших ног. Как пылок был в сраженьях,
Как полон дум, и пламени, и сил!
Мне жаль его.

Князь Скопин-Шуйский

Он был обманщик дерзкий,
И не его престол российский был.

На улице крик

Да здравствует Василий, царь Московский!

Ляпунов

Что, князь Скопин, ты слышишь?

Князь Скопин-Шуйский

Это что?
Без выбора, без земского собора?
Пойдем туда, Прокофий!

(Уходит.)

Ляпунов
(один)

Шуйский князь!
Неправдою и ты достиг престола.
И эту кровь я пролил для него?
О падший вождь! Я каюсь пред тобою.
Но день придет для мщенья твоего,
И злой старик падет передо мною:
Сгубили льва, так справимся с лисою.

1831—1832

НЕЗАВЕРШЕННОЕ

104. ВАДИМ

ПЕСНЬ 1

День тухнет; хладен ветр над Ладогой седою,
И черной пеленой подернут неба свод.
Лишь там, где он вдали встречает бездну вод,
Дрожащий слабый свет сражается со тьмою,
И тихо, тихо в мгле ночной
Он меркнет так, как луч надежды, луч последний
В душе, оставленной судьбой.
Но он исчез, и месяц бледный
С востока медленно плывет;
То кроется средь тучи мрачной,
То сквозь покров ее прозрачный
Сребристый, тихий свет лиет,
В ущелиях глубоких, черных
Утесов, спящих над волной,
Ужасны стоны ветров горних,
Ужасен беспрерывный вой.
Колеблем бурей разъяренной,
Необозримый бор ревет;
Холодный мелкий дождь осенний
На землю, как туман, падет.
И облака за облаками
Бегут туманными грядами.
Но вот широкими шагами
Из бора вышед, по полям,
По черным и крутым скалам

Кто вдалеке, как тень, ступает,
Звуча копьем в огромный щит?
Но он запел. Пусть бор шумит,
Пусть ветр уныло завывает,
Пусть волны брег колеблют свой,
Пусть... Громче, чем их страшный вой,
Чем стон дубрав, рев скал ужасный,
Ловца младого голос ясный:
«О Стрибога дети, шумите, шумите!
Играйте, Полканы, с седою волной!
И песнею дикой мой дух веселится;
Вадиму приятны и буря, и бой.
Меня здесь угрюмая степь воспитала,
Родителя щит колыбелию был,
И буря младенцу ко сну припевала,
И первый луч утра к сраженьям будил.
Младенец с младыми боролся волками,
У дикой лисицы птенцов похищал,
И Ладоги шумные волны руками
Средь бури и грома, смеясь, рассекал.
Любил я и ветер холодный осенний,
Любил я плесканье ревущих валов,
И зимние хлады, и бури весенни,
Но сердце желало лишь битв и врагов.
Прощай же, о Ладоги берег пустынный,
Свидетель счастливых младенческих лет.
К победе, ко славе! Их голос призывный
В далекие страны Вадима зовет.
И вскоре пришелец надменный узнает,
Как сын Ратибора оружьем играет».
И булаву с спины широкой
Сорвал он мощною рукой
И в камень, часть скалы высокой,
Ударил тяжкой булавой.
Ударил — яркий брызнул пламень,
Треща раздался черный камень.
Часть пала в пропасть, и кругом
Раздался вдруг ужасный гром.
Казалось, пропасти взревели,
Валы свирепей закипели;
Гул загремел в ущельях гор,
Стеня, завыл огромный бор,

Проснулся ворон в поле диком,
И филин вдаль помчался с криком,
И волк, забыв своих птенцов,
Бежал сокрыться в глубь лесов.
Но с гордостью, как после боя,
Уж в мыслях поразив героя,
Пустыни сын захохотал.
И эхо гор захохотало,
И эхо волн им отвечало,
Но он уж скрылся между скал.
Он в даль туманну поспешает;
Везде ему свободный путь.
Где зверь дубравный пробегает,
Где ветер горний может дуть,
Там славянин, как в поле чистом,
Бежит то с песнью, то со свистом,
И долго быстрою стопой
Бежал в долине он глубокой,
Но наконец утес высокой
Увидел он перед собой.
Здесь цель его: журча, струится
Источник светлых, чистых вод,
И чуть под ним пещеры зрится
Скалою загражденный вход.
Вадим трубит в свой рог огромный,
Звук долго мчится в тишине,
И голос из пещеры темной
Выходит: «Кто пришел ко мне?»
— «Я! сын твой!» Камень упадает,
В пещеру юноша вступает,
Добычу ловли сбросив, он
Ложится, и уж близок сон...
Но кто ж его будить дерзает?
Чей рог так громко прозвучал?
«Их друг!» — трубящий отвечал.
Их друг он! Странно! Им казалось,
Уж в мире друга не осталось.
И кто ж придет в пустыне сей
Искать оставленных друзей?
Пусть так, — но сильною рукою
Вадим пещеры вход открыл
И незнакомца за собою

Ведет; меж тем старик схватил
Засохший мох, кремень, огниво
Ударил: искрою игривой
Огонь сокрытый засверкал,
На мох струею побежал,
И вспыхнул мох: в лампаде черной
Фитиль, куряся, затрещал,
И по стене во тьме пещерной
Вдруг свет неверный задрожал.
И старец странника узнал.
К нему в объятья упадает,
Безмолвствуя, лишенный сил.
Одно из уст их вылетает:
«О! Ратибор!» — «Брегил! Брегил!»
О, если есть в сей жизни краткой
Хоть час один для сердца сладкой,
О, если хоть один есть миг,
Чтобы душа, от уз земных
Освободясь, небесное вкушала
И небо всё в себе вмещала,
О, если есть, — то знаю я его!
Когда мы друга своего,
Давно судьбою разлученны,
В отчизне снова съединенны,
Увидим вновь, — тогда есть миг
Для чувств небесных, не земных.
Тогда есть миг, что годы вспоминаний,
И мнимых радостей, и истинных страданий
Весь дух стеснят — и мысль за мыслию другой
Стремится, как волна за быстрою волной.
Но кто же сей пещеры житель?
Какою дивною судьбой
Изгнан он из страны родной
В сию пустынную обитель?
Всё в диких и прямых чертах,
В глубоких ран его следах
О прежних подвигах вещает,
И проницательность читает
В лице пустынника, что он
Не к низкой доле был рожден.
Хотя над гордой сей главою
Уж много, много зим прошло,

Хотя высокое чело
Давно покрылось сединою,
Сверканье черных сих очей
Из-под нависнувших бровей,
Огромный рост, хотя рукою
Железной времени согбен,
И тело всё, и каждый член,
Исполненные дивной силы,
Свидетели, что старец сей
И на самом краю могилы
Не много по руке своей
Найдет и копий, и мечей.
Почто ж он здесь? Кто он? Не знаю,
Лишь тёмно, тёмно вспоминаю,
Что двадцать лет прошли с тех пор,
Как некий воин Ратибор
Из Новограда стен высоких
Изгнан —не он ли, может быть,
Спешил себя навек сокрыть
В степи, среди пещер глубоких.
«Так, Ратибор, двадцатый год
Уже невидимо промчался
Со дня, как я с тобой расстался
У яростных Ильменских вод.
Сопутник моего изгнанья,
С тех пор был знак воспоминанья,
Знак верныя любви твоей.
И много я преплыл морей,
И много зрел земель далеких,
Но неизгла́димых, глубоких
И первых чувств души моей
Ничто, ничто не истребляло,
И вся душа чрез море прелетала
Вслед за крылатою мечтой
К тебе и ко стране родной».
— «Не говори мне о странах полдневных!
Изгнаннику в пустыне сей
Что до земли и до людей?
Так, прежде, чем судьбины гневной
Гром грянул над моей главой,
В те дни, как дух питался мой
Отрадной счастия мечтой,

И я любил повествованья
О дальних, дивных сторонах.
Тогда внимал я им! Но ах!
Теперь нет боле к ним вниманья,
И Полдень, Север, все страны —
Все для изгнанника равны.
Увы! Как сон, промчалась младость,
Надежд златых исчезла сладость,
Всё, всё прошло, и стала радость
Безвестна для души моей.
И что осталось мне от жизни
К концу моих печальных дней?
Пещера на краю отчизны,
Жилище дикое зверей,
И дух, растерзанный страданьем,
И грудь, уставшая от бед,
И память горькая счастливых прежних лет,
И весь я — лист, отторженный дыханьем
Несчастия и грусти злой,
Осенним мразом иссушенный,
Чрез дебри вдаль перенесенный
И брошенный в степи глухой».
— «О прогони туман печали
Далеко от души своей,
Не все еще в ней радости увяли,
В ней тлится искра прежних дней.
Когда тебя мои объятья прижимали,
Я видел, дружба в ней по-прежнему жива,
Глаза твои по-прежнему блистали,
Улыбка на устах была».
— «Нет! нет! свет радости мгновенной
Не оживит души, измученной тоской,
И дуб, веками иссушенный,
Не процветет с пришедшею весной.
Быть может, в веточке одной
На время снова жизнь проснется,
И лист на время развернется,
Но час пройдет — увянет он,
И снова царь долин высокой
Застонет в грусти одинокой,
Ночною бурей обнажен!»

Умолк — главу свою склоняет
Задумчиво к рукам своим,
Брегила взор в слезах блистает,
Сидит в безмолвии Вадим.
И долго витязи молчали,
И долго тишины их глас не прерывал,
И очи старика недвижимо стояли,
И дух его ко дням минувшим улетал.
Безмолвия ничто, ничто не прерывает,
Всё в мертвой дремлет тишине,
Лишь изредка в лампаде на стене
Вдруг затрещит огонь, как будто потухает,
И снова ярче заблестит,
А старец всё еще в безмолвии сидит.
Его ты слышал бы дыханье
И груди тихое порою колебанье,
И ветра вздох в траве сухой,
И тихий глас теней в час полночи глухой.
Но старца вдруг глаза, как молнья, засверкали,
Вздрогнул — уста затрепетали,
На свод высокий он воззрел,
И глас со стоном излетел:
«О Новград! ты ценой изгнанья
За славу мне, за раны заплатил.
Я за тебя всю кровь свою пролил;
А ты меня на горесть и страданья,
Неблагодарный, осудил.
И от тебя вся жизнь моя увяла,
Душой к веселью умер я,
Надежда с счастьем убежала,
И всё погибло для меня».
Престал — молчанье всё объемлет,
Но вскоре снова Ратибор
Со вздохом медленно подъемлет
Свой грустью омраченный взор.
Потом с печалию немою
На друга он взглянул опять
И по челу провел рукою:
Как будто силился прогнать
Ужасное воспоминанье
И мог он с памяти своей

Стереть рукой свое страданье
И все несчастья прежних дней.
Потом, казалось, вдруг проснулся,
Улыбкой горькой улыбнулся
И так ко другу говорил:
«Ты не дивись тому, Брегил,
Что я средь радости свиданья
И радость, и тебя забыл.
Ах! двадцать лет тяжелого изгнанья
Оставили в душе ужасные следы,
И если в ней блеснут подчас мечты
С звездой далекой упованья,
Ах! грозный мрак воспоминанья
Отрадный свет их помрачит
И скроет их прелестный вид.
Раскроются вновь сердца раны,
И вновь холодные туманы
Мой дух унылый облекут.
Но я теперь сложу на время
Воспоминаний тяжких бремя,
И ночи сей часы приятней пробегут!»
— «Так! Новоград виновен пред тобою, —
Сказал Брегил, — но дни его торжеств прошли,
И Чернобог железною рукою
Склонил его чело к земли.
Ужель твой гнев не укротится,
Когда отечество в цепях,
И край родной в крови славян дымится,
И в Новограде царь — варяг?»
— «Варяг!» — отпрянув, восклицают
Внезапно старец и Вадим;
И юноши глаза, как молнии, сверкают,
Меж тем как старец словом сим,
Как будто громом пораженный,
Безмолвен, недвижим стоял.
И спор страстей в душе смущенной...
Прошло, он сел, вздохнул, сказал:
«О Новград! ты меня изгнал!»
И тщетны, тщетны все моленья,
И не услышан дружбы глас,
Одно в нем чувство — чувство мщенья.
Навеки в нем огонь погас

Любви и к брани, и к отчизне,
И к славе, и к всему, чем мы счастливы в жизни
И чем для сердца красен свет.
Пусть Новоград в слезах зовет,
Он непреклонен. «Возвратите, —
Вещает он, — Ильгерду мне
И раны сердца исцелите,
Тогда лечу ко славе и войне!
Но вы, но вы ее убили!
Вы острый в грудь ее кинжал
Безжалостной рукой вонзили
И просите теперь, чтоб я за вас отмщал.
Мной ваша спасена свобода,
Но я, увы! не знатен был,
Она от княжеского рода,
И мне, увы! за то, что я любил,
Даны в удел печаль изгнанья,
Ей грусть в отчизне суждена.
Но скоро, скоро... и она!
И чтобы я, ее страданья
Забыв, за вас на брань пошел,
И чтобы вновь мой меч кровавый
Неблагодарных рать повел
На путь побед, торжеств и славы?
И чтобы снова... никогда!
Скорее вспять польются реки,
И бурной Ладоги вода
Утихнет в берегах навеки,
И небо встретится с землей,
Чем я за них пойду на бой.
А ты, из Новграда присланный,
Скажи, что я, от них изгнанный,
Не буду боле их рабом,
Что пусть погибнут их дружины,
Я здесь останусь до кончины,
Что здесь засну последним сном,
Здесь скроют гроб мой, щит и латы,
И меч мой, и шелом крылатый,
Что Новград я забыл, проклял...
И как чужой отчизне стал!»
Брегил потупил взор, туманами покрытый,
И слезы, светлою струей

Упав на бледные ланиты,
Блеснули на браде седой.
Но всё молчит, устали старцев члены,
И скоро тихий сон смежил
Их взор, слезою отягченный.
Быть может, он им вновь явил
Толпу прелестных, милых теней,
Давно исчезнувших для них,
Быть может, обновил на миг
Всю живость прежних впечатлений,
Всю сладость первых чувств младых.
Ах! часто он один — несчастных утешитель! —
Один оставленных судьбою не бежит,
Но к ним во тьме ночной летит
С улыбкой на устах, как друг, благотворитель
И чувством радостным их сердце шевелит.
Я помню дни, когда, изгнанный
Из родины своей враждебною судьбой,
Я унывал в земле чужой,
На берегах страны варяг туманной,
Вдали от кровных и друзей,
Как радовался я спокойствию ночей,
Когда с небес, покрытых ризой мрачной,
С вечерней тихою росой
Спускались на поля молчанье и покой.
И даль скрывалась в мгле прозрачной.
Как радовался я, что вскоре сон придет
И память горестей до утра унесет!
И сны с отрадой прилетали
К несчастному, лишенному отрад,
И свет надежды обретали.
Отчизна, пышный Новоград
Являлись снова предо мною
Со всей знакомой красотою.
Я снова видел те места,
Где я провел лета златые.
Там, там проснулася мечта
Души моей: там, там впервые
При виде утренних небес
Певец, исполнен восхищенья,
Почувствовал в себе весь пламень вдохновенья
И в песни робкий глас вознес.

Я видел холм, где я, сын счастья и свободы,
Любил на прелести природы
С волненьем радостным взирать
И детскую хвалу невнятно лепетать.
Я видел тихий дол глубокой,
Где надо мною дуб качался одинокой,
И на хребте скалы высокой
Ту башню, коей верх в зубцах,
Поросший серою травою,
Взносился часто предо мною,
Как мрачный великан на светлых небесах.
И снова я, как прежде, любовался,
Блаженством юных лет до утра наслаждался,
И, просыпаяся, желал,
Чтоб сон очей моих вовек не покидал.

Не спит Вадим: на длань склоненный,
В глубокой думе он сидит.
Покоя нет душе смятенной,
И сон очей его бежит.
Всечасно пред его очами
В тяжелых Новоград цепях
И торжествующий варяг
Над хладными славян гробами.
В Вадиме пылкий дух кипит,
Но кто за родину отмстит?
Глас мщения, глас громкой славы
Зовут его на бой кровавый;
И он, за ним летя мечтой,
Забыл усталость и покой.
И часто, часто он дивился,
Что гнев отца не укротился
В течение столь долгих лет.
Так юноша, в безвестный свет
Вступив с надеждою златою,
Лишь радости познав душою,
Не будет долгий гнев питать
И думает: легко прощать.
Почто, доколе сновиденья
Ничто не может помрачить
И не успели упоенья

И грусть, и бедство прекратить,
Почто счастливец будет мстить?
Но старец, жизнью наученный,
Стонавший под яремом бед,
Обманчивых надежд лишенный,
В грядущем счастия не ждет;
В душе, где радость увядает
И пламень чувства угасает,
Увы, глубокие следы
Навек обида оставляет,
И долго тлится огнь вражды.
Но вот уж ночи мрак редеет,
И медленно вдали белеет,
Лучом сребристым поражен,
Восточный синий небосклон.
Потухли звезды, чуть мелькает
Туманный, бледный лик луны,
В безмолвии Вадим снимает
Свой меч, доспехи со стены,
Рукою молча сотрясает
Давно на них лежащий прах,
Главу шеломом покрывает,
Потом с щитом на раменах,
Покрыт броней, с мечом, стрелами,
Выходит гордыми стопами.
Казалось, в первый раз небес
Так светел вид ему являлся,
Казалось, пожелтевший лес
Красою новой одевался.
«Горит ли чище и светлей
Заря весенних тихих дней?
Когда так быстро пробегали
В лазурных облачка странах,
Так ярко в пурпурных огнях
Врата восточные блистали
И ветры так свежо дышали
На стихшей Ладоги брегах.
Пусть все цветы в лугах увяли,
Поблекла вся краса полей,
И птицы в рощах петь престали,
И слух, и взор пленять — ручей.
Но клен с одеждой золотою,

Дуб в пурпуре своих листов,
И ели с зеленью густою
Прелестней взору, чем весною
Однообразных вид лесов.
Но мутный ток, с холмов бегущий
И с пеной в брег кремнистый бьющий,
По камням весело шумит,
И радость бурная свободы
На крыльях Стрибога летит
К сынам полунощной природы», —
Так мыслит радостный Вадим;
То, вспомня о грядущей брани,
Трясет мечом он в мощной длани,
Играет копием стальным,
То, тихо погрузясь в мечтанье,
Пьет утра свежее дыханье,
То мысль, что скоро Ратибор
Останется один с тоскою,
Мрачит его веселый взор
Невольной быстрою слезою.

Но вот уже готов Брегил,
Унылый, с горестью глубокой
Стремится снова в путь далекой.
Он вход пещеры отворил
И с другом тихо выступает,
И другу руку пожимает,
И что-то он сказать желает,
Но сердце не находит слов...
Ах, после двадцати годов
Разлуки, тяжкого изгнанья
Минута сладкого свиданья —
И вдруг расстаться!.. Старцев грудь
Волнуют скрытые стенанья.
«Итак, один я в дальний путь, —
Сказал Брегил, — пойду с тоскою
Без друга?» Ратибор рукою
Поспешно мрачный взор закрыл.
«Один?» — сказал опять Брегил,
И, на него с печалию взирая,
Ответа он от друга ждет.
Но друг молчит: лишь иногда, блистая,

Слеза меж пальцев протечет,
И крепко, крепко он рукою
Брегила руку вдруг пожмет
И тяжко, тяжко он пожмет ⟨вздохнет?⟩.
«Ах! может быть, навек с тобою, —
Сказал Брегил, — проститься мне!
Быть может, вражеской стрелою
Сраженный на родной стране,
Я лягу мертвыми костями;
И ты, быть может, за горами,
В твоей пустынной тишине
И не узнаешь, что Брегила
Земля сырая уж сокрыла,
То дай мне обещанье, друг!
Что иногда стопой печальной
Придешь в вечерний свой досуг
Воссесть на камень сей прощальный
И вспомнить друга прежних лет,
И иногда воздушною стопою
Незрима тень моя придет,
Мой Ратибор! беседовать с тобою».
Но обратив ко другу взор
Упрека, горести глубокой,
Сказал, вздыхая, Ратибор:
«И ты подумать мог, что старец одинокой,
Один среди глухих степей,
Забудет о тебе, вернейший из друзей!
Доселе я в душе своей,
В душе растерзанной, унылой,
Лишь два сокровища хранил:
Одно — Ильгерды образ милой,
Другое — образ твой, Брегил.
И ты... но нет! Начто прощанья
Нам чашу горькую по каплям испивать,
Не лучше ли свои страданья,
Сказав: прощай! навек прощай! — прервать».
Умолк, в объятия друг к другу старцы пали,
И долго ток из их очей бежал,
И безутешный стон печали
Из груди их с усильем вылетал.
Вадим их зрел, и дух его смутился,
Неведомая грусть простерлася над ним,

Как бы предчувствие: и над копьем стальным
Он голову склонил и тихо прослезился.
Расталися друзья, Брегил
Свой взор поспешно отвратил
И, протянув ко другу руку,
Сказал: «Пожми ее на вечную разлуку,
Мне брань и смерть удел», — и быстрою стопой
Пошел; но юноша, исполнен бога брани,
Потрясши щит в могущей длани,
Воскликнул: «Брань и смерть! Я всюду за тобой!»
И в изумлении Брегил остановился,
Но Ратибор с печалию немой
К пещере тихо обратился,
И видел грусть его Вадим,
Он видел и бежал за ним,
С душой, исполненной смятенья.
Ах! кто когда спокойно зрел
Отца в слезах? Кто не летел
К нему с словами утешенья,
Когда на взор его возлег туман густой,
Туман глубокия печали,
И на устах его, стесненных скорбью злой,
Упрек и стон невнятные роптали.
Вадим к коленам старца пал,
И слезы потекли из глаз его струею.
«Прости, прости, родитель!» — он сказал,
Но старец юношу прервал:
«Иди, иди! И Родомысл с тобою,
Иди! тебя, быть может, счастье ждет.
Ах! горько мне с тобой прощанье,
Но не виновен ты: от первых жизни лет
На грусть, и слезы, и страданья
Угрюмый Чернобог меня определил.
Прощай!» — и, указав рукою
На холм, на коем ждал Брегил,
Пошел и скрылся за горою.
Умолк уж шум его шагов,
Вадим восстал: из-за холмов,
Как великан небес огромный,
Всходило солнце, и рекой
Пролился яркий свет над радостной землей.
Вдруг бор позолотился темный,

Багряный огнь погас в полях
И на туманной гор вершине
И в мрачной заиграл долине,
Ручья на ропщущих струях.
Тумана пелена над Ладогой свивалась,
И Ладога, как море, расстилалась,
Необозримая, огромный щит златой;
Чуть легкий ветр играл с волной,
И каждая скала блистала,
И каждая волна луч солнца отражала,
И чайка белая над озером летала,
И из средины диких скал
Пустыни серый царь взлетал.
Брегил вдоль брега шел, с слезами вспоминая
О бедствиях родного края,
А юноша с улыбкою взирал,
Объятый сладостною думой,
Как солнца светлый луч играл
На лоне Ладоги угрюмой.

ПЕСНЬ 2

«Как ночь мрачна! Как темен лес!
Как путь зарос кустами!
Ни звездочки среди небес,
Ни огонька пред нами!
Давно мы бродим по лесам,
Скажи, далеко ль Ниев храм?»
— «Вадим, ты зришь ли пред собою
Высоких сосен ряд густой?
За ними храм стоит над мрачною скалою».
И старец, и Вадим идут. Над их главой
Верхи дерев шумят уныло,
И мнится, жителей могилы
Несется глас во мгле ночной.
В дубраве, тихой и сухой,
Идут на верх горы кремнистой
Среди нависших диких скал,
Вступают в своды храма, мшистый
Помост под ними зазвучал,
И отголосок стен протяжно отвечал.

Идут неверною стопою...
Но вот незримою рукою
Отверзся перед ними вход
В высокий освещенный свод.
В средине длинный стол, из камня иссеченный,
И кубок на столе, и нож лежит священный,
И старцев сонм кругом сидит.
Как ярко свет на их челах играет!
Как белые власы и ризы их блестят!
И стены в сумраке стоят,
И луч, не долетев до свода, умирает.
Вдали чуть светят на столбах
Тяжелые героев древних латы,
И их щиты, избитые в боях,
И шлемы, и мечи зубчаты.
Всё тихо: дивный сонм молчит,
И каждый старец пред собою
На руны тайные глядит,
Седой склонившись головою.
Когда же ветр свирепый зашумит
И дымный пламень затрясется,
И свет неверный с тьмой сольется,
То мнится, старцы, стол, и своды, и стена
То вдруг блеснут, то исчезают,
Непостоянные пред взорами блуждают,
Как зданье зыбкое таинственного сна.
И недвижимый, изумленный,
У входа храмины священной
В молчаньи юный сын степей
Взирал на храма свод высокий,
На факел в храме одинокий,
На дивный сонм седых мужей.
Безвестное благоговенье
И перед та́инственным страх
Блистали в юноши очах.
И мыслит он, что первый шаг
Разгонит светлое виденье;
Что витязи минувших дней,
Богатыри времен далеких,
Исшедши из могил глубоких,
Из царства мрачного теней,
Совет свой держат в тьме ночей

Об участи печальной, слезной
Отчизны, прежде им любезной.
Но вот, отбросивши рукой
Свой длинный плащ с чела седого,
Брегил идет и за собой
Ведет сопутника младого.
Обходит стол со всех сторон,
Встречаем дружеским приветом,
И низко кланяется он
Пред старцем, в черный плащ одетым.
«Вовремя ты пришел, Брегил! —
К пришельцу старец говорил. —
Настал сей день, давно желанный.
Так завтра, завтра в ранний час
У самых врат Новграда бранной
Трубы раздастся грозный глас.
Но Ратибора нет с тобою?»
— «Изгнанный Новградом, он Новоград проклял.
Как тщетно море бьет волнами
В громады черные нависших диких скал,
Так, Буривой! и я с слезами
Упал к его ногам, просил его, молил...
Вотще — он непреклонен был».
— «Но кто ж с тобою в храм вступил?
Кто сей с блестящими, как взор орла, глазами,
Покрытый светлою броней?
Скажи, кто юный сей герой?»
— «Сын Ратибора он! послышав голос брани,
Он устремился вслед за мной
С мечом отмщения в младой, но сильной длани».
И Буривой восстал: он юношу ведет
В средину сонмища седого
И руку древнюю кладет
На меч героя молодого.
«О Ратибора сын! — воскликнул Буривой. —
Мой сын! клянися предо мной
Богами адскими и вечной адской тьмой
И Ния властию священной,
Что меч, тобою обнаженный,
Дотоль не скроется в ножнах,
Доколе Новоград не встанет с новой славой,

Доколе трепетный варяг
Не побежит стезей кровавой
В Рослаген свой, как дикий зверь лесов
Пред меткою стрелой и громким лаем псов».
Вадим еще хранил глубокое молчанье,
Но взор его блистал воинственным огнем.
И вдруг он меч извлек — ступил — потряс щитом,
И клятвы грозной обещанья
В восторге бурном произнес.
Он звал в свидетели властителя небес,
Тебя, защитник Новограда,
О златорогий царь Велес,
Тебя, тебя, о Ний, владыка грозный ада,
И Чернобога власть, и Ночь, и Бледный страх.
Так клялся он: в его глазах,
Казалось, молнии сверкали,
Слова под сводами звучали,
Как дальний над волнами гром,
И перья лебедя играли,
Колебляся, шумя над юноши челом.
Все в удивлении немом
Меж тем на витязя взирали
И мнили: юный Святовид,
Оставивший небесны своды,
Пришел поставить меч и щит
Против врагов отчизны и свободы.
Но Буривой вещал, Вадим
Пустился снова в путь с вожатаем седым
Чрез дебри мрачны и глубоки,
Через шумящие потоки,
Чрез холмы, долы по скалам,
К новградским дружеским шатрам.
Густее мрак долины покрывает,
В дубраве ветер завывает
И филина несется глас,
Уж близок полунощный час.
Чей голос слышен в храме Ния,
Как будто стон волны седой,
Как будто ветра рев глухой?
Вещает мрачный Буривой:
«На ветре стоны прилетают,
Подземные врата скрыпят,

Из ада духи вылетают,
Начнем, начнем таинственный обряд.
Я слышу грозные их клики,
Я слышу: крыльями шумят;
Поют протяжно адски лики,
Начнем, начнем таинственный обряд.
Бегут, над нашими главами
Их гласы громкие звучат;
Бегут несметными толпами;
Начнем, начнем таинственный обряд».
И вот горит костер священный,
Три раза, в жертву обреченный,
Телец обводится кругом,
Одет кровавым полотном.
Он пал, и кровь его течет в сосуд широкой,
Меж тем как в тишине глубокой
Вокруг стола и пред костром
Безмолвно ходит старцев сонм.
И все с поникнутой главою,
Все тихой, мерною стопою
Идут. О, если бы ты зрел,
Как стройно шел сей сонм священный,
Как каждый старец, облаченный
В свой длинный плащ, во мгле белел!
О, если бы ты зрел их бледные ланиты,
И их главы, сединами покрыты,
И дикий, но потухший взгляд, —
Ты мнил бы, истуканов ряд,
Рукой несмертной иссеченных,
Волшебством дивным оживленных
При звуке та́инственных слов
Подземных властию богов.
Пред ними медленно ступает
В одежде мрачной Буривой
И с шумом над своей главой
Он знамя брани потрясает.
Идут и стали пред костром;
Но Буривой вокруг костра обходит
И круг таинственный обводит
Железным жертвенным жезлом.
Вдруг, распустив власы полуседые,

Он зашептал, склоненный над огнем,
Слова волшебные, глаголы неземные.
Когда бы он свой глас вознес,
Когда б его слова под сводами раздались,
Тогда бы горы всколебались
И бурею взмутился свод небес,
Тогда бы храм со сводами, с жрецами
Под мстящими богов громами
Затрясся, рушился, упал
И Волхов трепетный к Ильменю вспять бежал.
Но он слова свои едва-едва шептал,
И ветер громче завывал,
И звери дикие скрывались под кустами,
И путник зрел над шаткими древами
Огней бегущих длинный ряд
И бледный сонм каких-то странных теней,
И образы чудесных привидений,
На коих и взирать не должен смертных взгляд,
Но сонм молчал. Лишь заклинанья
Чуть ропщут в бледных их устах.
И вдруг из грозного молчанья
Их грянул глас, исполнен предвещанья,
О крови, брани и смертях:
«Ний с престола восстает,
Ний копье свое берет!
Что ж владыку призывает?
День ли брани наступает?
Завтра ли бой?
Враны несметной слетелись толпой,
В ночи холодной
Весело волк завывает голодный.
Завтра будет пир орлам.
Ний! о Ний! приди в свой храм!

Что же в аде восклицают?
Грозны радости духов!
Быстро, быстро льется кровь,
В небе призраки летают,
В адских странах
Смехи грохочут, как гром в небесах,
Тьмами и тьмами
Тени пред адскими вьются вратами.

Гибель, смерть и страх врагам!
Ний! о Ний! приди в свой храм!

Вот твой кубок позлащенный,
Вот под дланию жреца
Льется светла кровь тельца!
Обошли мы круг священный.
Грозный, внимай!
Ада владыка, на брань выступай.
Старцы седые
В полночь свершили обряды святые.
О, внемли своим жрецам!
Ний! о Ний! приди в свой храм!»

Так пели старцы. Каждый раз,
Когда их та́инственный глас
Во храме громче раздавался,
Их мрачный вождь к земле склонялся
И, знамя омокая в кровь,
Вещал: так брызнет кровь врагов.
Когда ж их гласы умолкали
И звуки песни умирали,
Как дальний ропот бурных волн,
Тогда, благоговенья полн,
Поднявши кубок позлащенный,
Угрюмый старец Буривой
Лил меда светлый ток златой
На пламень и костер священный.
Мгновенно пламень потухал,
Но вдруг он ярче вновь пылал,
Вновь рдяным светом озарял
И старика власы седые,
И зраки бледные жрецов,
И брони на стенах стальные,
И камни серые столбов.
Но вот уж пламя потухало;
Едва над гаснущим костром
Сиянье рдяное мелькало,
К костру склонившийся челом,
Верховный жрец, простерши длани,
Качал, но тихо, знамя брани.
И вдруг, казалось, перед ним,

Очам незримые другим,
Вставали тайные виденья.
«Идет, — воскликнул он, — идет владыка мщенья,
Идет! Склонитеся пред ним!
Идет!» — и старцы все поникнули главами
Перед незримыми, но близкими богами.
И долго сонм седой молчал,
Казалось, храм и ветр дремал.
Все члены старцев трепетали,
Холодный пот по лицам их бежал,
Власы на их главах от ужаса вставали,
Невольно зуб об зуб стучал.
И пламенника свет тусклеет и тусклеет,
И на костре огонь синеет и синеет,
Жрецы стоят, жрецы молчат,
Их дух стеснило ожиданье.
Вдруг что-то хладное, как мертвых целованье,
Как ветр знобящий адских врат,
Как смерти длань, над ними пробежало:
Казалось, жизнь с ним улетала,
Казалось, под перстом духов
На миг в них сердце бить престало
И в жилах их замерзла кровь.
Прошло!.. в них сердце бьется вновь,
Их мрачный взор блестит яснее,
Но вся душа в них трепета полна,
Как бы от грозного пророческого сна.
Их вождь стоял с простертыми руками,
С смущеньем на челе, с дрожащими устами,
Так бледен, хладен, недвижим,
Что мнилось, смерти мраз уже возлег над ним.
Его отверсты, мрачны очи
Без жизни, мыслей, чувств стоят,
Глубоким ужасом его окован взгляд,
Вперился в мраки черной ночи.
Но вот из уст его исторгся тяжкий стон,
На мертвенном лице явился пламень новый,
Как будто сотрясал ничтожества оковы,
Как будто бы восстал к существованью он.
Его глаза, как звезды в мгле, пылали,
И под наморщенным челом

Зеницы серые сверкали
Багровым бешенства огнем;
И бледные его ланиты
Кипящей кровью налились;
Ужасной бледностью покрыты,
Уста его от ярости тряслись;
И из груди его стесненной
С усильем вылетал какой-то рев глухой;
Казалось, дух подземный, злой
Владел душою исступленной.
Вдруг знамя он потряс, главу свою поднял
И грозные слова вещал:
«О горе, горе вам, варягов род надменный,
О горе, горе вам! Грядет отмщенья час.
Вы жертвы смерти обреченны,
Ваш день пришел, весь ад восстал на вас;
Весь ад гласит вам: горе! горе!»
На время старец замолчал,
И сонм жрецов протяжно отвечал,
Их глас, их дикий глас звучал,
Как бьющее в утесы море;
Они вещали: «Горе! горе!»
— «Пусть гибнет весь их род! — воскликнул Буривой. —
Пусть пожирает меч их хищные дружины,
Пусть Позвизд их мертвит холодною рукой,
Пусть поглощают их ревущие пучины
И голод их разит среди степи глухой.
Когда же вся их кровь прольется,
Пусть память их с земли сотрется!»
И вновь жрецов ответный глас
Высокий храма свод потряс.
Сей глас был бури завыванье
Иль ночью грома рокотанье
По снежным северным горам;
Они вещали: «Смерть! смерть лютая врагам!
Их имена пусть скроет мрак забвенья,
И кости их, добыча тленья,
Пусть лягут средь степей без славы, без могил».
Ужасно их слова во храме раздалися,
Полнощный ветр свирепее завыл,
Доспехи тяжкие героев затряслися,
И тяжкий, тихий стон в них долго слышен был.

Но снова старец исступленный
Гласил проклятия священны:
«Когда вспылает бурный бой,
Коль Новограда сын, увидя знамя брани,
Отмщеньем не вскипит и робкою душой
Возлюбит рабский мир бесчестья и покой,
Проклят он в век и век, его прокляты длани!
И ⟨душу⟩ робкую, избравшую ярем,
Богам подземным мы навеки отдаем.
Пусть дом его падет и пред его очами
Пусть острый меч сразит жену его, детей,
Пусть горько плачет он и свет его очей
Иссушится тогда горячими слезами
И прежде времени потухнет в вечной мгле.
Пусть он пойдет, оставленный друзьями,
Сам-друг с отчаяньем скитаться по земле,
Пусть ночию и днем, во сне, во время бденья
Толпятся вкруг него стадами привиденья,
И пред кончиною пусть будет уж об нем
Голодный спорить пес и с волком, и с орлом,
Пусть червь, могильный червь живого кости сгложет
И даже смерть его раскаянье встревожит.
И пусть душе его во мгле земли сырой
Откажет Чернобог желанный им покой».
Жрецы проклятья повторили,
Слова их глушь лесов вкруг храма пробудили,
Дремучий бор уныло отвечал
И вран, проснувшися, три раза прокричал.

Не жаворонка глас встречает
Зарю младую в небесах,
Не звонкий рог ловцов сзывает
В веселых новградских полях,
Не бледный свет зарниц играет
На тихих Волхова брегах —
Щиты горят под рдяною зарею,
Трубы ужасный глас звучит,
И вдалеке над чистою струею
Сверкают молньи, брег дрожит.
Мечи блестят, звучат кольчуги,
Вожди сподвижников зовут:
«Готовьтесь в бой, готовьтесь, други!

Варяги хищные из Новграда текут!»
Текут, как рек сердитых волны,
Как тучи, бурь грядущих полны,
Текут; и медленно с холмов
В долину грозна рать ступает,
Знамена ветер развевает,
Луч утренний скользит от копий и щитов.
Пред их стесненными рядами
Сто грозных витязей-певцов,
Покрыты светлыми бронями,
Идут с секирами в руках
И с песнью смерти на устах.
Но юный вождь в дружине бранной
Грядет, как некий вождь туманный,
Восставший над крутым холмом,
И первым солнечным лучом
Златимый в небе голубом,
Как пламенник, во мгле блестящий,
Как метеор, в огне дрожащий,
Копье его булатное горит,
И на груди его сверкает круглый щит,
Как образ месяца сребристый
В волне Ильменя светлой, чистой.
О витязь молодой, полнощи грозный сын,
Чей взор тебя, о Рюрик, не узнает.
Как светлый неба исполин
Средь рдяных облаков на небосклон вступает,
Так ты стоишь среди дружин.
Но вот рядам врагов навстречу
Грядет славян отважный строй.
За славу и за край родной
Стремяся на кроваву сечу,
Они летят... Мечи обнажены,
Готовы стрелы роковые,
Сверкают панцири стальные
И копья тяжкие разить устремлены.
Ряды спешат, как волны за волнами,
И знамя битв над их главами,
Залог победы над врагом,
Колеблется игривым ветерком.
Трубы умолкло грохотанье,
Умолк ужасный скальдов глас,

Над полем возлегло молчанье,
Как иногда в полдневный час
Перед ревущею грозою
Ложится тишина над трепетной землею,
Когда Перун, горящих царь громов,
Свинцовы тучи собирает
И мрачною стезей по небесам ступает,
Сердитый ветр молчит и зной поля сжигает,
И молнья спит в изгибах облаков.
Но вдруг раздался свист, вдруг хлынул дождь реками,
Зажглася молния в смятенных небесах,
Ильмень в свой плещет брег сердитыми волнами,
Катятся громы за громами,
И черный воет бор на горных высотах.
Так в небе стрелы засвистали,
Шумя сомкнулся с строем строй,
Раздались крики, вспыхнул бой,
Мечи о брони застучали,
И горы вдалеке на вопли отвечали,
И громкий гул промчался над рекой.
Вот встало дневное светило
И поле битвы озарило.
Страшней, страшнее бой пылал,
Рекою в поле кровь бежала,
И смерть ужасней ликовала.
Но вот полдневный час настал,
Недвижимы ряды стояли,
Бойцы безмолвные разили, умирали,
И пыль над их главой клубилася столбом.
Лишь изредка, когда бледнеющим челом
Склонившийся на щит широкий
Сраженный витязь упадал,
Последний смерти стон и тяжкий, и глубокий
Из уст его невольно вылетал.
И изредка, когда, поднявши меч кровавый,
Пред строем воин молодой
На труп противника безглавый
Ступал надменною пятой,
Ужасный глас победы, мщенья
Гремел над полем истребленья.
Он умолкал, и вновь был слышен стук щитов,
Секирой тяжкой раздробленных,

И шлемов звон, мечами пораженных,
И тяжкое падение бойцов.
Дотоле всюду победитель,
Впервые Рюрик зрел колеблющийся бой.
Вотще в рядах носился он грозой,
Вотще разил, как пламень-истребитель!
Его могущею рукой
Ряды на время разрывались,
Он дале тек, ряды смыкались,
И вновь неколебим славян отважный строй.
Уже героя щит стальной
Усеян копьями, стрелами,
Уж крепкий шлем погнулся булавами,
Но он средь копий и мечей
Стремился в те места, где знамя развевала
Толпа избранная седых богатырей;
Он тек, и перед ним, казалось, смерть летала,
Он тек... но вдруг секира засвистала,
Уж гибель над его челом...
О юный вождь, варяг, закрой себя щитом.
Защита слабая; ударом тяжкой стали
Разбился щит, обломки с громом пали,
И криком радости славяне отвечали.
Но медленно к рядам своих бойцов
Он отступил бестрепетной стопою,
И след его — тела врагов,
Лежащие широкою грядою.
«Руальд, — воскликнул князь, — подай мне шлем стальной
И щит отцовский, боевой,
Пред коими, как трепетные лани,
Скрывалися в горах питомцы лютой брани,
Сыны Норвегии, враги земли родной».
И Рюрик ждет: никто не отвечает.
Но где Руальд? Почто же медлит он?
Почто на зов вождя боец не выступает?
Грозою битвы увлечен,
Быть может, он вдали свой острый меч вращает
И князя громкий глас к нему не долетает.
Из ряда в ряд, из строя в строй
Несется юный вождь стрелой
И громко друга призывает:

«Руальд, Руальд!..» Престань искать,
Из мертвых другу не вставать!
На поле брани, поле славы
Он брань и славу позабыл,
Он пал; Вадима меч кровавый
Младого витязя сразил.
Так Рюрик, злобною судьбою
От поля брани удален,
Клянет свой рок... Вдруг видит он:
Варяги медленной стопою
Пред грозным знаменем славян
В молчаньи мрачном отступают,
Их храбрые вожди отвсюду упадают.
Он видит... Горести туман
Мрачит его глаза. В ряды бойцов смятенны
Без шлема, без щита, как вихорь разъяренный,
Стремится он с мечом в руках,
И первый шаг его во вражеских строях
Встречает труп кровавый друга.
На нем пронзенная кольчуга,
Под ним князей варяжских щит,
И близ главы младой тяжелый шлем лежит.
Взор Рюрика блеснул невольными слезами,
Но витязь окружен враждебными мечами,
И гнев в его глазах слезу остановил.
Он поднял шлем, он грудь щитом покрыл,
И грянул глас его, предвестник истребленья:
«Вперед! вперед!» — и с взором мщенья
Он первый в грудь врага свой острый меч вонзил.
Бегите перед ним! Его в бою теченье —
Потока бурного стремленье!
Бегите, витязи славян!
Уже погиб младой Руслан,
Лежит в пыли Премысл надменный,
Зломира труп окровавленный
Упал, как глыба с снежных гор,
И вечной ночи прах покрыл Остапа взор.
Как каменный оплот пред храбрыми друзьями,
Стоял Услад, днепровских честь брегов.
Прельщенный бранными венцами,
Забыл он хаты милой кров
И гуслей сладкий звук под вещими перстами.

Почто он брань любил? Средь мирной тишины,
При плеске струй Днепра родного
Не лучше ль было петь и Леля молодого,
И славные дела глубокой старины?
Теперь ты пал, о витязь юный!
Теперь тебя сразил героя меч стальной,
Осиротели звонки струны,
Умолк навеки голос твой.
Уж нет его, но щит Рогдая
Простерт над юношей-певцом.
Рогдай его любил; секира роковая
Блеснула грозная над вражеским бойцом.
Он пал, он пал, но близок мститель.
Младой Услада победитель
К Рогдаю мрачному летит
И тяжкий меч в руках вращает,
Но страха славянин не знает,
Лишь ярче взор его блестит
И сердце радостней играет.
Враги сошлися — щит с щитом,
Вскипел меж ними бой жестокий,
Ударил меч о меч широкий,
Раздался треск, как дальний гром
Над безднею морей глубокой,
И брызнул пламень от броней.
Но тщетно мужество Рогдая,
Уж сталь во грудь его вонзилась роковая,
Свирепый блеск его очей
Уж тени смертные закрыли,
Геройску длань сковал могильный хлад,
Уста в последний раз, бледнея, повторили
Слова священные: *Свобода, Новоград.*
Он пал, как древний дуб, веков минувших зритель,
Нависший тению густой
На свежий дол, спокойствия обитель,
Падет, низверженный грозой.
И средь его дружин смятенье,
И хлынула за князем вслед
Толпа варяг, носящих истребленье
Уже вкруг знамени побед.
Богатыри славян седые

Легли, как класы золотые,
Сраженны острою косой.
На спину щит отбросив свой,
Уже варягов князь надменный
На знамя руку простирал,
Уже в мечтах торжествовал
Над ратию славян сраженной,
Уже... Но что за крик раздался?
Почто варягов храбрый строй
Вблизи, вдали восколебался?
Кто, кто течет губительной стезей,
Как брани бог, покрыт броней окровавленной,
Среди дружины их смятенной?
Вадим ведет на бой славян!
Как легкий утренний туман
Седые крылья собирает,
Ложась волнистою грядой
На темный скат горы крутой,
Так рать варягов отступает,
Смыкаясь вкруг вождя железною стеной.
Враги за ними вслед, и страшный вспыхнул бой.
И палиц треск, и свист ужасный пращей,
И стали гром, о сталь разящей,
И шлемов звон, и стук щитов,
И глас вождей, и крик бойцов
В долине грозно раздаются.
Меж тем с полнощи ветр встает
И тучи сизые несутся,
Седой поток с холмов ревет,
Подъятый вихрем прах клубится,
На поле брани мрак ложится,
Рекой на землю кровь течет;
Там гибнет славянин, там сын иноплеменный
Вздыхает, падая, о родине своей,
Там старец богатырь, под шлемом убеленный,
При грохоте трубы и молниях мечей,
Теперь сражен враждебною стрелою,
Еще свой жмет булат хладеющей рукою.
А там, безвременный встречающий конец,
Боец мечтой перелетает
В тот край, где горестный отец
Его с слезами ожидает;

Где в час, когда заря багрянит небеса,
Невеста юная, родных полей краса,
Восходит на скалы крутые
И, кудри по главе разбросив золотые,
Вперяет взор в туманну даль,
К стенаньям ветерка свой жадный слух склоняет
И смотрит, вдалеке не светится ли сталь,
Не друга ль звонкий рог долины сон смущает.
Но друг ее, увы, изранен умирает.
Отвсюда слышен ветров вой,
И крик, и вопль, и стон глухой;
Ряды падут на землю мертвы,
Добыча смерти злой, кровавой брани жертвы.
Среди рослагенских сынов
Пришлец от дальних берегов
Морей Свеонии, покрытых вечно льдами,
Стоял бестрепетный Гаральд.
Ему несчастну смерть пророчил древний скальд,
Когда он плыл с варяжскими судами
По дремлющим в ночи волнам
К славянским счастливым краям.
Но ах! судьбы рука неотвратима;
Она таинственной стезей
Ведет нас, всюду невидима,
От лона матери до двери гробовой.
Гаральд потек на бой, его могущей длани
Бежал отважный славянин,
И круглый щит его во дни кровавой брани
Был грозною скалой для вражеских дружин.
Теперь вокруг него вотще свистали стрелы,
Вотще Вадима меч тяжелый
Носил варягам смерть и страх.
Один в их трепетных рядах
Гаральд стоял неустрашимый,
Один рукой неутомимой
Он яростных врагов порыв остановлял
И гласом громовым к сраженью призывал
Бойцов Рослагена смятенных;
Тела врагов, его мечом сраженных,
Лежали вкруг него широкою грядой,
Как листья бледные, отторгнуты зимой,
Лежат вкруг рощей обнаженных.

Вадима ждал Гаральд с угрозой на устах,
С блестящими от ярости очами.
Они сошлись, как в небесах
Две тучи бурные, чреватые громами,
Сверкают молньи, на горах
Дубравы падают, исторженны с корнями,
И жителей долин объемлет бледный страх.
Уж меч Гаральда сокрушился,
И щит его разбит, но бой не прекратился.
Враги схватилися и крепкою рукой
Друг друга жмут к груди стальной.
В них кровь кипит, в них дух теснится,
Их брони гнутся, прах клубится
Под их могущею пятой.
Кругом их смолк шумящий бой,
На время спят в колчанах стрелы,
К земле склонилися копье и меч тяжелый,
И все в молчании взирают на борцов.
Но вдруг раздался крик, доспехи загремели,
Иноплеменники содроглись, побледнели.
В пыли лежит Гаральд, славенских страх станов,
В пыли Гаральд; над ним булат сверкает;
Вдруг, падая, стальной шелом
Сребристые власы героя открывает,
И юноша свой меч от старца отвращает,
Он вспомнил об отце, и старом, и седом.
Но ах! терзаемый и гневом, и стыдом,
Гаральд не хочет жить, печалью удрученный,
Подъемлет от земли булат окровавленный
И, грудь свою склонив, главу склоняет в прах,
Исполнен ярости, но с смехом на устах.
Его уж нет... Варягов страх объемлет,
Они бегут, бросая меч и щит,
И трепетный боец вождям своим не внемлет,
И лютый меч бегущих в тыл разит.
Казалось, Позвизд разъяренный
К победе путь славянам открывал,
И хладно вихри воздымал,
И тучей пыли ослеплял
Сынов земли иноплеменной.
Вотще бесстрашный князь навстречу к ним летел,
Вотще геройский глас гремел

И звал их в бой, на миг возобновленный, —
Сей глас, за коим в прежни дни,
Как волки жадные, они
Стремилися к кровавой брани,
Теперь бессилен был; их ветр свирепый гнал,
Вадим бегущих низвергал,
И храбрые бойцы, бросая меч из длани,
Стремились снова в бег, как трепетные лани.
Они стремились в бег, и долго мнилось им,
Что мчался им вослед Вадим,
Поднявши тяжкий меч, их кровью обагренный,
Что роковой удар сверкал
Над их главой, могиле обреченной,
И, близкой гибелью смятенный,
Их дух невольно замирал,
И пот на их челе холодный выступал.
Ты, Рюрик, зрел, как воины бежали,
Вотще вокруг себя твой взор искал вождей,
И слезы бешенства, отчаянья, печали
Блеснули из твоих очей.
Тебе постыла жизнь, тебе не жизнь без славы,
И лучше для тебя, чтобы твой труп кровавый
Лежал в пыли, потоптанный, безглавый,
Чем поле брани уступить,
Бежать с бесславием и побежденным жить.
И витязь никогда столь грозным не являлся
В своих минувших торжествах,
Как в день сей, грозный день, когда надменный враг
Венцом победы увенчался.
Теперь, как смерти бог, он гибель нес в рядах,
И рок пред ним, казалось, колебался.
К Вадиму мчался он, к нему летел Вадим,
Сошлись, сразилися, но бой их невидим.
На круглой вышине кургана,
Остатка гордого давно минувших дней,
Средь мрачных волн всходящего тумана
Скрывались подвиги вождей.
Но зрели, как от светлой стали
По броням искры вверх скакали;
Но слышно было, над холмом
Ударов раздавался гром,

Как млатов стук, о наковальни бьющих,
Как грохот скал, в долины с гор падущих.
И долго длился бой, уж вечер наступал,
Багряный царь светил на западе сиял;
Тумана зыби опустились,
И вдруг очам славян явились
Во поле бранное врагов бегущих строй,
Победа вольности святой,
Курган с вершиною крутой,
Осыпанный вечерними огнями,
И юные вожди с поднятыми мечами,
Как исполины древних лет,
Сыны земли новорожденной
Или бессмертные властители вселенной.
С броней их лился рдяный свет,
Их шлемы средь небес сияли,
Как звезды дивные, предшественницы бед,
И тяжкие мечи сверкали
В могущих витязей руках,
Как молньи грозный луч на бурных облаках.
Так в чистый, хладный день зимою
Над яркой белизной снегов
Пылают два столба меж небом и землею,
Пути блестящие к обители богов.
Но ах! варяга щит, сей щит его отцов,
Вождей, любимцев бога брани,
Дотоле ужасом сиявший на врагов,
Под тяжестью славянской длани
Разбитый пал во прах, погнулася броня,
И кровию его Вадима меч упился.
От взоров Рюрика навеки бы сокрылся
И неба свод, и свет веселый дня,
Когда б булат врага в бою не притупился.
Но скоро юный князь падет,
Уж он томится, он слабеет,
Рука мечом едва владеет;
О! кто его от гибели спасет.
Меча славянского тяжелые удары
То в шлем, то в бок, то в грудь его разят.
Быстрее, чем свирепый град,
Орудие небесной кары.

И витязь близкой смерти ждет;
Уж мрак перед его очами.
О! кто могущими руками
Богатыря от гибели спасет.
Среди рослагенской дружины устрашенной
Был Елла, воин молодой,
От детства Рюрика сопутник неизменный,
Как он, в боях дотоль непобежденный,
Как он, бестрепетен душой.
Толпой варягов увлеченный,
Еще сражаяся, он тихо отступал
И в тяжкой горести вздыхал
О славе друга помраченной.
За ним шумящею рекой
Стремились с мщением славяне;
Он обратил главу. О ужас! на кургане
Узрел он Рюрика, узрел кровавый бой.
«Друзья, — воскликнул он, — нас Рюрик призывает,
Наш гибнет князь, один во вражеских рядах».
Сказал, и воины забыли смерть и страх.
О стыд! их вождь, их князь, их слава погибает.
Сомкнулись, Еллы вслед, как буря, потекли
На сретенье врагам: славяне изумленны
Остановляются, бегут, лежат в пыли.
И Елла так, как вепрь, ловцами разъяренный,
Раздвинул их ряды и быстрою стопой
Летит на холм. Вадим, высоко над собою
Свой меч подняв, удар готовит роковой,
Разит, но Рюрик жив, — железною стеною
Сомкнулися щиты рослагенских бойцов.
И Елла друга увлекает,
И Елла вкруг него варягов собирает
И путь широкий средь врагов
Мечом кровавым открывает.
Вадим, славяне — им вослед,
Но тщетно — небо сохраняет
Вождя для будущих побед.
Вот скрылось дневное светило,
Зажглася рдяная заря,
И тихое сиянье золотило
Леса, и холмы, и поля,

И струи Волхова священны,
И град славян освобожденный.
Уж ветр носил в долине гул глухой,
Сраженья голос отдаленный.
Бегущий враг, славян победный строй,
И блеск броней, и шум терялись за холмами.
Средь поля битв, меж длинными грядами
Сраженных воинов, чуть слышны здесь и там
Иль слабая мольба к невнемлющим бо́гам,
Иль голос, прерванный стенаньем,
Или проклятие, исторженно страданьем.
Но вот нисходит ночь; повсюду тишина.
Вдали умолкли бранны бури,
И средь безоблачной лазури
Плывет холодная луна.
Она сребрит туманный верх холмов,
Сребрит унылые дубравы;
Ильмень, она дрожит среди твоих валов,
В твоих зыбях, о Волхов величавый.
Как риза, бледный свет долину битв одел,
Здесь брони, там мечи светлеют,
Сверкают здесь щиты или кровавых тел
Громады мрачные чернеют.
И тихо всё, нет жизни в трупах сих,
Последний глас умолк, последний стон утих,
Глубоким сном бойцов сомкнуты очи.
Одна, задумчива, с небес глядит на них
Безмолвная царица ночи,
И хладный ветер полуночи
Вздыхает среди трав сухих.

ПЕСНЬ 3

Не так, как облачка в лазурных небесах,
Не так, как бег струи в сребристых ручейках,
Не так, как легкий ветр над юными цветами,
Нет — легче сизых облаков,
И струй, и вешних ветерков
Мелькают дни за днями.
Когда средь тишины промчится легкий челн
По лону светлому ильменских синих волн,

За ним среди зыбей, на миг один блеснувших,
Вновь исчезает беглый след;
Так гибнут в темной бездне лет
Следы времен минувших.

Счастлив, кто век провел златой
С любовью, дружбою и резвою мечтой,
Счастлив, кто, избранный богами и судьбою,
Не видел старости туманных, хладных дней,
Сошел в безмолвный дом теней,
Простившись с радостью и жизнию младою.
Он видел мир, как в сладком сне,
Цветною радугой сквозь занавес тумана,
На мрачной сердца глубине
Он не читал притворства и обмана,
И упованья юных лет
Пред ним во мгле не исчезали;
Счастливца в жизни не встречали
Ни грозна длань судьбы, ни бремя лютых бед,
Ни чувство тяжкое, ужаснее печали,
Души увядшей пустота.
Нет, радость дни его цветами усыпала,
Надежда сладкая пред юношей летала
И, дочь благих небес, лелеяла мечта.
Но счастливей стократ, кто с бодрою душою
За вольность родины летел в кровавый бой
И лучезарною браздою
Рассек времен туман густой, —
Он лег главой, непобежденный,
В объятьях гроба отдохнуть
Не так, как старец утомленный,
Свершивший многотрудный путь;
Но так, ⟨как⟩ царь светил спокойный, величавый,
Нисшедший в рдяные моря;
Он лег... и вслед за ним вспылала вечной славы
Неугасимая заря.
И имя витязя, гремя в веках далеких,
Как грозный глас трубы на вторящих горах,
Пробудит в гражданах весь пламень чувств высоких
И ужас в дерзких пришлецах.
За днями быстро дни мелькали,
И битвы битвам вслед пылали.

От тихих новградских лугов,
Покрытых тучными стадами,
До тех пустынных берегов,
Где среди блат, среди лесов
Нева широкими струями
Встречает сонм морских валов,
Везде, на дне долин глубоких,
В глуши степей, в тиши полян
Восстала цепь холмов высоких,
Могилы хладные варягов и славян.
И Новград под лучом свободы
Чело венчанное поднял,
В нем прежний пылкий дух вспылал,
И отдаленные народы,
И гордые послы царей,
Во прах склонившися главами,
К нему текли с богатыми дарами,
И с данию земли, и с данию морей.
Но ты, отец сынов непобежденных,
Весь мир наполнивший гремящею молвой,
О край Рослагена! венец затмился твой;
Померкла слава дел, тобою совершенных.
Везде, где ветр шумит, где пенится волна,
Твои бойцы бесстрашные летали,
Везде: полдневная страна,
И Запад, и Восток пред ними трепетали.
По яростным зыбям покорных им морей
Они неслись с крылатыми ладьями,
Как стадо белых лебедей,
К брегам, проклятым небесами.
Там слезы дев и стоны матерей,
И кровь, бегущая реками,
Где витязи твои промчалися с войной.
Прошло, и воин молодой
Затмил венец твоей блестящей славы.
Везде, где он стремился в бой,
Где пламенем сверкал булат его кровавый,
За ним летала смерть, пред ним носился страх,
Пред ним низвержены во прах
Знамена гордые рослагенской дружины,
Покрылись трупами врагов
Славян свободные равнины,

И Волхов зрел сынов чужбины,
Бегущих вдоль своих брегов.

Пред кем народов истребитель,
Пред кем смирился черный вран?
Кто, кто в путь славы вел славян,
Непобежденных победитель?
Не князь, не вождь, но смело в бой за ним
Толпы послушные летают;
Не старец он, но пред бойцом младым
Вожди и старцы умолкают.
Его был счастливый удел
Владеть покорными сердцами,
В душе возвышенной горел
Огонь, возжженный небесами.
Ему от ранних детских дней
Дажбог внушил дар чувств высоких,
И мудрости, и дум глубоких,
И сладкий дар златых речей.
Его и силой, и красою
Блестящий света царь одел,
И на младом челе могущею рукою
Черту владычества Перун запечатлел.
Как в сонме звезд денница золотая,
Стоял ли он в кругу богатырей,
Их всех главою превышая,
Прекрасен был и тихий свет очей,
И стана стройность молодая;
Прекрасен средь седых вождей,
Когда он силой слов могущих
Готовил гибель для врагов,
Победу новградских полков
И славу подвигов грядущих.
Когда ж он к битвам выступал
И на врагах остановлял
Свои сверкающие очи,
Кто взор бы встретить сей возмог?
Не столь ужасен брани бог,
Когда мрачнее черной ночи
Несется в высоте меж небом и землей,
Одетый трепетом, сопутствуем враждой.
Но среди шума игр веселых

Один Вадим печален был,
В толпе безмолвен он бродил,
И взор туманный говорил
О думах грустных и тяжелых.
Он был на радостных пирах,
Но радости был чужд душою;
Его слова, улыбка на устах
Дышали тайною тоскою.
Средь сонма счастливых друзей,
Бывало изредка, он счастливым казался.
Но вдруг — он вновь от их речей,
От громких смехов удалялся,
Иль, бровь насупивши, в забвении стоял
Уныло, мрачно, одиноко;
И в бездне прошлого далеко,
Далеко мыслию летал.
Когда еще, прельщен мечтою,
Он думал, как в неясном сне,
О счастье, славе и войне,
С какою радостью живою
Оставил он скалу, жилище юных лет,
С какою радостью вступил в безвестный свет.
Но первый шаг рассеял сновиденья.
Ему явилися все ужасы сраженья,
Опустошение полей,
Покрытых мертвыми телами,
И сонмы бледных матерей,
Рыдающих над падшими сынами.
Везде он слышал вопль и стон,
Везде он видел смерть, бегущей крови реки,
Везде печаль... С тех пор навеки
Источник счастия в Вадиме отравлен.
Но сила прежняя душе не изменяла,
Свободой, жаждой громких дел
И славой пылкий дух горел;
И там, где длань судьбы безжалостно срывала
Сады прелестные, взращенные мечтой,
Там в тишине таился свет чудесный;
Где опыт сеял хлад мертвящею рукой,
Еще хранился огнь небесный,
И в теплоте его лучей
Росла надежда лучших дней.

Седой Бертольд на пир богатый
Сзывал рослагенских вождей,
И замка в светлые палаты
Теснился шумный рой гостей.
Вблизи над тихими волнами
Ладей белели паруса,
Протяжно вторились брегами
Певцов веселых голоса;
И замок с яркими огнями,
Покоясь на крутых скалах,
С вратами, башнями, бойницами, стенами
Гляделся в зеркальных водах.
Всё было шум, всё было радость.
За полной чашей круговой
С цветущею ланитой младость
И старость с белою главой
Заботы жизни забывали
И дружным сонмом пировали
С равно веселою душой.
Иные пили вспоминанья
Давно минувшей их весны,
Другие — злато упованье
С мечтами сладкими и славы, и войны.
Но скальд вставал, и гласы умолкали,
Безмолвствовал веселый сонм,
И кубки полные стояли
Недвижно с пенистым вином.
И скальд пел стук мечей, свирепое сраженье,
И на главе вождей сверкающий венец,
И дружбу, и тебя, источник вдохновенья,
Любовь могущая, владычица сердец.
И струны звонкие, казалося, дышали,
По арфе жизни дух незримо пробежал.
То, мнилось, гром гремел, то ручейки роптали,
То слышен битвы шум, то легкий ветр вздыхал.
И с грудью трепетной, с главою наклоненной,
Едва дыша, в глубокой тишине
Все витязи свой слух склоняли восхищенный
И к песне сладостной, и к сладостной струне.
Но звук ее смолкал, и ярче вновь пылало
Веселье бурное гостей;
Вновь кубки двигались, вино рекой бежало,

И крик, и смех, и шум речей
В один нестройный звук сливались
И в звонком замке раздавались,
Как рев бунтующих морей.

Всё тихо в башне, где Ровена
В своей светлице, у окна —
Глава на перси наклоненна —
Сидела, грустных дум полна.
Ночей безмолвное светило
Катилось в небе голубом
И грозный замок серебрило
Своим задумчивым лучом.
Светлелись холмы и долины,
Светлелись скалы с серым мхом,
И моря спящие равнины
Блистали ярким серебром.
Едва осина трепетала,
Едва с березой ветр шептал,
И сонная волна плескала,
Дремало море, брег дремал.
Но дочь Бертольда не взирала
На холмы, долы, на леса
И на безмолвные над нею небеса.
Осины бледной трепетанье,
Ночного ветра легкий шум
И тихое волны плесканье
Не развлекали грустных дум.
Она мечтала — и душою
Летела через глубь морей
И крупную слезу порою
Стирала с голубых очей.
С главы власы ее бежали
Небрежной черною струей,
И вздохи белу грудь вздымали,
И скорбен был взор девы молодой.

Прекрасны, как мечты задумчивых Баянов,
Как первый солнца луч, рассекший зыбь туманов,
Как утро вешнее с росистою зарей,
Цвела под сению родительского крова
Ровена, дочь вождя седого.

Кто мог бы зреть с холодною душой
И свежий блеск ее чела младого
Меж кудрей черных и густых,
И красоту улыбки томной,
И длинный шелк ресницы скромной,
И неба взоров голубых?
Смотри, как лебедь горделивый
Плывет по зеркалу полунощных зыбей,
Так средь толпы подруг игривой
По мягкому ковру муравчатых полей
Вечерней позднею порою
При шуме тихоструйных вод
Она воздушною стопою
Водила легкий хоровод.
Но кто опишет глас прелестный,
Волшебный звук ее речей?
Нет, нет, весной в тени древесной
Не так пленительно вздыхает соловей,
Как струи в берегах душистых,
Ровены тихой век бежал,
Но часто ток ручьев сребристых
Свирепый вихорь возмущал,
И Лель своей надеждой льстивой,
Своею сладостной тоской
Души беспечной и счастливой
Разрушил девственный покой.

Звезда полунощи сияла
Над омраченною волной;
Ровена плакала, вздыхала
И томным оком пробегала
Дремучий лес и брег крутой.
Вдруг зрит она: в дали туманной
Огонь блеснул сквозь темный бор.
«Он здесь! он здесь! привет желанный!» —
И заблистал веселый взор.
Уже под легкою рукою
Угрюмой башни дверь скрыпит
И дева с трепетной душою
Под светлый кров небес летит.
Привет желанного свиданья
Ровене светится вдали.

На крыльях радости, желанья,
Едва касаяся земли,
Она в боязни молчаливой
По диким камням, меж кустов
Летит вдоль дремлющих валов
Быстрее серны торопливой.
И всё вокруг нее молчит.
Ее узрев, пловец усталый
Оставить темный брег спешит
С своей ладьею запоздалой.
Он знает, что во мгле ночной,
Оставив бездну вод и тень дубравы мрачной,
Русалка хитрая спешит на брег морской
В одежде белой и прозрачной.

Досель безвестна мне любовь
И пылкой страсти огнь мятежный;
От милых взоров, ласки нежной
Моя не волновалась кровь.
И мне не петь свиданья радость
И встречу тайную полунощной порой,
Речей и томных вздохов сладость,
И сердца разговор немой.
Нет, песнь моя гласит одни печали;
Сопутницы мои от колыбельных дней,
Они мой гений воспитали,
И тихой арфы стон есть глас души моей.

Они недвижимо стояли,
Они друг на друга взирали
С слезами в пламенных очах;
Слова, начавшись, умирали
На их трепещущих устах.
Вздохнув, Ровена томны очи
Воздвигла к тверди голубой;
Там вечные светила ночи
Спокойно круг свершали свой.
Вздохнула снова и молчанье
Дрожащим гласом прервала:
«О славянин, я поняла
Твое безмолвное страданье;
Твое чело, твой полный грусти взор,

Сей тихий вздох душевной муки
Сказали мне и грозну весть разлуки,
И вечных слез ужасный приговор.
Ах! сердце вещею тоскою
Давно мне предрекло печаль.
Когда, глядя в туманну даль,
Летела я к тебе пылающей душою,
Когда одна на береге морском
Я о любви, о радости мечтала
Иль звуку милому речей твоих внимала
В восторге сладком и немом;
Тогда, о славянин, казалось часто мне,
Что, тайный ужас навевая,
Носилась надо мной в полночной тишине
Судьбы десница роковая.
Казалось, счастие бежало от меня.
Мне слышались невнятные угрозы,
Из глаз моих лились невольно слезы,
И вздохами вздымалась грудь моя.
Свершилось всё! исчезли сновиденья,
Завял навек надежды ранний цвет;
Ты в брань идешь, тебя зовут сраженья
И славы гибельный привет.
За ней стремясь, средь вихря сеч жестоких,
На грозный пир безжалостной войны,
Ты, может быть, исполнен дум высоких,
Забудешь дочь враждебной стороны.
Умолкнет гром военной непогоды,
И, девою славянскою прельщен,
Под сению и мира, и свободы
Ты вновь начнешь прелестный счастья сон.
Но для меня не возвратится радость.
На сих скалах, далеко от тебя,
В тоске, слезах моя увянет младость,
Кляня любовь, но всё еще любя».

Под сенью векового древа
Над скатом мрачным скал крутых
В безмолвии стояла дева
И витязь в латах боевых.
Прискорбен вид Ровены милой;
Склоненный взор блестит слезой;

И витязь бледный и унылый
Глядит на месяц золотой.
Всё тихо; над долиной сонной
Лежит росы серебряной покров,
И пар дымился благовонный
Вокруг увлажненных цветов.
Но вдруг промчался над полями
И тихо зашумел водами
На миг проснувшийся поток.
Со вздохом дева светлы очи
Воздвигла к тверди голубой,
Где вечные светила ночи
Спокойно круг свершали свой;
Со вздохом длинными власами
Слезу с ланиты отерла
И так дрожащими устами
К младому другу начала:
«Вадим! Вадим! Ужели всё свершилось?
Ужель настал разлуки грозный час?
И в мрак густой навеки закатилось
Светило счастия, блеснувшее для нас?
Но ты молчишь... Увы! сие молчанье,
И тяжкий вздох, и полный грусти взор
Сказали мне души твоей страданье
И вечных слез ужасный приговор».

Начало 1820-х годов

105. <ПРОКОФИЙ ЛЯПУНОВ>

Сцена в Рязани

ЯВЛЕНИЕ 1

Площадь. Народ.

1

Смотри, Степан, тут лестница плохая,
А ты легок, как пушка-дробовик;
Не упади!

2

(Пробует лестницу ногами)
Нет, лестница здорова.

1

Пожалуйста, как вздумаешь упасть,
Ты крикни нам, чтоб мы посторонились.

2

Ты зубоскал, проклятый скоморох!
Смеяться рад; стрекочешь, как сорока,
А сам труслив, как травленый русак.

3

Что? Видно ли?

2

Как будто на ладони!

3

Взберусь и я взглянуть на молодцов.

Старик

А что там за стеною делается, честные господа?

Другой

Наш думный дворянин, Прокофий Петрович Ляпунов, делает смотр сотне отборных удальцов, которых отправляет он в Москву на царскую службу.

Старик

Знать, к князю Скопину. Доброе дело!

Другой

А что слышно? Князь Михайло Васильевич всё еще в Москве?

Старик

Говорят, что царь его в поход еще не пустил.

Другой

А сокол наш уж, верно, рвется к бою!

На стене

Ах, господи! Как весело глядеть
На конный строй! Как лошади играют!
А люди-то все в латах, в шишаках,
И с копьями, и с длинными мечами,
И с ружьями.

1

Нет, ружья не у всех.

2

Как не у всех? Гляди-ка: за спиною
У каждого короткое ружье.

1

Теперь я вижу!

3

Вишь, доспехи рдеют
Как бы в огне от солнечных лучей.
Смотря на них, глаза мои слезятся,
А сердце пляшет. Скучно мне сидеть
В Рязани нашей. Мать, отца и дом свой,
Я всё бы бросил, чтобы с ними быть,
И на коне, и драться. Но пустое!
Старуха мать и думать не велит.

4

А это кто кругом дружины вьется
На светло-рыжем бегуне?

5

То Петр,
Любимый ловчий Ляпунова.

6

Так-то!
Ну молодец! Да правда, весь народ
Отличный.

5

Их совсюда набирали.

6

А это кто сидит на вороном
Аргамаке, и сам, как словно буря?

Снизу

Кто это на вороном аргамаке? Кому быть, как не нашему богатырю, свету-то удальцу Захарью Петровичу. Лошадь с проточиной на лбу?

Сверху

Да.

Снизу

Я ее продал на запрошлой неделе и, право слово, в убыток.

2

Как же не в убыток? Ты ее украл у ногайского татарина в Тушинском лагере, да и ускакал на ней.

3

Да как скачет! Двести верст без отдыха и не пыхнет.

2

Точно, после двухсот верст она не пыхнет.

3

Не корми, сыта!

2

Точно, шесть дней не корми, да на седьмой есть не давай, так сама овса не захочет.

3

Ей, Иван, не озорничай! Плохо будет.

На стене

А это кто так гордо подъезжает?
То сам Прокофий Ляпунов?

4

Ты прав,
Вот молодец, красавец! Равных нет
Ему в Рязани; да в Москве, я чаю,
Едва ль найдешь.

5

А конь-то, конь под ним,
Весь в яблоках!

6

Я знаю эту лошадь,
Скакун лихой, турецкий жеребец.

Снизу

Лошадь хороша, да дорого заплатил за нее Прокофий Петрович.

2

Знать, не у тебя купил!

Снизу

Нет, не у меня, а у коломенского Игната.

2

То-то же.

На стене

Вот он остановился. Жеребец
Копытом бьет, визжит, дрожит от злобы.
Рот в пене, глаз, как пламя. Чудный конь!

Вишь, ратникам как низко поклонился,
Заметил ты?
— Он что-то говорит.
— Конь на дыбы, а он не шевельнулся!
Ездок чудесный.
— Он махнул рукой,
И рысью все пошли. Как ровно, дружно!
Земля дрожит.
— Теперь несутся вскачь.
— Махнул опять!
— Все мигом разлетелись,
Гарцуют... Нет, я более глядеть
Уж не хочу: не то, как сумасшедший,
Отца и мать покину да уйду.
Прощай!
— Постой.
— Нет, сердце защемило.

Внизу

— Так ты изволил говорить, что князя Михайла Васильевича Скопина царь всё еще в Москве держит. Что б это значило?

— А бог весть.

— Пора бы в поле. Вот скоро май месяц, дороги просохли, войску поход будет легкий.

— Лучшее время в году, да и бог ведро посылает.

— А дела-то осталося князю Скопину довольно: Тушинский еще всё беснуется в Калуге, поляки грабят около Старицы, а сам их король Жигмунт проклятый бьется об стены Смоленска.

— Ну что же? Жигмунту плоха удача с Смоленском, бьется об стены, да и лоб разобьет. Там воевода-то Шеин самому князю Михайлу под стать.

— Да, да! Он поляков потчевает со стены такою смородиною, что они себе оскомину наели.

— А ворам сапегиным около Старицы и уж не до жиру, а быть бы живу.

— Эх, их от Дмитрова Куракин-то пугнул! Говорят, на лыжах к ним подъехал; а поляк, как волк, на лыжах ходить не умеет. Их, слышно, там в глубоком снеге пропасть похоронили.

— Правда, правда; мой брат двоюродный ходил с

Куракиным и всё дело мне рассказывал. Мертвых кучами клали, да жгли. И поделом этой нехристи поганой: всю Русь разграбили. А уж о Тушинском что и говорить? Ему плохие пиры в Калуге; шайка у него осталась малая, и бояре почти все от него поотстали.

— Ох, эти бояре, бояре! Они-то и беду всю сделали, и нас-то, людей малых, в соблазн ввели.

— Ну, не все бояре под одну стать. Вот князь Михаил чист пред богом: в руке меч, а в сердце крест божий. Его и Маринка-ведьма не обморочит.

— Об нем речи не было; а пора бы ему Тушинскую гадину вконец сгубить.

Другой

Что? Иль об калужском царике говорите? Ему уж куда плохо пришлось. Я намеднясь к брату писал: «Покинь, мол, его; несдобровать ему».

— Аль брат твой Федотка всё еще у него служит?

Другой

При нем.

— Неужели он еще всё верит Самозванцу? Казалось, Федот малый смышленый.

Другой

Верит не верит, а служит. Теперь время смутное: норовишь, как бы с голода не умереть. Думаешь: тут одного брата разорят, так у другого кусок лишний останется.

— Ах ты, бессовестная душа!

Другой

Ну, вот ты и браниться стал! Теперь, как нам бог князя Михаила дал, так и Федот от Самозванца отстанет; а прежде и все мы ему служили.

— Тогда еще обмана не проведали.

Другой

А вел-то нас сам Прокофий Петрович. Что? И он небось верил?

— Не тебе про то знать. Верил ли он, нет ли, не ведаю; да и не нам с тобою догадываться, какую он думу думает.

— Да и не скоро догадаешься, что у него в голове.
— А какие это ратники переходят там через улицу?
— Это дворянские ратники, что в Москву идут.

Старик

Эх, времечко! Когда-нибудь бывало ль
В святой Руси, чтоб всякий, стар и млад,
Ходил с мечом, как словно вор иль немцы,
Что у моря за Юрьевом живут?

Молодой

Аль страшно, дедушка?

Старик

Пожалуй, смейся!
А мне так страшно грустно. В прежни дни
(Когда господь был милостив к России)
Иной живал до волосов седых,
Кормил детей и внучат, а железа
Другого не видал, как свой топор,
Сошник для пашни или серп для жатвы.

Молодой

Да чем же хлеб он резал?

Старик

Смейся, смейся!
Не веришь мне затем, что молод ты
И не знавал счастливых дней протекших.
А вспомню я: всё было хорошо,
И веселы пиры, и песни звонки,
И пляски в селах под вечерний час...

Молодой

Вы, старики, всё хвалите былое.

Старик

И парни-то свежи, как маков цвет,
Румяные, ходили молодцами,
Не так, как ты, бескровный, испитой,
Нахмурил лоб, надвинул важно брови,
Как будто вся судьба России в том,
Что правою иль левою ногою
Ты ступишь наперед.

Другой

Досталось, брат!

Молодой

Всё врет старик.

Старик

Какому быть веселью,
Когда везде, в деревнях, в городах,
Куда ни обернешься — всё железо;
Куда ни взглянешь — копья да мечи?

Другой

Эх, не брани ты ратного железа:
Твой дом, твой закорм, даже жизнь твоя
Охранены мечами.

Старик

Я не спорю.

Другой

Что говорит наш Ляпунов?

Старик

А что?

Другой

Держите нож! Нож хлеба не попросит,
А хлеб разрежет и добудет хлеб,
Да и чужого к хлебу не допустит.

Молодой

Вот знатно сказано.

Другой

Зато гляди,
Как ратники, мы все готовы к бою.
И оттого спокойнее живем,
И область-то рязанская целее.

Молодой

Что говорить? Досталося и нам.
Зарайский край разграблен,

Другой

Это малость!
Поди в Смоленск, в Калугу, в Тулу, в Тверь,
Так будь хоть злой татарин, сердце взноет
И всплачется. Где были города —
Зола; где люди — трупы; лужи с кровью,
Медведям пир да пойло для волков.
Нет, всё Рязань счастливее.

Молодой

Дай бог
Прокофию Петровичу здоровья!
Его умом мы живы.

Старик

Хорошо!
Наш Ляпунов умен, но то ли было,
Когда за всех один умен был царь,
Как с небеси всем правит бог единый?

Молодой

А разве нет у нас теперь царя?

Старик

Что? Родом царь?

Молодой

Нет, выбран.

Старик

Кем?

Молодой

Не знаю;
А говорят, что выбрала Москва.

Старик

Вишь, говорят! А не с того ль избранья
Пришла беда и разоренье всем?
Избави бог, чтоб я царя позорил
Иль что дурное мыслил; но скажу,
Что прежде было лучше. Все цари
Велися домом. Дед и сын и внуки

Родились на престоле, под венцом,
Все праводержцы, миродержцы, строги,
Хранители нам, бедным.

Другой

Что же делать,
Когда господь наш царский род пресек?

Старик

Что делать? Правда, бог казнит Россию.

Другой

Постойте-ка. Вот идут Ляпуновы.

Все

Ляпуновы!

ЯВЛЕНИЕ 2

Прокофий Ляпунов

Верь, брат Захар, не частная отвага,
Не личное безумье удальства,
Но твердый строй, но натиск злой и дружный
Дают вождям победу.

Захарий Ляпунов

Может быть;
Но удальство разгульное, лихое
Так весело!

Прокофий Ляпунов

Татарский бред! Смотри,
Что делает смышленый швед, как немцы
Смыкаются в железные полки.

Захарий Ляпунов

У немцев нам учиться!

Прокофий Ляпунов

Что же? Стыдно?
То стыдно, брат, что есть в сердцах огонь
И мощь в руках, а смотришь: в деле ратном
Младенцы мы. — Здорово, господа!
Что речь? О чем?

Старик

Какая речь, боярин!
Мы люди темные и малые.

Прокофий Ляпунов

Так что ж!
Темны и малы? Но душою чистой
Вы любите Россию, за нее
Готовы пасть в сраженьи, и беседа
Была об ней.

Другой

Всё знает!

Прокофий Ляпунов

Не стыдитесь
Прекрасных чувств. Не говорите мне,
Что малы вы. Ты мещанин безродный,
Но совестный, возвышенней сто крат,
Чем Салтыков, Иуда родовитый.
Не правда ль?

Многие

Правда.

Прокофий Ляпунов

Лухов! Приготовь
Мне копий сто на образец заморский;
За образцом ты завтра приходи.

Голос

Братец твоей милости, Захарий Петрович, уж прислал его ко мне: четырехгранные, аршинными полосами, что в ратовище врезываются.

Прокофий Ляпунов

Да, самый тот. Но поспеши работой!
Не то гляди, как храбрый князь Скопин
Избавит нас от Польши некрещеной:
Тогда прощай и копья, и мечи,
И панцири стальные; их и даром
Мы не возьмем. Не правда ли, старик?

1833—1834

ВАРИАНТЫ

Заглавие — **48. ОРЕЛ СЛАВЯНСКИЙ**

Вместо 29—32 Ian Kollár

Их час придет! окрепнут крылья,
Младые когти отрастут,
Взлетят орлы — и цепь насилья
Железным клювом расклюют.

Заглавие — **58. ЕМУ ЖЕ**

Вместо 21—24 «Отечественные записки», 1839, № 5

Ты наш! Ты наш! родные чувства
Сказались нам, тебя мы ждем,
Мечты любимец, жрец искусства,
Святым проникнутый огнем! ..

60

Вместо 45—48 Автограф ГПБ

Горе, горе! их сгубили
Польши лютые костры.
Их прельстили, их сманили
Польши царские пиры.

Заглавие — **71. ИСПОВЕДЬ**

После 12 Копия Аксаковых ИРЛИ

За братьев, убиенных вами,
За пламя ваших мирных сел,
Сожженных вашими ж руками;
За бездну скорби, бездну зол,

Вместо 21—27 Копия Аксаковых ИРЛИ

За грех кровавого Ивана,
За грех московских палачей,
За стыд тушинского обмана,

102

Заруцкий

Вместо 165—166 Автограф ГИМ

Жди времени.

Мещеряк

Я ждал его, я ждал,
Но тщетно всё, оно не приходило
И не придет.

Заруцкий

Терпенье.

Мещеряк

Перестань.
Не смейся надо мною. В рану сердца
С улыбкою вонзаешь ты кинжал.
Жестокий друг! В пылающую душу
Ты масло льешь, чтоб пламень потушить.
Нет, этих слов: «жди времени», «терпенье» —
Я более уж слышать не хочу!
Заруцкий! дай мне смерть, но дай мне мщенье,
И я с восторгом к ней помчу.

Заруцкий

Как ты, мой друг, я недруг атаману.

После 291

Спи, спи, теперь ты смерти не избегнешь.
Ты должен заплатить кровавый долг,
И верный мой кинжал мне не изменит,
Не задрожит надежная рука.

Ермак

О боже!

Мещеряк

Что это?

Ермак

Отца проклятье,
Как страшно ты!

Мещеряк

Какой тяжелый вздох,
Он вырвался из глубины душевной.

Ермак

О! О! что жизнь мне! Дайте умереть.
За гробом есть покой.

Мещеряк
(отходит и вкладывает кинжал)

А! он несчастлив.
Его душа страдает, как моя.

Живи ж, Ермак! Я жизнь тебе оставил,
Но не оставил я своей вражды.
Везде тебе я положу преграды,
Исторгну я из рук твоих Сибирь.
Но если б вновь тебе блеснуло счастье
И если б на твоих устах
Вновь показалася веселая улыбка,
Страшися! я непримиримый враг.

Смотри.

Между 299 и 300

Кольцо

Увы! Другого он не знает,
И всякий раз, как взор его закрыт,
Колеблют грудь его стенания и вздохи.

Мещеряк

Смотри, смотри.

Кольцо

Я думаю, в душе
Скрывает он несносной грусти бремя.

Мещеряк

Ты думаешь?

Кольцо

Видал ли ты хоть раз,
Чтоб радостью чело его блистало?
Видал ли ты, чтоб горести туман
С его лица улыбка прогоняла?

Мещеряк

Нет, никогда.

Кольцо

Его снедает дни
Тоска, болезнь неизлечимой раны.
Ах! я бы жизнь мою готов отдать,
Чтоб Ермаку спокойство возвратилось.
Но он молчит; и в тишине растут
Его страдания.

Ермак

О горе! горе!
Отрады нет! Вовек прощенья нет!

Кольцо

Какой ужасный стон! Ах, он несчастлив.

Мещеряк

Да, он несчастлив. Да, Кольцо, ты прав.

Вместо 315—317 Но берегись.

Мещеряк

Какой внезапный гнев.
Ты, ты Мещеряку грозить дерзаешь!
Иль ты забыл, с кем говоришь теперь?

Кольцо

Нет, помню я; но снова повторяю:
Остерегись — совет полезный мой.
Иль вскоре ты раскаиваться будешь.

Мещеряк

Я?

Кольцо

Ты. Но теперь мы спор свой прекратим.

Мещеряк

Ты дорого заплатишь за угрозы.
Мой меч...

Кольцо

Теперь молчи. У Ермака

Вместо 375—376 В нем истина блеснула для меня.

Кольцо

Но почему ж словам твоим смеяться?
И почему им верить я не стал?

После 424

Кольцо

И мне, Ермак, твои понятны чувства;
Ты знаешь сам, я их всегда делил;

После 430

Ермак

Оно теперь, поверь мне, несомненно.
Ты долго наслаждаться будешь им,
И, счастлив в недрах родины любимой,
Забудешь ты минувшие труды.

Кольцо

Как? друга своего Ермак не знает?
Я в родине спокойно буду жить,
Когда Ермак сражается, страдает
Иль, может быть, лежит в своей крови?
Ах, больно ты мое поранил сердце!
Мне, мне тебя оставить? Никогда.
С тобой делил я слезы и страданья,
С тобой труды, с тобою торжество,
С тобою смерть.

Ермак

О друг великодушный,
Прости словам моим. Я знаю сам,
Что никогда ты дружбе не изменишь.
Рука с рукой мы жизни путь пройдем.

После 469 [Ермак

Остановися: я разбойник был.
Но скажешь, что его проклятье
Исполнилося над моей главой.
С тех пор я чужд покою и отрады,
Как цепь тяжелую, я жизнь влачу.
И слезы то бегут из глаз, то скрытно
Они падут на сердце, как огонь.
Мне светлый мир — пространная могила.
Среди живых как мертвый я брожу.
И кажется мне, злобный дух мучений]

После 564 Вы помните ль, когда он наши челны
Поверил пенистым морям
И, Каспия рассекши бурны волны,
Пристал к персидским берегам.
Кто смел тогда надеяться спасенья?
И кто из вас тогда победы ждал?

После 816 О боже, боже, это справедливо!
Об нем и слезы лить я не должна.
Он враг законов, вождь убийц презренных,
Разбойник он: и я его люблю!
И лишь о нем всечасно я мечтаю,
Засну, и он передо мной.
Молюсь, и пред иконою святой
Я имя Ермака в молитвах повторяю.
Я зрю его, как в прежние года.
Его глаза блестят любовью нежной;
Или в величьи грозном, как тогда,
Когда рукою смелой, неизбежной
Он за меня злодею отомстил.
Вотще мне разум громко повторяет:
Безумная, забудь! он небу изменил.
Ах! сердце тихим вздохом отвечает.
Тебя так пламенно, так страстно он любил.

Вместо 887 Его увидишь ты.

Тимофей

[Ах, ты не знаешь,
Как тяжело проклятие отца.
Ему внимает ад; и духи злобы
Овладевают жертвою своей.
Источник чувств высоких иссякает,
И гибнут вмиг все доблести души.

Отчаяньем влекутся преступленья,
За преступленьем и позор и смерть.
Из недр своих сама земля отвергнет
Преступника, проклятого отцом.

Ольга

Нет, Ермака не ждет такая участь,
С раскаяньем, с слезами он придет,
И ты простишь ему.

Тимофей

Мое прощенье
Для сына будет смерти приговор.
Да, смерть за смерть и кровь за кровь. Убийца
Свою главу на плаху должен несть.
Но как найдет он нас.] Нет, никогда!

Вместо 1182—1183 Автограф ГИМ

Не он ли нам несет от Иоанна
Прощение преступных наших дел?

После 1500

Служи отчизне, не служа царю,
Распростирай свои завоеванья,

Вместо 1505—1513

Венчанного злодея грудь, врага
Величия и мужества и славы,
И подданных, и царства своего.

Он выпил кровь спасителя России,
Он погубил всех доблестных вождей,
Твоей главы он хочет. О, Ермак,

Вместо 1526—1528 Автограф ГИМ

И сына юного ведет с собою,
Так славно им от самых детских лет
Вскормленного в науке злодеяний.
Здесь не Москва, не трепетный народ,

Автограф ЛТБ: зачеркнуты строки 1527—1528, вместо них вписаны автором приведенные выше четыре строки из автографа ГИМ, затем эти строки зачеркнуты цензором.

После 1556 Автограф ГИМ

[Но... я страшуся... он не изменил.
Опомниться, раскаяться он может.
Шаман проклятый! без тебя он был
Уже в моих руках, моею жертвой.
О, если твой безвременный приход
Его спасет, тогда... ты сам погибнешь,
Шаман, моя верна рука.]

Вместо 1716—1723

[Шаман

Какой народ не знает о тебе,
Какой народ тебе не покорится.
Татары все, Кучумовы рабы,
Тебя в вожди, в цари себе желают.

Будь царь Сибири, и вокруг тебя
Кочующий Ногай поставит кущи.
Иди к боям; вокруг твоих знамен
Слетятся так, как хищных птиц станицы,
Калмык, киргизец, жители степей
И дикие алтайские народы,
Свирепые, как вихорь на горах,
Как Иртыша бунтующие воды,
И неисчетные, как звезды в небесах.]

Мещеряк

К тебе из недр растерзанной России
Непобедимая стечется рать,
Бегущие неправого гоненья,
Несчастные, лишенные всего
Свирепою опалой Иоанна,

Вместо 1820—1825

Россия! .. Чем, скажи, обязан ты
Отечеству, где нет святых законов,
Где доблестям ругается ⟨так!⟩ порок,
Где граждан жизнь преступников добыча
И где твоя невинная глава
Игралище Скуратовых свирепых.

После 1822 Автограф ЛТБ

Гонением да дикими лесами,
В которых ты скрывался, как беглец.
Вот всё твой долг. Россия? ха! Россия!

После 2007 Автограф ГИМ

[Ты можешь думать, что беспечный сон
Меня хотя на время посещает?
Вчера я рассказать тебе не мог,
Как мне блеснул надежды луч, как страшно
Я вновь обманут был, увы! теперь
И мщения мне боле не осталось.

Заруцкий

Как? ты прощаешь Ермаку?

Мещеряк

Простить?
Ему простить? Ты ль говорил, Заруцкий?
Нет, нет. Мой друг, холодный сей кинжал
В его груди напьется жаркой крови!]

Вместо 2017

Безумный!

Мещеряк

[О, при этом вспоминаньи
Моя душа кипит. Надежды нет,
Нет мщения. Заруцкий, я бессилен.

Заруцкий

Но меч.

Мещеряк

Да, он умрет, но что ж? Увы!
С ним не умрет его деяний слава.]
О, если вы — не тщетная мечта,

Ольга

После 2224 Как, я бы стала тех трудов страшиться,
Которые ты мог переносить?
Ты шел без ропота, а я бы стала
На тяжкую судьбу свою роптать?

Тимофей

Меня, о дочь моя, звал долг священный;
Я исполнял веление небес.
Я шел, чтоб сыну возвратить отраду,
Чтобы отдать душе его покой.
Вперед, вперед мое рвалося сердце
И за собою вслед меня влекло.
Когда Кольцо бы мог остановиться,
Я, я один пошел бы. Через степь,
Через леса, через крутые горы
Я бы пришел, чтоб пред лицом небес,
И пред землей, и перед всей природой
Проклятье снять с сыновней головы.
Но о тебе как часто в мраке ночи,
Когда твой взор невольный сон смыкал,
Как часто плакал я! О, ты не зрела
Сих слез, пролитых мною о тебе!

После 2301 [Но если ложной вестью я обманут...
Заруцкий правды, может быть, не знал.
Уже с утра сомнением томимый
Оставил я свой мирно спящий стан,
Когда зари лучом едва златимый
Дымился вкруг холмов сырой туман;
С тех самых пор гоним тяжелой думой,
Чтоб усмирить волнение души,
Брожу один во мгле лесов угрюмой,
Но нет покоя в мертвой их тиши.

(Ходит.)]

После 2331 [Ты знал несчастье?

Тимофей

Ах! Как молод ты,
Когда еще мечтаешь, что возможно
Без горести дожить до сих седин.
Ты счастлив, может быть, досель.

Ермак

О, боже.

Тимофей

Смотри сюда. Не радости рука
Так глубоко морщины начертила.
Нет, юноша, над древней сей главой
Судьба свои гоненья истощила.
Но мне ль роптать? Не горестью одной
Наполнено мое существованье.
Несчастием к земле склонилося чело,
Но не печаль, а счастья ожиданье
Меня к могиле привело.]

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

После 2673 [Ермак, Ольга, Кольцо.

Ермак

В сем месте, Ольга, должно нам расстаться,
Увы, навеки! Я иду к боям,
С которых мне не возвратиться боле...

Ольга

Какой мечтой тревожится Ермак?
Ты побеждал всегда, зачем же нынче
Изменит счастье твоему мечу?

Ермак

Ты слышала, с прощанием последним
Он говорил мне: смерть за смерть, мой сын!
И мне ль словам родителя не верить?
Нет, Ольга, глас его был глас судьбы,
Которая слабеющему взору
Являлася в последний жизни час.
Да, я пойду к кровопролитным битвам,
Но никогда с победой не вернусь.
В земле враждебной и под чуждым небом
Определен трудам моим конец.
А ты опять в отчизну возвратишься,
Ты узришь светлой Волги берега,
Прелестный край, любимый небесами.
Но скоро весть придет издалекá,
И ты услышишь, может быть, с слезами
О ранней смерти Ермака.
О! будь счастлива, будь всегда счастлива,
Мы никогда не встретимся с тобой.

Ольга

Ах, что сказал ты? Посмотри на небо
И вспомни: там он ожидает нас.
Ермак, там нет разлуки, нет печали.

Ермак

Но это ли нам прежде сердца глас
И юные надежды обещали?

Ольга

Зачем об них воспоминаешь ты?

Ермак

Когда назад я взоры обращаю,
На бурное теченье дней моих,
Не верю я годов минувших счастью,
И памяти не верю я своей.
Прошедшее мне кажется мечтою,
В прелестном сне блеснувшей предо мною
И слишком сладкою для бедной жизни сей.
Но, может быть, ты позабыла, Ольга,
Те дни, о коих вспоминаю я.

Ольга

Ах! я желала позабыть, но, боже!
Ум забывает, сердце — никогда.]

Вместо 2685

Он говорил мне: «Смерть за смерть, мой сын».
[И мне словам родителя не верить?
Нет, этот глас был глас судьбы самой,
Которая слабеющему взору
Является в последний жизни час.
Да, я иду к боям кровопролитным,
Но никогда с победой не вернусь.
В земле враждебной и под чуждым небом
Определен трудам моим конец.]

Вместо 2830

[Кольцо

О нет, я прочитал в его душе
И знаю, он лишь часа ожидает,
Чтобы отмстить за брата своего.

Ермак

Кольцо, с тех пор он мне служил так верно,
Так дружно в бой со мной всегда летал...

Кольцо

Он ослеплял тебя притворной дружбой,
Чтобы потом вернее погубить.
И отчего чело его мрачнеет
И дикий огнь горит в его глазах,
Когда случайно он тебя увидит.
Ты торжествуешь: он уныл, угрюм;
Несчастлив ты, и он блестит весельем.
Поверь, Ермак, поверь моим словам,
Оставь его иль он тебе изменит.]

Ермак

Но верь мне, храброго и смелого бойца,
Товарища моих трудов и славы,

После 2842 Торжествовать, коль ждет тебя победа,
И умереть, коль к смерти ты идешь.

Ермак

О верный друг!

Кольцо

Не говори о дружбе,
Скажи одно: Кольцо, иди со мной, —
И я счастли́в.

Ермак

И всем твоим дружинам
Начальником...

Кольцо

Пусть будет Мещеряк!
Не отвергай теперь моих молений;
Когда ты нашей дружбы не забыл
И краткая последняя разлука
Не истребила из души твоей
Все прежние воспоминанья, друг мой,
Послушайся меня. В последний раз,
Ермак, тебя прошу я, умоляю,
Не оставляй меня.

После 2846 Ты видишь, я молю тебя с слезами;
Но ты молчишь. Ах! сердца громкий глас
Меня к твоим коленам повергает.

(Бросается на колени.)

Ермак

Что вижу я?

Кольцо

В последний раз молю,
Ермак, позволь мне следовать с тобою.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ <ВОСЬМОЕ>

Ольга

(одна)

После 3013 Средь темноты, под бурею ночною
Оставила я тихо спящий стан,
Прошла без страха глушь дубравы темной, —
Сюда звала меня тоска души.

Ермак, навек с тобою разлучилась;
Я чувствую, томится грудь моя;
С тобой проститься! С жизнью разлученье
Стократ бы легче было для меня.
Ермак, меня ты боле не увидишь,
Но мне отрадно взор свой обращать
На этот тын, на ставки, на ограду,
За коей ты готовишься к боям.
И здесь зари дождуся я мечтая;
Когда ж к трудам тебя пробудит день
И выйдешь ты, доспехами сияя,
Тогда в лесах сокроюсь я, как тень.
Быть может, там, за дальними звездами,
Где ждет отец твой, съединимся мы;
Здесь на земле навек нас разделила
Невинных кровь, пролитая тобой.
Но... не стыжуся я сего признанья;
Я всё тебе, любви моей верна;
Она свята, как слезы сostраданья,
Как вешняя роса, чиста она.
И ты пойдешь к сражениям кровавым,
А я вдали, в обители святой,
Где в детстве мы молилися с тобою,
Счастливая, отдам душе покой,
И там я буду времени былого
Воспоминать прелестные мечты,
Молиться, но не плакать; что же снова,
Безумная, так горько плачешь ты?
О, будь счастлив, всегда счастлив... но в сердце,
Я чувствую, теснится хладный страх.
Всё здесь молчит, как будто бы в могиле,
И мертвая во стане тишина.
Не видно страж на дремлющей ограде,
Не слышно криков... А! я слышу шум!
Там за оградой... боже!.. шум сраженья!

За кулисами крики.

После 3014

Ольга

(подбегая к ограде)

Ермак, Ермак!

Казак

(спрыгивая с ограды, преследуемый)

Ты, Ольга, здесь; спасайся!
В ограде сей измена, гибель, смерть.

Ольга

Ермак?

Казак

Погиб.
(Убегает.)

Ольга
(падая)
О боже.

После 3017 [Изменник, от тебя! Но ты наказан.
О нет! когда б сто жизней он имел
И каждую сто раз я мог исторгнуть
Из груди сей, исполненной коварств,
Я и тогда бы не насытил мести.
Все пали, и без славы... Меч врага
Сразил их спящих, безоружных. Боже!
Зачем я жил до грозной ночи сей?]

После 3031 Меня настигнут... Плен... хотя мгновенный,
[Иртыш, меня ты от него спасешь.]

(Идет на скалу.)

Прости, Россия, никогда уж боле
Не буду я сражаться за тебя.
О, Ольга, ты любимая до гроба,
Прости! Ко утру весть к тебе придет
О смерти Ермака, и ты, быть может,
Прольешь о нем слезу.

Ольга
(встает)
Ермак, Ермак.

Ермак
Какой я голос слышу.

Ольга
Ах! изменой
Погиб ты.

Ермак
Боже! это не мечта.
Я слышу глас ее, я вижу, Ольга.

Ольга
Тень Ермака, не ты ль меня зовешь
Туда, на эти дикие утесы,
Нависшие над бурною рекой.
О! я лечу к тебе...

Ермак
(ей навстречу, на полугоре)
Беги! спасайся!

Ольга
Ты жив! ты жив! о счастье! Тяжкий сон
Меня обманывал!

Ермак

Ах, в этом стане
Погибли воины мои, и я
Один еще живым остался. Ольга,
Беги, сокройся, вслед за мной враги
Спешат к утесам сим. Через дубраву
Беги в тот стан; скажи моим друзьям,
Что я погиб, погиб изменой гнусной.
Пусть, пусть Кольцо отмстит за смерть мою.

Ольга

Бежать? Но ты не следуешь за мною.

Ермак

Я здесь останусь.

Ольга

Мне бежать одной,
Тебя оставив. Нет, спастися вместе
Иль вместе здесь погибнуть! О Ермак,
Беги со мной: и буря, и дубрава
Сокроют нас спасительною тьмой.
А за дубравой, в безопасном стане
Твои дружины и Кольцо. Но что?
Ты медлишь? Вспомни, здесь, за сей оградой,
Погибель, смерть, свирепые враги.
И ты один.

Ермак

Я не могу спастися,
Я не могу последовать тебе.
Я ранен, я смертельно ранен, Ольга.

Ольга

О небо.

Вместо 3038—3045

Ольга

Но здесь?

Ермак

Мне здесь Иртыш защитой.
Но ты беги.

Ольга

Ты хочешь умереть.

Ермак

Я должен.

Ольга

И когда ты умираешь,
Тебя оставит Ольга? Нет, Ермак.
Позволь, позволь мне умереть с тобою;
Ах! эта смерть приятней жизни мне.

Не отгоняй меня! На сих утесах
Или в волнах пусть кончу я свой век,
Но вместе с Ермаком! О, это лучше,
Чем пережить тебя, чем век в слезах
Томиться ядом грозных вспоминаний.

Ермак

О чем ты просишь?

Ольга

Но куда бежать?
Сии леса врагов свирепых полны;
Они отвсюду окружают нас.

Ермак

Нет, нет, они оставили дубраву,
Чтоб ринуться в мой беззащитный стан.
Беги!

Ольга

Судьба нас в жизни разлучила,
Но, примирившись, съединила нас.
Смягчилася она; ты непреклонен,
Не будь свирепее самой судьбины!
Она мне жить с тобою не велела,
Но умерсть позволила с тобой.
Не будь неумолим! О, если прежде
Когда-нибудь меня любил Ермак,
Пусть он к моим молениям склонится,
Ты видишь, я лежу у ног твоих.

Ермак

О, без тебя бы я смеялся смерти,
Но к гибели тебя с собой увлечь?
Ах! эта мысль ужасна. Ольга, слушай,
Меня еще не видели враги.
Беги в тот стан: еще приспеет помощь.

Ольга встает и готовится спуститься с скал.

С ограды крик:

Сюда, за мною.
Там на скалах я вижу казака.

Ермак

Боже, слишком поздно. Ты погибла.

Ольга

(бросается в его объятья)

Нас рознил мир, соединяет смерть.

Много остяков

(выбегают из стана)

К нему, к нему стремитесь на утесы.

После 3048 *(Подходя к Ольге)*
Увы! как грозен был мой жребий в жизни.
Я горестью в могилу свел отца,
И от меня моя дружина пала,
И ты теперь погибнешь от меня.

Ольга

Да, я была несчастлива, но ныне
Мне счастие смеется в первый раз.
Родитель твой во гробе, ты погибнешь,
Зачем же я останусь на земле?
Ах, жизнь была тяжелым наказаньем,
Но смерть, Ермак, благодеяньем мне.

1-й остяк

Какая дева с ним в одежде белой?

Молодой шаман

О, я узнал ее. Прелестный глас
И красоту узнал я неземную,
Шайтанов дочь, посланница небес,
Она слетает к смертным в час последний,
Чтоб жизнь они оставили без слез.

После 3056 Ольга

Уже враги стремятся на утесы,
Пойдем, Ермак, туда, где ждет нас смерть.

Они всходят на самый верх скалы.

Вместо 3070—3071 Всё кончено. Мы в пристани покоя,
Смеяться можем мы судьбе.

Вместо 3074 Ты плачешь, Ольга?

Ольга

Да, я плачу о тебе.
Ты должен пасть, столь храбрый, юный.

Ермак

Я не без славы жизни путь протек.
Мой век был миг: но этот краткий век,
Как неба самого горящие перуны:
Блеснул, разрушил и в волнах погас.
Прости.

Ольга
(бросаясь в его объятья)

Ермак, прости.

Ермак

Примите мирно нас,

ПРИМЕЧАНИЯ

Хомяков принадлежал к тем писателям, которые вначале тщательно обдумывают произведение и лишь потом поверяют бумаге почти окончательный текст. Черновиков у Хомякова практически не было (исключения — рукописи поэмы «Вадим» и трагедии «Ермак»). Но и беловых автографов его известно очень мало, хотя рукописный архив дошел до нас в относительной сохранности. Друг поэта А. И. Кошелев подчеркивал в своих воспоминаниях о Хомякове: «Стихотворения свои он почти никогда сам не передавал бумаге: по большей части их записывали те, кому он их сообщал» (т. VIII, с. 131).

Относясь к своей поэтической деятельности как к второстепенной, Хомяков не только не заботился об автографах, но и ни разу не предпринял попытки собрать и издать свои стихотворения. Лишь в начале писательской карьеры он напечатал обе свои пьесы — «Ермак» и «Димитрий Самозванец». Об издании стихотворений стали заботиться друзья. Племянник жены Хомякова, молодой и энергичный ученый Д. А. Валуев по своей собственной инициативе отобрал и издал в качестве приложения к своим сборникам «Библиотека для воспитания» 25 стихотворений поэта (меньше половины всех напечатанных к тому времени): «К͠Д стихотворений А. С. Хомякова», М., в типографии А. Семена, 1844. К͠Д по-старославянски — «24»; несоответствие объясняется тем, что два стихотворения («Вчерашняя ночь была так светла...» и «Сумрак вечерний тихо взошел...») объединены в книге общим заглавием «Nachtstück». В основном в сборник вошли уже опубликованные стихотворения (лишь два напечатаны впервые); в некоторых из них по сравнению с первыми публикациями изменены заглавия, встречаются разночтения и в тексте. Поэтому, хотя М. Н. Лонгинов и уверял в своем обзоре изданий стихотворений Хомякова, что поэт «не принимал никакого участия» в выпуске сборника 1844 г. («Стихотворения А. С. Хомякова...». — «Русский вестник», 1861, № 3, «Современное обозрение», с. 67), очевидно, все-таки Валуев привлек автора к участию в подготовке книги, ибо маловероятно, чтобы издатель без ведома Хомякова исправлял его стихотворения.

Сборник 1844 г. оказался единственным прижизненным собранием стихотворений Хомякова. По воспоминаниям того же М. Н. Лонгинова, «в 1852 году заботливые друзья уговорили его (Хомякова. — *Б. Е.*) согласиться на издание его стихотворений, но разные обстоя-

тельства мешали в течение нескольких лет исполнению этого предприятия, к которому у Хомякова как-то не лежало сердце» (там же). Среди «обстоятельств» самым главным было, конечно, цензурное препятствие: по выходе «Московского сборника» 1852 г. всем славянофилам было фактически запрещено печататься.

Наконец, весной 1860 г., за несколько месяцев до смерти поэта, М. Н. Лонгинов снова предложил ему издание сборника; «Я говорил Хомякову о том, каким подарком для любителей поэзии была бы такая книга... Он дал мне полуобещание заняться этим осенью по возвращении из деревни» (там же). Но из деревни он не вернулся.

Вскоре после смерти Хомякова его друзья (прежде всего — П. И. Бартенев) подготовили и издали «Стихотворения» (М., 1861), куда, помимо 25 произведений из сборника 1844 г., вошло 50 стихотворений (43 опубликованных ранее и 7 — впервые). Сохранилась папка копий и автографов (ГИМ), по которым П. И. Бартенев печатал издание 1861 г. Многие копии написаны рукой Д. А. Хомякова (сына), что свидетельствует об участии семьи покойного поэта и, очевидно, об использовании каких-то не дошедших до нас рукописей Хомякова, так как некоторые копии имеют разночтения со всеми известными нам источниками данных текстов (см. «Орел», «России», «Киев»). Некоторые заглавия были изменены издателем на основании, вероятно, семейных преданий или более ранних устных сообщений Хомякова; например, стих. «В альбом» (1826) стало называться «В альбом сестре». В книге впервые была сделана попытка датировать все стихотворения (в изд. 1844 г. дат не было), но без аргументации. Многие даты при проверке оказались неверными. Произвольна пунктуация: многие знаки препинания в списках Бартенева несколько раз перечеркнуты и написаны заново. Однако во многих случаях текст изд. 1861 г. ближе всего стоит к дошедшим до нас автографам и к первопечатным вариантам, устраняя и отменяя произвол промежуточных публикаций. Например, М. П. Погодин часто обнародовывал в «Москвитянине» текст, ранее уже печатавшийся в «Русской беседе», с сомнительными исправлениями и новыми заголовками; в изд. 1861 г., как правило, стихотворения печатаются по «Русской беседе» или по автографу; явно без согласия Хомякова в журнале «Маяк» печатались его стихотворения с произвольными заглавиями, сокращениями и искажениями текста; Бартенев справедливо не учитывал такую правку. Все вышесказанное позволяет включить изд. 1861 г. в число авторитетных источников. Нововведения этого издания отменяются лишь при обнаружении фактов, доказывающих их ошибочность (прежде всего это относится к датировке стихотворений).

За изданием «Стихотворений» 1861 г. последовали еще три: М., 1868, 1881, 1888. Все эти книги явились перепечаткой первой, все содержали 75 стихотворений; изменения в изд. 1868 г. ничтожны, в следующих тоже невелики: например, в изд. 1881 и 1888 гг. заглавие «Nachtstück» отнесено лишь к первому стихотворению («Вчерашняя ночь была так светла...»), а второе — «Сумрак вечерний тихо взошел...» — оказалось без заглавия; в этих же изданиях изменены некоторые даты; встречаются варианты отдельных строк. Так, в стих. «Не говорите: „То былое..."» в изд. 1881 г. строка 34 стала читаться «В слепой сомнения тоске»; в изд. 1888 г. строка 6 — «Он в ваших

жилах и в крови» (оба эти исправления сохранились затем во всех дореволюционных изданиях). Степень участия П. И. Бартенева и других близких к Хомякову лиц в этих изданиях — неизвестна.

Между тем П. И. Бартенев опубликовал в своем журнале «Русский архив» по рукописям несколько стихотворений Хомякова, полный текст «Димитрия Самозванца» и — впервые — «Сцену в Рязани»; одновременно были обнаружены некоторые забытые стихотворения, опубликованные при жизни поэта. Однако появились публикации текстов, принадлежность которых Хомякову, бездоказательно декларированная публикаторами, более чем сомнительна: «Предание» — РПЛ, с. 214; «На развалинах Севастополя» — «Петербургская газета», 1869, 10 марта; «Новооткрытое обличительное стихотворение А. С. Хомякова «Жизни в бурном океане. . .». Нашел и гласности предал А. П. Высшенский», СПб., 1903; «Пленных братьев упованье. . .» в кн.: Е. Г. Бушканец, Н. А. Добролюбов и нелегальная поэзия периода Крымской войны, Казань, 1961, с. 21—22. Явно не принадлежит Хомякову стих. «Подводный город» (РПЛ, с. 224), так как оно при жизни М. А. Дмитриева было включено в его книгу «Стихотворения», ч. I, М., 1865, с. 175 (указано С. А. Рейсером).

В 1900 г. впервые был издан в составе «Полного собрания сочинений» Хомякова том (4-й) стихотворений и драм (в ранние два собрания сочинений Хомякова — тт. 1—4, М. — Прага, 1861—1873 и то же, М., 1879—1882 — художественные произведения не входили). П. И. Бартенев включил в основной корпус прежние 75 стихотворений, а в приложении дал 21 новое стихотворение, из которых 4 — впервые опубликованы. В 8-м томе того же издания напечатаны по рукописям еще два стихотворения Хомякова. На этом, вплоть до настоящего издания, прекращается публикация новых текстов Хомякова.

Из последующих изданий некоторый интерес представляет подготовленный П. И. Бартеневым том «Стихотворений» А. С. Хомякова, выпущенный как приложение к «Русскому архиву» (М, 1910). В нем нет никаких текстологических новаций; том ценен примечаниями издателя: впервые стихотворения Хомякова хотя бы частично были прокомментированы. Возможно, что данные примечания — лишь небольшая доля имевшихся у Бартенева материалов: «П. И. Бартенев . . . начиная с 15 декабря 1860 г. стал готовить «Примечания и объяснения к стихотворениям А. С. Хомякова». Мысль эту, вследствие многих затруднений, осуществить не удалось и до настоящего времени» (Завитневич, с. 13).

Впервые научные комментарии к стихотворениям Хомякова были написаны В. А. Францевым для книги: А. С. Хомяков, Стихотворения, Прага, 1934. Особенно ценны обширные сведения о переводах произведений Хомякова на славянские языки. С текстологической точки зрения издание мало интересно, так как В. А. Францев не пользовался рукописями, не считая трех автографов, хранящихся в Праге; чрезвычайно важно, что издатель воспроизвел эти автографы в книге.

В 1938 г. И. В. Сергиевским было подготовлено для Большой серии «Библиотеки поэта» полное собрание стихотворений Хомякова (без пьес и без поэмы «Вадим»). Книга не вышла в связи с изменением плана Большой и Малой серий. Сохранились корректурные

листы (С. А. Рейсер, в собрании которого они ныне находятся, любезно предоставил их для настоящего издания). И. В. Сергиевский впервые во всей полноте привлек автографы и первопечатные тексты стихотворений, но его текстологический принцип печатать произведения именно по рукописям и первым публикациям расходится с ныне принятым в «Библиотеке поэта»: мы печатаем произведение по изданию, где окончательно, без дальнейших изменений устанавливается текст. По сравнению с пражским изданием 1934 г. И. В. Сергиевский значительно сократил комментарии, хотя и внес некоторые уточнения. Несмотря на ряд ошибок и пропусков, эти комментарии оказались полезны при подготовке данного издания, особенно как справочный указатель рукописей Хомякова.

Настоящее издание не является полным сводом поэтических текстов Хомякова; в него не вошли большинство детских и юношеских стихотворений и стихотворные наброски «на случай». Впервые публикуется юношеская поэма «Вадим».

Произведения расположены в хронологическом порядке; особо выделены драмы и раздел «Незавершенное», где публикуются незаконченные произведения: поэма «Вадим» и начало драмы о Прокофии Ляпунове.

Многие даты уточнены по автографам, письмам, по первым публикациям (как правило, в случае изменения даты стихотворения по сравнению с предшествующими изданиями обоснование дается в комментариях). Даты предположительные сопровождаются вопросительным знаком в скобках. Даты в угловых скобках означают дату первой публикации или год, не позднее которого написано произведение. Двойные даты, отделенные запятой, указывают время написания и существенной переработки стихотворения. Все даты приводятся по старому стилю.

Орфография и пунктуация текстов приближены к современным. Сохранены лишь индивидуальные особенности правописания Хомякова.

В примечаниях сразу же после номера произведения указывается первая публикация, затем (после точки с запятой) следуют ступени изменения текста и, наконец, источник, по которому печатается произведение. Ссылка только на первую публикацию, без указания «Печ. по . . .», означает, что произведение печатается по первой публикации, так как текст или не перепечатывался более или публиковался без изменений. Простые перепечатки стихотворений не отмечаются, за исключением лондонских изданий А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Отсутствие в примечаниях сведений о подписи означает, что публикация сопровождалась полной подписью автора непосредственно после стихотворения или в оглавлении. Звездочка перед номером примечания означает, что в разделе «Варианты» печатаются разночтения к тексту. Из переводов стихотворений Хомякова на иностранные языки указываются лишь прижизненные.

Романсы на слова Хомякова (34 произведения на текст 22 стихотворений) указаны в справочнике «Русская поэзия в отечественной музыке (до 1917 года)», вып. I, М., 1966, с. 377—378. В справочнике не учтен сборник «Семь стихотворений А. С. Хомякова. Музыка Н. Н. Неплюева», СПб., 1893, где содержатся ноты к стих. 42, 61, 90, 91, 93, 96, 98.

Условные сокращения, принятые в примечаниях:

Барсуков — Н. П. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина, тт. 1—22, СПб., 1888—1910.
Белинский — В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, тт. 1—13, М., 1953—1959.
ГИМ — Отдел письменных источников Гос. исторического музея (Москва).
ГПБ — Рукописный отдел Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
Завитневич — В. З. Завитневич, Алексей Степанович Хомяков, т. 1, кн. 1, Киев, 1902.
ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР (Ленинград).
Изд. 1844 — КД стихотворений А. С. Хомякова, М., 1844.
Изд. 1861 — Стихотворения А. С. Хомякова, М., 1861.
Изд. 1910 — Стихотворения А. С. Хомякова, М., изд. «Русского архива», 1910.
Изд. 1934 — А. С. Хомяков, Стихотворения, Прага, 1934.
ЛБ — Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина.
ЛГ — «Литературная газета».
ЛП — «Литературные прибавления к Русскому инвалиду».
ЛТБ — Ленинградская театральная библиотека им. А. В. Луначарского.
МВ — «Московский вестник».
МН — «Московский наблюдатель».
РА — «Русский архив».
РБ — «Русская беседа».
РПЛ — Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел первый. Стихотворения. Часть первая. С предисловием Н. Огарева, Лондон, 1861.
Т. I — А. С. Хомяков, Полное собрание сочинений, т. I, М., 1900.
Т. III — То же, т. III.
Т. IV — То же, т. IV.
Т. VIII — То же, т. VIII.
ЦГАЛИ — Центральный гос. архив литературы и искусства (Москва).
ЦГИАЛ — Центральный гос. исторический архив (Ленинград).
ц. р. — Цензурное разрешение.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. МВ, 1830, № 21—24, с. 28, под загл. «Послание к Веневитиновым в 1820-м году». Датировка МВ ошибочна, так как в стихотворении речь идет о греческом восстании против турецкого ига, начавшемся в январе 1821 г. Послание обращено к друзьям юности Хомякова: поэту Дмитрию Владимировичу Веневитинову (1805—1827) и его брату Алексею (1806—1872). *Слепец всезрящий* — Гомер. *Демосфен* (384—322 до н. э.) — греческий оратор. *Леонид* — спартанский вождь, павший в 480 г. до н. э. героической смертью, защищая с кучкой бойцов фермопильское ущелье от большой персидской армии.

Мнемозина (греч. миф.) — богиня памяти и мать девяти муз. *Томсон* Дж. (1700—1748) — английский поэт, автор поэмы «Времена года». *Пой, Дмитрий! твой венец — зеленый лавр с оливой.* В МВ эта строка снабжена пояснением: «Дмитрий Веневитинов занимался тогда стихотворением о временах года» (с. 31). *Камена* (римск. миф.) — муза.

2. Т. IV, с. 411, под загл. «Новгород», с искажениями. Печ. по автографу (ГИМ). Стихотворение тесно связано с поэмой «Вадим», с освободительными идеями 1820-х годов (ср. стих. Д. В. Веневитинова «Новгород»).

3. Т. IV, с. 394, с искажениями. Печ. по автографу (ГИМ). В т. IV подзаголовок: «Вероятно, подражание Горацию», носящий характер комментария. В автографе — комментарий в конце текста, вписанный рукой П. И. Бартенева и затем зачеркнутый: «Написано, может быть, к В. С. Киреевскому». О В. С. Киреевском см. примеч. 14. *Самоед* — дореволюционное наименование ненцев. *Кристалл* — здесь: хрусталь. *Ильм* — род вяза. *Их песни тяжкого Сатурна окрыляли.* В т. IV примечание: «Вероятно, намек на sic horridus ille // Defluxit numerus Saturnius ⟨в переводе Фета: «Так этот размер неуклюжий, // Сатурнинский исчез...»⟩ Horat Epist. II. 1. 158 ⟨— 159⟩». Речь идет о «тяжелом» слоге раннеримских сатурнинских стихотворений, на которые намекает Квинт Гораций Флакк в «Послании к Августу» (Послание 1-е 2-го тома его «Посланий», строки 158—159).

4. «Полярная звезда на 1824 год», с. 88 (ц. р. 20 декабря 1823). Отрывок из поэмы «Вадим», начало песни 3 (см. примеч. 104).

5. «Полярная звезда на 1825 год», с. 367, без последних 8 строк; В. Лясковский, А. С. Хомяков. Его жизнь и сочинения, М., 1897, с. 13. Печ. по т. IV, с. 398. У В. Лясковского и в т. IV текст восходит к не дошедшему до нас автографу; копия П. И. Бартенева (ГИМ) точно соответствует т. IV. Причина изъятия 8 строк в тексте «Полярной звезды» неизвестна. Можно предположить, что А. С. Пушкин, познакомившись, очевидно, с полной рукописью стихотворения, выразил недовольство именно неопубликованным окончанием; брат Хомякова Федор писал 27 мая (1827?) автору стихотворения: «Я хочу порадовать тебя... рассказами: Александру Пушкину прочли «Желание покоя»; он... в тот же день прочел в другой раз, останавливался... говорил, что прелестно; «но на что этот проклятый ⟨покой (?) в⟩ конце; верно, кто-нибудь другой это вклеил; это не его чувства ⟨и⟩ портит всю пиэсу». Д. В. Давыдов говорит, что раз прочел и запомнил до одного стиха...» («Литературное наследство», т. 58, М., 1952, с. 65; письмо с оторванными краями, пропущенные слова заменены многоточием или восстановлены по смыслу в угловых скобках; датируется условно 1827 г., так как в мае именно этого года Пушкин и Давыдов были в Москве; отнесение комментатором отзыва Пушкина к стих. Хомякова «Желание» 1827 г. — ошибочно). Стихотворение было помещено в «Полярной звезде» между пушкинскими «Братьями-разбойниками» и поэмой К. Ф. Рылеева «Исповедь Наливайки».

6. «Русская старина», 1883, № 7, с. 66. Предназначалась для альманаха К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева «Звездочка», сданного в типографию незадолго до восстания 1825 г. и приостановленного печатанием после 14 декабря. Сохранилась цензурная рукопись «Звездочки» с оглавлением, где указаны авторы (воспроизведено в «Русской старине»); ныне она находится в Центральном гос. военно-историческом архиве (Москва). В сочинениях Хомякова печатается впервые.

7. «Невский альманах на 1827 год», с. 171, под загл. «К заре». Печ. по МВ, 1827, № 1, с. 13. Впервые стихотворение должно было появиться в альманахе «Звездочка» (см. примеч. 6); в ГПБ и ИРЛИ сохранились корректурные листы «Звездочки» с данным стихотворением; текст соответствует «Невскому альманаху. . .». В стихотворении отражено увлечение «любомудров» романтической философией. Публикация стихотворения в первом номере МВ, журнала, вокруг которого группировались «любомудры», носила программный характер; в этом же номере опубликованы отрывок из «Бориса Годунова» Пушкина и несколько произведений Гете.

8. МВ, 1827, № 4, с. 252, под загл. «В альбом». Печ. по изд. 1861, с. 2. Единственная сестра Хомякова Анна (ум. 1838) была его любимицей, поэтому адресат вполне вероятен.

9. «Телескоп», 1831, № 3, с. 326. Печ. по изд. 1844, с. 7. В изд. 1861 датируется предположительно 1831 г., в т. IV и изд. 1910— 1826 г., когда Хомяков, возвращаясь из Парижа, посетил Италию. Более предпочтительна последняя дата, так как маловероятно, чтобы после событий русско-турецкой войны, во время зарождения славянофильских идей, Хомяков мог создать такое стихотворение. *Изола Белла* — остров на озере Лаго-Маджоре (Северная Италия). *Поставлен смертного рукою.* Очевидно, имеются в виду постройки на острове — замок, церковь, дома. *Пери* — духи женского пола в персидской мифологии. *Див* — злой дух в персидской мифологии.

10. МВ, 1827, № 5, с. 4. Стихотворение ярко отразило романтически-шеллингианские настроения Хомякова.

11. МВ, 1827, № 5, с. 6. *И ждет в томленьи үпованья.* Реминисценция из стих. А. С. Пушкина «К Чаадаеву» (1818): «Мы ждем с томленьем упованья».

12. МВ, 1827, № 12, с. 313. Вошло в изд. 1844. Стихотворение вызвало пародию Козьмы Пруткова «Желанье поэта» (1854).

13. МВ, 1827, № 15, с. 225; ЛП, 1835, 22 мая. Печ. по изд. 1844, с. 4. Возможно, на концовку стихотворения оказал влияние «Пророк» А. С. Пушкина (1826); Хомяков чрезвычайно высоко его оценивал: «„Пророк“, бесспорно, великолепнейшее произведение русской поэзии» (т. VIII, с. 381—382).

14. МВ, 1827, № 13, с. 11, под загл. «Элегия на В. К.». Печ. по ЛП, 1834, 18 августа, с. 527. Посвящено памяти Василия Степановича Киреевского, двоюродного брата Хомякова.

15. МВ, 1827, № 23, с. 256. См. примеч. 14.

16. МВ, 1828, № 3, с. 278. *Так средь Аравии песчаной* и т. д. Речь идет о получении мирры, ароматической смолы.

17. МВ, 1828, № 21-22, с. 17. Ср. со стих. А. С. Пушкина «Поэт» («Пока не требует поэта. . .»), 1827 (см. вступит. ст. к наст. изд., с. 18). В. З. Завитневич, очевидно со слов П. И. Бартенева, сообщал: «Полагают, что оно (стихотворение. — *Б. Е.*) писано к княгине З. А. Волконской» (Завитневич, с. 52). З. А. Волконская (1792—1862) — хозяйка известного московского литературного салона. *Сивилла* (римск. миф.) — легендарная пророчица.

18. МВ, 1829, № 1, с. 47 (ц. р. 19 декабря 1828 г.). См. вступит. ст. к наст. изд., с. 15.

19. МВ, 1829, № 1, с. 147. Подпись: А. Х. Отрывок из песни 3, следующий после стих. 4 (см. примеч. 104). *Дажбог* — бог богатства. *Света царь* (слав. миф.) — бог солнца.

20. МВ, 1828, № 5, с. 4. Посвящено памяти Д. В. Веневитинова, умершего в 1827 г. Ср. со стих. Д. В. Веневитинова «На новый (1827) год». *Я утолю твои печали* — перифраз акафиста богородице: «Утоли мои печали» (существует и икона богородицы с таким названием). *Питомец вдохновенья.* Намек на предсмертное стих. Д. В. Веневитинова «Люби питомца вдохновенья. . .».

21. ЛГ, 1831, 2 марта, с. 107; «Телескоп», 1831, № 6, под загл. «Порыв отставного гусара»; ЛП, 1832, 7 мая. Печ. по изд. 1844, с. 13. Стихотворение было переведено на чешский язык Л. Челяковским («Časopis musea království českého», 1857, s. 33). В изд. 1861 датировалось 1831 г., следовательно, могло быть приурочено к польскому восстанию 1830—1831 гг.; в т. IV и в изд. 1910 датировано 1828 г., то есть отнесено к русско-турецкой войне. В. А. Францев колеблется между датировками 1828 и 1831 гг. (изд. 1934, с. 142—143). Более вероятна первая дата: отношение Хомякова к польскому восстанию выражено в стих. 35, разительно отличающемся от тональности данного стихотворения. Скорее всего стихотворение может быть отнесено к началу русско-турецкой войны, то есть к апрелю 1828 г. С другой стороны, многократная его публикация в 1831—1832 гг. (в трех изданиях!), некоторые намеки («вождь седой» — главнокомандующий русской армией под Варшавой фельдмаршал И. И. Дибич?) — не могут полностью отвести и другую дату. Ср. письмо Хомякова к А. В. Веневитинову от 22 мая 1830 г.: «Меня дурно настроила встреча на дороге с г⟨енералом⟩ Паскевичем. Мы подъезжаем к станции; он нам встречается пешком, веселый, в живом разговоре с кем-то. Воображение тотчас окружило его войском, представило его гото-

вым к войне, и эта вся процессия шла мимо меня, и эта жизнь деятельная, жизнь мне по сердцу так живо меня зазывала; матушка догадалась и сказала мне грустным тоном: „Я знаю, об чем ты думаешь, да невозможно“» (ГПБ, ф. 539).

22—24. МВ, 1828, № 13, с. 3. Хомяков служил в гвардии в 1822—1825 гг., вышел в отставку перед поездкой за границу. Но как только началась русско-турецкая война, он снова отправился на дунайский театр военных действий. По сведениям П. И. Бартенева, Хомяков выехал из Петербурга 28 апреля 1828 г. (т. VIII, с. 6). *Рущук* — город в Болгарии (ныне — Русе), где турки воздвигли мощную крепость; в предшествующие русско-турецкие войны — место ожесточенных боев; в 1828—1829 гг. город оказался в стороне от битв.

25. МВ, 1829, № 1, с. 210. Подпись: А. Х. Обращено к Николаю Алексеевичу Муханову (1805—1871), петербургскому приятелю Хомякова, в доме которого он встречался с Рылеевым и другими декабристами, впоследствии — видному петербургскому сановнику. Ему же, вероятно, посвящено стих. 95. Хомяков выехал из Петербурга на Дунайский фронт 28 апреля (см. примеч. 22—24), следовательно, стихотворение написано в дороге; на Дунай Хомяков прибыл 7 мая (РА, 1899, № 10, с. 295—296). *Но нет! Судьбы тебя сковали* и т. д. Очевидно, служба чиновника не позволяла Муханову, бывшему военному, вернуться в армию.

26. МВ, 1828, № 17, с. 3. Вошло в изд. 1844. *Базарджик* — город в Болгарии (ныне — Толбухин).

27. «Северные цветы на 1830 год», с. 3 второй пагинации. *Адрианополь* — город в европейской части Турции, где был заключен мирный договор 14 сентября 1829 г. *Эдырне.* В первопечатном тексте следовало объяснение: «Турецкое имя Адрианополя». *Сарай* — имеется в виду Ески-Сарай, то есть Старый город, древняя часть Адрианополя, резиденция султана. *Орел возвышался двуглавый* и т. д. Адрианополь был взят русскими войсками 20 августа 1829 г., но по мирному договору был отдан Турции. *Тень крыльев Орла над померкшей Луной!* Имеются в виду гербы России (двуглавый орел) и Турции (полумесяц в центре щита).

28. МВ, 1830, № 5, с. 8. *Саади* (1184—1291) — знаменитый персидско-таджикский поэт.

29. МВ, 1830, № 9, с. 3. *Досель безвестна мне любовь* и т. д. — автоцитата из поэмы «Вадим», песнь 3. *Хариты* (греч. миф.) — богини красоты, грации.

30. МВ, 1830, № 11, с. 195. Единственное стих. Хомякова, написанное в форме сонета. *Ески-Сарай* — см. примеч. 27. *При блеске ламп* — явный анахронизм. *Что всё пройдет.* В первопечатном тексте следовало примечание: «В Адрианополе, в Ески-Сарае, в комнате, где бьет фонтан, есть надпись: „Ильнис би гюзерет“ — „всё пройдет“».

31. МВ, 1830, № 12, с. 287. Печ. по изд. 1844, с. 12.

32. ЛГ, 1830, 22 декабря, с. 290.

33. Т. IV, с. 412. *Бартенева* Прасковья Арсеньевна (1811—1872) — фрейлина императорского двора, певица. В сохранившихся альбомах П. А. Бартеневой автограф стихотворения не обнаружен. В первопечатном тексте датировано 1832 г., но содержание первой части стихотворения явно посвящено пребыванию Хомякова на кавказских минеральных водах в июне — августе 1830 г. (больше он туда не выезжал). Находилась ли в это время на Кавказе и П. А. Бартенева, неизвестно. Вторая часть, написанная другим ритмическим размером и посвященная совсем другой теме, возможно, является самостоятельным стихотворением.

34. ЛГ, 1831, 11 января, с. 22. Печ. по изд. 1861, с. 23. В ЛГ в строке «Скалы Швейцарии, убежище свободы» вместо последних двух слов, очевидно по цензурным соображениям, стоит невразумительное «и пастыри народы». Датируется концом 1830 г. на основании сведений о том, что осень и зиму 1830 г. Хомяков впервые после трехлетнего перерыва провел в деревне; ср. письмо к Н. А. Муханову от конца 1830 г. (т. VIII, с. 23). *Марица* — река в Болгарии и Турции, на которой расположен город Эдырне (ср. примеч. 27). *Брат* — Ф. А. Хомяков (ум. 1829). *Певец* — Д. В. Веневитинов.

35. Изд. 1861, с. 30. Вошло в РПЛ под загл. «1831 год». Автограф, местонахождение которого в настоящее время неизвестно (в ЦГИАЛ сохранилась цензурная копия), воспроизведен в статье: А. И. Егоркин, И. А. Шляпкин, Литературные дела архива Цензурного комитета. — «Пушкин и его современники. Материалы и исследования», вып. XXIX—XXX, Пг., 1918, с. 129—130. В автографе стихотворение не было озаглавлено и содержало эпиграф: «Прошу вас поляков не ненавидеть. . . Незабвенные слова возлюбленного нашего монарха». 26 ноября 1830 г., вскоре после начала польского восстания, вспыхнувшего 17 ноября, Николай I обратился к группе офицеров в Инженерном замке с призывом подавить революцию и добавил: «Прошу вас, господа, поляков не ненавидеть: они наши братья. В мятеже виновны немногие злонамеренные люди» («Северная пчела», 1830, 2 декабря). Стихотворение предназначалось для ЛП, но Петербургский цензурный комитет в заседании 30 декабря 1830 г. не решился пропустить его; через посредство Главного управления цензуры стихотворение было представлено царю, который наложил резолюцию: «Не дозволять» (ЦГИАЛ, ф. 772). Однако вскоре оно было разрешено к печати в переводе на немецкий язык и появилось вместе с переводами стих. А. С. Пушкина «Клеветникам России» и В. А. Жуковского «Русская песнь на взятие Варшавы» в брошюре «Der Polen Aufstand und Warschau's Fall 1831», SPb, 1831 (ц. р. 22 сентября 1831 г.), под загл. «Der Polenkrieg».

Хомяков, как и все старшие славянофилы, занимал противоречивую позицию в польском вопросе. Желая единения всех славянских народов под эгидой русского «орла», то есть самодержавия, он резко и враждебно относился и к революционно-освободительному

движению в Польше, и к насильственному режиму, навязанному полякам Россией, Австрией, Пруссией. Значительно позднее, в письме к А. О. Смирновой от 21 марта 1848 г., которое специально было ориентировано на хождение в придворных кругах, Хомяков подробно изложил свою положительную программу: должна быть создана свободная и независимая Польша; в польских районах России, Австрии, Пруссии необходимо провести всенародный опрос и по большинству голосов решить, войдет ли эта область в новую Польшу, останется в пределах прежнего государства или образует самостоятельную единицу (т. VIII, с. 411—414). Разумеется, эта идея была в условиях самодержавного деспотизма крайне утопической и не получила поддержки правительства. *Проклятьям да будет предан тот...* В автографе к этому месту неизвестной рукой сделано примечание: «Едва ли не Святополк». Очевидно, имеется в виду князь Святополк Владимирович (980?—1017), убивший своих братьев Бориса и Глеба и боровшийся с новгородскими дружинами с помощью польского войска.

36. ЛГ, 1831, 21 января, с. 38. Вошло в изд. 1844. Возможно, в связи с данным стихотворением Хомяков писал Н. А. Муханову зимой 1830—31 г.: «Все эти смутные грезы, которые по временам роятся в голове, исчезают при строгом и внимательном разборе, когда дело идет об исполнении. Я напишу стихи об этом» (т. VIII, с. 23).

37. ЛГ, 1831, 15 февраля, с. 79. В стихотворении отразились зарождающиеся славянофильские настроения поэта.

38. ЛГ, 1831, 11 апреля, с. 168. П. И. Бартенев, не зная об этой публикации, напечатал стихотворение по автографу из архива поэта под рубрикой «Неизданные стихотворения А. С. Хомякова» (РА, 1863, № 3, с. 222).

39. ЛГ, 1831, 16 апреля, с. 176; «Телескоп», 1831, № 7 (ц. р. 17 апреля). Печ. по изд. 1844, с. 10. В переводе на словацкий язык (переводчик — B. A. L.) опубликовано в журнале «Orol Tatranski», 1847, № 66.

40. ЛГ, 1831, 16 мая, с. 227. П. А. Бартенев напечатал настоящее стихотворение, как и стих. 38, в качестве неопубликованного под загл. «Разговор с С. С. Уваровым» и датировал его сентябрем 1832 г., временем приезда С. С. Уварова в Москву (РА, 1863, № 4, с. 303). Очевидно, что замысел никакого отношения к приезду Уварова не имеет. С идеей стихотворения перекликается стих. Е. А. Баратынского «Последний поэт» (1835).

41. «Телескоп», 1831, № 10, с. 187. Печ. по изд. 1861, с. 28.

42. «Телескоп», 1831, № 15, с. 336. Вошло в изд. 1844.

43. «Европеец», 1832, № 2, с. 257. Беловой автограф — ЦГАЛИ, вместе с конвертом, надписанным рукой Хомякова: «Его высокородию милостивому государю Ивану Васильевичу Киреевскому»;

следовательно, данный автограф явился источником, по которому И. В. Киреевский публиковал стихотворение в своем новом журнале «Европеец» (журнал был запрещен правительством из-за статей Киреевского именно по выходе второго номера). Данное и следующие два стихотворения обращены к фрейлине Александре Осиповне Россет (1810—1882), с которой Хомяков встречался в Петербурге в конце 1820-х — начале 1830-х годов. А. И. Кошелев сообщал об этом времени: «Из женщин особенно нас очаровывала и красотою, и умом девица Россет, вышедшая впоследствии замуж за Н. М. Смирнова. Хомякову она внушила стихи «Иностранке»; но когда она их узнала от П. А. Муханова, то осталась ими очень недовольною и некоторое время относилась к Хомякову весьма холодно» (т. VIII, с. 125—126). Ср. примеч. 44. Известна пародия Козьмы Пруткова на это стихотворение: «В альбом красивой чужестранке» (1854). Отрицательно отнесся к стихотворению В. Г. Белинский (см. т. 8, с. 467).

44. «Европеец», 1832, № 2, с. 259. Беловой автограф — ЦГАЛИ (см. примеч. 43). П. И. Бартенев вспоминал: «А. О. Смирнова (в девицах Россет, по отцу француженка, по матери грузинка) сказывала нам, что Николай Павлович (император. — *Б. Е.*) прочел ей эти стихи и потом дразнил ее ими» (изд. 1910, с. 60). *О дева-роза.* Реминисценция из стих. А. С. Пушкина «О дева-роза, я в оковах...» (1824).

45. РА, 1863, № 3, с. 222. См. примеч. 43, 44. Хомяков, узнав, что отец без его ведома отправил Погодину для напечатания в Москве несколько стихотворений, сильно встревожился и потребовал, чтобы стих. 44 и 45 ни в коем случае не были опубликованы (Барсуков, т. 3, с. 370). Впоследствии автор, видимо, переменил мнение о стих. 44 и решил его обнародовать.

46. «Комета Белы. Альманах на 1833 год», с. 330 (ц. р. 30 октября 1832 г.). Вошло в изд. 1844. Примечание П. И. Бартенева: «Охота, преимущественно псовая, была испокон веков любимым отдохновением Хомяковых: полеванья из деревни под Тулою (Богучарово) начинались в сентябре и кончались в октябре в Сычевском уезде (Липицы). Один из Хомяковых был любимым ловчим у царя Алексея Михайловича» (изд. 1910, с. 62).

47. Т. IV, с. 412, под загл. «В альбом С. Н. Карамзиной», без эпиграфов. Печ. по сб. «Старина и новизна», т. XX, М., 1916, с. 176; публикаторам остался неизвестным текст т. IV, поэтому стихотворение снабжено рубрикой: «Неизданное стихотворение А. С. Хомякова о Петербурге из альбома Софии Николаевны Карамзиной (сообщено графиней Екатериной Петровной Клейнмихель, рожд. княжной Мещерской)». *Карамзина* С. Н. (1802—1856) — дочь писателя, фрейлина императорского двора.

48. J a n K o l l á r, Cestopis obsahující cestu do Horní Italie..., Pešt, 1843, s. 32, латинскими буквами, под загл. «Орел славянский»; «Парус», 1859, 3 января. Печ. по изд. 1861, с. 32. В прозаическом переводе на польский язык под загл. «Do orła» опубликовано в журнале «Rok 1844», Posnań, 1844, № 10, s. 69—70. Датировано 1832 г.

в тексте «Паруса», в изд. 1861 и последующих; ср. указание П. И. Бартенева: «Мы наверно знаем, что знаменитая пиеса «Орлы»... написана не позже 1832 года» (РБ, 1860, № 2, Приложение, с. 35). Однако эта датировка вызывает сомнение. В письме Ф. Ф. Вигеля к М. П. Погодину (1838) говорится о стихотворении как о недавно появившемся: «Стихи Хомякова «Орлы», хотя известные в Москве, но никем не замеченные, здесь читаются нарасхват; граф Протасов читал их государю, и он, говорят, не гневался за них» (Барсуков, т. 5, с. 164). В письме к матери от 19 ноября 1839 г. И. И. Срезневский посылает копию стихотворения и сообщает другую версию — о запрещении его для печати: «Царю не угодно было это позволить» («Путевые письма И. И. Срезневского», СПб., 1895, с. 42). Срезневский же в Загребе в сентябре 1841 г. передал его текст Яну Коллару, который и опубликовал его в своей книге, снабдив предисловием: «Г-н Срезневский рассказал нам о нынешнем положении русской литературы, особенно о поэзии. После смерти Пушкина выдвинулся молодой поэт Хомяков. Я уже прежде читал стихотворения этого писателя, особенно — его «Ключ», и они мне очень понравились своей живой образностью, своим истинным народолюбием, своим чисто славянским духом; сообщаем публике одно из его новейших произведений, которое еще нигде не было напечатано» (там же, с. 32). Освободительный пафос стихотворения имел важное значение для подъема национального самосознания западных и южных славян в XIX в. По указанию П. И. Бартенева, книга Я. Коллара, из-за публикации стихотворения, была «немедленно» запрещена австрийскими властями (Завитневич, с. 54). В части тиража книги Коллара (например, в экземпляре ГПБ) стихотворение отсутствует. Стихотворение переводилось неоднократно на славянские языки и вызвало много подражаний. О докладе С. С. Уварова царю по поводу этого стихотворения см. примеч. 60. *Славян полунощных орел* — Россия (см. примеч. 27). *Тевтоны* — германцы; здесь: Австрия. *Татарин* — здесь: Турция (татарин как символ мусульманина; в книге Я. Коллара вместо «татарина» было «Османии», то есть Турции).

49. Альманах «Новоселье», СПб., 1833, с. 553. Печ. по изд. 1844, с. 18. В переводе на чешский язык опубликовано Л. Челяковским («Časopis musea královstvi českého», 1857, s. 31).

50. МН, 1835, ч. 1, с. 53.

51. МН, 1835, ч. 1, с. 87; «Маяк», 1843, № 10, под загл. «Запад и Восток». Печ. по изд. 1844, с. 41.

52. МН, 1835, ч. 3, с. 340; «Маяк», 1843, № 10, с искаженными ст. 7, 8, 15. Печ. по изд. 1844, с. 22. Примечание П. И. Бартенева: «Любимое стихотворение К. С. Аксакова» (см. изд. 1910, с. 76). Однако в семье Киреевских-Елагиных высказывались и иные мнения: А. А. Елагин в письме к А. А. Елагиной от 8 декабря 1835 г. назвал стих. «слабым» (ЛБ). *Как прежде холод чуждой власти* и т. д. По представлению славянофилов, русская история знала лишь добровольное избрание князей и царей, в отличие от насильственных завоеваний престола чужеземцами на Западе.

53. Изд. 1844, с. 32, без даты. Впервые датировано В. З. Завитневичем — «около 1832 г.» (Завитневич, с. 182), к этой датировке присоединяется и В. А. Францев (изд. 1934, с. 147). Во всяком случае стихотворение относится к первой половине 1830-х годов, времени созревания славянофильских идей. В стихотворении отражен утопический идеал славянофилов, представление о гармоничной, счастливой жизни крестьян; однако неясен образ повествователя: с одной стороны, он, видимо, потомок крестьян эпохи Владимира, с другой — родоначальник современных «мужиков» и носитель «правды». *Знают чин свой* — довольны своим общественным положением, не стремятся нарушить социальное равновесие.

54. МН, 1836, ч. 6, с. 16; «Маяк», 1843, № 10, под загл. «Альбион», с пропуском ст. 37, 41—44. Печ. по изд. 1844, с. 24. Авторизованный список (подписан Хомяковым) — ИРЛИ. В переводе на чешский язык опубликовано Л. Челяковским: «Časopis musea královstvi českého», 1857, s. 32; в прозаическом французском переводе опубликовано Кс. Мармье: «Revue des deux mondes», 1843, № 1, p. 122 (см. примеч. 66). Начиная с третьего издания «Стихотворений А. С. Хомякова» (М., 1881) ст. 17 печаталась всюду — «Дочь любимая свободы». Публикуя перевод стихотворения на английский язык, выполненный В. Пальмером, П. И. Бартенев данную строку сопроводил примечанием: «Пальмер имел перед собою текст, измененный цензурой, в котором вместо „свободы“ стояло „природы“» (т. IV, с. 414). Однако не сохранилось никаких документов о цензурном вмешательстве, тем более что в ст. 5 слово «свобода» печаталось начиная с первой публикации. *Остров* — Англия. Хомяков сложно относился к этой стране: с одной стороны, он считал ее из всех западноевропейских государств наиболее близкой к славянофильски-патриархальным идеалам (простота нравов, религиозность народа, традиционализм) и даже, вполне серьезно, называл англичан потомками славянского племени угличей; с другой — буржуазный характер английской жизни вынуждал Хомякова сопоставлять Англию с другими европейскими странами. См. статью Хомякова «Письмо об Англии» (1848). *Но за то, что церковь божью* и т. д. Славянофилы считали, что западные церкви (католическая и протестантская), в отличие от православной, вмешиваются в политическую жизнь общества и тем самым теряют свою «духовность». *Багряница* — порфира, символ царской власти.

55. МН, 1836, ч. 6, с. 158, подпись: А. Х. Примечание П. И. Бартенева: «Эти стихи (как и следующие) вызваны любовью Хомякова к Зинаиде Николаевне, дочери Николая Петровича и Дарьи Алексеевны Полтавцевых. Это была семья, любившая словесность и искусства. Одна из дочерей, гр. Елизавета Николаевна Баранова, писала стихи, сестра ее, гр. Екатерина Николаевна Адлерберг, много занималась музыкой. Они жили в Москве, в своем Пашковском доме, ныне Румянцевский музей. Предание передает, что, когда Хомякову было отказано в сватовстве, он сделался сам не свой и с непокрытою головою побежал домой. Она же так и кончила жизнь девицею» (изд. 1910, с. 79).

56. МН, 1836, ч. 6, с. 159, подпись: А. Х. См. примеч. 55.

57. Изд. 1861, с. 61. Автограф строф 1—3, 5, 6 — ИРЛИ. Датировка, впервые появившаяся в «Стихотворениях А. С. Хомякова», М., 1888, весьма условна, так как не подкреплена точными сведениями. Согласно данным П. И. Бартенева (который даже озаглавил стихотворение в изд. 1910 — «К своей супруге»), стихотворение посвящено жене поэта, Екатерине Михайловне (1817—1852), сестре Н. М. Языкова. Хомяков женился на ней в июле 1836 г. *И снова новый луч проглянет.* Реминисценция из стих. Д. В. Веневитинова «Три розы» (1826): «И тщетно утра луч проглянет. . .».

58. «Отечественные записки», 1839, № 5, с. 134, под загл. «Ему же» (предшествующее ему в журнале стихотворение К. Павловой было озаглавлено «Неизвестному поэту»); с измененной строфой 6; изд. 1844, без строфы 1. Печ. по изд. 1861, с. 59. *Милькеев* Евгений Лукич (1815—1846) — сибирский поэт-самоучка из мещанской среды, которого опекали московские литераторы либерального и славянофильского толка. «Павлов ⟨Н. Ф.⟩ и Хомяков были тогда в восторге от громких стихов Милькеева и считали его одною из самых блестящих надежд русской литературы» (И. И. Панаев, Литературные воспоминания, Л., 1950, с. 162). Ср. в письме Хомякова к Н. М. Языкову от 20 мая 1840 г.: «Милькеев, тебе неизвестный сибиряк, растет не по дням, а по часам и пишет славные вещи» (т. VIII, с. 95). Напротив, Белинский отнесся к творчеству поэта резко отрицательно: «Г-н Милькеев — подражатель г. Бенедиктова. . . Мы не встретили в целой книжке г. Милькеева ни одного поэтического стиха, ни одного живого образа» (Белинский, т. 7, с. 608).

59. «Санктпетербургские ведомости», 1839, 8 октября, с. 1042, без подписи, под загл. «Отчизна», без ст. 41—44 и с измененными ст. 45—46; «Отечественные записки», 1839, № 11, без загл., с измененной ст. 44; «Маяк», 1843, № 10, под загл. «Гордость и смиренномудрие», без ст. 4, 6, 34—36; изд. 1844, с измененной ст. 46 и с пропуском ст. 53—56. Печ. по изд. 1861, с. 65. Редакция «Отечественных записок» сопроводила публикацию примечанием: «Это стихотворение, назначенное автором для «Отечественных записок», было напечатано в одной из газет с некоторыми изменениями и без подписи имени автора. Здесь оно помещается вполне и в настоящем своем виде» (с. 144). Смысл этого примечания раскрывается в письме редактора-издателя А. А. Краевского к И. И. Панаеву от 15 октября 1839 г.: Н. Ф. Павлов «прислал мне стихотворение Хомякова «Гордись, тебе льстецы сказали». Я, как расчетливый человек, отложил напечатание его до осени. Настал сентябрь, я представляю это стихотворение в цензуру. Цензор и цензурный комитет вычеркивают стих «Скажи им таинство свободы». Заменить этого стиха я ничем не осмелился и потому написал к Николаю Филипповичу, чтоб спросил на сей казус решение самого Хомякова. Пока я жду, вдруг, ровно неделя тому назад, является в 230 № «Санктпетербургских ведомостей» (академических) это же стихотворение Хомякова под названием «Отчизна», без подписи имени автора и со стихом, у меня вычеркнутым, но

только без тех шести стихов, которыми Хомяков заменил находящиеся в средине два стиха:

А твой завет, твое призванье,
Твой богом избранный удел...

и которые в доставленной мне рукописи написаны рукою Николая Филипповича. Это изумило меня! Я тотчас же пишу письмо князю Дондукову (тогдашний попечитель санктпетербургского округа и председатель цензурного комитета. — *Примеч. И. И. Панаева*) и прошу позволения напечатать стихи Хомякова в том виде, как они ко мне присланы, и с примечанием; он позволил (они помещены в 10 ⟨11⟩ книжке); но на другой же день в 231 № «Санктпетербургских ведомостей» помещена *поправка,* в которой сказано, что «Отчизна» написана Хомяковым... «Инвалид» и даже «Губернские санктпетербургские ведомости» перепечатали это стихотворение прежде «Отечественных записок». Что все это значит? Не растолкует ли Николай Филиппович? Если же подобная штука сделана *без воли Хомякова,* то надобно, чтобы он написал сам Дондукову письмо, в котором жаловался на подобное своеволие; иначе ни одна статья наша не будет безопасна от такого грабительства» (И. И. Панаев, Литературные воспоминания, М., 1950, с. 161). Примечание П. И. Бартенева: «Писано после Бородинских маневров, на которых император Николай Павлович, в присутствии иностранцев, предъявлял мощь России» (изд. 1910, с. 112). Маневры на Бородинском поле в ознаменование 25-летней годовщины окончания Отечественной войны 1812 г. состоялись 26 августа 1839 г. Под загл. «Rusi» переведено Л. Челяковским на чешский язык: «Časopis musea kralovstvi českého», 1857, s. 31. В стих. Лермонтова «Родина» содержится косвенная полемика с данным стихотворением (см. Н. И. Мордовченко, Лермонтов и русская критика 40-х годов. — «Литературное наследство», т. 43-44, М., 1941, с. 788—789). Стих. Хомякова вызвало пародию Н. А. Добролюбова «Неаполю» (1859). *Тук* — чернозем, перегной. *Семь морей* — Черное, Азовское, Балтийское, Белое, Каспийское; Северный Ледовитый и Тихий океаны. *Кует бессильные крамолы* и т. д. Возможно, имеются в виду внутренняя «крамола» (чартистское демократическое движение 1837—1839 гг.) и напряженное международное положение Англии *(Альбиона)* в конце 1830-х годов (конфликты с Канадой, Китаем, Афганистаном, Ямайкой).

60. «Маяк», 1841, ч. 14, с. 17, без строф 12, 15—17, за подписью «Э. И... о, воспитанник третьей гимназии. 24 декабря 1840 года»; «Москвитянин», 1841, № 5, с. 34, без строфы 12; изд. 1844, с измененными ст. 9, 14, 26, 46. Печ. по изд. 1861, с. 68. Беловой автограф промежуточной редакции — ЦГАЛИ; черновой автограф 15—16 ст., строф 12, 15—17 — ГПБ. Публикация в «Москвитянине» сопровождалась примечанием: «„Киев“ напечатан был в одном петербургском журнале по неправильному списку и под чужим именем. Полагаем, что это произошло по ошибке и недоразумению, и радуемся случаю представить это прекрасное стихотворение нашим читателям в исправленном виде» (с. 34). Является ли публикация в «Маяке» плодом иронической мистификации или плагиатом реально существовавшего гимназиста — выяснить не удалось. Стихотворение было написано

Хомяковым специально к выходу в свет задуманного М. А. Максимовичем альманаха «Киевлянин», о чем можно судить по письму поэта к издателю от 24 ноября 1839 г.: «Название «Киевлянина», которое вами избрано, очень счастливо, и в этом слове много. Пора Киеву отзываться русским языком и русскою жизнью. Я уверен, что слово и мысль лучше завоевывают, чем сабля и порох; а Киев может действовать во многих отношениях сильнее Питера и Москвы. Он город пограничный между двумя стихиями, двумя просвещениями. С истинным удовольствием посылаю вам стихи, которые внушены мне именно названием вашего журнала» (т. VIII, с. 463). Есть указание, что в 1841 г. Хомяков представлял «Киев» в цензуру и там исключили строфы 11—14, 17 («Исторические сведения о цензуре в России», СПб., 1862, с. 64—65). Это неверно. Хомяков сам не обращался в цензуру, и строфы были опущены в первых публикациях другие (см. выше). Цензурная история стихотворения такова. Максимович представил его в киевскую цензуру, которая не решилась его пропустить. Попечитель Киевского учебного округа, председатель местного цензурного комитета кн. С. И. Давыдов писал министру народного просвещения графу С. С. Уварову 9 декабря 1840 г.: «Хотя в этом стихотворении нет ничего такого, чего бы по смыслу цензурного устава нельзя было одобрить к печатанию, но как сочинитель в строфах 11 и 13 намекает на часть древней России, отошедшую к Австрийской империи, и в конце своего стихотворения обнаруживает надежду, что жители этой страны опять соединятся с нами, то цензурный комитет, не имея возможности судить о политических отношениях России, признает нужным представить это стихотворение на усмотрение вашего высокопревосходительства» (ЦГИАЛ, ф. 772). Уваров тоже не решился взять на себя ответственность и намеревался доложить царю, но «изволил отложить это до удобного случая». Максимович вынужден был выпустить своего «Киевлянина» без стих. Хомякова (впрочем, в качестве эпиграфа к книге была взята строфа 2). Стихотворение стало распространяться в списках и даже появилось за границей. А в это время петербургская цензура, не зная о киевской истории, разрешила сокращенную публикацию стихотворения в «Маяке» якобы от имени некоего гимназиста. С. С. Уваров сильно встревожился по поводу и публикации, и подделки имени. В отношении к попечителю Петербургского учебного округа кн. М. А. Дондукову-Корсакову от 2 марта 1841 г. он отчитал его: «Я нахожу это весьма неприличным и вообще желаю, чтобы никакое сочинение воспитанников учебных заведений не было печатаемо без предварительного разрешения директора сих заведений и не иначе как с ведома вашего сиятельства». Вслед за этим, 23 апреля 1841 г., Уваров был вынужден сообщить кн. С. И. Давыдову о происшедшем и разрешить публикацию стихотворения в следующей книге «Киевлянина» «в том виде, как оно помещено в „Маяке“» (там же). А тем временем М. П. Погодин, редактор «Москвитянина», не зная предшествующих событий и получив согласие Хомякова (который писал Погодину: «Если хочешь, то напечатай «Киев», если можно. Это будет протест против «Маяка». А в примечании скажи: «с согласия сочинителя» — ЛБ), представил стихотворение в московскую цензуру. Цензор Н. И. Крылов тоже очень не хотел пропускать стихотворение в печать, как видно из его письма

к издателю журнала М. П. Погодину: «О трех последних куплетах великое раздумье. Вот что об них сказано в иностранной газете, где стихи Хомякова переведены на немецкий язык: «Русская цензура их не пропустила; но на немецком языке, при других условиях цензуры, можно их поместить». Итак, можно понимать их в отношении к Австрии, а это нехорошо. Если вследствие вашей выноски (см. ниже примечание Погодина. — *Б. Е.*) смысл об унии определяется, то никак нельзя открыто в журнале этого выразить. Дело это предано тайне, молчанию по причине глупого и нерассудительного распоряжения некоторых местных властей в униатских губерниях и вследствие австрийской ноты, присланной к нашему двору. Вот какая история! Не лучше ли: «да мимо идет чаша сия»? Правило издателя и цензора: если можно что-нибудь in futuro предполагать — то лучше опустить. Я прошу вас убедительно согласиться на сей раз со мною. Ей-богу — вчера целый день сердце колыхалось от страха за эти куплеты. А с вашей выноской больше резкости и намека» (Барсуков, т. 6, с. 60). Однако Погодин, очевидно, настоял на печатании без изъятий, если не считать строфы 12. После публикации в «Москвитянине» вопрос решился сам собой; Уварову пришлось прекратить дело о запрете. В стихотворении говорится об обращении униатов (жителей Западной Украины, исповедовавших прежде православие, но с XVI в. оказавшихся под властью папы римского и фактически приобщившихся к католичеству) в русское православие, закрепленном правительственным указом 1839 г. Так что, по существу, интересы Австрии в стихотворении затрагивались косвенно, а прямо речь шла лишь об областях, находившихся под польско-католическим влиянием, но внутри границ тогдашней России (не считая Галича). Впоследствии С. С. Уваров в докладе государю похвально отозвался о «Киеве»: «Известный поэт наш Хомяков, который, как кажется, мог бы один идти по стопам Пушкина, если бы постояннее занимался своим искусством, написал ныне стихотворение, которое я считаю достойным воззрения вашего императорского величества. Осмеливаюсь при сем всеподданнейше представить оное... Последние стихи имеют отношение к другому стихотворению («Орел»), в котором Хомяков воспевал единение всех славянских племен под хоругвью России. Эта мысль, которою он проникнут, проявляется в каждой строке, им написанной; глубокое религиозное чувство (в чем Хомяков решительно отличается от Пушкина) дает этой любимой мысли особую теплоту и возвышенность. Искусство языка и сила выражений не оставляют, думаю, ничего желать более». Николай I зачеркнул сравнение с Пушкиным и подписал: «Недурно» (РА, 1885, № 9, с. 159). В действительности отношение Николая I к панславистским идеям Хомякова, да и вообще к славянофилам, не было простым. Пока дело касалось распространения православия, тем более внутри России, — здесь правительство могло лишь приветствовать славянофильские идеалы. Но к мечтам об освобождении южных и западных славян из-под ига Турции и Австрии Николай I относился весьма настороженно, боясь революционных последствий, боясь возможности отторжения Польши от России и т. д. Когда в 1849 г. был арестован И. С. Аксаков и у него потребовали письменных объяснений, то на листе с рассуждением И. С. Аксакова о западных славянах Николай I наложил резолюцию: «Под видом участия к мнимому утеснению

славянских племен в других государствах тмится преступная мысль соединения с сими племенами, несмотря на подданство их соседним и частию союзным государствам; а достижения сего ожидали не от божьего определения, а от возмутительных покушений на гибель самой России» (М. И. Сухомлинов, Исследования и статьи, т. 2, СПб., 1889, с. 505). Поэтому вполне понятен запрет, наложенный на «Орла», где как раз речь идет об южных и западных славянах за пределами России, и понятен страх цензоров, пытавшихся истолковать в таком же духе и «Киев», где лишь Галич оказывался «за границей». *Руси чистая купель.* Имеется в виду принятие христианства (крещение) киевлян в 988 г. «Чистая» означает «честная» и «бескровная» (по мнению славянофилов, обращению в христианство на Западе часто сопутствовал обман и насилие). *Эвксин* (Понт Эвксинский) — греческое название Черного моря. *Мрак пещер твоих безмолвный.* Имеются в виду пещеры Киево-Печерской лавры. *Сыны Волыни.* «Тут надобно сказать в примечании, что из старорусских земель княжество Волынское более всех теперь содержит католиков римских» (примечания Хомякова, автограф ЦГАЛИ, ф. 532). *Волынь* — древнерусское княжество, в XVI в. вошедшее в состав Польши, в 1795 г. присоединенное к России (теперь в составе Западной Украины, приблизительно район Ковель — Ровно). *Галич* — город в Западной Украине, бывший центр древнерусского Галичского княжества; в XIX в. принадлежал Австрии. *Зов моленья и любви.* «Как живо эти три куплета (строфы 11, 13, 14. — *Б. Е.*) изображают Унию, которая по благому действию промысла возвратилась к православию в нынешнее царствование» (примечание М. П. Погодина, «Москвитянин», с. 36).

61. Изд. 1844, с. 3. Стихотворение написано по поводу смерти обоих старших сыновей Хомякова, Степана (1837—1838) и Федора (июнь — октябрь 1838). Датируется 1839 г., согласно приблизительному указанию Е. М. Хомяковой в письме к брату Н. М. Языкову от 3 января 1841 г.: «Вы, я думаю, не знаете стихов мужа, написанных на смерть наших малюток. Он недавно только решился прочитать их мне, а уже год, как они написаны. Каролина падала от них в обморок и после них стала крестить Ипполита всякий вечер. И. В. Киреевский говорит, что это самые лучшие стихи Алексея Степановича» (т. VIII, с. 102). Каролина — поэтесса К. К. Павлова, Ипполит — ее сын. Стихотворение было переведено на английский язык пастором В. Пальмером, известным деятелем англиканской церкви, и этот факт, по словам П. И. Бартенева, послужил поводом для знакомства и длительной переписки Хомякова с переводчиком (изд. 1910, с. 93).

62. «Москвитянин», 1841, № 4, с. 321. Примечание П. И. Бартенева: «Этими стихами Хомяков призывал милосердие правительства к польским заговорщикам (Конарский и его сообщники). В Москве рассказывали про князя Т., облеченного властию в одной из западных губерний, что он приказывал класть острые гвозди в подушки захваченных поляков» (изд. 1910, с. 131). Польский революционер Шимон Конарский был расстрелян в г. Вильно в феврале 1839 г. Если только указание Бартенева истинно, то стихотворение должно

было быть написано до этого момента. Сохранилось недатированное письмо Хомякова к Погодину: «Хотя еще 4-й № «Москвитянина» не вышел, а слышу об толках насчет моей пьесы. Вот, любезный Михаил Петрович, мое предложение: к заглавию ⟨дать⟩ * и внизу: «Это заглавие дано сочинителем, а мы бы предложили: «Рыцарь и присяжные». Прим. издателя». Как думаешь, так и сделаешь. Все предосторожности годны для сохранения «Москвитянина» цела и невредима» (ЛБ). Видимо, Хомяков серьезно опасался за совершенно определенное истолкование смысла стихотворения.

63. «Москвитянин», 1841, № 1, с. 51 (ц. р. 13 декабря 1840 г.) Вошло в изд. 1844.

64. «Москвитянин», 1841, № 1, с. 341, без загл. Печ. по изд. 1861, с. 75. Останки Наполеона были торжественно перевезены с острова Св. Елены в Париж в ноябре 1840 г. Очевидно, стих. Хомякова было написано, когда том журнала уже был почти весь отпечатан (см. примеч. 63), поэтому М. П. Погодин поместил его в конце, в «Смеси». Ср. примеч. 66.

65. «Москвитянин», 1841, № 2, с. 347 (в части тиража — под загл. «Суета сует»). Печ. по изд. 1844, с. 34. Хомяков писал Н. М. Языкову 3 января 1841 г.: «Уже месяца три я тебе пишу: скажи-де твоими славными стихами что-нибудь о прахе Наполеона — а ты ни слова. Пришлось мне написать две пьесы, которые печатаются в „Москвитянине“» (т. VIII, с. 101). Из недатированной записки Хомякова к Погодину видно, что загл. «Суета сует» не принадлежало автору: «Я слышал, любезный Погодин, что моя вторая пьеса у тебя названа «Суета сует». Если можно, сделай одолжение, перемени название и назови только числом, в которое выкопано тело» (ЛБ). См. примеч. 64 и 66.

66. «Москвитянин», 1841, № 3, с. 6; изд. 1844, с. 35, в виде второго стихотворения из цикла «7 ноября» (см. стих. 65). Печ. по изд. 1861, с. 81. См. примеч. 64, 65. Д. А. Валуев приписал в письме Хомякова к Н. М. Языкову (март 1841): «Каковы стихи Хомякова, которые вам посылаем теперь. Это уже Наполеон третий. Первый был не так хорошо и был весьма дурно принят всем домом Елагиных; это раздосадовало Ал. Ст., и он написал две славные пьесы» (т. VIII, с. 109). И. С. Аксаков сопоставлял данное стихотворение с циклом стихотворений Ф. И. Тютчева «Наполеон» по сходству основных идей: силу Наполеона сокрушила нравственная сила и вера русского народа; оба поэта обращаются «к пробуждающемуся Востоку» («Биография Федора Ивановича Тютчева», М., 1886, с. 66—67). Неясно, имело ли место чье-либо заимствование, так как неизвестна дата соответствующих строк тютчевских стихотворений; цикл создавался с 1836 по 1850 г. Другой будущий славянофил, Ю. Ф. Самарин, неодобрительно отозвался о данном стихотворении в письме к К. С. Аксакову: «До чего дошел Хомяков с своей точки зрения! Наполеона повергла не сила народов и не *ровный* (вместо «равный») ему соперник, но тот, кто и т. д. Как будто не в общем восстании и не в истории, а в чем-то другом обнаруживается воля божия или закон необходимости» (РА, 1880, № 2, с. 275). Сам Хомяков, видимо,

ценил свой цикл стихотворений о Наполеоне, так как считал их лучше лермонтовского «Последнего новоселья» (1841): «Между нами будь сказано, — писал он Н. М. Языкову, — Лермонтов сделал неловкость: он написал на смерть Наполеона стихи, и стихи слабые; а еще хуже то, что он в них слабее моего сказал то, что было сказано мною» (т. VIII, с. 104). Французский писатель Ксавье Мармье, посетивший Москву и получивший от Хомякова стих. «Остров» и данное стихотворение, воспроизвел текст этих произведений в неточном прозаическом переводе, снимающем резкость нападок автора на Запад («Revue des deux mondes», 1843, № 1, p. 122), что дало повод Мармье истолковать их смысл скорее в панегирическом, чем в критическом духе: «Мне показалось забавным внимать речь о Наполеоне в нескольких лье от города, который сгорел перед ним, и слушать в глубине России дифирамб, обращенный к Англии, в момент, когда английские корабли пришли завоевывать берега молодой империи» (там же). Особенно пострадал смысл данного стихотворения; ст. 15 переведена у Мармье: «Ditez-moi, un nouveau matin ne brille-t-il pas á l'horizon?» («Скажите, не новое ли утро забрезжило на горизонте?»), что совсем сняло противопоставление Востока и Запада (не спутаны ли были слова «horizon» и «orient»?). Адам Мицкевич в своем парижском цикле лекций о славянских литературах специально остановился на этом стих. Хомякова, которое он знал лишь по публикации Мармье, и уже прямо истолковал последнюю строфу как обращение поэта к тени Наполеона с просьбой раскрыть будущее Европы и противопоставил Хомякова как якобы европейски мыслящего человека националистической политике царского правительства (A. Mickiewicz, Dzieła, t. 11, Warszawa, 1955, s. 56; лекция от 10 января 1843 г.). Таковы были последствия неточного перевода. *Но тот, кто пределы морям положил* и т. д. Хомяков и верил в божественную кару (ср. в стих. 64: «Наша сила, русский крест»), и был в то же время противником «телеологической мистики» и фатализма (см. его статью «По поводу Гумбольдта», 1849). Здесь проявилось одно из характерных противоречий славянофильства; ср. недовольство Ю. Ф. Самарина именно данной идеей; ср. также примеч. 91.

67. Т. VIII, Приложение, с. 29. Автограф — ГПБ. Перед отъездом за границу В. А. Жуковский посетил Москву, где местные литераторы устроили ему торжественный обед и преподнесли альбом с автографами и с надписью: «Василию Андреевичу Жуковскому на память пребывания его в Москве в 1841 году и вечера, проведенного с ним 23 февраля» (ГПБ. Альбом Жуковского). Хомяков очень ценил личность и поэзию Жуковского; в июле 1847 г., путешествуя с семьей за границей, Хомяков несколько дней провел в Эмсе у Жуковского; старшая дочь Хомякова Мария Алексеевна вспоминает об отце: «А как он любил Василия Андреевича; с другими у него была умственная, а с Жуковским чисто душевная, даже духовная близость. Помню, когда мы были с ним в Эмсе, как мой отец привез нас к Жуковскому, на полу играли Саша и маленький Паша (дети Жуковского. — *Б. Е.*), а милый старик сидел на кресле, и мой отец просил его прочесть нам что-нибудь свое, и он нам прочел «Овсяный кисель» и «Серого волка». Как он хорошо читал, и с какою любовью смотрел на него мой отец» (ГИМ). Жуковский пытался (правда, безуспешно) способствовать публикации за границей программной

статьи Хомякова о православной религии «Церковь одна», которую автор не надеялся увидеть напечатанной в России (т. VIII, с. 28).

68—69. «Москвитянин», 1841, № 10, с. 329, без загл. Печ. по изд. 1844, с. 20. Стих. 1, возможно, является реминисценцией стих. В. Гюго «Nuits de juin» («Июньские ночи») из сб. Гюго «Les rayons et les ombres», Bruxelles, 1840. Вызвало пародию Козьмы Пруткова «Мой сон» (1854).

70. Изд. 1844, с. 42 (ц. р. 16 марта); «Москвитянин», 1844, № 5, (ц. р. 18 мая). Печ. по изд. 1861, с. 89. Автограф, соответствующий тексту «Москвитянина», — ГПБ. Примечание П. И. Бартенева: «На московского митрополита Филарета, когда тот, в борьбе с старообрядчеством, прибегал к полицейской власти» (изд. 1910, с. 133). Хомяков враждебно относился к официальным служителям церкви, считая их схоластами и дураками (см., например, т. VIII, с. 189); они, в свою очередь, называли его богословские занятия «суемудрием» и последовательно препятствовали публикации трудов Хомякова на религиозные темы. Стихотворение неоднократно использовалось славянофилами для пропаганды свободного слова; см., например, передовую статью К. С. Аксакова «Публика-народ» в газете «Молва», 1857, 12 апреля. *Давид* — израильский царь (XI в. до н. э.); по библейскому преданию, был в молодые годы (при царе Сауле) музыкантом, пастухом, охотником; победил филистимского исполина Голиафа.

71. Изд. 1861, с. 90. Копия автографа (др. ред.) — ИРЛИ. Эта копия из архива Аксаковых, согласно карандашной заметке, предназначалась для славянофильского «Московского сборника» 1847 г., была представлена в цензуру в декабре 1846 г. и запрещена (ИРЛИ, ф. 3). Хомяков сообщал 10 октября 1844 г. Ю. Ф. Самарину: «Написал только одну пьесу стихов, вероятно, не имеющих быть напечатанными: «Исповедь русских». Она вызвана досадою на П. Вас. Киреевского» (т. VIII, с. 247). Возможно, спор возник при обсуждении рукописи статьи П. В. Киреевского «О древней русской истории» («Москвитянин», 1845, № 3). П. В. Киреевский (1808—1856), как и его брат Иван (см. примеч. 75), идеализировал Древнюю Русь, что, естественно, вызвало возражения занимавшего более критическую позицию Хомякова. Возможно, что в споре и в данном стихотворении Хомяков косвенно как бы возражал И. В. Киреевскому, в 1839 г. написавшему с более умеренных позиций статью «В ответ А. С. Хомякову» по поводу резко критической программной статьи Хомякова «О старом и новом» (1839). Спор был продолжен и впоследствии. Для второго тома «Московского сборника» 1852 г., запрещенного цензурой, предназначался обширный труд Хомякова «По поводу статьи И. В. Киреевского „О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России“», где автор так полемизировал с фразой Киреевского «Христианское учение выражалось в чистоте и полноте, во всем объеме общественного и частного быта древнерусского»: «В какое же время? В эпоху ли кровавого спора Ольговичей и Мономаховичей на юге? В эпоху ли, когда московские князья... употребляли русское золото на подкуп татар и татарское железо на уничтожение своих русских соперников? В эпоху ли Василия Темного, ослепленного ближайшими родственниками и вступившего в свою

отчину помощью полчищ иноземных? Или при Иване III и его сыне — двуженце?» (т. I, с. 213). К. С. Аксаков в стих. «Поэту-укорителю» (1845) полемизировал со стих. Хомякова, защищая Киреевских. *Рабство вековому плену* — татаро-монгольское иго. *За робость пред мечом Литвы.* Очевидно, имеется в виду робость Иоанна III Васильевича перед лицом объединившихся Польши и Литвы. *За Новград и его измену.* Новгород в 1470-х годах неоднократно заключал союзы с Литвой против Москвы. *За двоедушие Москвы.* Иоанн III Васильевич покорил Новгород (1478) с помощью коварных дипломатических уловок и военных хитростей. *За стыд и скорбь святой царицы.* Великий князь Василий III Иоаннович развелся в 1525 г. с Соломонией Сабуровой и женился второй раз. *За грех царя-святоубийцы.* По приказу Иоанна Грозного неугодный ему митрополит Филипп был задушен (1569). *За разоренный Новоград.* Имеется в виду новгородский погром, учиненный Иоанном Грозным и его опричниками в 1570 г. *За клевету на Годунова.* В своих статьях «Царь Феодор Иоаннович» (1844) и «Мнение русских об иностранцах» (1845) Хомяков высоко оценивал талант и заслуги Годунова, а также отвергал обвинение в убийстве царевича Дмитрия, осуждая, впрочем, захват престола. *За смерть и стыд его детей.* После смерти Бориса Годунова и вступления в Москву Лжедмитрия (1605) сын Бориса Феодор был умерщвлен, а дочь Ксения вынуждена была находиться при дворе самозванца. *Тушино* — подмосковное село, резиденция «тушинского вора» Лжедмитрия II (1608—1610). *Ляпунов* — см. примеч. 105.

72. РБ, 1860, № 2, Приложение, с. 37. Автограф — Национальный музей в Праге (воспроизведен факсимиле в изд. 1934, перед с. 1). До изд. 1934 перепечатывался текст РБ, восходящий к копии П. И. Бартенева, сделанной непосредственно с подлинника. Букву, которой Хомяков зашифровал месяц, различные публикаторы прочитывали то как «и» (то есть июнь или июль), то как «г» (то есть генварь). В действительности Хомяков был в Праге 18—20 июня, что устанавливается по штампам в заграничном паспорте (ГИМ). *Ганка* Вацлав (1791—1861) — чешский литератор, деятель национального возрождения, друг русских славянофилов. В письме к одному из московских знакомых (М. П. Погодину?) от 8 июля 1847 г. Хомяков так описывает пражскую встречу: «Ганка просто чудный человек. Он мне обрадовался и меня обрадовал. Ничего не могло быть лестнее его привета. Когда я ему сказал свое имя, он мне только сказал: „Неужели тот самый?“» (т. VIII, с. 464). Ср. со стих. Ф. И. Тютчева «К Ганке» (1841), где развиваются мысли, подобные хомяковским.

73. РБ, 1856, № 2, с. 53; «Москвитянин», 1856, № 9, с. 94, под загл. «К братиям». Печ. по изд. 1861, с. 109. Автограф дожурнальной редакции — Национальный музей в Праге (воспроизведен факсимиле в изд. 1934, перед с. 1). Вошло в РПЛ. *Вышеград* — возвышенная часть Праги на правом берегу реки Влтавы.

74. Журнал «Lumír» (Прага), 1852, Příloha, № 16, s. 61, под загл. «Báseň na Prahu» («Стихотворение о Праге») — русский текст и перевод на чешский язык Ч. Страницкого; РБ, 1856, № 1; «Москвитянин», 1856, № 9, под загл. «Мечтание». Печ. по изд. 1861, с. 94. Авто-

граф, по которому воспроизведен текст в изд. 1861, — Национальный музей в Праге (напечатан факсимиле в изд. 1934, перед с. 1). Стихотворение написано вскоре после отъезда Хомякова из Праги (см. примеч. 72) и отослано автором к Вацлаву Ганке из Берлина при письме, где говорится: «Я вспоминал ваши последние слова об единстве веры, без которого нет полного единства в народах, и не то во сне, не то наяву написал следующие стихи» (т. VIII, с. 465). В связи с этим несколько странным представляется примечание, которым сопровождалась публикация стихотворения в журнале «Lumír»: «Это стихотворение о Праге Хомяков сочинил в Литомежицах, возвращаясь из Праги на родину. Г-ну Ганке его сообщила графиня Антонина Дмитриевна Блудова» (может быть, А. Д. Блудова отвезла указанное письмо из Берлина в Прагу?). *Лаба* (Эльба) — река в Чехословакии. *Сава* — река в Югославии. *На Петчине храм.* Вряд ли Хомяков имел в виду костел св. Лаврентия (Вавржинца) на холме Петршин в Праге; скорее всего здесь — мечта поэта о создании на Петршине нового православного храма. *Кирилл* (827—869) — славянский просветитель, создатель азбуки.

75. РБ, 1858, № 1, с. 4. Беловой автограф — ИРЛИ. *Киреевский* Иван Васильевич (1806—1856) — один из вождей славянофильства. Хомяков полемизировал с ним по ряду проблем (см. примеч. 71), но глубоко его любил; см. некролог Хомякова «Иван Васильевич Киреевский» (1856). Речь в стихотворении идет об обещании Киреевского написать очерк своих философских взглядов. Труд Киреевского остался незаконченным; см. его статью «О необходимости и возможности новых начал для философии» (1856) и посмертную публикацию философских отрывков с комментариями Хомякова (РБ, 1857, № 1). *Эмпирей* (греч. миф.) — верхняя часть неба, полная огня и света, жилище богов.

76. Изд. 1861, с. 97. В сентябре-октябре 1848 г. в Москве была организована большая художественная выставка (см. «Москвитянин», 1848, № 11, отд. 5, с. 45—48), на которой, возможно, была выставлена картина, послужившая поводом для стих. Хомякова; однако сведения о такой картине в печати не найдены.

77. РБ, 1857, № 4, с. 78. Печ. по изд. 1861, с. 98. Вошло в РПЛ. Датируется по копии П. И. Бартенева (ГИМ). Сразу же, как только разразилась революция 1848 г., Хомяков стал мечтать о возможности скорого национального освобождения южных и западных славян. Так, он писал А. Н. Попову 17 марта 1848 г., вскоре после известия о революции в Вене: «Дела есть на свете еще и поважнее парижских. Падение Австрии или, лучше сказать, распадение ее совершилось или совершается. Для иных это дело чисто политическое, для нас дело историческое. Исчезает след Карловской империи... Папа, раскачав Италию и пустив в ход силы, не подведомственные ему, сидит себе в уголке Рима грустненький и слабенький... Поле чисто. Православие на мировом череду. Славянские племена на мировом череду. Минута великая, предугаданная, но не приготовленная нами» (т. VIII, с. 177). Стихотворение вызвано антивенгерским восстанием сербов и хорватов в 1848—1849 гг. Объективно, однако, это восстание сыграло пагубную роль в истории венгерской революции, способ-

ствуя ее подавлению. *Гаснет месяц* — намек на полумесяц, главный атрибут герба и национального флага Турции. *Маджары* — мадьяры, венгры. *Королевич* — Марко-Королевич (XIV в.), сын сербского короля, легендарный герой сербского эпоса; по преданию, он не умер, а спит в горной пещере, чтобы в нужный момент проснуться и стать на защиту своего народа.

78. Изд. 1861, с. 102. Вошло в РПЛ, под загл. «Идиллия» и с ремаркой, как в драматической сценке: «Поющие лица: Сибрах, Мисах, Авдинаго, Даниил. Сцена: гора подле Вавилона, внизу скотный двор, где пасется царь Навуходоносор». Стихотворение написано в разгар репрессий царского правительства, напуганного революционным движением. Примечание П. И. Бартенева: «Писано не ранее второй половины 1849 года, когда верный Священному союзу император Николай Павлович, спасши Австрию от распадения, возмнил себя властителем Европы, а у себя в России начал опасаться проявлений словесной и умственной свободы: греческий язык упразднен был в гимназиях, дабы знание его не повело к знакомству с греческими республиками, университеты полузакрыты, а в Москве полиция вела списки лиц, посещавших Хомякова. Стихи эти долгое время были немногим лицам известны. Я спросил Хомякова, кто их написал. «Граф Блудов», — отвечал он, и в этом ответе для знавших графа Д. Н. Блудова отзывалась веселая шутка» (изд. 1910, с. 155—156). Славянофилы решительно выступали против цензурных притеснений, за свободу слова и печати, усматривая, кстати, в этом один из верных способов уничтожить опасность революционных бунтов; ср. известное программное стих. К. С. Аксакова «Свободное слово» (1854). Возможно, Хомяков знал стихотворение Беранже «Навуходоносор» (1821), намекавшее на Людовика XVIII (ср. более позднюю — после 1855 г. — переделку стихотворения на русский язык В. С. Курочкиным, где с древним тираном явно отождествлялся Николай I). *Навуходоносор* (605—562 до н. э.) — знаменитый вавилонский царь, завоевавший Иудею и разрушивший Иерусалим (587); в библейских текстах — символ тирании, злодейства; по преданию (Книга пророка Даниила, гл. 4), бог, чтобы сбить спесь с царя, на некоторое время превратил его в зверя, лишенного рассудка и питавшегося травой. *Сион* — гора в Иерусалиме, здесь: символ Иудеи. *Десная* — десница, правая рука. *Деир* — местность в Вавилонии, где, по библейскому преданию, Навуходоносор установил громадный золотой истукан — кумир. *Иегова* — иудейский бог.

79. «Москвитянин», 1850, № 9, с. 1. Печ. по изд. 1861, с. 100. В стихотворении в религиозной форме выражена мечта Хомякова о гармоническом братстве людей, об освобождении крестьян; характерно, что поэт осмелился (правда, завуалированно) изложить эти идеи в самый разгар «мрачного семилетия». П. И. Бартенев, относивший данное стихотворение к пасхе 1849 г., истолковывал слова о «конченном плене» как намек не только на раскрепощение народа, но и на готовящийся поход «для спасения австрийских славян от венгерского порабощения» (изд. 1910, с. 151).

80. «Московский сборник», 1852, т. 1, с. 141. В переводе В. Бендля на чешский язык — «Blahověst», 1855, № 2, s. 114. *Сион* — см. при-

меч. 78. *Синай* — гора в Малой Азии; в первых трех строфах говорится о легендарных библейских событиях, происшедших с еврейским народом во время его возвращения из египетского плена.

81. Изд. 1861, с. 111. Автографы: под загл. «Стихи на Лазареву субботу» — ГИМ, под загл. «На Лазарево воскресенье» — ЦГАЛИ. Дата (1853) в изд. 1861 ошибочна, так как автограф ГИМ включен в письмо Хомякова к П. М. Бестужевой от 31 октября 1852 г.; здесь же Хомяков сообщает, что стихотворение — первое произведение после смерти жены (ГИМ). Жена Хомякова — Екатерина Михайловна — умерла 26 января 1852 г., и Хомяков несколько месяцев находился в тяжелой депрессии. *Лазарь* — евангельский персонаж, любимец Христа, воскресившего его из мертвых.

82. РБ, 1856, № 1, с. 2. Два автографа, под загл. «Вечерняя песнь» и «Вечер. Свете тихий», — ГИМ; два автографа под загл. «Вечерняя песнь» и один под загл. «Вечер» — ЦГАЛИ. Датируется по письму Хомякова к П. М. и П. А. Бестужевым, при посылке автографа, где сообщается о смерти Е. М. Хомяковой как о прошлогодней (см. примеч. 81) и о посещении театра, где ставится новая пьеса Островского (в 1853 г. была поставлена комедия «Не в свои сани не садись»; премьера — 14 января). В том же письме — автокомментарий: «Не правда ли, что эти стихи поют? Я ими очень доволен. Они не переложение церковной песни, но отчасти напоминают чувство, которое выражено в песни «Свете тихий». Впрочем, они грустнее и не так торжественны; но вечер и молитва, кажется, выражены. А как бы вы думали, они написаны в бессонную ночь после театра» (ГИМ). Хомяков очень ценил песенное начало в поэзии: «Тупа та критика, которая... в Жуковском, в Пушкине и еще более, может быть, в Лермонтове не видит живых следов старорусского песенного слова и которая не замечает, что эти следы всегда живы и сильно потрясают русского читателя, согревая ему сердце чем-то родным» (т. III, с. 111).

83. РБ, 1857, № 4, с. 79. Печ. по изд. 1861, с. 116. Автографы — ГИМ (с точной датой), ИРЛИ. Перепечатано (без имени автора) в герценовской «Полярной звезде на 1859 год», кн. 5, с. 44. Вошло в РПЛ. Возможно, реминисценция стих. М. А. Дмитриева «Жаль мне вас, младые девы. . .» («Москвитянин», 1842, № 1, с. 1): сходны первые строки и ритм стихотворений.

84. Изд. 1861, с. 114. Вошло в РПЛ. *Уж Нил и Ливан взволновались. . .* Имеется в виду освободительное движение народов Египта, Ливана, Сирии против турецкого ига (впрочем, в начале 1850-х годов лишь в Сирии и Ливане положение было напряженным). *Месяц двурогий* — см. примеч. 77.

85. РБ, 1859, № 1, с. 1. Автограф без загл. — ГИМ. Вошло в РПЛ. Датируется согласно письму Хомякова к П. М. Бестужевой от марта 1854 г., с которым посылались автографы данного стихотворения и стих. 86, и более точной записи в копии П. И. Бартенева: «Москва. Марта 22 1854» (ИРЛИ, ф. 234). Стихотворение написано в разгар войны России с Турцией, на стороне которой выступили

также Англия и Франция (Восточная война 1853—1856 гг.). Хомяков возлагал на эту войну большие надежды, считая, что успех России может привести к освобождению порабощенных славян; тем большее его ждало разочарование, когда Россия стала терпеть от союзных войск одно поражение за другим: «Не радуют известия из Севастополя. Много там льется дорогой крови и без плода, и без пользы: наследство des incapacités (неспособности. — *Б. Е.*), оставленное покойным государем своему преемнику, тяжело отзывается для России» (т. VIII, с. 421; письмо к М. С. Мухановой). *Двуглавый орел* — герб России. *Одноглавый орел* — герб Франции. *Скачущий лев с однорогим конем* — герб Англии. *Флаг под звездами ночными* — флаг Соединенных Штатов Америки (Хомяков отметил это словом «Америка» справа от строки в автографе ГИМ; вероятно, эти строки были вызваны слухами о возможности вступления США в войну; в действительности Америка в этой войне сохранила нейтралитет). *Царьград* — Константинополь, столица и символ Византийской империи, павший под натиском турецких войск в 1453 г. Хомяков считал, что омертвение и растление бюрократизирующейся империи вызвало историческую («божью») кару — турецкое завоевание; см. обширное примечание Хомякова к статье «Голос грека в защиту Византии» (РБ, 1859, № 2). *Отман* — оттоман, турок. *Страшный боец* — вероятно, Наполеон I (ср. стих. 65).

86. РБ, 1856, № 1, с. 3. Автограф без загл., с измененными ст. 1, 3, 18 — ГИМ, в том же письме Хомякова к П. М. Бестужевой, где и стих. 85, поэтому может быть датировано также 22 марта 1854 г. (см. примеч. 85). Н. Г. Чернышевский, изменив интонацию и смысл (место запятой), использовал ст. 5 для пропаганды просветительских идей: «Лозунгом у нас должны быть слова поэта: *Ты вставай, во мраке спящий брат!*» (Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. 3, М., 1947, с. 352).

87. РБ., 1860, № 2, Приложение, с. 15, без загл. Печ. по изд. 1861, с. 122. Вошло в РПЛ. В большинстве источников датировалось «март 1854»; в списке П. А. Плетнева указана точная дата (ИРЛИ, ф. 234). Посылая стихотворение графине А. Д. Блудовой, Хомяков комментировал его: «От печати я удален; но мне кажется, такие стихи должны быть полезными, призывая к сериозному пониманию великого дела, к которому мы идем. Разумеется, если б можно было думать о печати, я сказал бы, что слова «И игом рабства клеймена» (слишком резко определяющие крепостное состояние) можно заменить «И двоедушьем клеймена». Также поставить другое — на место «всякой мерзости полна». Но вообще полагаю, что нельзя и воображать, чтоб такой канон покаяния мог быть напечатан. А все-таки скажу: в минуту тяжелой войны, конечно, не время ни человеку, ни обществу исправляться, а время искренно сознаваться в своих грехах обществу, также как и человеку. Согласитесь ли вы со мною? Во всяком случае надеюсь, что вы признаете, что я говорю не по духу эгоистического фрондерства» (т. VIII, с. 405—406). Примечание П. И. Бартенева: стихотворение «пробудило негодование не только петербургских властей (в особенности наследника престола), но и многих москвичей. Н. В. Арсеньева написала к Хомякову послание,

начинавшееся словами „Стыдись, о сын неблагодарный, отчизну — матерь порицать“» (изд. 1910, с. 183). Действительно, в обстановке шовинистических настроений не только официозные круги, но и консервативная интеллигенция, офицерство, мещанство с разных позиций, но одинаково враждебно отнеслись к стихотворению. Хомяков признавался К. С. Аксакову: «Меня заваливают по городской почте безымянными пасквилями (даже с онерами извозчичьей речи), а в клубе называли даже изменником, подкупленным англичанами» (т. VIII, с. 346). «Профессор Бодянский записал о том, что большинству они (стихи «России». — *Б. Е.*) показались «неуместными»; он без видимого неудовольствия передает о постигших автора административных мерах, шуточно добавляя свой рассказ пословицей: «На веку, не на боку — достанется и Хомяку». Князь Вяземский писал: „Подобает быть почтительнее и вежливее с матерью своею; добрый сын Ноя прикрыл плащаницею слабость и стыд своего отца“» (т. IV, с. 420). Особенно старалась противодействовать влиянию стихотворения графиня Е. П. Ростопчина, сочинившая ответ («Сам бог сказал: чти мать свою! ..»). И. В. Киреевский писал А. И. Кошелеву 1 июня 1854 г.: «Графиня Ростопчина докричалась до того, что наконец ей поверило правительство... И вследствие этого Хомякова... теперь призывали к графу Закревскому и по предписанию III Отделения взяли с него расписку в том, что он никому не будет сообщать своих сочинений прежде, чем их утвердит цензура» (И. В. Киреевский, Полн. собр. соч., т. 2, М., 1911, с. 281). П. И. Бартенев, очевидно со слов самого Хомякова, рассказывает о визите поэта к графу Закревскому: «Его обязали не печатать стихов своих и даже не читать их. «А матушке можно?» — спросил Хомяков издавна знавшего его и его семейство генерал-губернатора. „Матушке можете читать, — сказано в ответ, — и пожалуйста передайте ей мое почтение“» (т. VIII, с. 318). Многие настолько принимали Хомякова за «революционера», что при распространении в конце 1854 г. радикальных антиправительственных стих. П. Л. Лаврова «Русскому народу» и «Русскому царю» обвинение в авторстве пало... на Хомякова: «призывали его и допрашивали, он смог доказать свою неприкосновенность к ним» (Е. А. Штакеншнейдер, Дневник и записки, М.—Л., 1934, с. 146); П. Л. Лавров, не желая, чтобы другой автор страдал из-за него, чуть ли не выдал себя правительству (там же; ср. Барсуков, т. 14, с. 292—293). По указанию П. И. Бартенева, высылка Хомякова из Москвы «была почти решена и не состоялась только по энергичному заступничеству гр. Д. Н. Блудова» (РА, 1895, № 9, с. 281). Стихотворение разошлось в громадном количестве списков и пользовалось большим успехом в прогрессивных кругах общества, ибо если не все произведение в целом, то строфа 4 по силе обличения занимает в бесцензурной публицистике николаевской эпохи одно из центральных мест. Т. Г. Шевченко полностью переписал стихотворение (под загл. «Кающаяся Россия» и с некоторыми искажениями) в свой дневник от 4 сентября 1857 г. и назвал его «глубоко грустным». Отрывки из стихотворения неоднократно цитировались в демократической печати; см., например, в герценовском «Колоколе»: «Или вам кажется, что еще недовольно там беспорядка и всякой мерзости, которой так полна Россия, по выражению Хомякова» (1865, 1 марта, с. 1601).

88. РБ, 1860, № 2, Приложение, с. 17, без загл. Печ. по изд. 1861, с. 124, с исправлением ст. 12 (в изд. 1861—«Идешь»). Автокомментарий Хомякова из письма к А. Н. Попову от 4 апреля 1854 г.: «Мне вдруг стало как-то жаль, что я нашей Руси наговорил столько горьких истин, хоть и в духе любви; стало как-то тяжело. Ведь если я сказал, и если другие прочли и, любя Россию, в то же время не слишком рассердились на меня: разве уж это не покаяние?.. Я написал другую пьесу вчера и посылаю ее вам» (т. VIII, с. 406). Ср. стих. и примеч. 87.

89. РБ, 1856, № 1, с. 1. Автограф с незначительными отклонениями в ст. 13—14 — ЦГАЛИ, под загл. «Чтение Нового завета». Стихотворение, возможно, навеяно чтением книги швейцарского протестантского богослова Винэ «Discours sur quelques sujets religieux» («Речь по поводу некоторых религиозных сюжетов»), 1831 (см. т. IV, с. 417—419). Было также высказано предположение о связи стихотворения с идеями Канта, см.: Ю. Б⟨артенев⟩, Заметка о стихотворении А. С. Хомякова «Звезды». — РА, 1899, № 11, с. 452—453. *Галилейские рыбаки.* По библейскому преданию, многие пророки и евангелисты были простыми людьми из Галилеи, северной части Палестины.

90. «Известия имп. Академии наук», отд. рус. яз. и словесности, 1856, № 6, с. 73. Печ. по РБ, 1857, № 1, с. 1. Польский перевод А. Одынца — «Teka Wileńska», 1858, № 3, s. 13. Примечание П. И. Бартенева: «Писано по поводу освящения Исаакиевского собора» (изд. 1910, с. 200) — не соответствует истине, так как освящение собора происходило 30 мая 1858 г. Стихотворение навеяно чтением псалма 49 (Асафова). Однако заключение, так сказать позитивная программа, не имеет аналогии в псалме.

91. РБ, 1856, № 2, с. 52; «Москвитянин», 1856, № 9, под загл. «Пророк». Печ. по изд. 1861, с. 118. Автограф с незначительными разночтениями в ст. 19—20 и с точной датой — ГПБ. Стихотворение связано с ожиданием перемен после смерти Николая I и падения Севастополя и с разочарованием, вызванным закостенелостью бюрократического государственного аппарата. Как вспоминал М. П. Погодин именно в связи с данным стихотворением, Хомякова огорчало «последовавшее старание предать забвению постигшее нас несчастие (поражение в войне. — *Б. Е.*), замазать, заштукатурить наши пробои» (РБ, 1860, № 2, Приложение, с. 20). В письме к Ю. Ф. Самарину от 3 октября 1858 г., в ответ на желание адресата ускорить исторический ход, Хомяков излагает ему концепцию исторической закономерности, не всегда соответствующей личным идеалам, но считает вполне естественной страстную жажду перемен и ссылается на данное стихотворение, отразившее такое настроение, называя «пьесу» «может быть, самой личной изо всех мною писанных» (т. VIII, с. 296).

92. РБ, 1856, № 3, с. 1, под загл. «26 августа». Печ. по изд. 1861, с. 128. Авторизованная копия рукой Д. А. Хомякова — ГИМ. Посвящено коронованию Александра II в Москве. Хомяков писал А. Ф. Гильфердингу 12 сентября 1856 г.: «Самой коронации я не

видал... тут явились двое сербов из Триеста, приехавших собственно для этого. У них билетов не было; я отдал свои... Оставшись дома, написал стихи, которые посылаю к вам. Барыня одна критиковала последнюю строфу: «С чего он вздумал про душу говорить? Об этом и Филарет не говорил». Ведь не дурно!» (т. VIII, с. 326—327). Филарет — московский митрополит. Хомяков, как и все славянофилы, был искренним монархистом; пороки самодержавного строя и при Николае I, и при Александре II он был склонен объяснять недостатками современной общественно-политической системы, оправдывая при этом царей лично; вот как Хомяков истолковывал, например, действия Николая I: «Его ошибки были ошибки в понятиях и в ложной системе; но он был честный труженик... Человек отвечает только за свою волю» (т. VIII, с. 325). И все проволочки Александра II с проведением крестьянской реформы (как и враждебное отношение царя к славянофилам) Хомяков пытался объяснить давлением консервативного придворного окружения на мнения и волю Александра II (т. VIII, Приложения, с. 54—55).

93. РБ, 1858, № 1, с. 2. Автограф — ИРЛИ. *Давыдов сын* — Соломон, израильский царь (XI в. до н. э.), сын царя Давида (см. примеч. 70); по библейскому преданию, в начале своего царствования отличался простотой и мудрыми распоряжениями, приведшими страну к миру и процветанию.

94. РБ, 1858, № 3, с. 20. Стихотворение включено в текст статьи Хомякова «Картина Иванова. Письмо к редактору», где картина А. А. Иванова (1806—1858) «Явление Христа народу» трактуется как одно из высших достижений религиозной живописи. Хомяков очень подружился с Ивановым во время его кратковременного, перед смертью, пребывания в России (см. т. VIII, с. 160). М. А. Хомякова (дочь) вспоминает: «Весной в мае мы поехали с отцом в Петербург смотреть на картину Иванова, которую он только что привез. Мой отец в первый раз его видел, мы ходили с ним по Эрмитажу. Спор, кто выше как колорист — Рубенс или Веласкец; Иванов и я стояли за Веласкеца... Мой отец много говорил с Ивановым об его будущих планах, тот ему говорил, что он останется в России... «Вероятно, поселится в Москве или в Киеве», — сказал мой отец... Мы пробыли недолго в Петербурге, весна была очень холодная, и мой отец еще не совсем оправился, но очень живо относился к Иванову и выслушивал и спорил с своими петербургскими друзьями до поздней ночи и почти до утра» (ГИМ).

95. Альманах «Утро», М., 1859, с. 367 (ц. р. 15 декабря 1858 г.). Печ. по изд. 1861, с. 138. По свидетельству П. И. Бартенева (изд. 1910, с. 205), стихотворение посвящено Н. А. Муханову (см. примеч. 25).

96. РБ, 1858, № 2, с. 1.

97. «Парус», 1859, 3 января, с. 2. Автограф газетного текста — ИРЛИ. Газета «Парус», издававшаяся И. С. Аксаковым, должна была стать основным публицистическим органом славянофилов. Хомяков специально написал данное стихотворение для первого номера

газеты. Однако И. С. Аксаков справедливо опасался цензурных репрессий и взывал к цензорам, явным и тайным, в передовице: «Мы обращаемся ко всем подводным владыкам... от Нептуна... до русского синего водяного, с... русалками и со всем их причтом: да даруют они нам плавание ровное и безмятежное». Однако «Парус» все-таки был запрещен на втором номере. Хомяков по этому поводу сочинил пятистишье и прочитал его 2 февраля 1860 г. на заседании московского «Общества любителей российской словесности»:

Хранители стихии голубой,
Русалки вод и синий водяной,
К мольбам безжалостно глухие,
Собрали под его кормой
Пески и камни роковые.

(РА, 1866, с. 771).

98. РБ, 1859, № 2, с. 2. Автограф журнального текста — ЦГАЛИ. Возможно, стихотворение навеяно размышлениями по поводу письма Е. С. Шеншиной (1858), спрашивавшей Хомякова, в связи со смертью мужа, чему ей посвятить жизнь. Хомяков ответил ей кратким письмом, усматривая «подвиг жизненный» в творении добра и заключив так: «Пережить горе настоящее нельзя да и не дай бог; но мне часто в утешение приходит чувство и ясное сознание того, чем и как многим внутри себя обязан я моей покойной Катеньке, и часто слышатся мне внутренние упреки за то, что я далеко не разработал и не разрабатываю все наследство духовного добра, которое я получил от нее. Дай бог вам свой подвиг совершить лучше моего» (т. VIII, с. 415).

99. РБ, 1859, № 3, с. 4. Печ. по изд. 1861, с. 143. В копии П. И. Бартенева указание: «Читано в «Обществе любителей российской словесности» 26 апреля 1859 г.» (ГИМ).

100. РБ, 1859, № 6, с. 1. Примечание П. И. Бартенева: «Писано перед войною Франции с Австриею, в случае распадения которой предстояло проснуться славянскому племени» (изд. 1910, с. 219). Австро-франко-итальянская война происходила в мае-июне 1859 г. *Гул растет, как в спящем море* и т. д. В. С. Соловьев в письме к графине С. А. Толстой (вдове А. К. Толстого) от 14 мая 1877 г. приводит ст. 29—32 для подтверждения своих предчувствий значительных и необходимых перемен в мировой истории (см. В. С. Соловьев, Письма, т. 2, СПб., 1909, с. 201). *Тук* — см. примеч. 59.

101. РБ, 1859, № 5, с. 1. Беловой автограф — ГИМ. Датируется на основании сравнения письма к И. С. Аксакову, в котором Хомяков посылает стихотворение (т. VIII, с. 375; письмо 8), с датированными письмами 6 и 7 (17 июля и 6 сентября 1859 г.). Примечание П. И. Бартенева: «Это последнее стихотворение Хомякова. За несколько месяцев до кончины он говорил М⟨арии⟩ Сергеевне М⟨ухановой⟩ о предчувствии своей кончины, а А. И. Кошелеву выражал уверенность, что жизненный подвиг его окончен» (изд. 1910, с. 221).

102. Отрывки — МВ, 1828, № 4, с. 397—402 (д. I, явл. 1—3; др. ред.); МВ, 1829, № 1, с. 113—130, 208—209 (д. III, явл. 6—9; д. IV, явл. 3); «Денница. Альманах на 1830 год» (ц. р. 12 декабря 1829 г.), с. 250—254 (д. III, явл. 1; д. V, явл. 3); «Театральный альманах на 1830 год» (ц. р. 22 апреля 1830 г.), с. 30—39 (повторно — д. III, явл. 8—9). Печ. по отд. изд., М., 1832 (ц. р. 10 августа 1831 г.), с исправлениями по автографам. Черновой автограф — ГИМ; беловой автограф (цензурный экз.) — ЛТБ.

Хомяков писал трагедию в Париже, в конце 1825 — начале 1826 г.

В одной газетной рецензии на постановку «Ермака» приводятся, очевидно со слов близких к Хомякову лиц, сведения о работе над пьесой, которые можно считать достоверными, исключая год (в 1824 г. Хомяков еще был в России): «Он написал сию пьесу в Париже, в 1824 году. Смотря на игру Тальмы, он питался вдохновением гения, и только на время его представлений оставляя свою работу, совершил труд свой в пять недель *затворничества* в столице Франции. Потом, по возвращении в отечество, он рачительно пересматривал труд свой, пользуясь советами друзей-поэтов, между прочими, покойного Веневитинова» («Северная пчела», 1829, 3 сентября). По-видимому, к весне 1826 г. пьеса была вчерне готова, о чем можно судить по письму к Хомякову его отца, Степана Александровича, от 3 мая 1826 г.: «С последним письмом твоим я получил отрывки твоей трагедии, и они показались мне очень выразительными и естественными... Мне очень хочется поскорее прочесть всё. Последний монолог умирающего Ермака очень естественен: именно так он должен был выражаться, и его пылкость, когда он говорит о славе, — чувство необыкновенно возвышенное. Первый отрывок, намекающий на призвание поэта, не представляет таких достоинств. Не побойся скуки и постарайся списать и прислать мне всё» (т. VIII, Приложения, с. 16). В июне 1826 г. рукопись «Ермака» уже была в руках московских друзей Хомякова. Погодин, получив пьесу от Д. В. Веневитинова, сделал о ее прочтении запись в дневнике от 3—4 июля (Барсуков, т. 2, с. 30—31, 410). Хомяков приехал в Москву, очевидно, в сентябре — начале октября 1826 г., почти одновременно с Пушкиным, возвращенным из ссылки; в доме Веневитиновых 12 октября состоялось чтение «Бориса Годунова», а 13-го, по настоянию Пушкина, — «Ермака». По воспоминаниям Погодина, все находились под впечатлением пушкинской трагедии и «Ермака» слушали невнимательно; общее мнение было не в пользу пьесы, отмечали лишь достоинство отдельных лирических мест (там же, с. 45). Весьма проницателен был отзыв старшего брата, Ф. А. Хомякова. Сообщая в письме к драматургу от 3 декабря 1826 г. об организации нового журнала «Московский вестник», он говорит об издателях: «Будут просить и из «Ермака». Но мой совет был бы еще ничего из него не давать, а поберечь его еще годик у себя, да переправить, дать бы лицам тон, характер и язык времени и народа, исключая одного главного лица, которое тогда еще более выставится в свет противуположностью. Веневитинова и Пушкина клевреты не понимают тебя. Я понял; но вижу, что ты не исполнил своего предназначения. Какое-то музыкальное чувство увлекло тебя подвесть под один тон все речи; но и вы-

сокая гармония должна являться в противоположностях. Мещеряк не должен быть ни Ермаком, ни тобой, ни Мефистофелесом, ни Катилиной, а казаком с сильной разбойничьей душой. Так и прочие. Объясни чем-нибудь просвещение, отличающее Ермака» (РА, 1884, № 5, с. 225).

В 1827 г. Хомяков отдал «Ермака» в театральную цензуру, которая, руководствуясь свирепым цензурным уставом 1826 г., изъяла много стихов, особенно посвященных злодействам Иоанна Грозного. Следует также учесть, что в цензурном экз. и в режиссерской копии «Ермака» (ЛТБ) имеется много зачеркнутых чернилами и карандашом отрывков, что объясняется не цензурными причинами, а скорее экономией времени при постановке.

По предложению члена Комитета управления имп. санкт-петербургскими театрами графа М. Ю. Вьельгорского «Ермак» был принят к постановке на заседании Комитета 30 ноября 1828 г. (ЦГИАЛ, ф. 497). С каждого представления Хомяков должен был получать 1/15 сбора. Премьера трагедии состоялась в Петербурге, в Малом театре 27 августа 1829 г. Автор находился в это время на турецком фронте, на Дунае; зато все первые постановки регулярно посещал отец, Степан Александрович, так описавший премьеру «Ермака» в письме к А. В. Веневитинову от 30 августа: «Малый театр, где его давали, был полон до невероятности, и успех был блистательный. Неимоверно, какое влияние он произвел при превосходной игре Каратыгина. Рукоплескания были оглушительны, и при окончании вызывали автора, и Каратыгин, вероятно, от некоторой зависти, просто сказал, что его нет в театре, а не прибавил, что он под Шумлою, хотя и было ему сие известно. После вызова автора вызывали и Каратыгина» (Барсуков, т. 2, с. 312).

В спектакле были заняты лучшие артисты петербургской драматической труппы: кроме В. А. Каратыгина (в роли Ермака), участвовали Я. Г. Брянский (Мещеряк), Н. О. Дюр (Молодой казак), П. И. Григорьев (1-й казак), Борецкий (Шаман), воспитанница М. Семенова (Ольга).

Помимо премьеры, «Ермак» ставился в Петербурге (в том же исполнении, но на разных сценах): 10 и 17 сентября (Малый театр), 9 октября (Большой театр) и 17 декабря (Малый театр) 1829 г.; 8 января (Большой театр), 25 апреля (Новый театр), 12 сентября (Новый театр) 1830 г.; 29 апреля 1831 г. (там же); 19 февраля 1832 г. (там же); 27 и 31 июля 1832 г. (Большой театр, в сборной программе — сцена из 3-го действия); 17 августа (Большой театр, вся пьеса) и 7 декабря 1833 г. (Новый театр). В отчетах о спектаклях, хранящихся в ЦГИАЛ, содержатся следующие записи инспекторов: «Ермак просится в отставку» (8 января 1830 г.); «Каратыгин был вызван. Лодка скрипела от немазанных колес, и пьяный плотник в антракте начал было подымать занавес» (25 апреля 1830 г.); «Каратыгин играл прекрасно и был вызван» (12 сентября 1830 г.); «Спектакль шел очень хорошо, по окончании коего вызван был г. Каратыгин» (29 апреля 1831 г.); «Спектакль шел хорошо, по окончании вызваны гг. Каратыгин и Брянской» (19 февраля 1832 г.); «В продолжение всего спектакля сидевший в первом ряду уланский офицер Полонский отличался шиканьем и громкою бранью русской труппы» (27 июля 1832 г.); «Трагедия шла хорошо. Вызван Караты-

гин» (17 августа 1833 г.); «Спектакль шел очень хорошо. Вызван был г. Каратыгин» (7 декабря 1833 г.).

Все три указанных театра ныне не сохранились; помещались они: Большой — на Театральной пл., на месте Консерватории; Малый — на пл. Островского, перед нынешним Академическим театром драмы им. А. С. Пушкина; Новый — на пл. Ломоносова, перед Чернышевым мостом.

С. А. Хомяков усиленно хлопотал о постановке пьесы сына и в Москве. Директор императорского Московского театра Ф. Ф. Кокошкин запросил 11 сентября 1829 г. и получил 23 октября из Петербурга копию «Ермака» (ЦГИАЛ, ф. 497), сам П. С. Мочалов решил в 1830 г. избрать «Ермака» для своего бенефиса (предпочтя его «Фаусту» Гете! — см.: Барсуков, т. 3, с. 69), но из-за каких-то обстоятельств (главной причиной явилась, очевидно, эпидемия холеры) постановка «Ермака» в Москве не состоялась. Из хвалебной рецензии С. П. Шевырева (МН, 1835, № 1) мы узнаем, что в 1835 г. «Ермак» был поставлен в Московском театре при участии петербургских гостей, с В. А. Каратыгиным в главной роли.

Более мягкий цензурный устав 1828 г. позволил автору при печатании отрывков в МВ восстановить изъятые места; восстановлены были эти места и в отд. изд. 1832 г. (П. И. Бартенев, имея на руках список ранних цензурных изъятий, составленный С. А. Хомяковым, и не сверив эти изъятия с текстом отд. изд., опубликовал их как бы впервые в РА, 1897, № 2).

Отзывы о театральных постановках («Северная пчела», 1829, 3 сентября, статья М. А. Яковлева; «Московский телеграф», 1829, № 17, статья Я. С-ва) и об отд. изд. («Северная пчела», 1832, 20, 21 мая, статья В. А. Ушакова; «Московский телеграф», 1832, № 6, статья К. А. Полевого) при всем различии мнений объединяются общими замечаниями о чрезмерной растянутости пьесы и неестественности языка героев. Отзывы Пушкина и Белинского — см. во вст. ст. к наст. изд., с. 12.

В основу пьесы положены реальные факты: атаман волжских казаков-разбойников *Ермак Тимофеевич* (ум. 1584), спасаясь от московских воевод, оказался со своей дружиной сперва в Приуралье, а затем в Сибири; в 1581 г. дружина Ермака разбила войска сибирского хана *Кучума* (до 1540 — ок. 1600) и в течение трех лет с непрерывными боями завоевывала район Оби и Иртыша. В августе 1584 г. небольшая группа казаков вместе с Ермаком попала в засаду и была истреблена ночью во время сна. Реально существовавшие атаманы у Ермака — *Иван Кольцо* (ум. 1584) и *М. Мещеряк.* Кольцо был послан с дарами к Иоанну IV Грозному, и тот одобрил сибирский поход Ермака. Все остальное в пьесе — вымысел. Вряд ли, будучи в Париже, Хомяков пользовался какими-либо историческими источниками; даже «Сибирскую летопись», как можно судить по письму Хомякова к Погодину, он прочитал в 1832 г., незадолго до выхода в свет отд. изд. пьесы (Барсуков, т. 4, с. 30).

Литературные источники пьесы также скудны; наиболее известным было лирическо-драматическое стих. И. И. Дмитриева «Ермак» (1794), мало что дававшее для сюжета; драматическая сцена Ан. Муравьева «Ермак», опубликованная в альманахе «Северная лира на

1827 год» (ц. р. 1 ноября 1826 г.), вышла в свет тогда, когда пьеса Хомякова уже была написана.

Эпиграф — из кн. «Летопись сибирская...», СПб., 1821, изданной Гр. Спасским (эпиграф же и текст на с. 35).

Действие I. Явление 8. *Кучумова столица* — г. Сибирь (находился при впадении р. Сибирки в Иртыш). *Ее любил так пламенно, так нежно.* Возможно, эта строка повлияла на стих. А. С. Пушкина «Я вас любил: любовь еще, быть может...» (1830): «Я вас любил так искренно, так нежно». Явление 10. *Зайсан* — озеро в Казахстане, откуда вытекает р. Иртыш. Явление 11. *Остяки* — сибирская народность хантэ.

Действие II. Явление 1. *Моя душа такою грустью сжата.* Возможно, навеяно репликой Чацкого: «Душа здесь у меня каким-то горем сжата» («Горе от ума», действие III, явл. 22).

Действие III. Явление 2. *Град царей священный* — вероятно, Царьград, Константинополь, бывшая столица Восточно-римской империи. *Воротынский* М. И. (ум. 1577) — боярин, организатор разгрома войска крымского хана, подступавшего к Москве (1572); был заподозрен Иоанном IV в чародействе и измене, подвергся зверским пыткам, от которых умер. Явление 3. *Пан* Никита — исторически существовавший атаман Ермака. Явление 4. *Кромечники* — опричники. *Скуратовы* — дворянский род, давший Иоанну IV нескольких придворных, из которых особенно знаменит своей жестокостью Г. Л. Скуратов-Малюта (ум. 1572). *Гонитель угодников христовых* — Иоанн IV, по приказу которого был задушен неугодный ему митрополит Филипп. *Спаситель России* — М. И. Воротынский (см. выше). *Щелкалые* (Щелкаловы) — Андрей (ум. ок. 1598) и Василий (ум. 1611) Яковлевичи — думные дьяки, дипломаты и политические деятели, приближенные Иоанна Грозного. *Шуйские* — древний княжеский род; Иван (ум. 1559) и Андрей (ум. 1543) Михайловичи — выдающиеся воеводы эпохи Иоанна Грозного. *Глинские* князья, Георгий (ум. 1547) и Михаил Васильевичи, — дядья Иоанна Грозного, временщики-правители, ненавидимые народом (Георгий был убит в Кремле разгневанными москвичами). *Рынды* — царские оруженосцы и телохранители. Явление 7. *Рача* — верховное божество сибирских язычников. *Кучум... покрыл свою главу... чалмою.* Кучум был мусульманином. *Мехмет Кула* — военачальник войск Кучума, разбитый и взятый в плен Ермаком (1583). *Бабр* (сиб.) — тигр. Явление 9. *Курбский* А. М., князь (ок. 1528—1583), — воевода в Юрьеве (Тарту), один из близких к царю людей; опасаясь гонений Иоанна, в 1563 г. бежал в Литву; в дальнейшем участвовал в военных походах против России.

Действие IV. Явление 1. *Намет* — насыпь.

Действие V. Явление 3. *Престол Казани.* Имеется в виду завоевание Казани русскими войсками и присоединение ее к России (1552). Явление 4. *Тара* — река, приток Иртыша.

103. Отд. изд., М., 1833 (ц. р. 20 апреля 1832 г.), с цензурными изъятиями. Печ. по РА, 1886, № 2, Приложение, с исправлениями по изд. 1833 г. Авторизованная копия — ГИМ.

Замысел трагедии мог возникнуть еще в памятный вечер 12 октября 1826 г. (см. примеч. 102 и вст. ст. к наст. изд., с. 12), когда

А. С. Пушкин после прочтения московским литераторам «Бориса Годунова» стал делиться своими дальнейшими замыслами: «Потом Пушкин начал рассказывать о плане «Дмитрия Самозванца», о палаче, который шутит с чернью, стоя у плахи на Красной площади в ожидании Шуйского» (Барсуков, т. 2, с. 45). Но приступил к работе Хомяков лишь во второй половине 1831 г. (может быть, не без влияния работ Н. Г. Устрялова — см. ниже). В дневнике от 15—17 мая 1831 г. М. П. Погодин сообщил о Хомякове: «Он будет писать еще „Самозванца"» (Барсуков, т. 3, с. 371). А в письме Погодина к С. П. Шевыреву от 21 декабря 1831 г. читаем: «Хомяков здесь пишет 4-е действие „Самозванца"» (там же, с. 372). В начале января 1832 г. Погодин сообщает тому же адресату, что Хомяков «пишет уже пятое (и последнее) действие „Самозванца"», а в дневнике 29 января записал: «У Хомякова принимал рождающегося „Самозванца"» (Барсуков, т. 4, с. 28). Весной 1832 г. Хомяков отвез трагедию в Петербург. Цензор В. Н. Семенов вычеркнул много острых мест (см. ниже в реальном комментарии), по исключении которых пьеса была допущена к печати. Хомяков решил, что цензура к нему «была милостива (только жаль, что сцену Шута не пропустила, и странно, что последний стих ей показался вредным)» (т. VIII, с. 32). Однако театральная постановка трагедии была запрещена: «Г-н Хомяков получил уже из ценсуры своего «Димитрия Самозванца», но ее ⟨так!⟩ нельзя играть на театре» («Молва», 1832, 23 августа, с. 272).

Еще до цензурного разрешения Хомяков читал пьесу в литературных салонах Москвы и Петербурга. Отзывы были противоречивыми. Вот несколько различных мнений М. П. Погодина из дневниковых записей от 21 февраля, 2 марта и 23 апреля 1832 г.: «Нет; неблагоустроенное целое, и драматического искусства ни на грош, а сцены блестящие, а стих чудо»; «Восхищался многими местами. Это блистательная историческая хроника»; «Увидел всю его несообразность. Какая это трагедия!» (Барсуков, т. 4, с. 28—29). Самым хвалебным был отзыв князя П. А. Вяземского в письме к И. И. Дмитриеву от 13 апреля 1832 г. (Хомяков читал пьесу в доме Карамзиных в присутствии Вяземского и Пушкина): «Хомяков читал нам свою трагедию «Дмитрий Самозванец», продолжение и в роде трагедии Пушкина, но в ней есть более лирического. Вообще, произведение очень замечательное и показывающее зреющий талант автора» (там же, с. 29). Печатные отзывы на отд. изд. были двойственными, но скорее похвальными. Таков отзыв «Московского телеграфа»: «Это произведение почитаем мы самым утешительным для нашей драматургии, во-первых, по собственному достоинству оного, во-вторых, по тем надеждам, какие возбуждает оно. Тут видно уже дарование гораздо более *зрелое* и более могущественное, нежели в «Ермаке»; виден взгляд мужа, а не юноши. Даже самые стихи г. Хомякова, почти всегда прекрасные, в «Димитрии» соответствуют изменениям драмы и страстей, изображаемых в ней, — они образуют какой-то язык поэтический, невольно обольщающий всякого, неравнодушного к изящному» (1834, № 5, с. 137). В. Г. Белинский в «Литературных мечтаниях» (1834) так охарактеризовал трагедию: «Г-н Хомяков принадлежит к числу замечательных талантов Пушкинского периода. Впрочем, его драма есть замечательный шаг вперед для автора, а не

для русской литературы. Отличаясь многими лирическими красотами высокого достоинства, она очень мало имеет драматизма» (Белинский, т. 1, с. 100). В рецензии на «Миргород» Гоголя (1835) Белинский «Димитрия Самозванца» счел «выше и занимательнее» драмы Н. В. Кукольника «Торквато Тасс» (там же, с. 173). Однако впоследствии, в период полемики со славянофилами, в обзоре «Русская литература в 1843 году», Белинский несравненно суровее оценил трагедию: «В «Самозванце» уже не только одни лирические ощущения и чувствования, но и кое-какие доморощенные идеи о русской истории и русской народности; стихи так же хороши, как и в «Ермаке», местами довольно удачная подделка под русскую речь и при этом совершенное отсутствие всякого драматизма; характеры — сочиненные по рецепту; герой драмы — идеальный студент на немецкую стать; тон детский, взгляды невысокие, недостаток такта действительности совершенный» (Белинский, т. 8, с. 66).

В отличие от «Ермака», для «Димитрия Самозванца» Хомяков использовал много исторических источников, прежде всего — «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина и мемуары современников — иностранцев. Характерно, что как раз незадолго до начала и затем в процессе работы Хомякова над трагедией Н. Г. Устряловым были изданы в переводе на русский язык «Сказания современников о Димитрии Самозванце» (чч. 1—3, СПб., 1831—1832), из которых особенно ценны ч. 1, летопись московского лютеранского пастора Бера, и ч. 3, воспоминания Маржерета. См. также эпиграф, взятый из анонимного сочинения какого-то деятеля начала XVII в.

Из художественных источников вряд ли оказали автору какую-то помощь старые трагедии «Димитрий Самозванец» А. П. Сумарокова (1771) и В. Н. Нарежного (1804), безнадежно устаревшие к тридцатым годам; неизвестно даже, был ли Хомяков знаком с ними. Из современных произведений большое влияние на трагедию оказал пушкинский «Борис Годунов» (см. реальный комментарий; частично заимствования перечислены в кн.: Г. А. Гуковский, Пушкин и проблемы реалистического стиля, М., 1957, с. 68—69; частично указаны Ю. Д. Левиным); использовал Хомяков и роман Ф. В. Булгарина «Димитрий Самозванец» (СПб., 1830); в частности, представления Хомякова о Димитрии как воспитаннике иезуитов, отвергнутое Пушкиным, может восходить именно к роману Булгарина (как, впрочем, и к первоисточнику — сочинению митрополита Платона «Краткая церковная история», СПб., 1823, использованному Булгариным). Но в отличие от булгаринского Самозванца, хитрого, расчетливого, лицемерного, герой Хомякова несравненно более благороден.

Основная сюжетная канва трагедии основывается на исторических фактах. *Лжедимитрий* (ок. 1580—1606), происхождение которого неясно (но достоверно известно, что он выходец из России, учился в Польше), распространил слух о своем царском происхождении, тогда как реальный Димитрий (1581—1591), младший сын Иоанна IV, был зарезан в Угличе наемными убийцами, действовавшими, вероятно, по наущению *Бориса Годунова* (ок. 1551—1605), опасавшегося Димитрия как единственного законного наследника на престол (Хомяков, в отличие от Карамзина и Пушкина, считал Годунова, вслед за историком М. П. Погодиным, невиновным в убий-

стве — см. примеч. 71). Лжедимитрий стал известен при дворе польского короля *Сигизмунда III* (1566—1632). Папский нунций (посол) в Польше *Рангони* обратил Лжедимитрия в католичество (1604). Сблизившись с сендомирским воеводой Юрием *Мнишком* (ум. 1613), Лжедимитрий предложил в 1604 г. руку его дочери *Марине* (ум. 1614), ответившей согласием. В 1604 г. Лжедимитрий с небольшим войском вступил на русскую землю, всюду распространяя слух о себе как о законном царе. Вначале отряд Лжедимитрия терпел ряд поражений от русских войск под командованием П. Ф. *Басманова* (ок. 1560—1606), кн. Ф. И. *Мстиславского* (ок. 1550—1622), кн. В. И. *Шуйского* (1547—1612), но в дальнейшем, используя нелюбовь народа к Борису Годунову, добился военных успехов. В апреле 1605 г. умер Борис, бояре в большинстве своем (прежде всего П. Ф. Басманов) перешли на сторону самозванца, и в июне 1605 г. Лжедимитрий вступил в Москву царем. Примерно в это время и начинается I действие трагедии, ибо уже через несколько дней после воцарения Лжедимитрия В. И. Шуйский за распространение слухов о самозванстве был судим, приговорен к казни, но прощен. Действия III—V происходят почти через год после I—II, в мае 1606 г.: 3 мая Марина Мнишек с большой польской свитой въехала в Москву, 8 мая состоялась свадьба и коронование ее как русской царицы, а в ночь с 16 на 17 мая бояре во главе с В. И. Шуйским, воспользовавшись народным гневом против иноземцев — поляков, захватили Кремль; Лжедимитрий был убит дворянами Григорием *Валуевым* (ум. после 1624 г.) и И. В. *Воейковым* (ум. 1606). В. И. Шуйский, опасаясь, что выборные от городов и сословий (земский собор) могут предпочесть ему других бояр, с помощью своих людей самовольно захватил престол. Большинство героев трагедии, исключая второстепенных персонажей, — реальные исторические лица: царица *Марфа* (ум. 1612) — Мария Федоровна, седьмая жена Иоанна IV, мать царевича Димитрия; М. В. *Скопин-Шуйский,* князь (1587—1610) — талантливый военачальник; А. П. *Куракин,* князь (ум. 1615) — воевода; А. И. *Власьев* — думный дьяк, дипломат, при Лжедимитрии — посол в Польше; А. *Вишневецкий* — польский князь, у которого жил, до объявления себя царем, Лжедимитрий; Я. *Бучинский* (ум. после 1609) — секретарь Лжедимитрия, после убийства которого сообщил на допросе о намерении Лжедимитрия расправиться 18 мая 1606 г., во время пиршества на Сретенском лугу, с неугодными боярами (этот исторический факт использован Хомяковым в трагедии); А. *Корела* — атаман донских казаков, приверженец Лжедимитрия.

Эпиграф. Ук. соч., Амстердам, 1606, с. 30. *Алланы* (аланы) — народность, жившая в начале н. э. на Кавказе; в IV—V вв. участвовала в европейском переселении народов и растворилась среди других племен.

Действие I. Явление 1. *Лях* — поляк. *Муругая* — собака рыже-бурой или буро-черной масти. *Потом был пущен Тот старший брат, что беса изломал* и т. д. Эпизод заимствован из «Летописи» Бера: Димитрий «однажды сам убил огромного медведя, которого спустили с цепи в селе Тайнинском, вопреки желанию князей и бояр» («Сказания современников о Димитрии Самозванце», ч. 1, СПб., 1831, с. 64). *При царе Феодоре.* Царствование Феодора Иоанновича

(1557—1598), вследствие отвращения царя к ратным делам и осторожности реального правителя, Бориса Годунова, отличалось мирным характером, войны были редки. Явление 2. *Сказки Годунова* — слухи о неумышленном самоубийстве царевича Димитрия, выгодные Годунову. *Порфира* — пурпурная мантия, атрибут царской власти. *Ксендзы* — католические священники в Польше. Явление 3. *Петрова стада пастырь* — папа римский (согласно легенде, апостол Петр был первым римским епископом, передавшим власть папам). *Святитель всемирный* — папа римский. *Пойду к боям за божий крест святой.* Имеются в виду рыцарские военные экспедиции («крестовые походы») из Западной Европы в Малую Азию (XI—XIII вв.) под предлогом освобождения Иерусалима и «гроба господня» от мусульманского владычества. *О! «будьте яко змии»* — слова Христа, обращенные к апостолам: «Вот, я посылаю вас, как овец среди волков; итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби» (Евангелие от Матфея, гл. 10, п. 16), и взятые иезуитами как руководство к поведению. Явление 4. *Лыков* Б. М., князь (ум. 1644) — воевода. *Патриарх* — Игнатий (ум. ок. 1640), архиепископ рязанский, по приказу Лжедимитрия возведенный в патриархи вместо враждебного самозванцу Иова (1605). *Мечник* — воин. *Твой отец* — В. Ф. Скопин-Шуйский, князь (ум. 1595), псковский воевода, при котором псковичи мужественно отразили осаду города (1581—1582) польскими войсками под руководством короля *Стефана* Батория (1533—1586). *Хрущов* Б. А. (ум. после 1608) — воевода. *Князь Рубец* — В. М. Масальский-Рубец, воевода. *Пушкин* Г. Г.— сокольничий у Лжедимитрия. *Ляпунов* — см. примеч. 105. *Бармы* — деталь парадной одежды князей и царей, наплечники. *Годунов, святоубийца* — намек на убийство царевича Димитрия. Явление 5. *Владимир святой* (ум. 1015) — великий князь киевский.

Действие II. Явление 2. *Тургенев* П. Н. (ум. 1606) — дворянин, обличавший Лжедимитрия. *Годунова род преступный* — см. примеч. 71. *Корибут* Димитрий (ум. после 1404) — знаменитый литовский князь. Явление 3. *Но Иоанн из глубины могилы* и т. д. Заимствовано из «Бориса Годунова» (сцена «Ночь. Сад. Фонтан»). *Волшебный край* — очевидно, Крым; в монологе Димитрия о Крыме отразилось влияние романтической лирики 1820-х годов (см. в кн.: Г. А. Гуковский, Пушкин и проблемы реалистического стиля, М., 1957, с. 70). Явление 4. *Указ царя. Внимай, народ московский!* и т. д. Внешняя канва событий, происходивших во время казни Шуйского, заимствована Хомяковым из «Летописи» Бера: Шуйского «вывели на место казни между дворцом и каменными лавками; там прочли смертный приговор; палач раздел осужденного, подвел его к плахе и уже готов был отсечь ему голову — как вдруг увидели бегущего из дворца немца, который держал в руках царскую грамоту и еще издали кричал палачу: стой!» («Сказания современников о Димитрии Самозванце», ч. 1, СПб., 1831, с. 68). *Отца казнишь, как сам боишься петли!* Эта строка отсутствует в первопечатном тексте; очевидно, была изъята цензором. *Яузские ворота.* Ими заканчивалась ул. Солянка в Москве; ныне снесены. *Раки* — гробницы.

Действие III. Явление 1. *Князь Голицын. Ты снова позабыл.* Эта и следующие 4 ст. (включая: «Того гляди, что попадешь в беду:») были зачеркнуты цензором. *Цезарь* — см. примеч.

к явлению 3. *Сын Феодора* — самозванец Илейко (ум. 1607), атаман волжских разбойников, выдававший себя за несуществовавшего сына царя Феодора Иоанновича, Петра. *Ермоген* — Гермоген (ум. 1612), митрополит казанский, противник религиозной терпимости Лжедимитрия к католичеству (за что был удален из Москвы), впоследствии — патриарх. *Иосиф* — возможно, архимандрит Новоспасского монастыря в Москве. Явление 2. *Шут. Царь-государь, сжалься...* Отсюда и до строки «Его Басманов учит» весь разговор Шута с боярами был вычеркнут цензурой. Явление 3. *Великий князь.* Еще Иоанн IV стал титуловать себя не великим князем, а царем-цезарем, совершив обряд царского венчания (1547). За титулом цезаря стояла идея Москвы — третьего Рима и наследования в России линии византийских царей, поэтому западные державы обычно не признавали за московским правителем царского титула. То же произошло и с Лжедимитрием, пытавшимся использовать титул «отца», Иоанна IV. *Возьмите же, возьмите шведский трон.* Сигизмунд III (см. выше) был с 1592 г. королем шведским, но шведский сейм в 1604 г. отстранил его и назначил королем его дядю, Карла IX. *Бежавшую с новогородской битвы.* Речь идет о поражении польского войска во главе с Лжедимитрием под Новгород-Северским, осенью 1604 г., при вступлении в Московское государство; во главе русского войска стоял П. Ф. Басманов. *Господари* — правители в Молдавии и Валахии. *Ниже* — ни даже. Явление 4. *Плещеев* И. В. (ум. после 1612) — воевода. *Татищев* М. И. (ум. 1609) — окольничий, убийца П. Ф. Басманова. *Нагой* М. Ф. (ум. 1612) — брат царицы Марии Федоровны, дядя Димитрия. *Край Волынский* — см. примеч. 60. *Разрядные книги* — запись служащих Московского государства, определяющая главным образом порядок, «старейшинство» придворных и военных; велись в 1441—1682 гг.; новые временщики и придворные, не имевшие потомственных прав на старшие места, ратовали за уничтожение книг. Явление 5. *Поклонников видала пред собой* и т. д. Заимствовано из «Бориса Годунова» (сцена «Ночь. Сад. Фонтан»). Явление 6. *Как я ждала! Как медленно часы* и т. д. Там же. *Аллея лип и плещущий фонтан* и т. д. Там же (сцена «Замок воеводы Мнишка в Самборе»). *Клянусь тебе, Марина* и т. д. Там же (сцена «Ночь. Сад. Фонтан»). *Царьград* — см. примеч. 85. *Безбожная луна.* На турецком гербе и флаге изображен полумесяц. *Тот великий кесарь.* Имеется в виду Юлий Цезарь (100—44 до н. э.), римский император. Явление 7. *Кумыки* — тюркская народность на Кавказе. *Янычары* — привилегированное войско в турецкой армии; здесь: вообще турки. *Дербентский паша.* Хомяков неточен: в начале XVII в. Дербент принадлежал Персии, а не Турции («паша»). *Не мальчик я, не Годунов-ребенок.* Имеется в виду малолетний сын Бориса Годунова Феодор, который не смог препятствовать народному восстанию в Москве перед вступлением в нее Димитрия Самозванца. См. примеч. 71. *Таврида* — Крым, находившийся под владычеством татарского хана. Явление 8. *Корабленик* — западноевропейская средневековая монета с изображением корабля. Явление 10. *Князь века* — дьявол. Явление 11. *Галич* — город под Костромой. *Северская земля* — княжество на юго-западе России во главе с Черниговом и Новгород-Северским.

Действие IV. Явление 2. *Не для того погиб младой*

Феодор — сын Бориса Годунова; см. примеч. 71. Я в л е н и е 3. *Боабдиль* (конец XV в.) — последний мавританский царь в Испании; в пьесе излагается романтическое предание об убийстве им представителей рода Абенсерагов, возможных претендентов на престол. *Христиерн* II (1481—1559) — король датский, в борьбе за шведский престол обезглавивший несколько десятков шведских дворян и духовных лиц. *Альгамбра* — замок в городе Гренада (Испания), резиденция мавританских королей (халифов). *Ты дерзко лгал пред небом и землею.* Заимствовано из «Бориса Годунова» (сцена «Ночь. Сад. Фонтан»). *И страшный путь благой святится целью* — намек на известный лозунг иезуитов «Цель оправдывает средства». Я в л е н и е 5. *Стретенская застава* — ныне угол ул. Сретенки и Бульварного кольца в Москве. Я в л е н и е 6. *Как в прежни дни страданий и стыда* и т. д. Иоанн IV был провозглашен великим князем после смерти отца, будучи трехлетним ребенком (1533); вплоть до его венчания на царство (1547) страной правили различные боярские группировки, жестоко борясь за власть и унижая Иоанна. Я в л е н и е 7. *Голицын* А. И., князь (ум. 1607) — псковский воевода. *Пожарский* Д. М., князь (1578—1642) — будущий вождь народного ополчения (1612). *Волконский* Г. К., князь (ум. 1634) — военачальник и дипломат при Василии Шуйском. Я в л е н и е 9. *Засекин* А. Ф., князь (ум. 1611) — воевода. *Колычов* И. Ф. — боярин. *Но только не концом.* Князь В. Ф. Скопин-Шуйский (см. выше) при Борисе Годунове был подвергнут опале. *Б о я р и н. Уж нынче царь натешился довольно...* Эта и следующие 10 ст. (включая «Безбожника в обмане обличавших») были изъяты цензурой. *Сотник.* Городские жители в допетровской Руси делились на сотни и избирали старшего. *Ганза* — торговый союз немецких городов (с XIV в.). *Мясницкая* — ныне ул. Кирова в Москве. Я в л е н и е 10. *Владимир* Святославич (ум. 1015) — великий князь киевский, при котором было введено на Руси христианство. *Свершим ли труд, завещанный от бога?* Заимствовано из «Бориса Годунова» (сцена «Ночь. Келья в Чудовом монастыре»). *В самом Кремле латинских песен глас* и т. д. В «Летописи» Бера так излагается речь Шуйского о Димитрии Самозванце: «он любит только иноземцев, презирает святых, оскверняет храмы чудотворца Николая и Пречистой Девы Марии, дозволив входить в оные некрещенным ляхам, да еще с собаками» («Сказания современников о Димитрии Самозванце», ч. 1, СПб., 1831, с. 74). *Древний город Ольгин* — Псков; княгиня киевская Ольга (ум. 969) была родом из Пскова. Оборот «город Ольгин» заимствован из «Бориса Годунова» (сцена «Краков. Дом Вишневецкого»).

Д е й с т в и е V. Я в л е н и е 2. *Иереи* — священники. *Книга Живота* — книга жизни, поминальная книга, синодик. Я в л е н и е 3. *Тверские ворота* находились на Тверской ул. в Москве, на месте нынешней пл. Пушкина. *Я видел трех владык* — государей Иоанна IV, Феодора, Годунова. Я в л е н и е 5. *Выдать головой* — выдать на расправу. *Что чернь всегда изменчива, безумна.* Заимствовано из «Бориса Годунова» (сцена «Царские палаты»). Я в л е н и е 6. Илья Пророк — церковь в Китайгороде в Москве (ныне ул. Куйбышева, 3). Я в л е н и е 7. *Шаховской* Г. П., князь (ум. после 1609) — враг Василия Шуйского. *Татев* Б. П., князь (ум. 1607) — рюрикович, возможный претендент на русский престол. *Телятевский* А. А. — князь

(ум. 1611). *Венец! Златая цепь моих усопших предков* — Шуйские вели свой род от легендарного Рюрика. Явление 8. *И от брегов воинственных Днепра.* Имеются в виду запорожские казаки; первые казаческие поселения на Днепре относятся к концу XV в. *Владимира священная купель.* Князь Владимир Святославич (см. выше) крестился в г. Корсуни (Херсонес) в Крыму. *Адашев* Д. Ф. (ум. 1561) — воевода, приближенный Иоанна IV, организатор смелого похода русского войска в Крым (1559). *Князь Курбский* — см. примеч. 102. *Воротынский* — см. примеч. 102. *Что в имени или в рожденьи царском?* Эта строка отсутствует в отд. изд. (очевидно, изъята цензором). *Рог месяца... Задернем мы завесою кровавой* — намек на войну с Турцией. *Высокий ум державный!* Заимствовано из «Бориса Годунова» (сцена «Москва. Царские палаты»). *Житный двор* — хлебные запасные склады. *И злой старик падет передо мною.* По инициативе Прокофия и Захария Ляпуновых собрание московского люда низвергло Василия Шуйского с престола (1610). *Сгубили льва, так справимся с лисою.* Эта (последняя в драме) строка была вычеркнута цензором.

НЕЗАВЕРШЕННОЕ

104. Отрывки: стих. 4 наст. изд. (переработанный вариант ст. 1505—1551); МВ, 1828, № 18, с. 107 (два отрывка из песни 2: ст. 1181—1192 и 1260—1276); стих. 19 наст. изд. (переработанный вариант ст. 1598—1635). Печ. впервые по черновому автографу ГИМ. Поэма, создававшаяся в начале 1820-х годов, не окончена, прервана на середине песни 3. Последние страницы — явно сырой текст (встречаются повторения). В поэме отразились настроения передовой русской интеллигенции конца 1810-х — начала 1820-х годов (см. вст. ст. к наст. изд., с. 7). *Вадим* — легендарный новгородский герой, поднявший восстание против деспотизма варяжского князя *Рюрика* и убитый последним. Хомяков, очевидно, использовал при работе над поэмой популярные справочники М. Д. Чулкова «Краткий мифологический лексикон» (1767) и М. И. Попова «Краткое описание древнего славянского языческого баснословия» (1768), откуда им заимствованы имена не только исторически известных богов древних славян (Перун, Велес, Чернобог), но и сомнительных, вероятнее всего — более позднего фольклорного происхождения (Полканы, Лель). Возможно и влияние пушкинского «Руслана и Людмилы» (имена Руслана, Рогдая, Леля). *Стрибог* — бог-громовержец. *Полкан* — «славенский кентавр» (М. И. Попов, ук. соч., с. 29). *Чернобог* — бог мрака и смерти. *Рослаген* — древнешведское название побережья Балтийского моря в Швеции. *Велес* — бог весны. *Святовид* — бог солнца и войны. *Позвизд* — бог вихря, ветра, непогоды. *Скальд* — народный певец в скандинавских странах. *Лель* — бог любви. *Свеония* — древнерусское наименование Швеции (Хомяков придерживался «шведской» теории происхождения варягов). *Дажбог* — бог богатства. *Света царь* — очевидно, Святовид.

105. РА, 1899, № 1, с. 184—191, под загл. «Сцена в Рязани», с ошибками. Печ. по автографу (ГИМ). В угловых скобках заключено условное название пьесы.

Замысел драмы можно отнести к маю 1831 г., когда М. П. Погодин записал в дневнике о разговоре с Хомяковым: «Ляпунов для него славное лицо» (Барсуков, т. 3, с. 371). Приступил к пьесе Хомяков сразу же по окончании «Димитрия Самозванца». В письме к А. В. Веневитинову от 19 февраля 1833 г. он сообщает о первых стадиях работы: «Едва начинает облекаться стихотворною плотию» (т. VIII, с. 35). Затем, вероятно в связи с летней поездкой в Крым и осенними хозяйственными хлопотами, Хомяков откладывает драму и приступает снова к ней зимой. В письме от 27 мая 1834 г. к М. Н. Загоскину, поблагодарив адресата за лестный отзыв о «Димитрии Самозванце», Хомяков продолжает: «Если будущий мой сынок заслужит также похвал, то верьте, он много будет вам обязан. С прошедшего вторника яснее кажется мне цель моя, «Ляпунов» принимает живейшие краски, и я сам как будто окрепчал» («Русская старина», 1902, № 9, с. 624). Этим сведения о пьесе исчерпываются; наверно, вскоре Хомяков прекратил над ней работу. Возможно, поводом к прекращению работы послужил выход драмы Н. В. Кукольника на аналогичную тему — «Рука всевышнего отечество спасла» (1834). Любопытна запись А. С. Пушкина в дневнике от 2 апреля 1834 г.: «Кукольник пишет «Ляпунова». Хомяков тоже. Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии» (А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. 8, М.—Л., 1949, с. 41).

Работа над историческими источниками велась Хомяковым, очевидно, параллельно с написанием «Димитрия Самозванца» (см. примеч. 103). Из литературных источников Хомяков вряд ли что использовал: драма Н. В. Кукольника создавалась одновременно; интересно, что в том же 1834 г. в сибирской ссылке В. К. Кюхельбекер начал писать драму «Прокопий Ляпунов» (опубликована лишь в 1938 г.).

Прокофий (ум. 1611) и *Захарий Петровичи Ляпуновы* — рязанские дворяне, энергичные деятели Смутного времени, менявшие убеждения и властителей в зависимости от ситуации. Начали действовать в лагере Лжедимитрия I (см. примеч. 103), участвовали в восстании против него, при Василии Шуйском воевали против поляков.

Согласно упоминанию о мае месяце и о «Тушинском (воре) в Калуге» действие драмы должно было начаться весной 1610 г., когда совместно с М. В. Скопиным-Шуйским (см. примеч. 103) Ляпуновы должны были поднять борьбу против поляков и «Тушинского вора» Лжедимитрия II (см. примеч. 71). В дальнейшем Ляпуновы принимали сторону «вора», переходили к полякам, организовали свержение Василия Шуйского (июль 1610). *Аргамак* — порода верховых лошадей. *Старица* — город близ Твери. *Жигмунт* — Сигизмунд III (см. примеч. 103). *Шеин* М. Б. (ум. 1634) — боярин, смоленский воевода, под началом которого Смоленск 20 месяцев (1609—1611) выдерживал осаду войска Сигизмунда. *Сапега* (1557—1633) — виленский воевода, участник войн Польши с Россией. *Дмитров* — город под Москвой. *Куракин* — см. примеч. 103. *Маринка* — Марина Мнишек (см. примеч. 103). *Юрьев* — ныне г. Тарту. *А разве нет у нас теперь царя?* Речь идет о правлении Василия Шуйского (см. примеч. 103).

СПИСОК СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И НАБРОСКОВ А. С. ХОМЯКОВА, НЕ ВКЛЮЧЕННЫХ В НАСТОЯЩЕЕ ИЗДАНИЕ[1]

Гимн зиме («Зиму воспеть я хочу, могучую, строгую, грозно. . .») — копия ГИМ.

«Горя надеждой и отвагой. . .» — автограф ИРЛИ.

«Едун плохой, поэт смиренный. . .» ⟨Записка к С. Д. Нечаеву⟩ — РА, 1892, № 12.

Идоменей ⟨Неоконченная трагедия. Действия I—III⟩ — автограф ГИМ.

К арфе («О арфа Баяна, почто ты уныла? . .») — автограф ГИМ.

К Деллию («Будь тверд, мой друг, среди веселий. . .») — автограф ГИМ.

К Меланхолии («С Парнаса высокого. . .») — автограф ГИМ.

Конец первой песни Виргилиевых «Георгик» («Воспеть ли мне труды времен осенних, бурных. . .») — автограф ГИМ.

Люби, надейся, верь («И дни неслышною промчатся чередою. . .») — копия ГИМ.

Надежда («Скажи, кто в мире сем, обители печали. . .») — автограф ГИМ.

Начало третьей песни ⟨Виргилиевых⟩ «Георгик» («Палеса древняя и ты, пастух Адмета. . .») — автограф ГИМ.

Ода Горация («Parcus Deorum») («Надменный раб мечты, лжемудрием прельщенный. . .») — автограф ГИМ.

Пленный («Я долго был пленным в чужих сторонах. . .») — автограф ГИМ.

Послание к другу («Так, друг мой, в мире сем всему предел мгновенье. . .») — автограф ГИМ.

Совет зверей («Когда-то в древние, в безвестны, темны лета. . .») — автограф ГИМ.

«Сперва молюсь о тех, кого люблю. . .» — автограф ЦГАЛИ.

---

[1] В связи с тем, что дату написания указанных произведений Хомякова установить невозможно, их названия приводятся в алфавитном порядке.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

«Ах! я хотел бы быть в степях...» (Степи) 76

«Беззвездная полночь дышала прохладой...» 126
Бессмертие вождя («Как быстро облака несутся в высотах...») 64
«Благодарю тебя! Когда любовью нежной...» (К***) 108
Благочестивому меценату («О мудрый друг! от стран полночи...») 143
«Бывало, в глубокий полуночный час...» (К детям) 114

⟨В альбом В. В. Ганки⟩ 124
В альбом сестре («Не грустью, нет, но нежной думой...») 68
⟨В альбом П. А. Бартеневой⟩ («Прощай, прелестный край...») 88
⟨В альбом С. Н. Карамзиной⟩ («Здесь, где гранитная пустыня...») 100
«В безмолвии, под ризою ночною...» (Кремлевская заутреня на пасху) 129
«В стаканы чок!..» (При прощаньях три импровизированные пиесы, 1) 81
«В тени садов и стен Ески-Сарая...» (Сонет) 86
«В час полночный близ потока...» (Звезды) 138
Вадим («День тухнет; хладен ветр над Ладогой седою...») 465
Вадим («Но кто ж сей юный победитель...») 77
Вдохновение («Лови минуту вдохновенья...») 96
Вдохновение («Тот, кто не плакал, не дерзни...») 75
Вечерняя песнь («Солнце сокрылось; дымятся долины...») 132
Видение («Как темнота широко воцарилась!..») 116
«Внимайте голос истребленья!..» (Ода) 90
«Вокруг нее очарованье...» (Иностранка) 97
Воскресение Лазаря («О царь и бог мой! Слово силы...») 131
«Все звезды в новый путь стремились...» (Поэт) 73
«Вставайте! оковы распались...» 133
«Вчерашняя ночь была так светла...» (Nachtstück, 1) 121
«Высоко передо мною...» (Киев) 112
«Высоко ты гнездо поставил...» (Орел) 100

«Гаснет месяц на Стамбуле...» (Сербская песня) 127
«Глас божий: «Сбирайтесь на праведный суд...» (Суд божий) 134

«Гой красна земля Володимира! . .» (Русская песня) 105
«Гордись! — тебе льстецы сказали. . .» (России) 110
Горе («Не там, где вечными слезами. . .») 92

Давид («Певец-пастух на подвиг ратный. . .») 122
«Давно уж за полночь, я лягу отдохнуть. . .» (На сон грядущий) 92
Два ча́са («Есть час блаженства для поэта. . .») 91
26 августа 1856 года («Народом полон Кремль великий. . .») 141
Две песни («Прелестна песнь полуденной страны! . .») 91
«День тухнет; хладен ветр над Ладогой седою. . .» (Вадим) 465
Димитрий Самозванец 278
«Днем наигравшись, натешившись, к ночи забылся ты сном. . .» (Спи!) 148
«Доселъ безвестна мне любовь. . .» (Признание) 85
Думы («Там были шум и разговоры. . .») 95

Ей же («О дева-роза, для чего. . .») 98
Ермак 151
«Есть час блаженства для поэта. . .» (Два ча́са) 91
Еще об нем («Не сила народов тебя подняла. . .») 120

Жаворонок, орел и поэт («Когда проснувшися светлеет. . .») 101
«Жаль мне вас, людей бессонных! . .» 132
Желание («Хотел бы я разлиться в мире. . .») 72
Желание покоя («Налей, налей в бокал кипящее вино! . .») 66

Заря («Тебя меж нощию и днем. . .») 68
«Зачем печальный и угрюмый. . .» (Экспромт. К Н. А. М⟨уханов⟩у) 83
Звезды («В час полночный близ потока. . .») 138
«Здесь, где гранитная пустыня. . .» (⟨В альбом С. Н. Карамзиной⟩) 100
«Земля трепещет: по эфиру. . .» (По прочтении псалма) 139
Зима («Поля покрылися пушистыми снегами. . .») 88

Изола Белла («Красавец остров! предо мною. . .») 69
Из Саади. На кусок янтаря («Червь ядовитый скрывался в земле. . .») 85
Иностранка («Вокруг нее очарованье. . .») 97
«Итак, настал сей день победы, славы, мщенья. . .» (Послание к Веневитиновым) 59

К*** («Благодарю тебя! Когда любовью нежной. . .») 108
К*** («Когда гляжу, как чисто и зеркально. . .») 107
К*** («Не горюй по летним розам. . .») 99
К А. О. Р⟨оссет⟩ («Она лукаво улыбалась. . .») 98
К В. К⟨иреевскому⟩ («Ты молод был, когда прощанья. . .») 74
К детям («Бывало, в глубокий полуночный час. . .») 114
К И. В. Киреевскому («Ты сказал нам: «За волною. . .») 126
«К чему поешь ты? Человек. . .» (Разговор) 94
«Как быстро облака несутся в высотах. . .» (Бессмертие вождя) 64
«Как темнота широко воцарилась! . .» (Видение) 116
«Как часто во мне пробуждалась. . .» 140
Киев («Высоко передо мною. . .») 112

«Кипит шампанское в стакане...» (При прощаньях три импровизированные пиесы, 2. Три стакана шампанского) 82
Клинок («Не презирай клинка стального...») 87
Ключ («Сокрыт в глуши, в тени древесной...») 103
«Когда вечерняя спускается роса...» (Элегия) 102
«Когда гляжу, как чисто и зеркально...» (К***) 107
«Когда мы разрыли могилу вождя...» (7 ноября) 119
«Когда проснувшися светлеет...» (Жаворонок, орел и поэт) 101
«Когда Сивиллы слух смятенной...» (Отзыв одной даме) 76
«Красавец остров! предо мною...» (Изола Белла) 69
Кремлевская заутреня на пасху («В безмолвии, под ризою ночною...») 129

«Лампада поздняя горела...» 108
«Лови минуту вдохновенья...» (Вдохновение) 96

Мечта («О, грустно, грустно мне! Ложится тьма густая...») 103
Милькееву («Не верь, что хладными сердцами...») 109
«Много в Олимпе богов сильней златовласого Феба...» (Подражание древним) 88
Молодость («Небо, дай мне длани...») 70
«Москва-старушка вас вскормила...» 121
«Мы род избранный, — говорили...» 130

На новый 1828 год («Пробил полночи час туманный...») 78
На перенесение Наполеонова праха («Небо ясно, тихо море...») 117
На сон грядущий («Давно уж за полночь, я лягу отдохнуть...») 92
Навуходоносор («Пойте, други, песнь победы!..») 128
Надпись к картине. Ангел спасает две души от сатаны («Я видел, как посланник рая...») 127
«Налей, налей в бокал кипящее вино!..» (Желание покоя) 66
«Народом полон Кремль великий...» (26 августа 1856 года) 141
«Не в пьянстве похвальбы безумной...» (Раскаявшейся России) 137
«Не верь, что хладными сердцами...» (Милькееву) 109
«Не говорите: «То былое...» 123
«Не гордись перед Белградом...» 125
«Не горюй по летним розам...» (К***) 99
«Не грустью, нет, но нежной думой...» (В альбом сестре) 68
«Не презирай клинка стального...» (Клинок) 87
«Не сила народов тебя подняла...» (Еще об нем) 120
«Не там, где вечными слезами...» (Горе) 92
«Небо, дай мне длани...» (Молодость) 70
«Небо ясно, тихо море...» (На перенесение Наполеонова праха) 117
«Но кто ж сей юный победитель...» (Вадим. Отрывок из неконченной поэмы) 77
Новград («Средь опустенья и развалин...») 62
Ночь («Спáла ночь с померкшей вышины...») 135

«О, грустно, грустно мне! Ложится тьма густая...» (Мечта) 103
«О дева-роза, для чего...» (Ей же) 98

«О друг мой, ты пойдешь на край земли со мною...» (Послание к другу) 62
«О мудрый друг! от стран полночи...» (Благочестивому меценату) 143
«О, сжальтесь надо мной! о, дайте волю мне!..» (Просьба) 79
«О царь и бог мой! Слово силы...» (Воскресение Лазаря) 131
Ода («Внимайте голос истребленья!..») 90
«Он в разных видах мной замечен...» (Эпиграмма) 68
«Она лукаво улыбалась...» (К А. О. Р⟨оссет⟩) 98
Орел («Высоко ты гнездо поставил...») 100
Остров («Остров пышный, остров чудный...») 106
«Остров пышный, остров чудный...» (Остров) 106
Отзыв одной даме («Когда Сивиллы слух смятенной...») 76

«Парус поднят; ветра полный...» 145
«Певец-пастух на подвиг ратный...» (Давид) 122
«По жестким глыбам сорной нивы...» (Труженик) 144
По прочтении псалма («Земля трепещет: по эфиру...») 139
«Подвиг есть и в сраженьи...» 146
Подражание древним («Много в Олимпе богов сильней златовласого Феба...») 88
«Пойте, други, песнь победы!..» (Навуходоносор) 128
«Поле мертвыми костями...» 146
«Поля покрылися пушистыми снегами...» (Зима) 88
«Помнишь, по стезе нагорной...» 147
Послание к Веневитиновым («Итак, настал сей день победы, славы, мщенья...») 59
Послание к другу («О друг мой, ты пойдешь на край земли со мною...») 62
Поэт («Все звезды в новый путь стремились...») 73
«Прелестна песнь полуденной страны!..» (Две песни) 91
При прощаньях три импровизированные пиесы (1—3) 81
Признание («Досель безвестна мне любовь...») 85
«Пробил полночи час туманный...» (На новый 1828 год) 78
⟨Прокофий Ляпунов⟩ 512
Просьба («О, сжальтесь надо мной! о, дайте волю мне!..») 79
«Прощай, прелестный край...» (⟨В альбом П. А. Бартеневой⟩) 88
Прощание с Адрианополем («Эдырне! прощай! уже более мне...») 84

Разговор («К чему поешь ты? Человек...») 94
Раскаявшейся России («Не в пьянстве похвальбы безумной...») 137
России («Гордись! — тебе льстецы сказали...») 110
России («Тебя призвал на брань святую...») 136
Русская песня («Гой красна земля Володимира!..») 105

7 ноября («Когда мы разрыли могилу вождя...») 119
Сербская песня («Гаснет месяц на Стамбуле...») 127
«Скорей, скорей сомкнитесь, очи...» (Старость) 71
«Сокрыт в глуши, в тени древесной...» (Ключ) 103
«Солнце сокрылось; дымятся долины...» (Вечерняя песнь) 132
Сон («Я видел сон, что будто я певец...») 84
Сонет («В тени садов и стен Ески-Сарая...») 86
«Спáла ночь с померкшей вышины...» (Ночь) 135

Спи! («Днем наигравшись, натешившись, к ночи забылся ты сном. . .») 148
«Средь опустенья и развалин. . .» (Новград) 62
Старость («Скорей, скорей сомкнитесь, очи. . .») 71
Степи («Ах! я хотел бы быть в степях. . .») 76
Суд божий («Глас божий: «Сбирайтесь на праведный суд. . .») 134
«Сумрак вечерний тихо взошел. . .» (Nachtstück, 2) 122
«Счастлива мысль, которой не светила. . .» 143

«Там были шум и разговоры. . .» (Думы) 95
«Тебя меж нощию и днем. . .» (Заря) 68
«Тебя призвал на брань святую. . .» (России) 136
«Тот, кто не плакал, не дерзни. . .» (Вдохновение) 75
Три стакана шампанского (При прощаньях три импровизированные пиесы, 2. «Кипит шампанское в стакане. . .») 82
Труженик («По жестким глыбам сорной нивы. . .») 144
«Ты вихрем летишь на коне боевом. . .» (Ritterspruch — Richterspruch) 115
«Ты молод был, когда прощанья. . .» (К В. К⟨иреевскому⟩) 74
«Ты сказал нам: «За волною. . .» (К И. В. Киреевскому) 126

«Ударил час, прощайте, други! . .» (При прощаньях три импровизированные пиесы, 3) 82

«Хотел бы я разлиться в мире . .» (Желание) 72

«Червь ядовитый скрывался в земле. . .» (Из Саади. На кусок янтаря) 85

«Широка, необозрима. . .» 142

«Эдырне! прощай! уже более мне. . .» (Прощание с Адрианополем) 84
Экспромт. К Н. А. М⟨уханов⟩у («Зачем печальный и угрюмый. . .») 83
Элегия («Когда вечерняя спускается роса. . .») 102
Элегия на смерть В. К⟨иреевского⟩ («Я знаю, в гроб его сокрыли. . .») 73
Эпиграмма («Он в разных видах мной замечен. . .») 68

«Я видел, как посланник рая. . .» (Надпись к картине. Ангел спасает две души от сатаны) 127
«Я видел сон, что будто я певец. . .» (Сон) 84
«Я знаю, в гроб его сокрыли. . .» (Элегия на смерть В. К⟨иреевского⟩) 73

Nachtstück (1—2) 121

Rittersprueh—Richterspruch 115

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* А. С. Хомяков. Рисунок карандашом Э. А. Дмитриева-Мамонова. 1840-е годы (Музей ИРЛИ).

2. *Между с. 96 и 97.* А. С. Хомяков. Портрет маслом неизвестного художника. 1830-е годы (Музей Ф. И. Тютчева, Мураново).

3—4. *Между с. 128—129.* Автографы стихотворного перевода Виргилиевых «Георгик» (конец 1-й песни) с рисунками А. С. Хомякова на полях. Начало 1820-х годов (ГИМ).

5. *Между с. 288 и 289.* А. С. Хомяков. Рисунок карандашом Э. А. Дмитриева-Мамонова в альбоме А. П. Елагиной. 3 мая 1848 г. (Музей ИРЛИ).

6. *На обороте.* А. С. Хомяков. Фотография с дагерротипа. Конец 1840-х — начало 1850-х годов (Музей ИРЛИ).

7. *Между с. 320 и 321.* А. С. Хомяков. Фотография 1850-х годов (Музей ИРЛИ).

8. *На обороте.* А. С. Хомяков. Рисунок карандашом Э. А. Дмитриева-Мамонова (?). 1850-е годы (Музей ИРЛИ).

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия А. С. Хомякова. *Вступительная статья Б. Ф. Егорова* . . 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Послание к Веневитиновым 59
2. Новград 62
3. Послание к другу 62
4. Бессмертие вождя 64
5. Желание покоя 66
6. Эпиграмма 68
7. Заря 68
8. В альбом сестре 68
9. Изола Белла 69
10. Молодость 70
11. Старость 71
12. Желание 72
13. Поэт 73
14. Элегия на смерть В. К⟨иреевского⟩ 73
15. К В. К⟨иреевскому⟩ 74
16. Вдохновение 75
17. Отзыв одной даме 76
18. Степи 76
19. Вадим (Отрывок из неконченной поэмы) 77
20. На новый 1828 год 78
21. Просьба 79
22—24. При прощаньях три импровизированные пиесы
1. «В стаканы чок!..» 81
2. Три стакана шампанского 82
3. «Ударил час, прощайте, други!..» 82
25. Экспромт. К Н. А. М⟨уханов⟩у 83
26. Сон 84
27. Прощание с Адрианополем 84
28. Из Саади. На кусок янтаря 85

29. Признание 85
30. Сонет 86
31. Клинок 87
32. Подражание древним 88
33. ⟨В альбом П. А. Бартеневой⟩ 88
34. Зима 88
35. Ода 90
36. Два ча́са 91
37. Две песни 91
38. Горе 92
39. На сон грядущий 92
40. Разговор 94
41. Думы 95
42. Вдохновение 96
43. Иностранка 97
44. Ей же 98
45. К А. О. Р⟨оссет⟩ 98
46. К*** («Не горюй по летним розам...») 99
47. ⟨В альбом С. Н. Карамзиной⟩ 100
48. Орел 100
49. Жаворонок, орел и поэт 101
50. Элегия 102
51. Мечта 103
52. Ключ 103
53. Русская песня 105
54. Остров 106
55. К*** («Когда гляжу, как чисто и зеркально...») 107
56. К*** («Благодарю тебя! Когда любовью нежной...») . . . 108
57. «Лампада поздняя горела...» 108
58. Милькееву 109
59. России 110
60. Киев 112
61. К детям 114
62. Rittersprueh—Richterspruch 115
63. Видение 116
64. На перенесение Наполеонова праха 117
65. 7 ноября 119
66. Еще об нем 120
67. «Москва-старушка вас вскормила...» 121
68—69. Nachtstück
1. «Вчерашняя ночь была так светла...» 121
2. «Сумрак вечерний тихо взошел...» 122
70. Давид 122
71. «Не говорите: «То былое...» 123
72. ⟨В альбом В. В. Ганки⟩ 124
73. «Не гордись перед Белградом...» 125
74. «Беззвездная полночь дышала прохладой...» 126
75. К И. В. Киреевскому 126
76. Надпись к картине (Ангел спасает две души от сатаны) . . 127
77. Сербская песня 127
78. Навуходоносор 128
79. Кремлевская заутреня на пасху 129

80. «Мы род избранный, — говорили...» 130
81. Воскресение Лазаря 131
82. Вечерняя песнь 132
83. «Жаль мне вас, людей бессонных!..» 132
84. «Вставайте! оковы распались...» 133
85. Суд божий 134
86. Ночь 135
87. России 136
88. Раскаявшейся России 137
89. Звезды 138
90. По прочтении псалма 139
91. «Как часто во мне пробуждалась...» 140
92. 26 августа 1856 года 141
93. «Широка, необозрима...» 142
94. «Счастлива мысль, которой не светила...» 143
95. Благочестивому меценату 143
96. Труженик 144
97. «Парус поднят; ветра полный...» 145
98. «Подвиг есть и в сраженьи...» 146
99. «Поле мертвыми костями...» 146
100. «Помнишь, по стезе нагорной...» 147
101. Спи! 148

ДРАМЫ

102. Ермак. *Трагедия в пяти действиях* 151
103. Димитрий Самозванец. *Трагедия в пяти действиях* 278

НЕЗАВЕРШЕННОЕ

104. Вадим 465
105. ⟨Прокофий Ляпунов⟩. *Сцена в Рязани* 512

Варианты 523

Примечания 541

Список стихотворных произведений и набросков А. С. Хомякова, не включенных в настоящее издание 586
Алфавитный указатель 587
К иллюстрациям 592

Хомяков Алексей Степанович

СТИХОТВОРЕНИЯ И ДРАМЫ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1969
596 стр. Тем. план вып. 1969, № 341.

Редактор *Л. С. Гейро*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 21/IV 1969 г. Подписано в печать 7/VIII 1969 г. М 54904. Бумага $84 \times 108^1/_{32}$, № 1. Печ. л. $18^5/_8 + 5$ вкл. (31,75). Уч.-изд. л. 26,03. Тираж 20 000 экз. Заказ № 609. Цена 1 р. 38 к.

Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение, Ленинград, Невский пр., 28.

Ленинградская типография № 5 Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, Красная ул., 1/3.